

Джеймс Фенимор Купер

Следопыт, или На берегах Онтарио

Глава I

*Душистый дерн укроет плоть,
Небесный свод — мой храм, господь!
В моем кадиле — ветры гор,
Мне мысль — молитва с давних пор.*
Томас Мур. "Священные песни"

Кто не знает, какое впечатление величия исходит от необъятного! Самые возвышенные, самые смелые мысли посещают поэта, когда он заглядывает в бездны неизмеримых просторов, и с особенной живостью ощущает он тогда собственное ничтожество. Не может оставаться безучастным тот, кто впервые зрит перед собой ширь океана, и даже в безбрежности ночи находит наш ум подобие величия, поражающего нас в грандиозных явлениях природы, всю мощь которых не в силах постигнуть наши чувства. Нечто близкое восторгу и благоговейному страху, этому порождению возвышенного, ощущали при взгляде на раскинувшийся перед ними пейзаж и четверо несхожих меж собой персонажей, коим довелось открыть наше повествование. Вчетвером — двое мужчин и две женщины — взобрались они на груды поваленных ветром деревьев, чтобы оглядеться по сторонам. Такие места и поныне зовутся в этих краях ветровалами. Впуская небесный свет в темные душные лесные тущобы, они образуют как бы оазисы в торжественных сумерках американских девственных лесов. Описываемый здесь ветровал находился на косогоре пологого холма, и взору путника, взобравшегося на его верхушку, открывались широкие дали — нечаянная радость для странника, блуждающего в дебрях лесных. Небольшой клочок земли, но благодаря его расположению высоко на склоне холма, над уходящей книзу прогалиной, вид отсюда простирался много дальше, чем можно было предположить. Философы еще не установили природу стихий, производящих в лесу такие опустошения; некоторые ученые видят в этом разрушительное действие ветров, подобных тем, что образуют в океане смерчи, тогда как другие ищут причину во внезапных и сильных электрических флюидах; но самое явление достаточно всем знакомо. На кромке ветровала, о коем здесь идет речь, слепые стихии так нагромодили дерево на дерево, что двое странников не только сами вскарабкались на высоту в тридцать футов, но и увлекли за собою — где уговорами, а где и вовремя оказанной помощью — обеих своих спутниц. Огромные стволы, сломанные и раскиданные как попало мощными порывами ветра, лежали навалом, словно бирюльки, меж тем как их ветви, все еще благоухающие увядшей листвой, переплетались, давая рукам надежную опору. Один вывороченный из земли великан торчал мощным комлем кверху, и на его разлапых корнях сохранился толстый слой земли, который и послужил своего рода удобными мостками для наших четверых путников, озиравших окрестность.

Пусть читатель не ждет здесь от меня описания людей из высших слоев общества. Это были всего лишь странники, блуждающие в дебрях лесных; но, даже отвлекаясь от этого, надо сказать, что ни обычный их жизненный уклад, ни положение в свете не приобщили их к преимуществам избранного круга. Двое — мужчина и женщина — были местные уроженцы, исконные хозяева этой земли, ибо они принадлежали к небызывестному индейскому племени тускароров; что же касается их спутников, то мужчина, судя по его внешнему виду, всю жизнь скитался по морям, и лишь в качестве простого матроса, да и сопровождающая его девушка вышла из той же неприятельной среды, однако юность и миловидность, а также скромные и живые манеры придавали ее облику тот отпечаток ума и душевного изящества, который сообщает прекрасному полу двойное очарование. Вот и сейчас ее выразительные голубые глаза светились восторгом, а милое личико подернулось той легкой

задумчивостью, какую вызывают в одаренных натурах сильные ощущения — даже в тех случаях, когда они приносят нам одну лишь незатуманенную радость.

И в самом деле, кто бы мог остаться равнодушным к картинам окружающей природы? К западу, в том направлении, куда были обращены лица путников и где, собственно, и открывались необъятные дали, взор блуждал по листовенному океану, отливающему всеми оттенками зелени представленной здесь роскошной растительности и расцвеченному богатейшей гаммой красок, столь обычных для сорок второго градуса широты. Вяз со своей изящной плакучей кроной, все многочисленные разновидности клена, а также благородные породы американского дуба и широколистная липа, известная в местном просторечии под именем мочальницы, — все эти деревья, переплетаясь верхними сучьями, образовали как бы необозримый листовенный шатер, простирающийся в сторону заходящего солнца и теряющийся в облаках на горизонте, подобно тому как волны морские сливаются с небесной синевой у основания небосвода. Тут и там небольшой просвет между лесными исполинами, образовавшийся либо по капризу природы, либо по воле бушующих стихий, позволял какому-нибудь дереву не столь мощной осанки пробиться к солнцу и вознести свою скромную вершину чуть ли не на уровень зеленого полога. К таким деревьям принадлежали береза — немаловажная особа в менее благословенных местах, трепетная осина, различные виды орешника, а также другие представители меньшей лесной братии; они казались чем-то вроде худородных, невзрачных гостей, затесавшихся в общество родовитых и знатных вельмож. Тут и там стройный гладкий ствол сосны, прорвав этот полог, высоко возносил над ним свою главу, словно изящный обелиск, искусно воздвигнутый над листовенным долом.

Бескрайние просторы и почти безупречная гладь зеленого океана и создавали здесь впечатление величия. И без того нежная игра красок, приглушенная переливами светотени, рождала ощущение совершенной красоты, тогда как торжественное спокойствие природы настраивало чувства на благоговейный лад.

— Дядюшка, — вскричала приятно изумленная девушка, обращаясь к старшему спутнику, за локоть которого она почти неощутимо держалась, очевидно не доверяя достаточно крепкой, но несколько шаткой опоре под ногами, — разве это не похоже на ваш любимый океан?

— Вздор и детские фантазии, Магни! — Так дядюшка в шутку называл племянницу; воздавая дань ее девичьей привлекательности, он образовал это имя от слова "магнит". — Только ребенку придет в голову сравнивать какую-то пригоршню листьев с Атлантическим океаном. Все эти маковки деревьев, если их собрать в охапку, сгодятся разве что на скромный букетик, чтобы украсить грудь Нептуна.

— Хорошо сказано, дядюшка, но вы, кажется, хватили через край. Здесь на мили и мили кругом нет ничего, кроме листьев. А что особенного в вашем океане?

— Сравнила! — рассердился дядюшка, нетерпеливо выдергивая у нее свой локоть, ибо руки он глубоко засунул в карманы красного суконного камзола, какие были в ходу у тогдашних модников. — Что за сравнение, Магни! Ну где, скажи, тут пенистые волны? Где голубая вода, и соленые брызги, и буруны, и опять же — где киты, и свирепые тайфуны, и непрерывное бултыханье волн на этом несчастном клочке леса, дитя мое?

— А найдете вы на море эти зеленые султаны деревьев, благословенную тишину и пьянящий запах листьев и все это зеленое очарование? Найдете вы что-либо подобное на море, дядюшка?

— Вздор, Магни! Кабы ты хоть что-нибудь смыслила, ты знала бы, что зеленая вода — проклятье для матроса! Все равно что зеленый новичок на вахте.

— Но при чем же тут зеленые деревья? Чш-ш-ш! Слышите? Это ветерок дышит в листве.

— Уж если тебе нравится ветер, девочка, послушала бы ты, как воеет в снастях норд-вест! А где у вас тут штормы и ураганы, где муссоны и пассаты в этой богоспасаемой лесной стороне? Я уж не говорю про рыбу, — ее здесь и в помине нет.

— Что ж, здесь тоже бывают нешуточные бури, это видно с первого взгляда. А лесные звери — разве их сравнить с рыбами!

— Это как сказать, — заявил дядюшка с непререкаемой авторитетностью бывалого матроса. — Чего нам не порассказали в Олбани про хищных зверей и что будто мы с ними столкнемся, а ведь нам не подалось ничего такого, что испугало бы даже тюленя. Я так полагаю, что никакие дикие звери не могут сравниться с акулой южных широт.

— Посмотрите-ка, дядюшка! — воскликнула племянница, которую больше занимала величественная красота бескрайнего леса, чем доводы ее почтенного родственника. — Вон там, над верхушками деревьев, вьется легкий дымок. Неужто здесь люди живут?

— А ведь верно! — подтвердил старый моряк. — Дым говорит о присутствии людей, а это стоит тысячи деревьев. Надо показать его Разящей Стреле — с такого дикаря еще станется: проскочит мимо гавани, так ее и не заметив. Там, где дымок, должен быть и камбуз.

И дядюшка, вынув руку из кармана, тронул стоявшего рядом индейца за плечо и показал ему на чуть заметный виток дыма, который вырывался из лесной чащи примерно за милю от них и, расплываясь почти невидимыми струйками, бесследно исчезал в дрожащем воздухе.

Тускарора был одним из тех внушительного вида воинов, которые чаще встречались среди коренного населения страны в прошлом веке, нежели в нынешнем; он достаточно терся среди колонистов, чтобы познакомиться с их обычаями и даже языком, но почти не утратил первобытной величавости и естественного достоинства, присущих вождям индейского племени. К старому моряку он относился дружелюбно, но с заметной сдержанностью, ибо индеец, встречавшийся с офицерами на военных постах, где бывал частым гостем, не мог не понимать, что перед ним лицо подначальное. От невозмутимой замкнутости тускароры веяло таким сознанием своего достоинства, что Чарльз Кэп — ибо так звали нашего моряка — не решался даже в минуты безудержного бахвальства обращаться с индейцем запанибрата, хоть их путешествие длилось уже больше недели. Но сейчас этот дымок, курившийся над лесной глухоманью, так же взволновал моряка, как, бывало, внезапное появление паруса в море, и впервые за время их знакомства он отважился тронуть индейца за плечо.

Зоркий глаз тускароры сразу же различил в воздухе колечки дыма. С минуту он стоял, слегка привстав на носки и раздувая ноздри — точь-в-точь олень, почувшавший в воздухе смутную угрозу, — и вперив в пространство недвижный взгляд, словно ученый пойнтер, ждущий хозяйского выстрела. Потом, опустившись на пятки, издал чуть слышное восклицание, столь же характерное для индейца, как и его воинственные вопли; больше он ничем не выдал своего волнения. Лицо его сохраняло неподвижность маски, и только быстрые черные орлиные глаза внимательно обшаривали листовую панораму, точно стараясь не упустить ничего заслуживающего внимания. И дядя и племянница понимали всю опасность предпринятого ими путешествия по нехоженным, диким местам, но ни он, ни она не могли судить, добро или зло вещает им эта неожиданная близость человека.

— Где-то здесь охотятся онеиды или тускароры. Разящая Стрела, — сказал Кэп, называя своего спутника-индейца его английским именем. — Неплохо бы к ним присоединиться. Эх, соснуть бы ночку на удобной койке!

— Вигвам нет, — ответил Разящая Стрела с обычной невозмутимостью. — Слишком много дерева, — Но должны же здесь быть индейцы. Может, кто из ваших старых земляков, мастер Разящая Стрела?

— Не тускарора, не онеида, не мохок — бледнолицый!

— Черта с два! Ну, знаешь, Магни, такое даже моряку не сморозить. Мы, старые морские волки, носом отличаем дух матросского табачка от солдатской люльки или логово неопытного новичка от койки заправского матроса; но даже старейшему адмиралу во флоте его величества не отличить по дыму из камбуза королевское судно от простого угольщика.

Мысль, что где-то по соседству в этой глуши находятся человеческие существа,

взволновала его прелестную спутницу; румянец еще живей заиграл на ее свежих щечках и глаза заблестели; но и она растерянно повернулась к своему родичу и сказала нерешительно (обоим им не раз приходилось дивиться необыкновенным познаниям тускароры, его, можно сказать, вещему Инстинкту):

— Огонь бледнолицего! Но он не может этого знать, дядюшка!

— Десять дней назад, дорогая, я бы в этом поклялся, а сейчас уже не поручусь. А дозвоьте вас спросить, Разящая Стрела, с чего вы взяли, будто это дым бледнолицего, а не краснокожего?

— Сырой дрова, — ответил воин наставительно, словно учитель, объясняющий арифметическую задачу бестолковому ученику. — Много сырость — дым большой; много вода — дым черный.

— Но разрешите заметить, мастер Разящая Стрела, дым ничуть не черный и совсем его даже не много. На мой взгляд, к примеру сказать, это такой же легкий кудрявый дымок, какой вьется над капитанским чайником, когда за неимением ничего другого кипяتيش его на старой стружке, которой устилают трюм.

— Много вода, — повторил индеец, выразительно кивая головой. — Тускарора хитрый — не разводи огонь из вода. Бледнолицый слишком читай книга, он что хочешь жги. Много книга, ничего не знай.

— Что ж, это он правильно сказал, я с ним согласен, — подтвердил Кэп, не видевший в учености большого проку. — Он в тебя метит, Магни, в твои книжки. Вождь по-своему неглупый малый... А далеко ли еще, Разящая Стрела, по вашим расчетам, до этой лужицы, под названием Великое Озеро? Мы уже который день к ней пробираемся, а все конца не видно!

Тускарора посмотрел на моряка с видом спокойного превосходства.

— Онтарио что небо, — сказал он, — одно солнце, и великий путешественник его увидай.

— Что ж, я и есть великий путешественник, не стану отпираться, но из всех моих путешествий это самое нудное и бестолковое. И добро бы оно к морю вело, а ведь мы в обратную сторону плетемся. Нет, ежели бы эта шайка пресной воды была под самым нашим боком да так она велика — уж пара зорких глаз должна бы ее увидеть, ведь с этого наблюдательного пункта видимость на добрых тридцать миль.

— Гляди, — сказал Разящая Стрела, с величавой грацией простирая вперед руку, — Онтарио!

— Дядюшка! Вас научили кричать: "Земля!", а не "Вода!" — вот вы ее и не замечаете! — воскликнула племянница, смеясь, как смеются школьницы своим задорным шуткам.

— Полно, Мэйбл! Неужто бы я не узнал свою родную стихию, если бы заметил ее на горизонте?

— Так ведь Онтарио не ваша стихия, дядюшка, вас тянет на соленую воду, а это пресная.

— Я же тебе не какой-нибудь молокосос юнга, а старый закаленный моряк! Я узнаю воду, даже если увижу ее в Китае!

— Онтарио! — горделиво повторил Разящая Стрела, опять показывая рукой на северо-восток.

Кэп впервые за время их знакомства посмотрел на тускарору с легким презрением, однако проследил взглядом за рукой и глазами индейца, устремленными на то, что казалось лишь клочком пустого неба, чуть повыше лиственной равнины.

— Вот-вот, этого-то я и ожидал, когда уходил с побережья на поиски какой-то пресноводной лужи! — снова заворчал Кэп, пожимая плечами, словно человек, окончательно пришедший к какому-то выводу и не желающий тратить слова попусту. — Возможно, это и есть Онтарио, но оно с таким же успехом уместилось бы у меня в кармане. Надеюсь, когда мы до него доберемся, нам можно будет развернуться там на нашей лодке... Однако,

Разящая Стрела, если где-то рядом есть бледнолицые, не мешало бы нам с ними повидаться.

Тускарора в знак согласия низко склонил голову, и весь отряд начал спускаться с корней поваленного дерева. Едва спрыгнув наземь, Разящая Стрела сказал, что отправится к огню и выяснит, кто его зажег, а жене и остальным своим спутникам посоветовал вернуться к лодке, которую они оставили на соседней реке, и там его подождать.

— Ну нет, вождь, это бы еще годилось при промере глубины или на небольшой прогулке по взморью, — возразил старый Кэп, — в неизвестной же местности страшновато отпускать лоцмана так далеко от корабля. С вашего позволения, я пойду с вами.

— Чего хочет брат мой? — спросил индеец степенно, нисколько не обижаясь на столь ясно высказанное недоверие.

— Не расставаться с вами. Разящая Стрела, только и всего! Я пойду с вами и переговорю с незнакомцами.

Тускарора не стал возражать, но тем наставительнее приказал вернуться к лодке своей покорной и терпеливой жене, только изредка решавшейся вскидывать на него свои большие черные глаза, в которых читались уважение, и страх, и любовь, преданная и нежная.

Но тут запротестовала Магни. Отважная и решительная в минуты невзгод и испытаний, она все же была женщина, и мысль остаться одной, без защитников, в этой дикой пустыне, всю необъятность которой она только что измерила глазами, показалась ей такой страшной, что она выразила желание пойти с дядей.

— Прогулка будет мне только полезна, достаточно я насиделась в лодке, — уверяла она, и ее личико, побледневшее было от испуга, как она ни крепилась, чтобы скрыть свое волнение, снова расцвело румянцем. — Среди этих людей, возможно, есть и женщины.

— Что ж, не возражаю, пойдём. Это всего в каком-нибудь кабельтове¹ отсюда. Мы вернемся еще за добрый час до захода солнца.

Обрадованная девушка, чье настоящее имя было Мэйбл Дунхем, присоединилась к мужчинам, тогда как Июньская Роза — ибо так звали жену Разящей Стрелы — покорно побрела к реке; она так привыкла к повиновению и лесному сумраку, что совсем не испытывала страха.

Трое остальных, осторожно выбравшись из бурелома, вышли на опушку и направились в ту сторону, где курился дымок. Разящей Стреле достаточно было посмотреть разок-другой, чтобы выбрать нужное направление, тогда как старик Кэп долго и обстоятельно сверялся с карманным компасом, прежде чем углубиться в лесную чащу.

— Плыть, доверившись собственному носу, может, и годится для индейца, Магни, но наш брат, опытный моряк, знает цену этой стрелке, — говорил дядюшка, идя по следам легко ступающего тускароры. — Америку бы вовек не открыли, поверь, если бы Колумб полагался только на свой нюх. Что, дружище Разящая Стрела, приходилось тебе видеть такую штуковину?

Индеец обернулся, мельком взглянул на компас, который Кэп держал перед собой, словно проверяя по нему курс, и ответил с обычной серьезностью:

— Глаз бледнолицый. Тускарора довольно голова. А теперь, Соленый Вода, — так индеец величал своего спутника, — нет язык, пусть будет один глаз.

— Он говорит, дядюшка, что нам следует помалкивать; опасается, должно быть, людей, с которыми нам предстоит встретиться.

— Индеец всегда осторожен, когда идет в дозор. Ты заметила, как он осмотрел затравку у своего ружья? Не мешает и мне проверить пистолеты.

Спокойно отнесясь к этим приготовлениям, ибо она привыкла к ним за долгое странствование в лесной глуши, Мэйбл шла быстрым, упругим шагом, не уступающим легкостью походке индейца, следуя по пятам обоих мужчин. Первые полмили странники ограничивались молчанием, но дальнейший их путь потребовал новых мер

¹ Кабельтов — морская мера длины, равная 185,2 метра.

предосторожности.

В лесу, как обычно под густым навесом ветвей, глаз видел только высокие стволы деревьев. Все живое здесь было устремлено к солнцу, и они шли под лиственным шатром, словно под естественными сводами, опиравшимися на мириады неотесанных колонн. Но за каждой такой колонной или деревом мог притаиться недобрый человек, охотник, а то и враг, и, по мере того как Разящая Стрела быстро подвигался туда, где, как подсказывало ему безошибочное чутье, должны были находиться люди, поступь его становилась все неслышимее, глаза все зорче пронизывали лесной сумрак, и он все осторожнее жался к деревьям.

— Гляди, Соленый Вода! — прошептал он с торжеством, указывая пальцем куда-то в глубь леса. — Огонь бледнолицый.

— Клянусь богом, — пробормотал Кэп, — индеец прав! Вон они сидят себе за жратвой, да так спокойно, словно это не лесная трущоба, а каюта трехпалубного корабля.

— Разящая Стрела только отчасти прав, — шепнула ему Мэйбл. — Там два индейца и один белый.

— Бледнолицый, — повторил Разящая Стрела и поднял вверх два пальца. — Краснокожий, — и поднял один палец.

— Отсюда не разберешь, — рассудил Кэп, — кто из вас прав. Один из них наверняка белый, и какой же он приятный малый! Сразу скажешь, что из порядочных, да и из себя молодец, не какой-нибудь увалень; другой, видать, краснокожий — и от природы и оттого, что краски на себя не пожалел; зато уж третий — ни два ни полтора, ни бриг ни шхуна.

— Бледнолицый, — повторил Разящая Стрела и снова поднял два пальца. — Краснокожий, — и поднял один палец.

— Должно быть, он прав, дядюшка, вы же знаете, какой у него верный глаз. Но как бы нам выяснить, кто они — Друзья или враги? А вдруг это французы?

— А вот я им покричу, и мы увидим, — сказал Кэп. — А ну-ка, Магни, спрячься за дерево — как бы этим негодьям не взбрело на ум дать по нас бортовой залп из всех орудий, не вступая в переговоры. Я мигом выясню, под каким флагом они плавают.

Дядюшка приложил ладони рупором ко рту, чтобы окликнуть незнакомцев, но Разящая Стрела внезапным движением помешал его намерениям, оттолкнув его руки.

— Краснокожий — могоканин, — объявил тускарора. — Хорошо. Бледнолицый — ингиз².

— Приятная новость! — прошептала Мэйбл; она без удовольствия думала о возможной кровавой схватке в этом глухом лесном закоулке. — Пойдемте к ним, дядюшка, и скажем, что у нас самые мирные намерения.

— Очень хорошо, — сказал тускарора. — Краснокожий — спокойно, он знает. Бледнолицый скоро-скоро — и огонь. Пусть иди скво³.

— Это еще что за притча! — вскричал Кэп в крайнем изумлении. — Послать малышку Магни лазутчиком, а нам, двум олухам, расположиться здесь и ждать сложа руки, как она там причалит к берегу? Да чем такое допустить, я...

— Это мудрый совет, дядя, — сказала храбрая девушка, — и я ни капли не боюсь. Ни один христианин, увидев женщину одну, не станет в нее стрелять, — я к ним явлюсь как бы вестницей мира. Давайте я пойду вперед, как предлагает Разящая Стрела, и все будет прекрасно. Вас еще никто не видел, а меня незнакомцы не испугаются.

— Очень хорошо, — повторил Разящая Стрела, которому, видно, нравилось присутствие духа молодой девицы.

— Такое поведение не пристало моряку, — возразил Кэп. — Впрочем, здесь, в лесу,

² Ингиз — англичанин.

³ Скво — женщина.

никто, конечно, не узнает. И если ты в самом деле не против, Мэйбл...

— Да что вы, дядюшка! Я нисколько не боюсь, тем более что вы будете рядом и за меня вступитесь.

— Ну, так и быть. Но возьми у меня один из пистолетов.

— Нет, лучше я положусь на свою молодость и слабость, — сказала девушка смеясь; от волнения щеки ее зарделись, как маков цвет. — Беззащитность женщины — самый верный ее оплот среди добрых христиан. Я никогда не зналась с оружием и впредь не хочу ничего о нем знать.

Дядя не стал настаивать, и, провожаемая мудрыми наставлениями тускароры, Мэйбл собрала все свое мужество и одна-одинешенька пошла к людям, сидевшим у костра. Сердце тревожно колотилось у нее в груди, но она шла твердым шагом, ничем не выдавая своего волнения. В лесу стояла нерушимая тишина, ибо те, к кому Мэйбл приближалась, были слишком заняты удовлетворением своего естественного аппетита, или, проще сказать, волчьего голода, чтобы позволить себе чем-нибудь посторонним отвлечься от столь важного дела. Но в сотне шагов от костра Мэйбл случайно наступила на сухую хворостинку, и едва слышный хруст, раздавшийся под ее легкой стопой, заставил могиканина, за коего признал индейца Разящая Стрела, и его товарища, относительно которого мнения разошлись, с быстротой молнии вскочить на ноги. Оба они оглянулись на свои карабины, прислоненные к дереву, но при виде девушки ни один из них не протянул руки к оружию. Индеец ограничился тем, что сказал белому несколько слов, после чего воротился к своей трапезе так спокойно, как будто ничего не произошло, тогда как его товарищ отошел от костра и направился навстречу девушке.

Когда незнакомец приблизился, Мэйбл увидела, что ей предстоит разговор с человеком одного с ней цвета кожи, но платье его представляло такую причудливую смесь костюмов двух наций, что ее взяло сомнение, и она отложила решение этого вопроса до более близкого знакомства. Это был молодец средних лет, скорее некрасивый, но с таким располагающим, бесхитростным лицом, что Мэйбл он показался чуть ли не красавцем, — во всяком случае, страх ее как рукой сняло. И все же она остановилась, повинувшись если не велению своей природы, то обычаю своего пола, возбранявшему ей слишком явно торопиться навстречу незнакомому мужчине, да еще при тех обстоятельствах, в каких она волею случая оказалась.

— Не бойтесь ничего, милая девушка, — сказал охотник, ибо, судя по одежде, таково было его занятие. — Вы встретили в этой пустыне честных христиан, готовых радушно принять каждого, кто хочет мира и справедливости. Я человек небызывестный в этих краях, — смею надеяться, что и до ваших ушей дошло одно из моих многочисленных прозваний. Французы и индейцы по ту сторону Великих Озер знают меня как *La Longue Carabine*⁴, могикане, справедливое и честное племя — вернее, то, что от него осталось, — зовут меня Соколиным Глазом, для солдат и лесников по эту сторону Озер я известен как Следопыт, ибо я никогда не собоюсь со следа, зная, что в лесу меня поджидает друг, нуждающийся в помощи, или же минг⁵.

В речах незнакомца не чувствовалось бахвальства а лишь законная гордость тем, что, каким бы именем его ни звали люди, они не могли сказать о нем ничего дурного. На Мэйбл слова его оказали магическое действие. Услышав последнее его прозвище, она радостно всплеснула руками и восторженно повторила:

— Следопыт!

— Да, так меня зовут, милая девушка, и не всякий лорд столь заслуженно носит свои

⁴ Длинный карабин (франц.).

⁵ Минги — бранное имя, которым делавары называли гуронов — североамериканское индейское племя, поддерживавшее французов во время англо-французских войн за американские колонии Гуроны — принадлежали к одной из групп ирокезских племен.

титулы, как я мое прозвание, хотя, по чести сказать, я еще больше горжусь своим умением обходиться без всяких следов и троп.

— Стало быть, вы тот самый друг, которого батюшка обещал послать нам навстречу!

— Если вы дочь сержанта Дунхема, то даже Великий Пророк делаваров⁶ не высказал бы истины более очевидной.

— Я Мэйбл, а там, за купой деревьев, скрывается мой дядюшка Кэп и тускарора, которого мы зовем Разящая Стрела. Мы рассчитывали встретить вас не раньше чем дойдя до озера.

— Я предпочел бы видеть вашим проводником более прямодушного индейца, — сказал Следопыт. — Не очень-то я доверяю тускарорам: это племя слишком удалилось от могил своих предков, чтобы по-прежнему чтить Великого Духа. К тому же Разящая Стрела — честолюбивый вождь. А Июньская Роса с вами?

— Да, жена его сопровождает, и какое же это милое, кроткое создание!

— И преданное сердце, чего не скажешь о ее муже. Но неважно: нам подобает со смирением принимать предначертанное свыше, куда мы шествуем тропой жизни. Вашим проводником мог оказаться кто-нибудь и похуже тускароры, хотя в нем слишком много крови мингов, чтобы можно было считать его другом делаваров.

— Так, значит, хорошо, что мы встретились! — воскликнула Мэйбл.

— Во всяком случае, очень неплохо: ведь я обещал сержанту благополучно доставить его дочку в крепость, хотя бы и ценою своей жизни. Мы оставили нашу лодку на подступах к водопаду и на всякий случай пошли вам навстречу. И хорошо сделали: Разящая Стрела вряд ли справился бы с быстринной.

— А вот и дядюшка с тускаророй. Наши отряды могут теперь соединиться.

И действительно, убедившись, что переговоры протекают мирно, Кэп и Разящая Стрела подошли ближе. Мэйбл в нескольких словах сообщила им все, что узнала сама, после чего вся компания присоединилась к путникам, сидевшим у костра.

Глава II

*О раб земной! До той поры,
Пока нечистые дары
Ты не принес в свой храм,
Весь мир перед тобой склонен,
Ты — царь, и вознесен твой трон
К высоким небесам.*

Джон Вильсон. "На посещение Хайлэнд Глен"

Могиканин продолжал насыщаться, тогда как его белый товарищ встал и, учтиво сняв шапку, поклонился Мэйбл. Это был цветущий юноша, полный здоровья и сил; его платье, хоть и не строго флотского образца, как у Кэпа, говорило, что и он более привычен к воде, чем к земле. В то время настоящие моряки были обособленной кастой, резко отличавшейся от других сословий; их представления, равно как язык и одежда, так же ясно указывали на их занятие, как взгляды, речи и одежда турка обличают в нем правоверного мусульманина. Хотя Следопыт был еще мужчина в самой поре, Мэйбл говорила с ним без всякого стеснения, возможно потому, что зарядилась храбростью для этого знакомства; встретившись же глазами с молодым человеком, сидевшим у костра, она невольно потупилась, смущенная восхищением, которое прочла — или вообразила, что прочла, — в его приветственном взгляде. И в самом деле оба они отнеслись друг к другу с тем естественным интересом, какой возникает у молодых впечатлительных людей, когда их роднит одинаковый возраст, сходные

⁶ Делавары — североамериканское индейское племя, поддерживавшее англичан во время англо-французских войн за американские колонии; создали могучий союз племен, в который входили и могикане.

жизненные обстоятельства, привлекательная наружность и необычная обстановка их встречи.

— Перед вами, — сказал Следопыт, глядя на Мэйбл с открытой своей улыбкой, — те друзья, которых ваш почтенный батюшка выслал вам навстречу. Это — великий делавар, изведавший на своем веку немало славы, но и немало злоключений. Он носит, разумеется, индейское имя, подобающее вождю, но, так как его трудно выговорить тем, кто незнаком с его наречием, мы переименовали его на английский лад — Великий Змей. Это не значит, что он коварен в большей мере, чем полагается краснокожему, а только что он мудр и хитер, как и подобает воину. Разящая Стрела прекрасно меня поймет.

Пока Следопыт произносил свою речь, оба индейца испытующе оглядывали друг друга; тускарора подошел первым и вступил с соотечественником в дружелюбный по видимости разговор.

— Люблю смотреть, как двое краснокожих приветствуют друг друга в лесной чащобе! — продолжал Следопыт. — Не правда ли, мастер Кэп, это все равно как будто два дружественных судна обмениваются салютами в открытом море. Но раз уж мы заговорили о воде, позвольте представить вам моего юного друга Джаспера Уэстерна, который хорошо знаком с этой стихией, так как всю свою жизнь провел на Онтарио.

— Рад познакомиться, дружище, — сказал Кэп, сердечно пожимая руку своему пресноводному коллеге, — хотя в школе, куда вас отдали, вам еще многому предстоит поучиться. Это моя племянница Мэйбл — я зову ее Магни по причине, всего значения которой ей не понять, хотя вы, должно быть, достаточно преуспели в нашей науке, чтобы знать, что такое компас.

— Причину угадать нетрудно, — отвечал молодой человек, невольно устремляя темные смелые глаза на вспыхнувшее лицо девушки, — и, мне думается, что матрос, идущий с таким компасом, как ваша Магни, никогда не собьется с курса.

— Что ж, видно, наши матросские словечки вам знакомы и употребляете вы их с толком и к месту, но, сдается мне, вы видели на своем веку больше зеленой, чем голубой воды.

— Не удивляйтесь, что мне знаком язык береговых жителей, — нашему брату редко приходится больше чем на двадцать четыре часа терять землю из виду.

— Жаль, жаль, молодой человек. Плавающей птице негоже засиживаться на берегу. Ведь, по правде сказать, ваше озеро, мастер Уэстерн, как я полагаю, окружено со всех сторон землей.

— Но, дядюшка, разве то же самое нельзя сказать об океане? Он тоже со всех сторон окружен землей, — с живостью отозвалась Мэйбл; она испугалась, как бы дядюшка с места в карьер не пустился рассуждать на любимую тему с самоуверенностью неисправимого педанта.

— Ошибаешься, девочка, это как раз земля окружена океаном; я всегда твержу это тем, кто на берегу. Ведь они живут, в сущности, посреди моря, хоть сами того не подозревают; живут, можно сказать, божьим изволением, ведь воды-то на свете больше, чем земли, не говоря уж о том, что она коварнее. Но такова слепота человеческая: какой-нибудь удалец, и не нюхавший моря, иной раз вообразит себя умнее того, кто обогнул мыс Горн. То-то и оно: земля наша попросту остров, тогда как все прочее — вода.

Молодой Уэстерн был преисполнен уважения к бывалому моряку — его уже давно томили мечты о морском плавании; но он, естественно, чувствовал привязанность к обширному озеру, на котором вырос и которое в его глазах было не лишено своей неповторимой красоты.

— То, что вы говорите, сударь, — заметил он скромно — может, и верно в рассуждении Атлантического океана, ну, а мы здесь, на Онтарио, питаем уважение и к суше.

— Это потому, что она зажала вас в кулак, — возразил Кэп, смеясь собственной шутке. — Но, как я вижу, ваш Следопыт, как вы его зовете, уже спешит сюда с дымящимся подносом и приглашает нас откусать с ним. Вот уж что верно, то верно — дичиной в море

не побалуешься. Мастер Уэстерн, услуживать молодой девице в ваши лета так же не обременительно, как выбирать сигнальный фал. И, если вы позаботитесь о тарелке и кружке для моей Мэйбл, пока я буду закусывать со Следопытом и индейцами, она, конечно, сумеет оценить ваше внимание.

Сказав это больше для красного словца, мастер Кэп и не подозревал, сколь уместно его замечание. Джаспер Уэстерн самым ревностным образом принялся услуживать Мэйбл, и девушка весьма оценила рыцарское внимание, оказанное ей юным матросом при первом же их знакомстве. Джаспер усадил ее на ствол упавшего дерева, отрезал ей самый лакомый кусок дичины, наполнил ее кружку чистой родниковой водой и, усевшись напротив, старался предупредить каждое ее желание, сразу же расположив ее к себе своей ласковой простодушной заботой — этой данью уважения, от которой не откажется ни одна женщина, но которая особенно лестна и приятна, когда исходит от юного сверстника и когда сильная, мужественная сторона воздаст его беспомощной и слабой. Как и большинство мужчин, мало бывавших в женском обществе, молодой Уэстерн вкладывал в свою любезность столько серьезной, искренней и дружеской теплоты — пусть и без отпечатка светского обращения, которого не чужда была Мэйбл, — что эти обаятельные качества с лихвой восполняли в ее глазах недостаток галантности. Предоставим же неопытным и бесхитростным молодым людям знакомиться ближе — скорее на языке чувств, чем внятно выраженных мыслей, — и обратимся к другой группе сотрапезников, среди которых дядюшка, старавшийся, как всегда, не ударить лицом в грязь, успел уже стать центральной фигурой.

Вся компания расселась вокруг деревянного подноса с бифштексами из дичи, поставленного для всех, и в завязавшейся беседе, естественно, отразились характеры тех, из кого состояло это разнородное общество. Индейцы молчали и тем усерднее налегали на еду — пристрастие американских уроженцев к жаркому из дичины поистине не поддается удовлетворению, — тогда как оба белых застольника проявили общительность и словоохотливость, причем каждый из них весьма упорно и пространно отстаивал свою точку зрения. Но так как их беседа поможет читателям войти в курс дела и прольет свет на многое в дальнейшем рассказе, нелишне привести ее здесь.

— Ваша жизнь, разумеется, имеет свои приятные стороны, мастер Следопыт, — заметил Кэп, когда голод путников поутих и они начали есть с разбором, выискивая на подносе что повкуснее. — В ней те же превратности счастья, что у нас, моряков, свой риск и свои удачи, но у нас кругом вода, а ваш брат видит только землю.

— Полноте, да мы видим сколько угодно воды в наших походах и поездках, — возразил его белый собеседник. — Мы, жители границы, управляемся с веслом и острогой не хуже, чем с карабином и охотничьим ножом.

— Охотно вам верю. А только умеете ли вы бросить реи или выбирать швартовы? А владеете ли вы штурвалом и умеете ли бросать лот, есть ли у вас понятие о риф-штерте и стень-вынтрее? Весло — почтенная вещь, не спорю, когда вы в челноке, но на корабле от него мало проку.

— Что до меня, то я уважаю всякое занятие человека и верю, что названные вами вещи имеют свое разумное назначение. Тот, кто, подобно мне, жил среди многих племен, понимает, до чего разнородны человеческие нравы и обычаи. Раскраска у минга не похожа на раскраску делавара, и ошибется тот, кто захочет увидеть воина в одежде скво. Я не стар годами, но давно живу в лесу, и человеческая натура мне знакома. Я не питаю уважения к учености горожан — никогда я не встречал среди них такого, кто умел бы целиться из ружья или разобрался бы в лесных тропах.

— Тут, мастер Следопыт, мы сходимся в мнениях. Шататься по улицам, слушать проповеди или посещать воскресную службу еще не значит быть человеком. Отправьте малого в море, если хотите раскрыть ему глаза на мир, пусть поглядит на чужие племена и на то, что я называю лицом природы, если хотите, чтобы он научился понимать сам себя. Возьмите хотя бы моего зятя. Он в своем роде славный малый, ничего не скажешь, но пехтура есть пехтура, и, хоть ты двадцать раз называйся сержантом, дело от этого не

меняется. Когда он посватался к моей сестре Бриджет, я сказал этой дурехе — как и обязан был сказать, — кто он есть и чего ей ждать от такого муженька. Но эти девчонки, ежели забьют себе что в голову, с ними просто сладу нет. Правда, сержант вроде бы вышел в люди, у себя в крепости он, кажется, крупная шишка, но ей-то, бедняжке, какой от этого прок, когда она уже четырнадцать лет как в гробу.

— Ремесло солдата — честное ремесло, лишь бы он сражался на правой стороне, — сказал Следопыт. — А как французишки все вор на воре, а его священное величество и наши колонии всегда за правое дело стоят, то у сержанта и совесть спокойна и слава добрая. Я никогда не спал лучше, чем когда задавал мингам взбучку, хотя, по чести сказать, не в моих правилах сражаться, как индеец. У нашего Змея свой обычай, а у меня свой; мы сражаемся бок о бок уже многие годы, и каждый из нас уважает обычай другого. Я говорю ему, что на свете только одно небо и только одна преисподняя, чему бы ни учила его религия, но тропы туда ведут разные.

— Вы рассуждаете разумно, и он обязан вам верить; но дороги в ад, по-моему, ведут большей частью сушей. Бедняжка Бриджет всегда называла море "чистилищем": ведь, расставаясь с сушей, уходишь от ее соблазнов. Сомневаюсь, чтобы это можно было сказать о здешних озерах.

— Что в городах и поселках заводится всякий грех, я охотно допускаю; но наши озера окружены лесами, а в таком храме каждый день хочется возносить молитвы богу. Что люди даже в лесной глуши бывают разные, я тоже согласен: делавары и минги — это день и ночь. А все же я рад нашему знакомству, друг Кэп, хотя бы уже потому, что вы можете рассказать Великому Змею, что озера бывают и соленые. Мы с ним одна душа и одно сердце с первого же дня, и если могиканин верит мне так же, как я ему верю, то он немало узнал от меня о жизни белого человека и о законах природы; но я заметил, что никто из краснокожих не дает веры тому, что на свете есть соленые озера и реки, текущие вспять.

— А все оттого, что в голове у вас полнейший ералаш и обо всем-то вы судите шиворот-навыворот, — заметил Кэп, снисходительно покачивая головой. — Вы толкуете о своих озерах и перекатах, точно это морские корабли, а об океане, его отливах и приливах — словно это рыбацкий челнок. Разящая Стрела и Змей сомневаются в том, что существует соленая вода, но это же чистейшая бестолочь, хотя и мне, признаться, кажется басней, будто существуют какие-то внутренние моря, а тем более будто вода в море может быть пресной. Я проделал такой долгий путь, отчасти чтобы собственными глазами и собственным небом в этом убедиться, а не только чтобы услужить сержанту и Магни, хоть сержант и муж моей сестры, а Магни для меня все равно что родная дочь.

— Вы заблуждаетесь, вы заблуждаетесь, вы очень заблуждаетесь, друг Кэп, недооценивая могущество и мудрость, явленную богом в его творении, — возразил Следопыт с истовой убежденностью. — Бог сотворил солонцы на потребу оленю, и он же создал для человека, как белого, так и краснокожего, прозрачные родники для утоления жажды. Неразумно думать, будто не в его власти создать озера чистой воды для Запада или нечистой для Востока.

На Кэпа при всей его самоуверенности педанта произвела впечатление суровая простота Следопыта, но ему не хотелось мириться с фактами, которые он уже много лет отрицал как невозможные. Не желая признать себя побежденным и в то же время чувствуя свое бессилие в споре с человеком, прибегающим к столь непривычным для него доказательствам, подкрепленным в равной мере силой веры, правдолюбия и правдоподобия, он постарался увильнуть от дальнейшего разговора на эту тему.

— Ладно, ладно, дружище Следопыт, — сказал он, — прекратим этот спор. И уж раз сержант прислал вас, чтобы переправить нас на это самое озеро, уговоримся попробовать его воду на вкус. Об одном только вас предупреждаю: я не хочу сказать, что вода не бывает пресной на поверхности озера. Даже в Атлантическом океане, в устьях больших рек, она местами пресная; я покажу вам, как взять пробу воды на глубине нескольких морских

саженей⁷. Вы, должно быть, понятия не имеете, как это делается. Тогда и видно будет, что к чему.

Следопыт и сам был рад оставить бесполезный спор, и вскоре разговор у них перешел на другое.

— Мы здесь не слишком высокого мнения о своих талантах, — заметил он после некоторой паузы, — прекрасно понимаем, что у людей, живущих в городах или у моря...

—..на море, — поправил его Кэп.

—..на море, если вам угодно, друг, — иные возможности, чем у нас, в этой глуши. И все же у каждого из нас свое призвание, я бы даже сказал — свое природное дарование, не тронутое тщеславием и корыстью. Скажем, у меня талант по части стрельбы, поиска следов да еще охоты и разведки; и, хотя я и владею веслом и острогой, тут я себя мастером не считаю. Вот Джаспер, беседующий с сержантовой дочкой, другого склада человек, он чувствует себя на воде как дома. Индейцы и французы на северном берегу зовут его Пресная Вода, из уважения к его таланту. Он лучше управляется с веслом и снастью, чем с кострами на лесной тропе.

— Что ж, ваши таланты, как я погляжу, достойны уважения, — сказал Кэп. — Костер ваш, к примеру, поставил меня в тупик, несмотря на все мои знания и опыт в морском деле. Увидев дымок, Разящая Стрела сразу же догадался, что костер разложил белый, а это для меня премудрость, какую можно приравнять разве что к управлению кораблем, когда идешь темной ночью между песчаными отмелями.

— Да это сущие пустяки, — возразил Следопыт, заливаясь беззвучным смехом; по выработавшейся у него привычке, он во всем старался избегать излишнего шума. — Мы все свои дни проводим в великой школе природы и походя усваиваем ее уроки. Если б мы не были искушены в этих тонкостях, от нас было бы мало проку, когда мы ищем след или пробираемся сквозь чащу с важным донесением. Пресная Вода, как мы его зовем, так любит всякую сырость, что, собирая валежник для костра, прихватил две-три зеленые ветки — вон их сколько валяется вместе с буреломом. А сырое дерево дает черный дым, что, должно быть, и вам, морякам, известно. Все это пустяки, сущие пустяки, хоть и кажется бог весть какой премудростью тому, кто ленится смиренно и благодарно изучать разнообразные пути господни.

— Ну и верный же глаз у Разящей Стрелы, если он уловил такое незаметное различие!

— Плохой бы он был индеец, кабы не знал таких вещей! Особенно сейчас, когда весь край охвачен войной, индеец не станет ротозейничать. У каждого цвета кожи своя натура, и у каждой природы свой закон и цвет кожи. Я, к примеру, много лет убил на то, чтобы изучить все тонкости лесной грамоты: то, что знает индеец, не так легко дается белому, как положенные ему науки; хотя о них я меньше всего берусь судить, ведь я всю свою жизнь прожил в лесной чащобе.

— Вы оказались способным учеником, мастер Следопыт, сразу видно, как вы в этом разбираетесь. Но мне думается, человеку, выросшему на море, тоже нетрудно это раскумекать, надо только взяться за дело засучив рукава.

— Это как сказать. Белому человеку плохо дается сноровка краснокожего, как и краснокожему нелегко дается обычай белого. Натура есть натура, и от нее, как я понимаю, нелегко отказаться.

— Это вы так думаете, а мы, моряки, объехавшие весь свет, знаем: люди везде одинаковы — что китайцы, что голландцы. Сколько я заметил, у всех народов в почете золото и серебро, и все мужчины уважают табачок.

— Плохо же вы, моряки, представляете себе индейцев! А захочется ли вашему китайцу песни смерти петь, в то время как в тело ему вгоняют острые щепки и полосуют его ножами, и огонь охватывает его нагие члены, и смерть глядит ему в лицо? Доколе вы не покажете мне

⁷ Морская сажень — одна сотая часть кабельтова, 1,03 метра.

китайца или христианина, которого на это станет, вам не найти бледнолицего с натурой индейца, хоть бы с виду он и был храбрец из храбрецов и умел читать все книги, какие были когда-либо напечатаны.

— Это, верно, дикари проделывают друг над дружкой такие дьявольские штуки, — заявил Кэп, опасливо поглядывая на аркады деревьев, уходящие в бездонную глубь леса. — Ручаюсь, что ни одному белому не приходилось бывать в такой переделке.

— Ну нет, тут вы опять ошибаетесь, — хладнокровно возразил Следопыт, выбирая на подносе кусочек дичины понежнее и посочнее себе на закуску. — Хотя мужественно сносить такие пытки под силу только краснокожему, белые тоже от них не избавлены, такие случаи бывали, и не раз.

— По счастью, — заметил Кэп, откашливаясь (у него вдруг запершило в горле), — никто из союзников его величества не посмеет подвергать таким бесчеловечным истязаниям преданных верноподданных его величества. Я, правда, недолго служил в королевском флоте, но все же служил, а это что-нибудь да значит; что же до каперства⁸ и захвата в море неприятельских судов и грузов, тут я немало поработал на своем веку. Надеюсь, по эту сторону Онтарио нет индейских племен, которые заодно с французами, а кроме того, вы, кажется, сказали, что озеро у вас нешуточных размеров?

— Нешуточных — на наш взгляд, — ответил Следопыт, не скрывая улыбки, удивительно красившей его загорелое, обветренное лицо. — Хотя, помнится, кто-то называл его жалкой речушкой. Но оно недостаточно велико, чтобы укрыться за ним от врага. У Онтарио два конца, и кто не решится переплыть на другой берег, может обойти кругом.

— Вот это-то и беда с вашими пресноводными лужами, — взъелся на него Кэп, и тут же громко откашлялся, спохватившись, что выдал себя. — А попробуйте обогните океан — такого подвига еще никто не совершил, — что на каперском, что на простом судне.

— Уж не хотите ли вы сказать, что у океана нет концов?

— Вот именно: ни концов, ни боков, ни дна. Народ, надежно ошвартованный на его берегу, может не бояться племени, бросившего якорь у него на траверзе, хотя бы то были кровожадные дикари, лишь бы они не знали искусства кораблестроения. Нет, люди, населяющие берега Атлантического океана, могут не опасаться за целостность своей шкуры и своего скальпа. Человек там может вечером спокойно лечь спать в надежде проснуться наутро с собственными волосами, если только он не носит парика.

— У нас тут другие порядки. Лучше я воздержусь от подробностей, чтобы не пугать молодую девушку, хотя она, кажется, так усердно слушает Пресную Воду, что ей ни до кого дела нет. Кабы не мое лесное образование, я бы не очень решился разгуливать по этой местности между нами и крепостью, принимая во внимание, что нынче творится на границе. По эту сторону Онтарио сейчас, пожалуй, не меньше ирокезов, чем по ту. Вот потому-то, приятель Кэп, сержант и обратился к нам за помощью и попросил проводить вас до крепости.

— Как! Неужто злодеи осмеливаются крейсировать под дулами орудий его величества?

— А разве вороны не слетаются на труп убитого оленя под носом у охотника? Естественно, что сюда просачиваются индейцы. Между поселениями и крепостью постоянно толкуются белые, вот те и рыщут по их следу. Когда мы направлялись сюда, Змей все время шел по одному берегу реки, а я — по другому, чтобы выследить эти банды, ну, а Джаспер, как отважный матрос, в одиночку перегонял пирогу. Сержант со слезами рассказал ему, какая у него славная дочка, как он по ней стосковался и какая она умница и скромница, и наш парень готов был сгоряча ринуться за ней хоть в лагерь мингов и с голыми руками полезть в драку.

— Что ж, спасибо, спасибо! Такие чувства делают ему честь. Хотя не думаю, чтоб он

⁸ Капер — в ту пору вооруженное частное судно, получившее во время войны разрешение своего правительства на захват неприятельских торговых судов.

подвергался большому риску.

— Всего лишь риску, что кто-нибудь его подстрелит из укрытия, когда он поведет пирогу вверх по быстрине да будет огибать крутые излучины, следя, нет ли где водоворота. Из всех рискованных путешествий самое рискованное, по-моему, плыть по реке, окруженной засадами, а с этим-то и пришлось столкнуться Джасперу.

— Какого же черта сержант послал за мной и втравил нас в это идиотское плавание — шутка ли сказать, сто пятьдесят миль пути! Дайте мне открытое море и врага, который не играет в прятки, и я готов с ним сразиться в любое время и на любых условиях: хочешь — борт о борт, хочешь — с большой дистанции. Но быть убитым врасплох, как снулая черепаха, — это, извините, меня не устраивает. Кабы не малышка Магни, я бы сию же минуту снялся с якоря и повел свой корабль обратно в Йорк, а вы уж сами разбирайтесь, какая в Онтарио вода — соленая или пресная.

— Этим дела не поправишь, приятель моряк. Обратная дорога не в пример длинней и разве лишь немногим спокойнее. Доверьтесь нам, мы вас доставим в целости и сохранности или пожертвуем индейцам наши скальпы.

По обычаю моряков, Кэп надевал на свою тугую косицу кошелек из кожи угря, тогда как на темени у него пробивалась изрядная плешь; машинально он огладил себе лысину и косу, словно проверяя, все ли в порядке. Это был храбрый служака, не раз глядевший в глаза смерти, но только не в том ее жутком обличье, какое ему выразительно и немногословно обрисовал новый знакомец. Однако отступать было поздно, и он решил не подавать виду, что боится, и только про себя отпустил несколько теплых слов по адресу своего зятя сержанта, который, по обычной своей дурости и беспечности, втравил его в эту грязную историю.

— Я не сомневаюсь, мастер Следопыт, — сказал он, дав этим промелькнувшим мыслям окрепнуть в решение, — что мы благополучно пойдем в гавань. А далеко еще до крепости?

— Миль шестнадцать без малого. Но их и за мили считать нельзя. В реке течение быстрое. Лишь бы минги нам не помешали.

— А лес так и будет за нами гнаться — и по штирборту, и по бакборту, как это было, когда мы сюда плыли?

— Что вы сказали?

— Я говорю — мы так все и будем путаться среди этих проклятущих деревьев?

— Нет, нет, вы поедете в лодке: Осуиго очищена войсками от плавника. Вашу пирогу будет быстро сносить по течению — знай только посматривай!

— Да кой же лес мешает мингам, про которых вы тут толковали, подстрелить нас из засады, пока мы будем обходить мысок или лавировать среди подводных камней?

— Им мешает господь! Он уже многих спасал и не от таких напастей. Немало было случаев, когда этой голове грозила опасность лишиться всех своих волос, да и с кожей в придачу, кабы меня не хранил господь. Я никогда не пускаюсь в драку, друг моряк, не вспомняв моего верного союзника, — он больше стоит за тебя в битве, чем все батальоны Шестидесятого полка, построенные в боевом порядке.

— Ваши рассуждения годятся для разведчика, ну, а нам, морякам, подавай открытое море и видимость до самого горизонта, и нам не до размышлений, когда мы идем в дело. Наша работа — бортовой залп против бортового залпа, деревья и скалы тут только помеха.

— Вам, поди, и бог в помеху, как я погляжу. Верьте моему слову, мастер Кэп, в любом сражении надо иметь бога на своей стороне. Взгляните на Великого Змея. Видите у него этот шрам вдоль левого уха? Знайте же, только пуля из моего длинного карабина спасла его скальп; она просвистела как раз вовремя: еще минута, и мой друг распрощался бы со своей боевой прической. И, когда могиканин теперь жмет мне руку в знак того, что он ничего не забыл, я говорю ему: брось, дружище, я тут совершенно ни при чем. Бог дымком дал мне знать, что мой брат в беде. А раз я в нужную минуту оказался на нужном месте, мне уже никакая помощь не требуется. Когда над твоим другом занесен томагавк, соображаешь и действуешь быстро, как оно и было в том случае, а иначе дух Змея в эту минуту охотился бы

в блаженной стране его праотцев.

— Да уж будет вам, будет. Следопыт! Пусть меня лучше освежают от носа до кормы, чем слушать эти ваши растабары. У нас всего несколько часов до захода солнца, и, чем зря терять золотое время, давайте уж пустимся вплавь по вашей речушке. Магни, дорогая, готова ты в поход?

Магни вскочила, вся залившись краской, и начала быстро собираться в дорогу. Она не слышала ни слова из приведенного здесь разговора, так как Пресная Вода, как обычно называли молодого Джаспера, рассказывал ей о крепости — этой еще отдаленной цели ее путешествия, — о ее отце, которого она не видела с самого детства, и о том, как протекает жизнь в пограничном гарнизоне. Незаметно для себя она так увлеклась его рассказами и мысли ее были так поглощены этими новыми, захватывающими сведениями, что те малоприятные предметы, о коих толковали рядом, не дошли до ее сознания. Между тем за суматохой сборов все беседы прекратились, а так как у проводников багаж был самый немудрящий, вся партия в несколько минут приготовилась к выступлению. Но, прежде чем покинуть лесную стоянку, Следопыт, к удивлению даже своих товарищей проводников, набрал охапку валежника и бросил в догорающий костер, позаботившись накидать туда и сырых веток, чтобы от них повалил густой черный дым.

— Когда хочешь скрыть свой след, Джаспер, иногда не вредно оставить после себя костер на биваке. Если в пределах десяти миль отсюда бродит дюжина мингов и некоторые из них с высоких холмов и деревьев оглядывают окрестность, высматривая дымок, пусть увидят его и сбегутся сюда, и пусть на здоровье обглаживают наши объедки.

— А вдруг они нападут на наш след и погонятся за нами? — спросил Джаспер; его забота о безопасности спутников заметно возросла, с тех пор как он познакомился с Магни. — Ведь мы оставим за собой широкий след к реке.

— Чем шире, тем лучше. Подойдя к реке, даже хитрющий минг не скажет, в каком направлении пошла пирога: вверх или вниз по течению. Во всей природе одна только вода не хранит следов, да и то если после тебя не осталось сильного запаха. Разве ты этого не понимаешь, Пресная Вода? Пусть даже минги выследили нас ниже водопада, это значит, что они сразу же ринутся на дымок и, конечно, подумают, что тот, кто поднимался вверх по реке, так и будет идти в одном направлении. Им, может быть, известно только то, что какой-то отряд вышел из крепости; но даже продувному мингу не придет в голову, что мы пришли сюда единственно ради удовольствия тут же повернуть обратно, а главное — в тот же самый день и рискуя оставить здесь свои скальпы..

— Надеюсь, — добавил Джаспер (теперь они разговаривали вдвоем, направляясь к ветровалу), — минги ничего не знают о сержантовой дочке; ведь ее приезд держится в строжайшем секрете.

— И здесь они тоже ничего не узнают, — ответил Следопыт, показывая товарищу, как тщательно он наступает на отпечатки, оставленные на листьях ножкой Мэйбл. — Разве только наш морской окунь таскал племянницу с собой по ветровалу, точно юную лань, резвящуюся подле старой матки.

— Подле старого быка, хочешь ты сказать!

— Ну, как тебе понравилось это заморское чучело? Мне нетрудно поладить с таким матросом, как ты, Пресная Вода, и я не вижу большой разницы в наших призваниях, хотя твое место на озере, а мое в лесу. Но этот старый болтун... Послушай-ка, Джаспер, — продолжал Следопыт, закатываясь беззвучным смехом, — давай испытаем матросскую закваску старого рубаки, прокатим его по водопаду.

— А как быть с хорошенькой племянницей?

— Ни-ни! Ее это не должно коснуться. Она-то, во всяком случае, обойдет водопад по берегу. А нам с тобой не мешает проучить морского волка, чтобы лучше закрепить наше знакомство. Мы проверим, способен ли его кремень еще высекать огонь, и пусть он узнает, что и наш брат на границе не прочь пошутить.

Юный Джаспер улыбнулся, он тоже любил шутку, и его тоже задела надменность Кэпа. Но миловидное личико Мэйбл, ее грациозная фигурка и очаровательные улыбки стояли преградой между ее дядюшкой и предполагаемым испытанием.

— Как бы сержантова дочка не испугалась, — сказал Джаспер.

— Не испугается, коли она отцовской породы. Да и не похожа она на трусиху. Предоставь это дело мне, Пресная Вода, я сам им займусь.

— Нет уж, Следопыт, ты только потопишь его и себя. Если переправляться через водопад, я вас одних не пущу.

— Что ж, будь по-твоему. Не выкурить ли нам по этому случаю трубку согласия?

Джаспер рассмеялся и утвердительно кивнул, на чем их беседа и кончилась, так как отряд добрался до пироги, о которой здесь уже не раз упоминалось, и от слов перешел к делу.

Глава III

*Тогда здесь не пестрел ковер
Распаханных и сжатых нив,
Стеной стоял могучий бор,
И бурных рек гремел разлив,
И мчал поток, и пел ручей,
И ключ звенел в тени ветвей.*

Брайант. "Индеец на могиле своих отцов"

Известно, что реки, впадающие в южные воды Онтарио, отличаются узким и глубоким руслом и спокойным, неторопливым течением. Однако существуют исключения из этого правила, так как иные реки порожисты, а на других встречаются водопады. К последним рекам и относится Осуиго, по которой плыли наши путешественники. Осуиго образована слиянием Онеиды и Онандаги, двух рек, рождающихся в озерах. На протяжении нескольких миль она течет по открытой холмистой равнине и, достигнув края этой естественной террасы, низвергается футов на десять — пятнадцать и на этом новом ложе тихо и плавно катит свои воды дальше, пока не изольет их в обширный бассейн Онтарио. Пирога, в которой Кэп со своими спутниками плыл от Стэнвикса, последнего военного поста на Мохоке, лежала на прибрежном песке, и теперь вся компания на нее погрузилась, исключая Следопыта, задержавшегося на берегу, чтобы столкнуть легкое суденышко на воду.

— Поставь ее вперед кормой, Джаспер, — посоветовал наш лесовик молодому матросу, который взял весло у Разящей Стрелы и стал на место рулевого. — Пусть ее сносит вниз. Если кто из разбойников мингов явится сюда за нами, они станут искать следы в тине, увидят, что нос лодки повернут против течения, и подумают, что мы поплыли в ту сторону.

Приказание было выполнено; и, с силою столкнув лодку с берега, статный, крепкий Следопыт, мужчина в расцвете лет и здоровья, легко прыгнул на нос, даже не накренив пирогу своей тяжестью. Как только лодка вышла на стрежень, ее повернули, и она бесшумно заскользила вниз по течению.

Суденышко, на котором Кэп и его племянница совершали свое долгое и богатое приключениями путешествие, было обычной пирогой, какие индейцы сооружают из бересты. Чрезвычайная легкость при большой устойчивости и отличной управляемости делает эти челны незаменимыми в водах, где плавание затруднено мелями и перекатами, а также обилием плавника.

Обоим мужчинам, составлявшим первоначальный экипаж пироги, не раз пришлось по пути, выгрузив весь багаж, переносить ее за сотню ярдов, но ее можно было даже в одиночку свободно нести на руках, а между тем она была длинна и достаточно широка для пироги. Человеку непривычному она показалась бы валкой, но довольно было нескольких часов, чтобы с ней освоиться. Мэйбл и ее дядя так приноровились, что чувствовали себя в ней, как у себя дома. Хотя прибавилось еще три пассажира, дополнительный груз не оказал на лодку

заметного действия. Ширина круглого днища позволяла ей вытеснять достаточное количество воды и не давать большой осадки. Пирогоа была сработана на совесть. Ее ребра были скреплены ремнями, и, несмотря на кажущуюся хрупкость и ненадежность, она свободно могла бы взять вдвое больший груз.

Кэп устроился на низенькой скамейке посередине пироги. Великий Змей стал на колени рядом с ним. Разящей Стреле пришлось уступить свое место кормчему, и они оба с женой поместились впереди. Мэйбл прислонилась к своим узлам и баулам за спиной у дяди, тогда как Следопыт и Пресная Вода стояли во весь рост — один на носу, другой на корме — и широкими, ровными, бесшумными взмахами окунали весла в воду. Говорили приглушенными голосами; теперь, когда лес отступил и все больше давала себя знать близость крепости, каждый чувствовал, что надо соблюдать осторожность.

Осууго в этом месте, неширокая, но многоводная угрюмая река, прокладывает свое извилистое ложе между нависающими деревьями, которые местами, образуя непроницаемый навес, почти скрывают от нее свет ясного неба. Тут и там какой-нибудь накренившийся лесной исполин так низко склонялся над ее берегами, что надо было следить, как бы не задеть головой за сучья; что же до меньших деревьев, окаймлявших берега, то вода почти на всем протяжении омывала их нижние ветви и листья. Все здесь являло как бы живое воплощение великолепной картины, нарисованной нашим замечательным стихотворцем, и мы недаром привели ее в качестве эпиграфа к этой главе; черная суглинистая земля, обогащенная вековым перегноем, река, до краев полнящаяся водой, и "стоящий стеной могучий бор" — все это так живо вставало здесь воочию, как перо Брайанта представило его нашему воображению. Короче говоря, весь пейзаж воплощал в себе благостное богатство природы, еще не покорившейся прихотям и требованиям человека, плодородной, исполненной самых заманчивых посулов и не лишенной прелести и живописности даже в своем первобытном, девственном состоянии. Не надо забывать, что описываемые события происходили в 175... году, то есть задолго до того, как западный Нью-Йорк был приобщен к цивилизации. В то отдаленное время две линии военных коммуникаций соединяли обитаемую часть Нью-Йоркской колонии с пограничной полосой, примыкающей к Канаде; они пролегали — одна через озеро Шамплен и Джордж, другая — по Мохоку, Вудкрику, Онеиде и названным выше рекам. Вдоль обеих линий были построены форты, и только на последнем перегоне, на расстоянии ста миль — от последнего поста у истоков Мохока и до устья Осууго, — никаких укреплений не было, и вот этот-то участок мы в значительной мере и имели в виду, описывая те места, по которым путешествовали Кэп и Мэйбл под защитой Разящей Стрелы.

— Меня иной раз тоска берет по мирному времени, — говорил Следопыт, — когда можно было бродить по лесу в поисках только такого противника, как дикие звери и рыба. Сердце сжимается, как вспомнишь, сколько чудесных дней мы провели со Змеем на берегах этих ручьев, питаясь дичью, лососиной и форелью, не думая о мингах и скальпах. Тоска меня берет по этим благословенным дням — ведь я не считаю своим призванием убивать себе подобных. Надеюсь, что и сержантова дочка не видит во мне негодяя, находящего удовольствие в том, чтобы восставать на род людской.

С последними словами, в которых прозвучал скрытый вопрос. Следопыт оглянулся назад, и, хотя и самый пристрастный друг не решился бы назвать красивой его загорелую, резко очерченную физиономию, даже Мэйбл нашла что-то обаятельное в его улыбке — в ней, словно солнечный луч в капле воды, отражалась вся непосредственность и правдивость, которой дышало это честное лицо.

— Не думаю, чтобы батюшка послал за мной такого человека, — ответила она Следопыту, подарив его такой же чистосердечной, но только во много раз более пленительной улыбкой.

— Нет, не послал бы, нет! Сержант душевный человек, и не в одном походе, не в одной битве стояли мы рядом, как он сказал бы, плечом к плечу, хотя я предпочитаю, чтобы было где развернуться, когда поблизости бродит французишка или минг.

— Так это вы молодой друг, про которого батюшка так часто поминал в своих письмах?

— Вот именно, что молодой: сержант опередил меня на тридцать лет — да, на целых тридцать лет у него передо мной преимущество.

— Но только не в глазах его дочери, дружище Следопыт, — вставил Кэп; с тех пор как вокруг снова заплескалась вода, у него заметно улучшилось настроение. — Лишних тридцать лет вряд ли покажутся преимуществом девятнадцатилетней девушке.

Мэйбл покраснела и отвернулась, чтобы избежать взоров своих спутников в носовой части лодки, но тут же встретила восхищенный взгляд юноши, стоявшего на корме. И в эту самую минуту, на крыльях ветерка, который не зарябил бы и лужицы, по аллее, образованной прибрежными деревьями, издалека донесся глухой, тяжелый гул.

— Ага, узнаю родные звуки! — насторожился Кэп, точно собака, слышавшая отдаленный лай — Это, верно, шумит прибой у берегов вашего озера.

— Ошибаетесь, ошибаетесь, — сказал Следопыт, — это река кувыркается по скалам в полумиле отсюда, ниже по течению.

— Как, на этой реке есть водопад? — оживилась Мэйбл, и кровь еще жарче прилила к ее щекам.

— Черт подери, мастер Следопыт, или вы. Пресная Вода, — так Кэп уже величал Джаспера, желая показать, что он освоился с пограничными порядками, — не лучше ли нам изменить курс и подойти ближе к берегу? Там, где есть водопад, можно ждать и порогов; а если нас втянет в воронку, нам уже никакой Мальстрем⁹ не понадобится.

— Доверьтесь нам, доверьтесь нам, друг Кэп, — отвечал Следопыт. — Мы, правда, всего лишь пресноводные матросы, а Про меня и этого не скажешь, но пороги, перекаты и водопады для нас дело привычное и мы постараемся спуститься вниз, не посрамив своей учености.

— Спуститься вниз! Черта с два! — воскликнул Кэп. — Уж не собираетесь ли вы перемахнуть через водопад в этакой скорлупке?

— То-то и есть, что собираемся. Дорога к крепости лежит через водопад; а ведь куда проще переправиться на пироге, чем разгрузить ее, а потом и лодку и груз тащить на руках добрую милю по берегу.

Мэйбл, побледнев, оглянулась на молодого матроса, ибо в эту самую минуту новый порыв ветра донес до нее глухой рев воды, звучащий особенно грозно теперь, когда причина этого явления была установлена с достаточной ясностью.

— Мы считали, — спокойно заметил Джаспер, — что, высадив на берег женщин и индейцев, мы, трое белых, привычных к воде, прогоним лодку без всякого риска, нам это не впервой.

— И мы надеялись на вас, друг моряк, как на каменную гору, — заявил Следопыт, подмигивая Джасперу через головы всей компании. — Уж вам-то не в новинку кувыркание воды, а ведь надо же кому-то и за поклажей присмотреть — как бы наряды сержантовой дочки не смыло водой, потом ищи их и свищи.

Озадаченный Кэп не нашелся что ответить. Предложение переправиться через водопад представилось ему даже более рискованным, чем могло бы показаться человеку, незнакомому с опасностями судоходства; ему слишком хорошо была известна ярость стихий и беспомощность человека, отданного в их власть. Правда, гордость его восставала при мысли о бесславном бегстве, тем более что его спутники не только без страха, но с полным душевным спокойствием собирались плыть дальше. И все же, несмотря на самолюбие и приобретенную привычку к опасности, он, может быть, и покинул бы свой пост, когда бы индейцы, сдирающие скальпы, так прочно не засели у него в голове, что по сравнению с этой угрозой лодка представлялась ему чем-то вроде спасительного убежища.

⁹ Мальстрем — опасный водоворот у северных берегов Норвегии.

— А как же Магни? — спохватился он; мысль о любимой племяннице пробудила в нем новые угрызения совести. — Не можем же мы высадить на берег Магни, если поблизости бродят враждебные нам индейцы!

— Не тревожьтесь! Ни один минг и близко не подойдет к волоку, — уверенно ответил Следопыт. — Это слишком открытое место для их подлых каверз. Натура есть натура, индейцу свойственно появляться там, где его меньше всего ждут. Не бойтесь встретиться с ним на торной дороге: ему нужно только захватить вас врасплох. Эти бестии спят и видят, как бы обмануть человека если не так, то этак. Причаливай к берегу. Пресная Вода. Мы высадим сержантову дочку на то поваленное дерево — ей даже башмачки замочить не придется.

Джаспер причалил к берегу, и вскоре пассажиры вышли из лодки, кроме Следопыта и обоих матросов. Невзирая на свое профессиональное самолюбие, Кэп с радостью пошел бы посуху, но он не решался так безоговорочно признать свое поражение перед пресноводным коллегой.

— Черт меня побери, — объявил он экипажу, едва пассажиры ступили на твердую землю, — если я вижу в этой затее хоть каплю здравого смысла. Это все равно что прокатиться в лодке по лесной речушке. Невелика хитрость вместе с пирогой сверзиться с Осуижского водопада. Такой подвиг одинаково доступен и неопытному новичку и бывалому матросу.

— Ну уж нет, зря вы обижаете наш Осуижский водопад, — запротестовал Следопыт. — Пусть это не Ниагара и не Дженеси, не Кэху и не Глен и даже не Канадские водопады, а новичок натерпится тут страху. Не мешало бы сержантовой дочке залезть вон на ту скалу и полюбоваться, как мы, темные лесные жители, берем с маху препятствия там, где не удается обойти их стороной. Смотри же. Пресная Вода, не подкачай, ты единственная наша надежда — на мастера Кэпа рассчитывать нечего, он у нас за пассажира.

Как только пирога отошла от берега, Мэйбл, трепеща от волнения, побежала к скале, на которую ей указал Следопыт. Она сетовала своим спутникам на дядюшку, зачем он подвергает себя такому бессмысленному риску, а сама то и дело поглядывала на стройную и сильную фигуру рулевого, который, выпрямившись во весь рост, стоял на корме, управляя движениями пироги. Но, едва девушка достигла вершины скалы, откуда открывался вид на водопад, как из груди ее невольно вырвался сдавленный крик, и она поспешила закрыть лицо руками. Впрочем, уже через минуту она опустила руки и долго стояла как зачарованная, не смеядохнуть, — безмолвная свидетельница того, что совершалось перед ее глазами. Ее спутники-индейцы равнодушно присели на пень, едва удостоивая взглянуть на реку, тогда как Июньская Роза, присоединившись к Мэйбл, следила за движениями пироги с любопытством ребенка, радующегося прыжкам акробата.

Едва лишь лодка выбралась на быстрину, Следопыт опустился на колени, продолжая работать веслом, но много медленнее, чем рулевой, словно сообразуясь с его движениями и стараясь ему не мешать. Джаспер стоял прямой как стрела, не сводя глаз с какой-то точки за водопадом, очевидно выбирая место, где пирога могла бы проскочить.

— Держи западнее, западнее держи, — бормотал Следопыт, — туда, где пенится вода. Проведи линию между верхушкой того дуба с надломленным стволом и засохшей лиственницей справа.

Пресная Вода не отвечал: лодка шла по самому стрежню, и усилившееся течение с головокружительной быстротой несло ее к водопаду. В эту минуту Кэп с восторгом отказался бы от славы, которую мог принести ему этот подвиг! лишь бы очутиться в безопасности на берегу. Он слышал приближающийся рев воды, который все еще доносился как бы из-за завесы, но с каждой минутой становился явственнее и громче; видел сверкающий внизу жгут воды — он как бы перерезал лес, и на всем ее протяжении кипела и ярилась свирепая стихия, отливая зеленью и словно распадаясь на отдельные частицы, утратившие всякую силу сцепления.

— Право руля! Право руля! — заорал он, уже не владея собой, в то время как пирога

приближалась к водопаду. — Держи правее, болван!

— Как же, как же, как бы не так! — ответил Следопыт, закатываясь ликующим беззвучным смехом. — Держи левее, мой мальчик, держи левее!

Остальное произошло в мгновение ока. Пресная Вода с силой взмахнул веслом, пирога скользнула в протоку, и несколько секунд Кэпу казалось, что их швырнуло в кипящий котел. Он увидел, как нос пироги зарылся в воду, увидел у самого борта пенящийся, ревущий поток, почувствовал, как легкое суденышко под ним швыряет, словно ореховую скорлупку, а затем, к величайшему своему удивлению и не меньшей радости, обнаружил, что они плывут по тихой заводи ниже водопада в своей пироге, направляемой размеренными ударами Джасперова весла.

Следопыт, все еще смеясь, поднялся с колен, пошарил вокруг себя и, вооружившись роговой ложкой и оловянным ведерком, начал прилежно вымерять воду, которую пирога зачерпнула, проходя через водопад.

— Четырнадцать ложек, Пресная Вода, четырнадцать полных, с краями, ложек. А ведь, помнится, раньше ты обходился десятью.

— Мастер Кэп так ерзал на скамье, что трудно было удерживать лодку в равновесии, — с полной серьезностью отвечал Джаспер.

— Что ж, возможно. Тебе, разумеется, видней. Но только раньше ты обходился десятью ложками.

— Гм! — оглушительно кашлянул Кэп, прочищая горло.

Он ощупал косичку, словно проверяя, цела ли она, и оглянулся, чтобы на расстоянии оценить миновавшую опасность. И тут он понял, что их спасло. Большая часть водного потока низвергалась с высоты десяти — двадцати футов, но примерно посередине вода, проточив в скале узкую расщелину, падала не отвесно, а под углом в сорок — сорок пять градусов. По этой-то стремнине пирога и скользнула вниз, лавируя среди обломков скал, пенящихся водоворотов и яростного клочкотания взбесившейся стихии, сулившей углу челну, на неискушенный взгляд, неминуемую гибель. А между тем именно легкость пироги облегчала ей спуск: несясь по гребням волн, направляемая верным глазом и мускулистой рукой кормчего, она, словно перышко, даже не замочив глянцевиных боков, перепархивала с одной пенистой кручи на Другую. Надо было только избежать нескольких опасных камней и твердо держаться курса, остальное довершило стремительное течение¹⁰.

Мало сказать, что Кэп был удивлен: к его восхищению удалю рулевого примешивался глубокий страх — неудержимый страх моряка перед гибельными скалами, Однако он воздержался от выражения своих чувств как от недостойной уступки пресноводным бассейнам и речному судоходству.

Прочистив горло вышеуказанным "гм", Кэп тут же пустился в рассуждение в духе своего обычного самохвальства.

— Что ж, ничего не скажешь, фарватер вы знаете, мастер Пресная Вода. В таких местах главное — знать фарватер. У меня были рулевые старшины, которые не хуже вашего проделали бы этот номер, лишь бы им известен был фарватер.

— Ну нет, дело тут не только в фарватере, друг моряк, — возразил Следопыт. — Нужны железные нервы и немалая сноровка, чтобы вести лодку к цели, обходя камни и скалы. В наших местах не найдешь другого гребца, который мог бы так уверенно, как Пресная Вода, проскочить через Осуижский водопад, хоть и были случаи, когда кое-кому это с грехом пополам удавалось. Я бы и сам не взялся, разве только уповая на милость провидения. Нужны железная рука Джаспера и верный глаз Джаспера, чтобы при такой попытке обойтись без вынужденного купанья. Четырнадцать ложек в конце концов не так уж

¹⁰ Чтобы читатель не принял это описание за плод досужей фантазии, автор спешит оговориться, что ему известен случай, когда по этому водопаду была доставлена в полной сохранности тридцатифунтовая пушка. (Прим, автора.)

много, хоть я и предпочел бы, чтобы их было десять, ведь за нами сверху наблюдала сержантова дочка.

— Но ведь, собственно, это вы управляли пирогой. Я слышал, как вы отдавали команду.

— Человек слаб, приятель моряк: во мне все еще сказывается натура бледнолицего. Ежели бы вместо меня в лодке сидел Змей, он не проронил бы ни звука, что бы он ни думал про себя. Индеец умеет держать язык за зубами. Это мы, белые, воображаем, будто знаем все лучше других. Я понемножку избавляюсь от этого недостатка, но нужно время, чтобы выкорчевать дерево, которому перевалило за тридцать лет.

— Воля ваша, сэр, я не вижу тут никакого подвига. То ли дело проскочить в лодке под Лондонским мостом, а ведь на это отваживаются каждый день сотни людей, и даже, если хотите знать, благородные дамы. Его королевское величество собственной персоной тоже как-то проехал в лодке под Лондонским мостом.

— Избави меня бог от благородных дам и королевских величеств (дай им бог здоровья) в моей лодке, когда придется переправляться через водопад! Этак недолго их всех утопить. Похоже, Пресная Вода, что нам придется прокатить сержантова шурина по Ниагарскому водопаду, надо ведь показать ему, на что способны люди на границе.

— Черта с два, мастер Следопыт, вы, конечно, шутите! В жизни не поверю, чтобы берестяная лодочка переправилась через этот мощный водопад.

— А я вам скажу, мастер Кэп, что вы в жизни так не ошибались. Да это же проще простого, я сколько раз видел своими глазами. Если живы будем, непременно вам покажу, как это делается. Я так считаю, что даже самый большой океанский корабль может спуститься по водопаду при условии, что он до него доберется.

Кэп не заметил лукавого взгляда, которым обменялись Следопыт с Джаспером, и на некоторое время притих. А между тем стоило ему подумать, и он догадался бы, что трудность не в том, чтобы спуститься по Ниагарскому водопаду, а в том, чтобы по нему подняться.

К этому времени путники достигли места, где Джаспер оставил свою пирогу, спрятав ее в кустах, и вся компания расселась по лодкам: Кэп, его племянница и Джаспер заняли одну, а Следопыт и Разящая Стрела с женой — другую. Что до могиканина, то он пошел вперед по берегу, высматривая со всей осторожностью и зоркостью своего племени, нет ли поблизости врагов.

Только когда пирога снова вышла на быстрину и понеслась по течению, подгоняемая редкими, но сильными гребками Джасперова весла, Мэйбл опомнилась, и отхлынувшая кровь снова прилила к ее щекам, Ужас сковал девушку и лишил ее речи, когда она следила за переправой через гибельную пучину, но даже страх не помешал ей восхищаться отважным кормчим. Впрочем, надо сказать, что то присутствие духа, с каким Пресная Вода совершил свой подвиг, не оставило бы равнодушным и менее впечатлительное и отзывчивое существо, нежели Мэйбл. Он стоял неподвижно, несмотря на бешеные прыжки и курбеты пироги, и от тех, кто наблюдал это зрелище с берега, не укрылось, что только своевременный рывок весла, потребовавший всех его сил и всего умения, спас лодку, которой грозило вот-вот разбиться о скалу, омываемую каскадами кипящей воды, то отливавшей от утеса, обнажая его бурюю поверхность, то накрывавшей его прозрачной пеленой с таким постоянством и такой методичностью, словно игрой стихии управляла невидимая машина. Язык не всегда в силах выразить то, что видишь глазом; Мэйбл же увидела достаточно даже в минуты охватившего ее страха, чтобы в памяти у нее навсегда запечатлелась картина: лодка, скачущая по волнам, и неподвижный, невозмутимый рулевой. Однако не только в этом заявило себя то коварное чувство, которое, незаметно подкравшись, притягивает женщину к мужчине; забота Джаспера вливала в Мэйбл спокойствие и уверенность; впервые после того, как они оставили Стэнвикский форт, она почувствовала себя в этом утлом суденышке легко и безопасно.

Вторая пирога неотступно держалась рядом, и общим разговором руководил правивший ею Следопыт; Джаспер ограничивался тем, что отвечал на вопросы. Он так осторожно орудовал веслом, что это удивило бы всякого знавшего обычную его небрежную уверенность, если бы тот понаблюдал его теперь со стороны.

— Мы имеем понятие, что такое женская натура, и не решились бы переправить сержантову дочку через водопад, — говорил Следопыт, глядя на Мэйбл, хоть и обращаясь к дядюшке. — Правда, я знавал женщин в наших местах, которые с легкой душой пустились бы в это путешествие.

— Мэйбл такая же трусиха, как ее мать, — заметил Кэп, — и правильно вы сделали, дружище, что уважили ее женскую слабость. Малышка никогда не плавала по морю. такой — Еще бы, еще бы, я так и подумал. А вот, судя по тому, какой вы бесстрашный, сразу видно, что вам сам черт не брат! Мне однажды пришлось побывать в переделке с неопытным новичком, и что же вы думаете — болван выпрыгнул из лодки в ту самую минуту, как она клюнула носом, чтобы спуститься вниз. Представляете, чего парень натерпелся?

— И что же стало с беднягой? — осведомился Кэп. Он не знал, как понять Следопыта: при всей его кажущейся безобидности в тоне проводника слышался какой-то задор, который давно заставил бы насторожиться всякого более чуткого собеседника, чем наш бывалый моряк.

— Он и правда бедняга, и к тому же плохой пограничник, а вот решил удивить нас, темных неучей. Что с ним случилось? Скатился по водопаду вверх тормашками, только и всего. В общем, оконфузился парень, как это иной раз бывает с нашими судейскими или генералами.

— Так ведь им же не приходится прыгать с пироги, — отозвался Джаспер, улыбаясь.

Видно было, что его тяготит разговор о водопаде и он охотно предал бы забвению весь этот эпизод.

— Ну, а вы не скажете, что вы думаете о нашем головоломном прыжке? — обратился Следопыт к Мэйбл, заглядывая ей в глаза, так как лодки шли борт о борт.

— Он был опасен и смел, — сказала Мэйбл. — Пока я глядела на вас, мне было тяжело и досадно, хотя теперь, когда все обошлось благополучно, я могу лишь восхищаться вашей выдержкой и отвагой.

— Только не думайте, что мы это сделали, чтобы покрасоваться перед хорошенькой девушкой. Молодые люди не прочь щегольнуть друг перед другом своей удалью и храбростью, но мы с Пресной Водой не из таких. Я по натуре человек прямой, и душа у меня простая, без всяких вывертов — спросите хоть Великого Змея; а уж тем более не к лицу мне такие замашки, когда я занят службой. Что до Джаспера, насколько я знаю, ему было бы приятней переправиться через водопад втихомолку, чтобы никто не видел, чем на глазах у сотни зрителей. Мы с ним старые друзья, и я никогда его не считал за бахвала и зазнайку.

Мэйбл наградила Следопыта улыбкой, и обе лодки по этому случаю еще долго шли рядом; юность и красота были столь редким явлением на отдаленной границе, что даже трезвые и привычные к узде чувства лесного жителя не устояли перед цветущей прелестью юной девицы.

— Мы думали о пользе дела, — продолжал Следопыт. — Так было лучше во всех отношениях. Если бы мы понесли пирогу на руках, это отняло бы уйму времени, а когда имеешь дело с мингами, главное — выиграть время.

— Но ведь сейчас нам нечего бояться: лодки идут быстро, и, по вашим же словам, мы через два часа будем в крепости.

— Хотел бы я видеть ирокеза, который осмелится хотя бы волосок тронуть на вашей головке, красавица! Все мы здесь и ради сержанта, а еще больше, сдастся мне, ради вас самой, только и думаем, как бы уберечь вас от беды. Но послушай. Пресная Вода, кто это там ниже по реке стоит на скале у второй излучины, подалее от кустов?

— Это Великий Змей, Следопыт. Он делает нам знаки, но я их не понимаю.

— Ну конечно, это Змей. Он хочет, чтобы мы пристали к берегу. Что-то стряслось,

иначе он при своей выдержке и сметке не стал бы нас тревожить. Ну, друзья, куражу не терять! Мы — мужчины и встретим подлые замыслы дикарей, как подобает нашему цвету кожи и разумению. Эх, всегда я презирал похвальбу, ни к чему хорошему она не приводит, — и видите, не успел похвалиться, что мы в безопасности, как приходится тут же бить отбой.

Глава IV

*С природой спор ведет искусство:
В садах — зеленые беседки,
Кудрявый плющ увил их густо,
Шиповник протянул к ним ветки.*
Спенсер. "Королева фей"

Осууго ниже водопада более быстрая и своенравная река, чем в верхнем плесе. Местами она течет с величавым спокойствием, присущим глубоким водам, но кое-где ее пересекают отмели и пороги, и в описываемые нами дни, когда природа еще пребывала в нетронутом состоянии, некоторые участки реки были небезопасны для плавания. От гребцов здесь не требовалось больших усилий, но там, где течение становилось бурным и на пути встречались отмели и скалы, для кормчего необходимы были не только осмотрительность и зоркость, но и большое хладнокровие, быстрая смекалка и крепкая, рука, чтобы избежать гибели. Могиканину это было известно, и он благоразумно выбрал тихое местечко, чтобы без риска для друзей остановить пироги и сообщить нечто важное тому, кому это знать надлежало.

Как только Следопыт увидел вдали характерный силуэт старого приятеля, он, поманив за собою Джаспера, сильным гребком повернул нос лодки к берегу. Спустя минуту обе пироги несло вниз под укрытием прибрежных кустов. Все теперь приумолкли — кто от испуга, а кто из привычной осторожности. Когда лодки поравнялись с Чингачгуком, он знаками подозвал их к берегу. И тут у Следопыта с его приятелем индейцем произошел короткий, но многозначительный разговор на языке делаваров.

— Вождь, конечно, не принял бы сухое дерево за врага, — для чего же он приказал нам остановиться?

— В лесу полно мингов.

— Мы уже два дня, как это подозреваем, но известно ли это вождю наверняка?

Могиканин без слов подал приятелю высеченную из камня головку трубки.

— Она лежала на свежей тропе, что вела к гарнизону.

Гарнизонам называли на границе любое военное укрепление, независимо от того, стояли там войска или нет.

— Это мог обронить и какой-нибудь солдат; много наших балуется трубками краснокожих.

— Гляди, — сказал Великий Змей, поднося свою находку к глазам приятеля.

Вырезанная из мыльного камня, трубка была отделана тщательно и даже с некоторым изяществом. Посредине чашечки выделялся крестик, выточенный с усердием, не допускавшим никакого сомнения в назначении рисунка.

— Ну и дьявольщина! Ничего хорошего это не предвещает, — сказал Следопыт, разделявший вместе со многими колонистами суеверный страх перед религиозной эмблемой, воплощавшей для них козни иезуитов, — страх, столь сильный и столь распространенный в протестантской Америке тех времен, что он оставил свой отпечаток на ее моральных представлениях, сохранившихся у нас и поныне. — Только индейцу, развращенному хитрыми канадскими священниками, могло прийти в голову вырезать это на своей трубке. Ручаюсь, что негодяй молится на свой талисман всякий раз, как собирается обмануть невинную жертву или замышляет какую-нибудь чудовищную пакость. Похоже, что трубку только что обронили. Верно, Чингачгук?

— Когда я нашел ее, она еще дымилась.

— Удачная находка! А где же тропа?

Могиканин указал на след, вившийся в ста шагах.

Дело принимало серьезный оборот. Оба главных проводника, посоветовавшись, поднялись по откосу и с величайшим вниманием принялись исследовать тропу. Это заняло у них минут пятнадцать, после чего Следопыт вернулся один, а его краснокожий приятель исчез за деревьями.

Простодушие, искренность и честность, которыми дышало лицо Следопыта, сочетались в нем с величайшей уверенностью в себе и в своих силах, невольно передававшейся и окружающим. Но сейчас его открытое лицо выражало озабоченность, которая всем бросилась в глаза.

— Ну, что слышно, мастер Следопыт? — спросил Кэп, снизив свой самодовольный зычный бас до осмотрительного шепота, более подходившего для тех опасностей, которые подстерегали его в этой глуши. — Неужто неприятель и в самом деле помешает нам войти в порт?

— Что такое?

— Неужто эти размалеванные клоуны бросили якорь у гавани, куда мы держим курс, в надежде нас от нее отрезать?

— Может быть, в ваших словах и есть резон, но я ни черта в них не пойму; в трудную минуту чем проще человек выражается, тем легче его понимают. Я знать не знаю ни портов, ни якорей, а знаю только, что шагах в ста отсюда вьется след, проложенный мингами, свежий, как непросоленная дичь. Там, где побывал один из этих гадов, могла побывать их и дюжина, а путь они держат к гарнизону, и, значит, ни одна душа не пройдет теперь по прогалине на подступах к крепости без риска угодить к ним на мушку.

— А разве нельзя дать из крепости бортовой залп по негодьям и расчистить окрестность на расстояние прицельного огня?

— Нет, здешние форты не то, что в наших поселениях. В Осуиго всего-то два-три легких орудия, поставленных против устья реки; к тому же бортовой залп по дюжине мингов, залегших в лесу и за камнями, был бы дан впустую. Но есть у нас один выход, и неплохой. Мы здесь в относительной безопасности. Обе пироги укрыты под высоким откосом и кустами; ни одна душа не видела, как мы высадились, разве кто выследил нас с противоположного берега. А стало быть, здесь нам нечего бояться. Но как заставить этих кровожадных извергов отправиться обратно вверх по реке?.. А, знаю, знаю! Если это и не принесет большой пользы, то и вреда не причинит. Видишь каштан, Джаспер? Вон тот, с раскидистой кроной, у последней излучины реки. Смотри на наш берег.

— Около поваленной сосны?

— Вот именно. Захвати с собой кремень и трут, проберись туда по откосу и разложи костер. Тем временем мы осторожно отведем лодки ниже по реке и найдем себе другое убежище. Кустов здесь хватит. Мало ли эти места видели засад!

— Слушаюсь, Следопыт, — отозвался Джаспер, собираясь идти. — Минут через десять будет тебе костер.

— И на сей раз, Пресная Вода, не пожалей сырых веток, — напутствовал его Следопыт, заливаясь своим особенным смехом — Сырость помогает, когда нужен густой дым.

Зная, как опасна малейшая проволочка, юноша быстро направился к указанному месту, Мэйбл заикнулась было, что он подвергает себя слишком большому риску, но ее доводы не возымели действия; весь отряд начал готовиться к перемене стоянки, так как с того места, где Джаспер собирался разжечь костер, можно было увидеть лодки. Торопиться не было надобности, и готовились не спеша, с оглядкой. Обе пироги выбрались из кустов и уже через несколько минут стали спускаться по течению. Когда каштан, возле которого возился Джаспер, почти скрылся из виду, пироги остановились, и все глаза обратились назад.

— А вот и дым! — воскликнул Следопыт, заметив, что ветер отнес по реке облако дыма и легкой спиралью взвил его кверху. — Добрый кремень, кусочек стали и охапка

листьев дают отличный костер. Надеюсь, Пресная Вода не позабыл о зеленых ветках, сейчас они не помешают.

— Слишком большой дым — слишком большой хитрость, — рассудительно заметил Разящая Стрела.

— Святая истина, тускарора, но мингам известно, что в окрестности стоят войска. У солдата на привале только и заботы, как бы пообедать, и он меньше всего думает об опасности и осторожности. Нет, нет, мой мальчик, побольше дров, побольше дыма; все будет отнесено за счет недотепы шотландца или ирландца, который больше заботится о своей картошке или овсянке, нежели о том, что индейцы могут его обойти или подстрелить.

— А у нас в городах считают, что солдатам на границе знакомы повадки индейцев, — заметила Мэйбл, — они будто бы и сами не уступают в хитрости краснокожим.

— Пустое! Далеко им до этого, опыт их ничему не научил. Они по-прежнему заняты муштрой и шагистикой. Здесь, в лесной глуши, выкидывают артикул, будто у себя дома, на своих парадах, о которых они вечно рассказывают. У одного краснокожего больше хитрости в мизинце, чем у целого полка, прибывшего из-за моря, — я называю это лесной сноровкой. Но дыма, как я вижу, даже больше, чем нужно, и нам не мешает укрыться. Парень, кажется, собирается поджечь всю реку, Как бы минги не решили, что здесь целый полк на биваке.

Говоря это, Следопыт вывел пирогу из-за кустов, и спустя несколько минут дерево и дым от костра исчезли за поворотом. К счастью, неподалеку показалась небольшая заводь, и обе пироги, подгоняемые веслами, вошли в нее.

Трудно было бы найти лучшее место для стоянки, принимая во внимание цель, какую себе ставили наши путешественники. Густой кустарник навис над водой, образуя навес из листьев. Отлогий бережок, усыпанный мелким гравием, манил к отдыху. Увидеть беглецов можно было только с противоположного берега, но он зарос густой чащей кустарника, а позади тянулось непроходимое болото.

— Укрытие достаточно надежное, — сказал Следопыт, самым дотошным образом осмотрев расположение стоянки, — но не мешает сделать его еще лучше. Мастер Кэп, от вас ничего не требуется, кроме полной тишины. Приберегите на другое время свои морские познания и таланты, а мы с тускаророй кое-что предпримем на случай возможных неприятностей.

Следопыт с индейцем вошли в заросли и, стараясь не шуметь, нарезали крупные ветви ольшаника и других кустарников; эти деревца, как их можно было вполне назвать, они втыкали в речной ил, заслоняя ими пироги, стоявшие на мелководе. За десять минут выросла целая изгородь, образовав непроницаемый заслон для тех, кто мог бы увидеть путников с единственно опасного наблюдательного пункта. Эта нехитрая маскировка потребовала от обоих "садовников" немалой сноровки и изобретательности. Надо сказать, что все благоприятствовало нашим друзьям, извилистые очертания берега, удобная заводь, мелкое дно и прибрежные кусты, окунавшие в воду свои верхушки. Следопыт предусмотрительно выбирал изогнутые лозы, росшие здесь в изобилии. Срезанные у самого корня и высаженные в речной ил, они вполне естественно клонили свои верхушки к воде и на первый взгляд казались кустами, растущими в земле. Короче говоря, заводь была так искусно замаскирована, что разве только настороженный взгляд задержался бы на ней в поисках засады.

— Никогда я не бывал а более надежном укрытии, — сказал Следопыт, тщательно осмотрев проделанную работу. — Листья новых насаждений смешиваются с ветвями кустарников, что свисают у нас над головой: даже художник, гостивший недавно в крепости, не мог бы сказать, которые из них здесь по божьему велению, а которые по человеческому произволению, Но тише! Сюда спешит Пресная Вода и, как рассудительный малый, идет водой, предпочитая доверить свои следы реке; сейчас будет видно, чего стоит наше убежище Джаспер возвращался со своего задания и, не видя нигде пирог, решил, что они обогнули излучину реки, укрывшись от тех, чье внимание мог бы привлечь костер. Из привычной осторожности он шел по воде, чтобы след, оставленный путниками на берегу, не имел

продолжения. Если бы канадские индейцы и наткнулись на тропу, проложенную Следопытом и Змеем, когда те поднимались на берег и спускались к реке, то след этот должен был затеряться в воде. Молодой человек, бредя по мелководью, дошел до излучины, а потом, держась кромки берега, спустился вниз по реке.

Беглецам, притаившимся за кустами, достаточно было прикинуть к густой листве, чтобы увидеть в просветы все, что делается на реке, тогда как тот, кто находился даже в двух шагах от зеленой чащи, был лишен этого преимущества. Если взгляд его и падал случайно на такой просвет, то зеленый откос и игра теней на листьях скрадывали очертания прятавшихся позади людей. Нашим странникам, наблюдавшим за Джаспером из своих лодок, видно было, что юноша растерялся и не может понять, куда скрылся Следопыт. Обойдя излучину и совершенно потеряв из виду зажженный им костер, молодой человек остановился и начал внимательно, пядь за пядью, оглядывать берег. Время от времени он делал десяток шагов и снова останавливался, чтобы возобновить свои поиски. Так как здесь было совсем мелко, он вошел поглубже в воду и, проходя мимо насаждений Следопыта, чуть не коснулся их рукой. И все же он ничего не обнаружил и уже почти миновал это место, когда Следопыт, слегка раздвинув ветки, негромко окликнул его.

— Что ж, отлично, — сказал Следопыт, заливаясь своим беззвучным смехом. — Мы можем себя поздравить — хотя глаза бледнолицых и краснокожих так же отличаются друг от друга, как подзорные трубы разной силы. Я готов побиться об заклад с сержантовой дочкой, — скажем, на роговую пороховницу против вамупма¹¹, — что весь полк ее отца мог бы здесь пройти, не заметив обмана. Вот если бы по реке вместо Джаспера прошли минги, вряд ли бы их обманула наша плантация Зато уж с того берега даже им ничего не разобрать, так что она еще сослужит нам службу.

— А не кажется ли вам, мастер Следопыт, — спросил Кэп, — что нам следует, не откладывая дела в долгий ящик, сразу же тронуться в путь и удирать на всех парусах, как только эти мерзавцы повиснут у нас на корме? У нас, моряков, преследование в кильватер считается безнадежным делом.

— Никуда мы не поедем, пока не узнаем, с какими новостями явится Змей; покуда на руках у нас хорошенькая сержантова дочка, я не двинусь с места, хотя бы мне предложили весь порох, что хранится на складах крепости. В случае погони нас ждет верный плен или верная смерть. Если бы нежная лань, которую поручили нашим заботам, могла бежать по лесу, как дюжий олень, может, и имело бы смысл бросить здесь лодки и двинуться в обход лесом; мы еще до рассвета дошли бы до крепости.

— Давайте так и сделаем, — воскликнула Мэйбл с внезапно вспыхнувшей энергией. — Я молодая, проворная, бегаю и прыгаю, как коза, дядюшке нипочем за мной не угнаться! Не считайте же меня обузой! Мне страшно подумать, что все вы ради меня рискуете жизнью.

— Полноте, полноте, красавица, никто не считает вас обузой. Да кому же в голову придет подумать о вас что-нибудь дурное! Каждый из нас готов подвергнуться вдвое большему риску, чтобы услужить вам и честному сержанту. Разве я неправ, Пресная Вода?

— Чтобы услужить ей! — воскликнул Джаспер с чувством. — Меня ничто не заставит покинуть Мэйбл Дунхем, покуда я не увижу ее в полной безопасности, под крылом отца.

— Золотые твои слова, дружище, благородные и мужественные слова! Так вот же тебе моя рука и мое сердце в том, что я полностью с тобой согласен. Красавица, вы не первая женщина, какую я провожаю по лесной глуши, и всегда все обходилось хорошо, кроме одного только случая. Но то был поистине злосчастный день. Не дай мне бог снова пережить такой!

Мэйбл переводила взгляд с одного своего рыцаря на другого, и слезы выступили у нее на глазах. Порывисто протянув руку каждому из них, она сказала дрогнувшим голосом:

— Я не имею права подвергать вас опасности. Батюшка будет вам благодарен и я, да

¹¹ Вампум — индейское ожерелье или пояс из ракушек.

благословит вас бог! Но не надо лишнего риска. Я вынослива и не раз ходила за десятки миль пешком просто так, из детской прихоти. Почему же мне не сделать усилие, когда на карте стоит моя жизнь, — вернее, ваши драгоценные жизни?

— Да это же кроткая голубка, Джаспер! — объявил Следопыт, не выпуская пальчиков Мэйбл, пока девушка из природной скромности не отняла у него руку. — И до чего же она прелестна! Живя в лесу, грубеешь, Мэйбл, а порой и ожесточаешься сердцем. И только встреча с таким существом, как вы, воскрешает в нас юные чувства и светит нам весь остаток жизни. Думаю, что и Джаспер вам это скажет. Как мне в лесной чащобе, так и ему на Онтарио редко приходится видеть подобное создание, которое смягчило бы его сердце и напомнило ему о любви к себе подобным. Ну-ка, скажи, Джаспер, так это или не так?

— Мне, по правде сказать, сомнительно, чтобы можно было еще где-нибудь встретить такую Мэйбл Дунхем, — возразил молодой человек галантно, однако выражение искреннего чувства на его лице говорило о его правдивости красноречивее всяких слов. — И не только в лесах и на озерах не сыскать такой, но даже в поселках и городах.

— Давайте оставим тут наши пироги, — снова взмолилась Мэйбл. — Что-то мне говорит, что нам не безопасно здесь задерживаться.

— Такая прогулка не по вашим силенкам, девушка, лучше оставим этот разговор. Вам пришлось бы прошагать двадцать миль ночью, в непроглядной тьме, не разбирая дороги, перелезая через корни и пни, пробираясь по болотам и кочкам. Мы оставили бы в траве слишком широкий след и, подойдя к крепости, вынуждены были бы прокладывать себе дорогу с оружием в руках. Нет, подождем могиканина.

Уважая мнение того, к кому они в эту трудную минуту обращались за советом и руководством, никто больше не возвращался к этому вопросу. Отряд разбился на группы. Разящая Стрела с женой сидели поодаль под кустами и тихо переговаривались; индеец говорил повелительным тоном, а жена отвечала ему с той униженной покорностью, которая так характерна для подчиненного положения подруги дикаря. Следопыт и Кэп, сидя в пироге, рассказывали друг другу свои многообразные приключения на суше и на море.

В другой лодке сидели Джаспер и Мэйбл, и дружба их за один этот час сделала, должно быть, большие успехи, чем при других обстоятельствах это возможно было и за год.

Несмотря на опасность, минуты летели незаметно; особенно удивились молодые люди, когда Кэп объявил, сколько времени уже прошло с тех пор, как они ждут.

— Кабы здесь можно было курить, — заметил старый моряк, — я был бы предоволен таким кубриком. Наше судно находится в тихой гавани и крепко ошвартовано — его не снесет никакой муссон. Одно горе — нельзя выкурить трубку.

— Еще бы — нас сразу же выдал бы запах табака. Какой смысл отводить глаза мингам, принимая все эти меры предосторожности, если они учуют нас носом? Нет, нет, откажитесь от своих привычек и даже от законных потребностей; берите пример с индейцев: чтобы разжиться одним скальпом, они готовы целую неделю голодать... Ты ничего не слышишь, Джаспер?

— Это возвращается Змей.

— Вот и отлично! Сейчас мы узнаем, чего стоят глаза могиканина.

Могиканин появился с той же стороны, откуда пришел и Джаспер. Но, вместо того чтобы направиться на поиски друзей, он, обойдя излучину, чтобы его не увидели с другого плеса, сразу же зашел в кустарник, росший на берегу, и, обернувшись назад, стал внимательно что-то разглядывать.

— Змей видит этих гадов! — прошептал Следопыт, залившись своим ликующим беззвучным смехом, и толкнул локтем Кэпа:

— Так же верно, как то, что я белый человек и христианин, они клюнули на нашу наживку и засели в кустах у костра.

Воцарилось полное молчание: все следили не отрываясь за каждым движением Чингачгука. Минут десять могиканин неподвижно стоял на скале, но тут, видимо, что-то важное привлекло его внимание — он внезапно отпрянул назад, испытующе и тревожно

оглядел берег и двинулся вниз по реке, ступая по неглубокой прибрежной воде, смывавшей его следы. Он, очевидно, торопился и был чем-то сильно озабочен, ибо то и дело оборачивался, а затем снова устремлял свой пытливый взор туда, где, по его предположениям, могла быть спрятана пирога.

— Окликни его! — прошептал Джаспер, горя нетерпением узнать, чем встревожен делавар. — Окликни, а не то он пройдет мимо.

— Как бы не так, как бы не так, паренек, — возразил его товарищ. — Нечего горячку пороть! Если бы что случилось. Змей двигался бы ползком. Господи, благослови нас и просвети своей мудростью! Похоже, что Чингачгук, у которого такое же безошибочное зрение, как у собаки чутье, и в самом деле нас не видит и не замечает нашего тайника.

Однако Следопыт торжествовал прежде времени: не успел он произнести эти слова, как индеец, прошедший было мимо зеленой кущи, внезапно остановился, внимательно оглядел искусственные насаждения Следопыта, поспешно повернул назад, наклонился и, осторожно раздвинув ветки, предстал перед путниками.

— Ну, как там проклятые минги? — спросил Следопыт, едва друг его подошел достаточно близко, чтобы можно было тихо переговариваться.

— Ирокезы... — поправил его рассудительный индеец.

— Неважно, неважно: ирокезы, черти рогатые, минги, мингвезы, да любое их иродово племя — дело от этого не меняется. Для меня все эти негодяи — минги. Подойди-ка поближе, вождь, нам надо серьезно потолковать.

Друзья отошли в сторону и долго беседовали на языке делаваров. Узнав все, что ему было нужно. Следопыт вернулся к товарищам и поделился с ними полученными сведениями.

Могиканин шел по следу враждебных индейцев, направлявшихся к крепости, но вдруг их внимание привлек дым от разложенного Джаспером костра. Тут они сразу же повернули обратно. Чингачгуку пришлось спрятаться, пока весь отряд не прошел мимо, так как индейцы легко могли его обнаружить. К счастью для могиканина, ирокезы были так взбудоражены своим внезапным открытием, что не обратили обычного внимания на лесные приметы. Во всяком случае, все они прошли мимо него вереницей, пятнадцать человек общим числом, легко ступая по следам друг друга, и Чингачгук тут же двинулся за ними. Достигнув места, где тропа могиканина и Следопыта сливалась с общей тропой, ирокезы спустились на берег, должно быть, в ту самую минуту, когда Джаспер скрылся за речной излучиной. Теперь они ясно увидели низко стелющийся дым костра. Рассчитывая подойти к нему украдкой, ирокезы снова углубились в лес и исчезли между деревьями, а Чингачгук, как он полагал, никем не замеченный, воспользовался этим, чтобы спуститься к воде и подойти к излучине. Здесь он остановился, как уже было описано, и подождал, пока ирокезы не окружили костер. — Впрочем, они не стали долго мешкать.

О намерениях ирокезов Чингачгук мог судить только по их движениям. По-видимому, они скоро догадались, что костер разложен лишь для отвода глаз, и, наспех обследовав это место, разделились на две партии: одна партия вернулась в лес, а человек шесть — восемь спустились к реке и по следу Джаспера направились к прежней стоянке путников. О том, что они предпримут, добравшись туда, можно было только гадать, ибо Змей, понимая всю опасность положения, счел своевременным вернуться к своим друзьям. Судя по кое-каким жестам ирокезов, он предполагал, что они спустятся вниз по реке. Но то была лишь догадка.

Когда Следопыт рассказал все это своим спутникам, каждый из его белых товарищей отозвался на его слова так, как диктовал ему жизненный опыт; каждый в поисках средств спасения обратился к своему привычному ремеслу.

— Давайте выведем пироги на середину, — горячо предложил Джаспер. — Течение здесь быстрое, да и мы не пожалеем сил, и никто из злодеев за нами не угонится.

— А как же нежный цветок, что распустился на поляне, — ужель ему суждено до срока увянуть в лесу? — возразил его Друг, впадая в поэтический речитатив, который он, живя среди делаваров, невольно перенял у них.

— Каждый из нас скорее умрет! — воскликнул юноша, и щедрый румянец залил его

щеки до самых висков. — Мэйбл и жена Разящей Стрелы лягут на дно пироги, а сами мы, как должно мужчинам, отразим натиск врага.

— Ежели что касается весла или гребка, никто с тобой не сравнится, Пресная Вода, но по части подлости и хитрости минги не знают себе равных; лодка быстро летит по волнам, но пуля летит быстрее.

— Наше дело — грудью встретить опасность, ведь на нас положился заботливый отец!

— Но наше ли дело забывать о благоразумии?

— О благоразумии? Как бы слишком большое благоразумие не заставило нас забыть о мужестве!

Вся группа стояла на узкой песчаной полоске берега. Следопыт, утвердив в песке приклад "оленебоя", обеими руками держался за дуло карабина, касавшееся его плеча. В то время как Джаспер обращал к нему эти незаслуженные горькие упреки, ни один мускул не дрогнул на лице старшего товарища, и оно сохраняло свой ровный румянец загара, как будто ничего не произошло. Однако от молодого человека не ускользнуло, что пальцы друга, словно тисками, сжали железное дуло: только этим он себя и выдал.

— Ты молод и горяч, — возразил Следопыт с достоинством, яснее всяких слов говорившим о его нравственном превосходстве, — а между тем вся моя жизнь протекла среди подобных приключений и опасностей, и мой опыт и мои знания могут противостоять нетерпению мальчика. Что касается мужества, Джаспер, то я воздержусь от запальчивого и несправедливого ответа на твое запальчивое и несправедливое обвинение, так как верю, что в меру своих знаний и опыта ты рассуждаешь, как честный человек. Но послушай совета того, кто уже имел дело с мингами, когда ты был еще ребенком, и знай, что легче обойти их коварство разумом, чем одолеть безрассудством.

— Прости меня, Следопыт, — сказал юноша, в порыве раскаяния схватив руку старшего товарища, которую тот не стал отнимать. — Я искренне прошу у тебя прощения. Глупо и несправедливо было с моей стороны осуждать человека, чье сердце так же непоколебимо в Добре, как несокрушимы скалы на берегах моего родного озера.

Только теперь щеки Следопыта окрасились ярче, и торжественное достоинство, в которое он облекся, уступив естественному порыву, сменилось выражением сердечной искренности, неразлучной с каждым его чувством. На рукопожатие юного друга он ответил таким же горячим пожатием, словно между ними только что не повеяло холодком: суровые черточки, залегшие меж его глаз, исчезли, и по лицу разлилось обычное выражение ласкового добродушия.

— Добро, Джаспер, добро, — сказал он, смеясь. — Я на тебя не сержусь, да и никто не в обиде на твою давешнюю горячность. У меня сердце отходчивое — белому человеку не пристало злопамятство, — но я не посоветовал бы и половину твоих упреков обратить к Змею — он хоть и делавар, но краснокожий, а с ними шутки плохи.

В эту минуту чье-то прикосновение заставило Следопыта обернуться: Мэйбл стояла в пироге выпрямившись; ее легкая, ладная фигурка чуть подалась вперед в позе напряженного внимания. Приложив палец к губам и отвернув голову, девушка приникла к просвету в листве, тогда как удочкой, зажатой в другой руке, она чуть коснулась плеча Следопыта. Не сходя со своего наблюдательного поста, проводник мгновенно припал к глазку в листве и шепнул Джасперу:

— Это гады минги. Держите ружья на взводе, друзья, но не шевелитесь, словно вы не люди, а мертвый сухостой.

Джаспер быстро, но не производя ни малейшего шума, скользнул к пироге и с ласковой настойчивостью заставил Мэйбл лечь на дно, хотя даже ему не удаюсь бы заставить девушку склонить голову так низко, чтобы не следить за приближением врага. Позабывшись о Мэйбл, он стал с ней рядом и поднял ружье наизготовку. Разящая Стрела и Чингачгук подползли к зеленой завесе и, высвободив руки, залегли в кустах неподвижно, как змеи, стерегущие свою жертву, тогда как Июньская Роса, уткнув голову в колени и накрывшись холстинковым подолом, замерла на месте. Кэп вынул из-за пояса пистолеты, но сидел в

растерянности, по-видимому, не зная, что делать. Следопыт застыл на своем посту: он заранее выбрал позицию, откуда удобно было целиться в неприятеля и наблюдать за его маневрами. Он и теперь сохранял обычное хладнокровие, которое не давало ему теряться в самые трудные минуты.

А положение и впрямь было серьезное. В ту минуту, как Мэйбл коснулась удочкой плеча своего проводника, у речной излучины, ярдах в ста от их убежища, показались три ирокеза. Они шли в воде, обнаженные по пояс, в боевой раскраске, в боевом вооружении. Видно было, что они не знают, в какую сторону податься. Один указывал рукой вниз по течению, другой — вверх, а третий как будто предлагал переправиться на другой берег.

Глава V

Смерть везде, смерть во всем,

Ей подвластно все кругом.

Шелли. "Смерть"

Это была одна из тех минут, когда сердце останавливается и кровь застывает в жилах. О намерениях своих преследователей путники могли судить только по их жестам да по отрывочным возгласам, выдававшим ярость и разочарование. Ясно было, что часть их повернула обратно к крепости и что, следовательно, хитрость с костром не удалась; но это соображение отступало на второй план перед непосредственной опасностью, угрожавшей путникам, так как индейцы, двигавшиеся вниз по реке, могли открыть их с минуты на минуту. Эти мысли с необычайной ясностью, словно по наитию, промелькнули в голове у Следопыта; надо было принимать какое-то решение, а приняв его, действовать единодушно. Следопыт сделал знак Джасперу и обоим индейцам подойти поближе и шепотом обратился к ним со следующими словами:

— Будьте наготове, будьте наготове! Этих дьяволов всего-навсего трое, тогда как нас пятеро мужчин, из коих четверым такие передрыги не в новинку. Пресная Вода, ты возьмешь на себя того, кто раскрашен наподобие смерти; Чингачгук займется жоаком, а Разящей Стреле я поручаю самого молодого дикаря. Смотрите же, ничего не спутать: было бы грешно всадить две пули в одного индейца, когда в опасности дочка нашего сержанта. Я буду держаться в резерве, на случай, если появится новый гад или если у кого-нибудь из вас дрогнет рука. Не открывать огня, пока я не дам сигнала. Стрелять будем только в крайности, чтобы не всполошить остальных злодеев, — они, конечно, где-то поблизости. Джаспер, мой мальчик, при малейшем движении у нас в тылу, сразу же выводи пирогу с сержантовой дочкой и гребки к гарнизону что есть силы. Авось господь тебя не выдаст.

Не успел Следопыт отдать команду, как приближение индейцев потребовало от путников полной тишины. Ирокезы медленно шли по воде, стараясь держаться нависшего над водой кустарника, но вдруг шорох листьев и потрескивание сучьев под ногами возвестили, что по берегу идет другой отряд — на одной линии с первым и шаг в шаг с ним. Так как искусственные насаждения увеличивали расстояние до берега, оба отряда, только дойдя до них, увидели друг друга. Индейцы остановились и вступили в разговор буквально над головами у притаившихся путников. Ничто не защищало наших друзей от взоров неприятеля, за исключением листьев и веток, столь гибких, что они поддавались малейшему движению воздуха, — их в любую минуту могло развеять и унести сильным порывом ветра. К счастью, оба отряда краснокожих — и в воде и на земле — глядели поверх листьев, смешавшихся в сплошной полог и не вызывавших у них подозрений. Быть может, самая смелость выдумки Следопыта способствовала ее успеху. Разговаривали индейцы серьезно, приглушенными голосами, очевидно, боясь непрошенных слушателей. Говорили на наречии, понятном как обоим индейцам, так и Следопыту. Даже Джаспер уловил кое-что из этой беседы.

— Река смыла след на иле, — сказал один из индейцев, стоявших в воде так близко от искусственной завесы, что его можно было бы ударить острой, лежавшей в лодке Джаспера. — Река смыла след так, что даже ингизская собака и та не учуяла бы его.

— Бледнолицые удрали в своих пирогах, — заявил индеец, стоявший на берегу.

— Быть того не может — ниже по реке их ожидают ружья наших воинов.

Следопыт многозначительно переглянулся с Джаспером и, сжав зубы, затаил дыхание.

— Пусть мои юноши смотрят зорко, словно у них орлиные глаза, — сказал старый воин, стоявший в реке. — Мы всю эту луну провели на военной тропе, а раздобыли один скаल्प. С бледнолицыми девушка, а кое-кто из наших храбрецов нуждается в жене.

По счастью Мэйбл этого не слышала. Джаспер же нахмурился еще сильнее прежнего, и на щеках у него вспыхнула краска негодования.

Разговор умолк. Слышно было, как ирокезы берегом пошли вперед, осторожно раздвигая ветки кустарника, и вскоре шаги их затихли в отдалении. Те же, что стояли в реке, все еще оглядывали берег, и глаза их благодаря причудливой боевой раскраске казались раскаленными углями. Минуты две-три спустя они тоже отправились дальше, но словно нерешительно и с заминкой, как люди, что-то потерявшие. Вот они миновали искусственный заслон, и Следопыт уже раскрыл было рот, чтобы залиться тем ликующим беззвучным смехом, которым благословила его природа и привычка, но торжество его оказалось преждевременным: дикарь, шедший позади, еще раз оглянулся и внезапно остановился как вкопанный: судя по его напряженной позе и пытливому взгляду, что-то в кустарнике привлекло его внимание.

К счастью для притаившихся путников, воин, в котором пробудилось подозрение, был еще молод и еще не завоевал доверия своих товарищей. Понимая, что юноше в его годы приличествует скромность и почтительность, он как огня боялся насмешек и презрения, какие вызвала бы поднятая им ложная тревога. Поэтому он не стал звать товарищей, продолжавших свой путь по реке, а в одиночестве подошел к кустам, не сводя с них словно зачарованного взгляда. Несколько листьев, обращенных к солнцу, слегка поникли, и это незначительное отклонение от привычных законов природы сразу же привлекло внимание индейца; чувства дикаря так искушены и обострены, в особенности на военной тропе, что ничтожные мелочи, казалось бы, не имеющие никакого значения, зачастую являются для него путеводной нитью. С другой стороны, именно незначительность замеченного им беспорядка в природе помешала ему поделиться с товарищами своим открытием. Если он и в самом деле натолкнулся на что-то важное, пусть лучше никто не оспаривает его славы; в противном же случае он избежит насмешек, до которых так чувствителен молодой индеец. Впрочем, как и всякий лесной житель, юноша был настороже в ожидании возможной опасности или засады и двигался осмотрительно и с оглядкой. Все эти многообразные колебания привели к тому, что молодой ирокез замешкался и, прежде чем он приблизился к кустам настолько, что мог дотронуться до них рукой, обе группы его товарищей ушли вперед на полсотни шагов.

Несмотря на свое трудное положение, путники не сводили глаз с ирокеза, на лице которого отражалась борьба разноречивых чувств. Юношу прежде всего манили успех в деле, в котором даже старейшины племени потерпели неудачу, и слава, какая редко выпадает столь незрелому воину, впервые ступившему на боевую тропу; вместе с тем его одолевали сомнения, ибо поникшие листья, казалось, снова встрепенулись, освеженные дыханием ветерка; а в довершение всего прочего его не покидало опасение, нет ли за всем этим скрытой угрозы. Однако так незначительно было действие летнего зноя на лозы кустарника, наполовину погруженные в воду, что, когда ирокез дотронулся до них рукой, ему показалось, что он обманулся в своих предположениях. Желая в этом удостовериться, он осторожно раздвинул ветви и ступил в укрытие, и тут его глазам предстали подобно бездыханным изваяниям спрятавшиеся за ними фигуры. Не успел индеец вскрикнуть и отпрянуть назад, как Чингачгук занес руку, и тяжелый томагавк обрушился на бритую голову врага. Ирокез только вскинул руки, зашатался, рухнул в воду, и поток подхватил его

тело, бившееся в предсмертных судорогах. Делавар сделал было героическую попытку вытащить ирокеза за руку в надежде раздобыть его скальп, но тут кровавую струю вместе с корчащейся жертвой закружило и унесло быстринной.

Все это было делом одной минуты: события так быстро сменяли друг друга, что люди, менее знакомые с тактикой лесных сражений, чем Следопыт и его товарищи, не знали бы, что и предпринять.

— Нельзя терять ни секунды, — негромко, но с величайшей серьезностью заявил Джаспер, выдергивая из воды бутафорские кусты. — Делайте то же, что и я, мастер Кэп, если хотите спасти племянницу, а вы, Мэйбл, растянитесь во весь рост на дне пирога.

Сказав это, он сразу схватился за нос лодки, и — по щиколотку в воде — потащил ее вверх по течению, держась ближе к кустарнику и торопясь добраться до речной излучины, чтобы своевременно укрыться от неприятеля. Кэп сзади помогал ему. Вторая пирога, стоявшая у самого берега, должна была отойти следом. Делавар спрыгнул на узкую полосу песчаного берега и затерялся в лесу — на его обязанности лежало следить за неприятелем на этом участке военных действий, тогда как Разящая Стрела сделал своему белому спутнику знак взяться за нос пирога и следовать за Джаспером. Но, дойдя до излучины, Следопыт почувствовал, что пирога вдруг стала легче, и, оглянувшись, не увидел позади тускароры и его жены. У него сразу же мелькнула мысль об измене, но нельзя было терять время, так как заунывный вопль, донесшийся снизу, возвестил яснее всяких слов, что труп молодого ирокеза догнал его товарищей, спустившихся ниже по реке. Прогремел выстрел и Следопыт увидел, что Джаспер, обогнув излучину, пересекает реку, стоя на корме пирога, тогда как Кэп, сидя на носу, изо всех сил помогает ему грести.

Достаточно взгляда, промелькнувшей мысли, и решение принято — такова повадка человека, искусенного в превратностях пограничной войны. Вскочив на корму своей пироги, Следопыт сильным гребком вывел ее на быстрину и начал переправляться на тот берег, но только держась ниже по течению, чем его товарищи, подставляя себя под пули ирокезов, — он знал, что соблазн завладеть его скальпом перевесит для них все другие соображения.

— Не спускайся ниже, Джаспер! — скомандовал отважный проводник, рассекая воду долгими, сильными и ровными гребками. — Держись курса и приставай к ольшанику на том берегу. Береги сержантову дочку, а злодеев мингов предоставь нам со Змеем.

Джаспер помахал ему веслом в знак того, что понял команду, а между тем выстрел следовал за выстрелом, и все они метили в одинокого гребца в ближайшей пироге.

— Ну что ж, разряжайте ружья, дурачье, простачье, — сказал Следопыт: постоянное одиночество в лесу приучило его говорить с самим собой за отсутствием других собеседников. — Изводите патроны, стреляя по неверной цели, а я тем временем буду шаг за шагом увеличивать расстояние между нами. Я не стану поносить вас, подобно какому-нибудь делавару или могоканину, ведь моя натура — натура белого человека, а не индейца, хвалиться же в час битвы недостойно христианина; но себе самому я вправе сказать, что вы немногим лучше, чем горожане, стреляющие по воробьям у себя в саду. Вот это еще куда ни шло! — воскликнул он, встряхивая головой, когда пуля отхватила прядь волос у самого его виска. — Но пуля, просвистевшая на дюйм от цели, так же бесполезна, как та, что не вылетала из дула. Bravo, Джаспер! Надо спасти сержантову дочку хотя бы и ценою наших скальпов.

В эту минуту Следопыт, почти поравнявшийся с ирокезами, находился на середине реки, тогда как вторая пирога, управляемая мускулистыми руками Кэпа и Джаспера, приближалась к берегу в указанном месте. На сей раз старый моряк оказался на должной высоте: он был в родной стихии, нежно любил племянницу, да и о себе не забывал, а кроме того, не раз бывал в огне, хотя и в другого рода сражениях. Несколько сильных ударов весла — и лодка скользнула в чащу кустарника. Джаспер помог Мэйбл сойти на берег, и на какую-то минуту все три беглеца почувствовали себя в безопасности.

Не то Следопыт. Своим отважным решением он подверг себя величайшему риску, а

тут, в довершение беды, когда его сносило течением под пули ирокезов, к последним, спустившись с откоса, присоединились их товарищи, шедшие по берегу. Осуиго в этом месте достигает кабельтова ширины, и лодка, плывшая посредине реки, находилась в сотне ярдов от стрелявших, то есть на расстоянии точного прицела.

В этом отчаянном положении только исключительное присутствие духа и замечательная сноровка выручили Следопыта. Он знал, что лишь неустанное движение может его спасти: редкий индеец, стреляя по неподвижной Мишени, промахнулся бы на таком расстоянии; но и не всякое движение было спасительным. Опытные охотники за оленями, индейцы умели, конечно, менять линию прицела по прямой в соответствии с маневрами убегающего зверя, и Следопыту приходилось двигаться зигзагами, то дрейфуя по течению со скоростью пущенной из лука стрелы, то резко меняя курс и правя к берегу. По счастью для него, ирокезы не могли перезаряжать свои ружья, стоя в воде, а тем, кто оставался на берегу, кустарник мешал следить за движением пироги. Умело пользуясь этими преимуществами и маневрируя под огнем. Следопыт быстро подвигался вниз по реке и по направлению к противоположному берегу, но тут внезапно, если и не совсем неожиданно, появилось новое препятствие в виде отряда, оставленного ирокезами в засаде для наблюдения за рекой.

Это были те самые дикари, о которых упоминали их товарищи в приведенном выше диалоге. Человек десять числом, искусенные в своем кровавом ремесле, они расположились у того места, где река, протекая по мелкому каменистому дну, образует пороги, или, по местному названию, "броды". Следопыт видел, что, если спуститься к бродам, его неминуемо снесет на ирокезов, так как бороться с течением здесь было невозможно, а кроме того, дорогу преграждали скалы. На этом пути смерть или плен были бы неминуемой развязкой. Итак, оставалось одно — добраться до западного берега, так как все неприятельские отряды были сосредоточены на восточном. Но это был подвиг, превосходивший человеческие силы, к тому же борьба с течением грозила настолько задержать движение пироги, что индейцы имели бы дело не с движущейся, а с неподвижной мишенью. В эту ответственную минуту Следопыт, недолго раздумывая, принял решение и со свойственной ему энергией стал тут же приводить его в действие. Вместо того чтобы спуститься по протоке, он направил пирогу к отмели, а там, схватив ружье и котомку, пустился вброд и давай перепрыгивать с камня на камень, пробираясь к западному берегу. Между тем стремительное течение подхватило пирогу, то швыряя ее на скользкие камни, то погружая в воду, то вынося на поверхность, пока не прибило к берегу в нескольких ярдах от места, где засели ирокезы.

Однако Следопыт не ушел от опасности. И если в первые минуты восхищение его смелостью и находчивостью, которые так ценятся у индейцев, ввергло его врагов в оцепенение, то жажда мести и стремление обрести драгоценный трофей вскоре вернули их к действительности. Выстрел гремел за выстрелом, смешиваясь с грохотом воды, пули свистели над его головой, а он неуклонно шел вперед, и если его грубая одежда пограничника была кое-где задета, то сам он не получил ни единой царапины.

Следопыту местами приходилось идти по глубокой воде, достигавшей ему чуть ли не до подмышек: он держал ружье и котомку с амуницией высоко над ревушей водой, и это так его утомило, что он обрадовался, набредя на большой камень или, вернее, на невысокую скалу, выдававшуюся над водой таким образом, что верхушка ее оставалась сухой. На этот-то камень, став за ним, как за временным укрытием, он и положил свою пороховницу. Западный берег был всего лишь в пятидесяти футах, но, взглянув на тихую, быструю и сумрачную воду, поблескивавшую меж камней. Следопыт понял, что добраться туда сможет только вплавь.

Индейцы на короткое время прекратили стрельбу; они столпились вокруг пироги и, найдя в ней весла, готовились переправиться через реку.

— Следопыт! — окликнул чей-то голос из ближайших кустов на западном берегу.

— Чего тебе, Джаспер?

— Не унывай! С тобой друзья! Ни единому мингу не удастся безнаказанно переправиться через реку. Но не лучше ли тебе оставить и ружье на том камне и скорее плыть к нам, прежде чем эти негодяи отойдут от берега?

— Настоящий лесовик не расстанется с ружьем, куда у него есть порох в пороховнице и пуля в подсумке. Сегодня мне, Пресная Вода, еще ни разу не пришлось взвести курок, а я не хочу расставаться с этими гадами, так и не подарив им ничего на память. Немного сырости не повредит моим ногам; я вижу среди этих мерзавцев Разящую Стрелу и не прочь отослать ему честно заработанную плату. Надеюсь, Джаспер, у тебя хватило догадки не приводить сюда сержантову дочку, ведь здесь пули так и рыщут.

— Она в безопасности, по крайней мере сейчас. Конечно, все зависит от того, сумеем ли мы удержать мингов на расстоянии. Теперь они знают, что нас немного, и если переправятся сюда, то кое-кого из своих людей оставят на том берегу.

— Все, что касается лодок, — это по твоей части, мой мальчик, хотя дай мне весло, и я готов поспорить с любым мингом, когда-либо охотившимся на лосося. Если они переправятся ниже бродов, почему бы нам не переправиться выше — не сыграть в "третий лишний" с этой волчьей сворой?

— Так я же говорю тебе, что часть их людей останется на том берегу. И потом. Следопыт, неужто ты подставишь Мэйбл под ирокезские пули?

— Сержантову дочку нужно спасти, — сказал Следопыт со спокойной твердостью. — Ей, бедняжке, ни к чему становиться под пули ирокезов, рисковать своим красивым личиком и нежным телом. У нее не наше с тобой призвание. Так что же нам делать? Хорошо бы задержать их, хотя бы часа на два, если возможно. А там попытаем счастья в темноте.

— Это было бы неплохо. Следопыт, но разве у нас достанет сил?

— С нами господь, мой мальчик, с нами господь; неужто провидение отвернется от такого невинного создания, как сержантова дочка, да еще в такую трудную минуту? Между водопадом и гарнизоном, сколько мне известно, нет ни одной лодки, кроме этих двух пирог, и, мне думается, ни один краснокожий не посмеет переправиться сюда под дулами таких ружей, как твое и мое. Я не стану хвастать, Джаспер, но на этой границе мало кто не знает, что "оленебой" бьет без промаха.

— О твоём искусстве. Следопыт, наслышан стар и мал, но, чтобы перезарядить ружье, нужно время. Кроме того, ты не на земле, за хитрым укрытием, тебе придется работать без обычных удобств. Если бы к тебе попала наша лодка, разве ты не переправился бы на берег, сохранив ружье сухим?

— Спроси у орла, умеет ли он летать, — ответил Следопыт, посмеиваясь, как обычно, своим беззвучным смехом и оглядываясь на тот берег. — Но сейчас вам нет смысла садиться в лодку под пули, я вижу, эти аспиды опять берутся за свое.

— Это можно сделать без всякого риска. Мастер Кэп отправился к нашей лодке. Он бросит в воду ветку, чтобы проверить течение, — оно идет в сторону твоего камня. Гляди, вот ветка уже плывет; если доплывет до тебя, подними руку, и за ней последует лодка. А не поймашь лодку, неважно: ее подхватит протокой пониже и принесет к берегу — куда она от меня не уйдет.

Джаспер еще не кончил говорить, как показалась плывущая ветка; все усиливающееся течение влекло ее на Следопыта, который схватил ее и помахал ею в воздухе, как было условлено. Кэп принял сигнал и тут же спустил на воду пирогу со всей осторожностью и всеми ухватками заправского моряка. Пирогу отнесло в том же направлении, что и ветку, и спустя минуту она была уже в руках у Следопыта.

— Честь тебе и слава, Джаспер, — сказал он, смеясь. — У тебя хватка настоящего жителя границы. Но твоя стихия — вода, а моя — лес. А теперь пусть мерзавцы минги покажут, на что они горазды, — это их последний шанс целиться в ничем не защищенного человека.

— Нет, нет, толкни лодку к берегу наперерез течению и бросайся в нее сам, как только она отойдет, — с живостью возразил Джаспер. — Не рискуй зря!

— Я предпочитаю стоять лицом к лицу с моими врагами, как и должно мужчине, особенно когда они сами подают мне пример, — с гордостью возразил Следопыт. — Я не рожден краснокожим, а белому человеку больше подобает драться в открытую, чем из засады.

— А как же Мэйбл?

— Твоя правда, мой друг, твоя правда. Сержантову дочку надо выручить из беды. Я не мальчишка, чтобы рисковать понапрасну... Так, значит, ты думаешь, что лодку снесет прямо на тебя?

— Вот именно. Но толкни ее хорошенько. Следопыт сделал все, что требовалось, пирога легко прошла разделявшее друзей расстояние, и Джаспер схватил ее, как только она подошла к берегу. Вытащить ее на отмель и залечь в укрытие было делом одной минуты, после чего друзья обменялись крепким рукопожатием, словно встретились после долгой разлуки.

— А теперь, Джаспер, посмотрим, решится и кто из мингов пересечь реку под дулом "оленебоя". Тебе-то сподручнее орудовать веслом, гребком и парусом, нежели карабином, но у тебя отважное сердце и верная рука, а это как раз то, что надобно в бою.

— За Мэйбл я голову положу, — спокойно сказал Джаспер.

— Да, да, сержантову дочку надо спасти. Ты мне по сердцу, мой мальчик, и сам по себе, но особенно я ценю в тебе, что ты думаешь об этой хрупкой тростиночке в минуту, когда от тебя требуется все твое мужество. Глянь-ка, Джаспер, трое этих негодяев и в самом деле садятся в лодку! Должно быть, думают, что мы удрали, — вряд ли у них хватило бы храбрости под самым дулом "оленебоя"!

И верно, ирокезы, видимо, готовились переправиться через реку, решив, что их враги, которых нигде не было видно, обратились в бегство. Так, разумеется, и поступили бы на их месте другие белые люди, но у наших друзей на руках была Мэйбл, и оба они были слишком искушены в лесной стратегии, чтобы не попытаться отстоять единственный более или менее верный шанс на ее спасение.

Как и сказал Следопыт, в пироге было три ирокезских воина; двое, на коленях, держали ружья наготове, собираясь вот-вот выстрелить, а третий греб, стоя на корме. Надо заметить, что прежде чем отважиться на переправу, ирокезы оттащили лодку выше по течению, в более спокойную воду на подступах к порогам. С первого же взгляда было видно, что индеец, правивший пирогой, мастер своего дела: под широкими, размеренными взмахами его весла лодка так плавно скользила по кристальной глади воды, словно парила в воздухе.

— Ну как, стрелять? — спросил Джаспер, с нетерпением ждавший битвы.

— Спокойнее, спокойнее, мой мальчик! Ведь их всего трое. Если мастер Кэп умеет обращаться с пугачами, что у него за поясом, мы можем дать им причалить к берегу, — по крайней мере, пирогу свою вернем.

— А Мэйбл?

— Не бойся за сержантову дочку. Ведь ты, говоришь, спрятал ее в дупле дерева за кустами ежевики. И, если ты так хорошо скрыл ее след, как уверяешь, она может просидеть там хоть месяц, смеясь над мингами.

— Как знать: плохо, что она так далеко от нас.

— Ничего тут нет плохого. Пресная Вода. Или ты хотел бы, чтоб над ее хорошенькой головкой свистели пули? Нет, нет, ей там лучше, там она в безопасности.

— Как знать: мы тоже считали себя в безопасности, когда сидели за кустами, а чем это кончилось?

— Ну и что же из того? Негодяй минг поплатился за свое любопытство, эти тоже поплатятся.

В эту самую минуту грянул выстрел, и индеец, стоявший на корме, высоко подпрыгнув, свалился в воду вместе с веслом. Легкий виток дыма поднялся над кустами на левом берегу и рассеялся в воздухе.

— Это Змей свистит! — воскликнул Следопыт торжествующе. — Другого такого

мужественного и преданного сердца не сыщешь даже среди делаваров. Жаль, конечно, что он вмешался, но ведь он не знал, чем мы тут дышим.

Лишившись кормчего, лодка, подхваченная быстринной, понеслась прямо на пороги. Оба индейца, бессильные бороться с течением, дико озирались по сторонам. К счастью для Чингачгука, внимание ирокезов было привлечено к судьбе товарищей, попавших в беду, а иначе ему трудно было бы и, пожалуй, даже невозможно спастись от их мщениия. Никто не двинулся с места, разве только чтобы спрятаться за ближайшие кусты, — все взгляды были обращены на обоих индейцев. Понадобилось меньше времени, нежели требуется, чтобы рассказать об этих событиях, как лодку уже швыряло и кружило среди камней, меж тем как оба дикаря легли ничком — единственное, что можно было сделать, чтобы сохранить равновесие. Но и это не помогло: ударившись о скалу, легкое суденышко перевернулось, и оба воина свалились в реку. Вода в бродах обычно неглубокая, за исключением проток, вырытых течением, и жизни их ничто не угрожало, но ружья свои они потеряли, и пришлось им кое-как, где вброд, а где и вплавь, добираться до дружественного берега, пирогу же выбросило на скалу посреди реки, где она до поры до времени и застряла без всякой пользы как для той, так и для другой стороны.

— А теперь. Следопыт, дело за нами, — сказал Джаспер, увидев, что оба ирокеза бредут по колону в воде — Я беру себе того, что выше по течению, а тебе оставляю другого.

Но юноша был, видимо, взволнован описанными происшествииями, рука его дрогнула, и пуля, должно быть, пролетела мимо, так как оба ирокеза подняли руки и, выражая свое презрение, помахали ими в воздухе. Следопыт не стал стрелять.

— Нет, нет. Пресная Вода, — сказал он, — я не проливаю крови попусту. Моя пуля не для баловства аккуратно обернута кожей и забита шомполом, а только на самый крайний случай. Я не люблю мингов, как оно и следует тому, кто долго жил с делаварами, их заклятыми прирожденными врагами, но я никого из этих аспидов не стану убивать, если не увижу ясно, что это необходимо для дела. Просто так, из озорства, я и оленя не трону. Когда живешь в лесной глуши наедине с господом богом, чувствуешь, что это единственно правильные и справедливые мысли. Одного убитого индейца с нас пока хватит, тем более что "оленебою", может, еще представится случай выручить Змея — ведь вот же не побоялся человек дать знать этим злодеям, что он тут, у них под самым боком. Но так же верно, как то, что я неисправимый грешник, вон один из них крадется по берегу в эту самую минуту, точно наш гарнизонный мальчишка, прячущийся за поваленное дерево, чтобы подстрелить белку!

Острый взгляд Джаспера без труда заметил на другом берегу фигуру, на которую указывал Следопыт. Один из молодых вражеских воинов, по-видимому, разбираемый желанием отличиться, потихоньку отделился от своих и приблизился к кустам, где укрылся Чингачгук. Обманутый кажущимся безразличием неприятеля, а может быть, и занятый какими-то своими приготовлениями, Великий Змей, очевидно, неосторожно высунулся и попался на глаза молодому воину. Это явствовало из того, что тот готовился выстрелить, — самого делавара с западного берега не было видно. Река в этом месте текла излучиной, и восточный берег образовал такую широкую дугу, что, хотя Чингачгук был недалеко от ирокезов, считая по прямой, его отделяло от них берегом несколько сот ярдов: да и от Следопыта с Джаспером было до него примерно столько же, сколько от них до ирокезов. И если ширина реки в этом месте была без малого двести ярдов, то такое же расстояние отделяло обоих наблюдателей от крадущегося ирокеза.

— Змей, должно быть, там, — заметил Следопыт, не отрывая глаз от юного воина. — Но чем же он так занят, что позволяет гаденышу мингу паялиться на него, — ведь ясно, что малый замышляет убийство...

— Посмотри, — прервал его Джаспер. — А вот и труп убитого индейца. Его прибило к скале, лежит — голова запрокинута.

— Да, так оно и есть, мой мальчик, так оно и есть! Человек — что плавучее бревно, когда дыхание жизни от него отлетело. Этот ирокез больше никому не причинит зла; но вон тот гаденыш дикарь охотится за скальпом моего самого верного, испытанного друга...

Следопыт так и не кончил: подняв свое необычайно длинное ружье вровень с глазами, он точно и уверенно выстрелил, почти не прикладываясь. Ирокез на противоположном берегу как раз прицелился в свою жертву, когда его настиг роковой свинец — посланец "оленебой". Ружье дикаря выстрелило, но в воздух, а сам он свалился в кусты, по-видимому, раненный, если не убитый.

— Подлый гаденыш сам накликал на себя беду, — сурово пробормотал Следопыт, опустив ружье и старательно его перезаряжая. — Мы с Чингачгуком дружны с детских лет, вместе воевали на Хорикэне, Мохоке, Онтарио, на всей этой кровью политой земле между французами и нами: неужто же дурак вообразил, что я позволю пристрелить моего лучшего друга в какой-то дрянной засаде!

— Что ж, мы поквитались со Змеем за его услугу. Но негодяи встревожены. Следопыт, и спрячутся по своим укрытиям, увидев, что мы можем настичь их на том берегу.

— Пустяковый выстрел, Джаспер, о нем и говорить не стоит. Спроси в Шестидесятом полку — там тебе скажут, на что способен "оленебой" и как он себя показал, когда пули градом сыпались у нас над головами. А этот выстрел выеденного яйца не стоит, бездельник сам навлек его на себя.

— Глянь, что это, собака или олень плывет? Следопыт встрепнулся. Действительно, по реке выше бродов, куда его сносило течением, плыл какой-то предмет неясных очертаний. Впрочем, при более внимательном взгляде обнаружилось, что это человек, по-видимому, индеец, но только в каком-то чудном головном уборе. Опасаясь подвоха или военной хитрости, оба приятеля удвоили внимание и глаз не сводили с пловца.

— Он что-то толкает перед собой, а голова — ну в точности дрейфующий куст, — сказал Джаспер.

— Все это их шаманские штучки, мой мальчик, но пусть это тебя не смущает, христианская честность восторжествует над их подкольной хитростью.

По мере того как пловец приближался, оба наблюдателя стали уже сомневаться в верности своего первого впечатления, и, только когда он проплыл две трети разделявшего их расстояния, глаза у них наконец открылись.

— Да это же Великий Змей, честное слово! — воскликнул Следопыт, заливаясь счастливым смехом, восхищенный удавшейся хитростью своего друга. — Привязал к голове целый сад, сверху пристроил пороховницу, а ружье приторочил к бревну и гонит перед собой. Ах ты, мой милый! Каких только мы с ним не устраивали проказ под носом у проклятых мингов, жаждавших нашей крови, еще в окрестностях Тайя и на большой дороге.

— А вдруг это не Змей, Следопыт! Я не вижу на этом лице ни одной знакомой черточки!

— Сказал тоже! Какие еще черточки! Нет, нет, мой мальчик, все дело в раскраске, а эти цвета ты увидишь только у делавера. Это его боевая раскраска, Джаспер, все равно как на твоём судне, что на озере, полощется флаг с крестом святого Георгия¹², а у французишек развеивается по ветру грязная салфетка с пятнами от рыбьих костей и жареной дичины. Вон и глаза видать, мой милый, и это глаза нашего вождя. Но, Пресная Вода, как ни свирепо горят они в бою и как ни тускло мерцают, выглядывая из-за листьев, — тут Следопыт легонько, но выразительно коснулся пальцем рукава собеседника, — мне случилось видеть, как из них градом катились слезы. Верь мне: несмотря на красную кожу, у него есть душа и сердце, хотя его душа и сердце устроены не так, как у белого человека.

— Всякий, кому знаком вождь, никогда в этом не сомневался.

— Но я-то знаю, — возразил Следопыт г гордостью. — Ведь мы с ним делили горе и радость; как бы тяжело ни карала его судьба, он никогда не терял мужества; и знал, этакий проказник и бедокур, что женщины его племени любят веселую шутку. Но что это я

¹² Старый английский флаг: красный крест на белом поле.

разливаюсь соловьем, словно городская кумушка перед соседками! У Змея острый слух. И не то чтоб он на меня рассердился: Змею известно, как я его люблю и всегда хвалю за спиною. Но душа у делавара стыдливая, и, только посаженный на кол, он сквернословит, как последний грешник.

Тут Змей доплыл до берега — как раз к тому месту, где сидели оба его дружка, — видно, он еще на том берегу углядел их; выйдя из воды, он только встряхнулся, как собака, и издал свое обычное: "У-у-ух!"

Глава VI

*Все перемены — дело рук творца,
Мир — воплощенный бог.
Джеймс Томсон. "Гимн"*

Когда вождь вышел на берег, Следопыт обратился к нему на его родном наречии.

— Хорошо ли это, Чингачгук, — сказал он с укоризной, — одному ввязываться в драку с дюжиной мингов! Правда, "оленебой" обычно меня слушается, но попасть в цель на таком расстоянии не просто, тем более что у этого нехристя только и видно было над кустами, что голову да плечи, и менее опытный стрелок мог бы промахнуться. Не мешало бы тебе об этом подумать, вождь, не мешало бы подумать!

— Великий Змей — могикий воин: на военной тропе он видит только врагов. Воды еще не начинали течь, а его отцы уже колотили мингов.

— Я знаю твою натуру, я знаю твою натуру и уважаю ее. Никто никогда не услышит от меня жалоб на то, что краснокожий верен своей натуре, но осмотрительность так же подобает воину, как и храбрость: ведь если бы эти черти ирокезы не глядели на своих товарищей, упавших в воду, тебе бы несдобровать.

— Что это делавар затеял? — воскликнул Джаспер, заметив, что Чингачгук круто повернулся и опять пошел к реке с явным намерением снова полезть в воду. — Уж не рехнулся ли он и не собирается ли плыть назад за какой-нибудь забытой пустяковиной?

— Ну нет, это на него не похоже; обычно он так же осмотрителен, как и храбр, и только давеча на него что-то нашло, и он забыл и думать о себе... Послушай, Джаспер, — добавил Следопыт, отводя юношу в сторону в ту самую минуту, как плеск воды поведал им, что индеец бросился вплавь, — послушай, парень: Чингачгук не белый человек и не христианин, как мы с тобой, а могикий вождь: у него свои законы и обычаи; и если ты водишься с людьми, которые не всем на тебя похожи, умеи уважать чужую натуру и чужой нрав. Королевский солдат ругается и пьет, и было бы напрасной тратой времени стараться его исправить; ребенок падок на сладости, а женщина — на наряды, и бороться с этим бесполезно; натуру же индейца и его повадки еще труднее побороть, и, надо думать, бог создал его для некой мудрой цели, хотя ни мне, ни тебе в этих тонкостях не разобраться.

— Что бы это значило? Гляди, делавар подплыл к трупу, который выбросило на камень. Ради чего он идет на такую опасность?

— Ради чести, ради славы, ради доблестного подвига, все равно как знатные джентльмены за морем оставляют свои уютные дома, где им, как говорится, только птичьего молока не хватает — я имею в виду не маменькиных сынков, конечно, — и бросают все, чтобы ехать сюда бить дичь и колошматить французов.

— А-а, понимаю: твой приятель отправился за скальпом!

— Это его цель в жизни, пусть ею тешится. Мы, белые, не станем увечить мертвого врага; а в глазах краснокожего это великая честь. Верь не верь. Пресная Вода, а я знавал белых людей с громкими именами и немалыми достоинствами, у которых были еще более странные представления о чести.

— Дикарь останется дикарем, Следопыт, с кем бы он ни водил компанию.

— Это только так говорится, парень; как я сказал, у белых тоже бывают странные

представления о чести, противно разуму и божьей воли. Я много думал об этом один в лесной тиши и пришел к выводу, мой мальчик, что уж раз миром правит провидение, значит, людям их склонности даны для мудрой и разумной цели. Кабы индейцы были никчемный народ, бог не создал бы индейцев. Я иной раз думаю: если б удалось нырнуть на самое дно и заглянуть в корень вещей, оказалось бы, что даже племена мингов созданы для разумной и благой цели, хотя, признаюсь, у меня не хватает смекалки догадаться, для какой именно.

— Змей чересчур рискует, чтобы добыть скальп, — боюсь, это плохо кончится.

— Но он не так смотрит, Джаспер. Для него один-единственный скальп значит больше, чем целое поле сражения, усеянное трупами, — вот как он представляет себе войну и честь солдата! Помнишь молодого капитана Шестидесятого полка? В нашей последней стычке он жизни не пожалел, чтобы захватить у французов трехфунтовую пушку, считая это для себя делом чести; а я знавал совсем молоденького прапорщика — истекая кровью, он завернулся в полковое знамя да так и затих, бедняга, воображая, что ему лежится мягче, чем на бизоньих шкурах.

— Что ж, удержать знамя — это, я понимаю, заслуга!

— А для Чингачгука скальп врага — его полковое знамя. Он сохранит его и будет показывать еще и детям своих детей... Впрочем... — Тут Следопыт осекся и, грустно покачав головой, раздумчиво добавил:

— Бедняга! На старом стволе не осталось ни единого ростка! Нет у могоканина детей, что порадовались бы его трофеям, нет и племени, которое чтит бы его дела. Один как перст на свете — и хранит верность взглядам, в которых его растили и воспитали. Согласись, Джаспер, в этом есть что-то честное и достойное уважения, какая-то настоящая порядочность.

В толпе ирокезов послышались возмущенные крики, за которыми последовала частая ружейная пальба. Неприятельским воинам так не терпелось отнять у делавара его жертву и помешать его намерению, что человек двенадцать бросились в воду, а кое-кто доплыл даже футов за сто до кипящей быстрины, точно и в самом деле рассчитывал добраться до торжествующего врага.

Однако Чингачгук, хладнокровно внимая угрозам, проклятьям и пению пуль, от которых он, казалось, был заговорен, с привычной ловкостью продолжал свою работу. Но вот он ее закончил и, размахивая трофеем, издал победный клич, прозвучавший так неистово и дико, что еще долгую минуту своды молчаливого леса и глубокая долина, проложенная быстрым течением реки, наполнились ужасными воплями, и бедняжка Мэйбл поникла головой в неуправляемом страхе, а у ее дядюшки мелькнуло желание бежать без оглядки.

— Такого мне еще не приходилось слышать от этих извергов! — воскликнул Джаспер, с ужасом и отвращением затыкая уши.

— Для индейцев это музыка, мой милый, это их барабан и флейта, их трубы и литавры. Они, должно быть, любят эти звуки, пробуждающие в них свирепые и кровожадные чувства, — спокойно ответил Следопыт. — Мальчишкой я тоже их боялся, а теперь они для меня что свист козодоя или крики пересмешника. Эти вопли уже не действуют мне на нервы, хотя бы здесь собралось несметное множество этих орущих чертей — отсюда и до самого гарнизона. Я не хвалюсь, Джаспер, а просто хочу сказать, что только слабые люди поддаются действию криков. Так можно запугать женщин и детей, но не зрелых мужчин, разведывающих лесную чащу и лицом к лицу встречающих врага. Надеюсь, Змей теперь доволен, вон он идет со скальпом у пояса.

Джаспер отвернулся, чтобы не видеть делавара, выходявшего из реки, — такое отвращение внушил юноше этот его последний подвиг; Следопыт же смотрел на друга с невозмутимостью философа, умеющего не замечать того, что представляется ему мелким и неважным. Направляясь за кусты, чтобы выжать одежду и перезарядить ружье, делавар с торжеством посмотрел на товарищей, и на этом эпизод, так всех взволновавший, был закончен.

— Джаспер, — сказал Следопыт, — сходи-ка за мастером Кэпом, позови его сюда к

нам. Время не терпит, а нам надо еще посоветоваться, как быть дальше, ведь минги не будут сидеть сложа руки, а непременно что-нибудь предпримут.

Молодой человек отправился за Кэпом, и вскоре все, четверо мужчин собрались на берегу, чтобы выработать общий план действий: с того берега их не было видно, тогда как сами они внимательно следили за противником.

День клонился к вечеру, и надвигающаяся ночь обещала быть темнее обычного. Солнце уже село, и густые сумерки средних широт должны были смениться непроглядной тьмой. На это, собственно, и возлагали надежды наши путники, хотя и здесь таилась опасность — ведь тот самый мрак, который должен был благоприятствовать их спасению, грозил скрыть от них коварные маневры врага.

— Друзья, — сказал Следопыт, — нам надо спокойно обдумать наши планы, чтобы каждый знал, что ему предстоит делать в соответствии с его способностями и опытом. Спустя какой-нибудь час в лесу будет стоять тьма кромешная, и, если мы хотим еще сегодня добраться до гарнизона, нам надо воспользоваться этим преимуществом. Что скажете вы, мастер Кэп? Хотя вы не самый из нас опытный по части лесных походов и сражений, ваш возраст дает вам право первым говорить на таком совете.

— Не забывайте, Следопыт, что я близкий родственник Мэйбл, с этим тоже надо считаться.

— Ну, как сказать, как сказать... Неважно, чем вызвано уважение и сердечная склонность — родственными чувствами или свободным предпочтением ума и сердца. Я не буду говорить от имени Змея — ему уже не пристало думать о женщинах, — но мы с Джаспером готовы грудью стать за сержантову дочку против мингов, как это сделал бы ее храбрый отец. Скажи, мальчик, разве я не правду говорю?

— Мэйбл может на меня рассчитывать, я отдам за нее всю мою кровь, до последней капли, — ответил Джаспер сдавленным от волнения голосом.

— Ладно, ладно, — сказал дядюшка, — Не будем обсуждать этот вопрос, я вижу, все вы готовы постоять за молодую девушку, и ваши дела докажут это лучше всяких слов. По моему суждению, все, что от нас требуется, — это погрузиться на судно, как только стемнеет, чтобы неприятельские дозорные нас не увидели, а затем идти к гавани на всех парусах, пользуясь благоприятным ветром и приливом.

— Это легко сказать, но трудно сделать, — возразил проводник. — На реке мы будем меньше защищены, чем в лесу, а, кроме того, ниже по реке нас ждут Осуижские броды, а я не уверен, что даже Джаспер сможет провести через них лодку в полной темноте. Что ты скажешь, Джаспер, голубчик?

— Я, как и мастер Кэп, предпочел бы идти в пироге. У Мэйбл с ее нежными ножками не хватит сил тащиться по болотам и спотыкаться о корни деревьев в такую темь, какая ожидается сегодня, а кроме того, у меня на сердце покойнее и глаз вернее, когда я на воде, а не на земле.

— Сердце у тебя еще ни разу не дрогнуло, парень, сколько я тебя знаю, да и глаз достаточно верный для того, кто больше жил под ярким солнцем, чем в лесу. А жаль, что на Онтарио нет деревьев; как порадовалось бы сердце охотника, глядя на такую ширь! Что до вашего предложения, друзья, тут есть что сказать и "за" и "против". Как известно, на воде нет следа...

— А что вы скажете о кильватерной струе? — прервал его Кэп, верный своему упрямому педантизму.

— Что такое?

— Продолжай, — сказал Джаспер. — Мастер Кэп воображает, будто он на океане. Итак, на воде нет следа...

— Да. Пресная Вода, по крайней мере у нас здесь это так. Я не берусь судить, как бывает на море. Кроме того, пирога легко и быстро плывет по течению, и для нежных ножек сержантовой дочки это будет чистый отдых. Но зато на реке нет другого укрытия, кроме туч над головой; через броды и днем-то переправляться небезопасно, а тем более ночью; и до

гарнизона шесть полных миль, считая по реке. Опять же ночью и на земле следов не видно. К великому моему огорчению, я и сам не знаю, Джаспер, что в этом случае посоветовать.

— Если бы нам со Змеем удалось вызволить вторую пирогу, — отозвался молодой матрос, — мне думается, на воде мы были бы в большей безопасности.

— Да, да, конечно! И, в сущности, это можно сделать, пусть только стемнеет как следует. Сержантова дочка не то что наш брат, для нее это, пожалуй, самый лучший выход. Были бы здесь одни мы, мужчины, лихие да отчаянные сорвиголовы, — я не отказался бы сыграть в прятки с этими канальями на том берегу. Ну что ж, Джаспер, — продолжал Следопыт, возвращаясь к своей обычной серьезности, ибо меньше всего была ему присуща всякая рисовка и бравада, — возьмешься доставить нам лодку?

— Я возьмусь за все, что нужно для благополучия и спокойствия Мэйбл.

— Что ж, это хорошие чувства, узнаю тебя, мой мальчик! Змей и так уже разделся чуть ли не догола — он тебе поможет. Если вы пригоните лодку, это отнимет у наших врагов их главный козырь — им уже не так легко будет нам пакостить.

Договорившись по этому существенному вопросу, все члены отряда приступили каждый к своим обязанностям. На лес быстро спускалась ночная тень, вскоре уже нельзя было видеть, что делается на другом берегу. Надо было торопиться — коварство индейцев способно было измыслить столько средств для переправы через реку, что Следопыт не мог дожидаться минуты, когда можно будет тронуться в путь. Джаспер и делавар, избегая малейшего всплеска воды, пустились вплавь, вооруженные только охотничьими ножами и томагавком. Тем временем Следопыт вывел Мэйбл из ее убежища и, приказав ей и Кэпу спуститься берегом пониже порогов, сел в единственную оставшуюся у них лодку, чтобы переправить ее туда же.

Сделать это оказалось нетрудно. Лодка подошла к самому берегу. Кэп и Мэйбл уселись на свои обычные места, а Следопыт, стоя на корме, крепко ухватился за куст, чтобы пирогу не снесло течением. Для путников потянулись долгие минуты томительного ожидания; чем кончится смелая попытка их товарищей?

Как уже видно из рассказанного, прежде чем добраться до той части порогов, которую можно было перейти вброд, Джасперу и могиканину предстояло переплыть глубокую протоку со стремительным течением. С этой задачей они справились без труда и, плывя бок о бок, одновременно коснулись дна. Почувствовав под ногами твердую почву, они взяли за руки и с величайшей осторожностью побрели в ту сторону, где, по их предположениям, застряла лодка. Тьма уже сгустилась; не надеясь что-либо увидеть, оба храбреца положились на инстинкт, который помогает дровосеку находить дорогу, когда солнце уже давно село, но ни одна звезда еще не показалась на небе, и всякий, кто не привык ориентироваться в лесном лабиринте, видит кругом только непроходимую чащу. При этих обстоятельствах Джаспер полностью подчинился делавару, чей опыт давал ему решительное преимущество перед юным матросом. И все же нелегко было в этот поздний час искать дорогу в грозно бурлящей воде, только по Памяти представляя себе эти места.

Когда им показалось, что они вышли на середину реки, оба берега маячили вдали неразличимой темной массой, и лишь косматые верхушки деревьев смутно выделялись на фоне облаков. Раза два, попав в глубокую воду, они меняли направление, зная, что лодка застряла на мелководье. И вот, руководясь одним лишь этим фактом, как своего рода компасом, Джаспер с товарищем с четверть часа блуждали по пояс в воде, но и к концу этого времени, которое молодому человеку показалось вечностью, видимо, ни на йоту не приблизились к своей цели. И как раз в ту минуту, когда делавар хотел уже остановиться и предложить товарищу вернуться на землю, чтобы предпринять затем новую вылазку, он различил в темноте смутный силуэт человека, который шел впереди них на расстоянии вытянутой руки. Догадавшись, что ирокез здесь по тому же делу, что и они сами, могиканин шепнул на ухо Джасперу:

— Это минг, Великий Змей покажет брату, как быть хитрым.

Молодой человек тоже заметил таинственную фигуру, и его озарила та же догадка.

Понимая, что разумнее всего довериться делавару, который ринулся вслед за исчезнувшей фигурой, Джаспер пошел за ним, немного отступя.

Через минуту индеец снова вынырнул из темноты, теперь он шел уже навстречу. Рокотание воды в камнях заглушало все другие звуки, и делавар, обернувшись к Джасперу, сказал:

— Положись на хитрый Великий Змей.

— Ух! — воскликнул таинственный незнакомец и прибавил на родном наречии-. — Я нашел пирогу, но мне одному не справиться. Помогите мне снять ее со скалы.

— Охотно, — сказал Чингачгук, понимавший его наречие. — веди нас, мы идем за тобой, Ирокез за грохотом реки не мог уловить особенности чужого голоса и произношения. Ничего не подозревая, он двинулся вперед, увлекая за собой остальных; вскоре все трое дошли до пироги. Ирокез ухватился за один ее конец. Чингачгук стал посередине, а Джаспер обошел кругом и взялся за другой конец — дикарь не должен был заподозрить присутствия бледнолицего, о чем он мог бы заключить по оставшейся на нем шапке и по характерным для белого очертаниям головы.

— Подняли! — сказал ирокез со свойственной индейцу повелительной интонацией.

Трое мужчин без малейшего усилия подняли пирогу в воздух, с минуту подержали на весу, чтобы вылить всю воду, и опустили ее на речную зыбь. Все трое крепко вцепились в борта, чтобы лодку не снесло течением, а ирокез, державшийся за нос, повел ее к левому берегу, туда, где друзья ждали его возвращения.

Как делавар, так и Джаспер понимали, что ирокез здесь не один и что где-то рядом бродят его соплеменники — недаром появление Джаспера и Чингачгука не удивило ирокеза, — и необходимо соблюдать величайшую осторожность. Люди менее смелые и решительные, пожалуй, не отважились бы так дерзко смешаться с врагами — слишком велика была опасность; но храбрые жители границы не ведали страха, привыкли рисковать жизнью и слишком хорошо понимали, что лодку нельзя оставлять неприятелю, — они пошли бы и на больший риск, чтобы удержать ее в своих руках. Джаспер считал столь важным для спасения Мэйбл либо захватить пирогу, либо привести ее хотя бы во временную негодность, что вытащил нож и держал его наготове, чтобы распороть суденышко в случае, если им с делаваром придется от него отказаться.

Ирокез, возглавлявший шествие, медленно брел по воде, держа путь к своим, и, не выпуская лодки из рук, увлекал за собой своих упирающихся спутников. Была минута, когда Чингачгук уже замахнулся томагавком, чтобы размозжить голову своему ничего не подозревавшему соседу, но опомнился, сообразив, что предсмертный крик врага или его всплывший труп могут вызвать общий переполох.

Правда, уже в следующую минуту он пожалел о своей нерешительности, так как трое тащивших лодку внезапно оказались в окружении отряда ирокезов из четырех-пяти человек, тоже вышедших на поиски пироги.

После обычного характерного возгласа, выражающего удовлетворение, только что подошедшие дикари также ухватились за лодку. Для всех собравшихся здесь она была желанной добычей: если одни видели в ней средство напасть на врага, то другие надеялись с ее помощью уйти от погони. Неожиданное усиление вражеской стороны давало ей явный перевес, и на мгновение даже ловкий и находчивый делавар растерялся. Пятеро ирокезов настолько ясно понимали свою общую цель, что, не тратя времени на разговоры, взялись все вместе и дружно потащили лодку — они намеревались воспользоваться захваченными ранее веслами и, посадив в нее трех-четыре воинов с ружьями и порошницами, отправить их на тот берег. Только отсутствие лодки помешало им осуществить это намерение сразу же после наступления темноты.

Таким образом, кучка сошедшихся друзей и противников подошла к восточной протоке, которую, как и у западного берега, нельзя было перейти вброд. Тут все остановились, чтобы решить, как лучше переправить лодку. Один из четырех ирокезов был вождем, и то уважение, с каким индейцы относятся к превосходству опыта, положения и

боевых заслуг, вынуждало остальных молчать в ожидании, что скажет старший.

Эта остановка была особенно опасна для Джаспера — в нем могли признать белого. Выручало только то, что он заранее предусмотрительно бросил в пирогу свою шапку, а рубашку и куртку оставил на берегу, и общие очертания его фигуры не слишком бросались в глаза. То, что он зашел за корму лодки, тоже делало его менее заметным — все взоры были, естественно, обращены вперед. Другое дело Чингачгук. Отважный воин в полном смысле слова был окружен противником, он и шагу не мог ступить, чтобы не наткнуться на кровного врага. И все же он ничем не выдавал своего волнения, хотя все его чувства были на страже в ожидании минуты, когда можно будет бежать или нанести смертельный удар. Он ни разу не позволил себе оглянуться назад из опасения быть узнанным и с непоколебимым терпением индейца выжидал, когда настанет время действовать.

— Пусть все мои молодые воины, за исключением тех, что находятся по обоим концам лодки, плывут к берегу за своим оружием, — распорядился вождь.

Индейцы беспрекословно повиновались, и только Джаспер остался у кормы, а ирокез, нашедший лодку, — у носа утлого суденышка, тогда как Чингачгук так быстро нырнул в воду, что никто не заметил его исчезновения. Плеск и шум, поднятые пловцами, и их перекликающиеся голоса вскоре возвестили, что четверка индейцев уплыла к берегу. Убедившись в этом, делавар вынырнул из воды и, заняв свое прежнее место, стал готовиться к решительным действиям.

Человек с меньшей выдержкой, пожалуй, тут же и нанес бы решительный удар, но Чингачгук знал, что на порогах осталось еще немало ирокезов, и как опытный воин не хотел подвергать себя напрасному риску. Он дождался, пока индеец, находившийся у носа пироги, не столкнул лодку в более глубокое русло протоки, после чего все трое поплыли к восточному берегу. Но вместо того, чтобы помочь ирокезу, делавар и Джаспер, едва почувствовав усилившийся напор течения, стали всячески противиться продвижению лодки к левому берегу. Правда, они делали это не открыто, с инстинктивной осторожностью людей, еще не тронутых цивилизацией, так что ирокез, плывший впереди, думал, что борется с сильным течением. Под действием противоборствующих сил лодку, разумеется, сносило быстринной, и через какую-нибудь минуту она очутилась в еще более глубоком месте ниже бродов.

Только тут ирокез догадался, что какая-то непонятная сила тормозит движение пироги, и, оглянувшись назад, увидел, что его спутники вместо помощи оказывают ему сопротивление.

Какое-то чутье — вернее, та вторая натура, которую родит в человеке долгая привычка, — подсказало молодому ирокезу, что он среди врагов. Рванувшись к дела-вару, он вцепился ему в горло, и оба индейца, бросив лодку на произвол судьбы, схватились, как два тигра.

Борясь не на жизнь, а на смерть в непроглядной тьме туманной ночи среди коварной стихии, готовой поглотить того, кто забудет о стерегущей его смертельной опасности, они уже не помнили ничего, кроме своей лютой ненависти и желания одолеть заклятого врага.

Лодка, отброшенная волнением, поднятым противниками, словно пушинка, подгоняемая дыханием ветерка, осталась в полном распоряжении Джаспера.

Первым побуждением юноши было броситься на помощь делавару, но, прислушавшись к тяжелому дыханию двух индейцев, которые продолжали душить друг друга, он особенно ясно понял необходимость завладеть пирогой и со всей возможной быстротой повернул к западному берегу. Добравшись до него, он вскоре нашел ожидавших его спутников и разыскал свое платье. Достаточно было нескольких слов, чтобы объяснить им, в каком положении он оставил делавара и как удалось ему завладеть лодкой.

Выслушав объяснения Джаспера, все затаив дыхание стали ловить малейший шорох, доносившийся по реке, в тщетной надежде узнать, чем кончилось ужасное единоборство. Но ничто не нарушало ночного безмолвия, кроме неугомонного клокотания бурливой реки: враг на том берегу притаился и не подавал признаков жизни.

— Возьми это весло, Джаспер, — сказал Следопыт, по-видимому, спокойно, хотя спутникам показалось, что в его голосе звучат новые, меланхолические нотки. — Последуешь за нами в своей пироге. Нам больше небезопасно оставаться здесь.

— А как же Змей?

— Судьба Великого Змея в руках его собственного божества; будет он жить или умрет — зависит от воли провидения. Мы ничем ему не поможем, а рискуем слишком многим, пребывая здесь в праздности, словно кумушки, сетующие на свои горести. Темнота — единственное наше спасение...

Долгий, громкий, пронзительный вопль на другом берегу прервал его.

— Что это за дикий визг, мастер Следопыт? — спросил Кэп. — Так могут вопить только бесы, а не добрые христиане и не человеческие существа.

— Они никакие не христиане, не выдают себя за христиан и не желают быть ими; напротив, назвав, их бесами, вы попали в самую точку. Это крики ликования, они говорят о торжестве. Верно, мингам удалось завладеть телом Змея — живого или мертвого.

— Что же нам делать? — воскликнул Джаспер; совесть мучила его при мысли, что несчастье можно было предотвратить, если бы он не покинул товарища в беде.

— Мне жаль, голубчик, но мы бессильны помочь Змею, и чем скорее оставим эти места, тем лучше.

— Так и не сделав попытки его спасти? И не зная наверняка, жив он или мертв?

— Джаспер прав, — нашла в себе силы сказать и Мэйбл, хотя голос ее звучал глухо и сдавленно. — Я не боюсь, дядюшка, и готова ждать, пока мы не узнаем, что случилось с нашим другом.

— А ведь она дело говорит! — подхватил Кэп. — Моряк ни за что не покинет друга в беде, и мне приятно слышать, что то же правило существует и у пресноводных жителей.

— Вздор, вздор! — воскликнул проводник, решительным рывком выводя пирогу в фарватер. — Вы не бойтесь, оттого что не знаете... Если вам дорога жизнь, думайте, как бы скорее добраться до крепости, а делавара оставьте на волю провидения. Горе мне со Змеем: повадился олень бегать на солонцы, тут-то его и подстережет охотник.

Глава VII

*И это Ярроу? И о ней,
О пенистой стремнине,
Мечту хранил я столько дней,
Погибшую отныне.
Глухая тишина вокруг,
Как много в ней печали.
О, хоть бы менестреля вдруг
Здесь песни прозвучали!*

Вордсворт. "На посещение Ярроу"

Эта ночь была исполнена величия, и, когда пирога, торопясь покинуть негостеприимный берег, вышла на быстрину и стремительно понеслась по течению, Мэйбл с присущей ей впечатлительностью восторженно-бескорыстной природы почувствовала, как кровь горячее заструилась в ее жилах и прилила к щекам. Облака рассеялись, и ночь стала прозрачнее, но лес, нависший над рекой, одел ее берега такой непроницаемой темнотой, что лодка плыла как бы в, поясе мрака, скрывавшем ее от посторонних глаз. И все же на душе у путников было беспокойно; даже Джаспер, тревожась за девушку, невольно вздрагивал при каждом подозрительном шорохе в лесу и то и дело озирался, плывя в своей пироге рядом с остальными. К веслам оба гребца прибегали редко и, окуная их в воду, избегали малейшего всплеска, так как всякий шум в бездыханной тишине этого места и Часа мог выдать их присутствие сторожким ушам ирокезов.

Все эти обстоятельства только усиливали необычайную романтическую атмосферу ночного

приключения, самого волнующего, какое выпало на долю Мэйбл за ее недолгую жизнь. Энергичная девушка, привыкшая полагаться на себя и гордившаяся тем, что она дочь солдата, не испытывала особенного страха; однако сердце ее билось учащенно, прекрасные голубые глаза светились решимостью, хотя за темнотой никто этого разглядеть не мог, а разгоряченные чувства с особенной остротой воспринимали великолепие и необычайность этой ночи.

— Мэйбл, — тихонько окликнул ее Джаспер, когда обе лодки так сошлись корма с кормой, что юный матрос удерживал их одной рукою. — Скажите, Мэйбл, вам не страшно, вы верите в нашу готовность сделать все для вашей защиты?

— Вы знаете, Джаспер, я дочь солдата, мне было бы стыдно сказать, что я боюсь.

— Положитесь на меня — на всех нас. Ваш дядя, Следопыт, делавар, будь он здесь с нами, и я — мы не посмотрим ни на какую опасность и никому вас не дадим в обиду.

— Я верю вам, Джаспер, — сказала девушка, опустив руку в воду и рассеянно перебирая в ней пальцами. — Я знаю, как любит меня дядюшка — первая его мысль всегда обо мне и лишь потом о себе; и я верю, что все вы, друзья моего отца, с радостью поможете его дочери. Но я не такая слабенькая и глупая девчонка, за какую вы меня принимаете. Хоть я и горожанка и, как все городские, склонна видеть опасность там, где ее нет и в помине, обещаю вам, Джаспер, — никакие мои пустые страхи не помешают вам выполнить ваш долг.

— Сержантова дочка права, и она достойна такого отца, как честный Томас Дунхем, — отозвался Следопыт. — Эх, красавица вы моя, и не счесть, сколько раз мы с вашим батюшкой ходили в расположение противника, бывали и на флангах и в тылу, а ночи-то были потемнее этой, и мы каждую минуту рисковали попасть в засаду. Я стоял с ним рядом, когда его ранило в плечо, и вы услышите от него при встрече, каково нам было переправляться через реку, унося от неприятеля наши скальпы.

— Он все, все рассказал мне, — ответила Мэйбл с горячностью, быть может, даже излишней в их теперешнем положении. — У меня есть письма, где он об этом пишет, и я от всего сердца вам благодарна. Господь воздаст вам. Следопыт; и нет такой вещи, которой не сделала бы дочь, чтобы вознаградить спасителя ее отца.

— Да, таковы все вы, милые, чистые создания! Я знавал таких и раньше, о других мне приходилось слышать. Сержант немало порассказал мне про свою юность, про вашу матушку, и как он ее добивался, и сколько выпало на его долю огорчений и разочарований, пока он ее не добился.

— Матушке так и не пришлось его вознаградить за все страдания, она рано умерла, — сказала Мэйбл, и голос ее пресекся.

— Я и это от него слышал. Честный сержант ничего от меня не скрывал, хоть он намного старше. Наши походы так нас сроднили, что он смотрит на меня как на сына.

— Что ж. Следопыт, может, сержант и в самом деле не прочь с тобой породниться? — отозвался Джаспер словно бы в шутку, но легкая хрипота в его голосе выдавала, как натянута эта шутка.

— А хоть бы и так. Пресная Вода, что тут худого? Сержант не однажды видел меня и на тропе, и в разведке, и в рукопашном бою с французами. Мне порой приходит в голову, паренек, что каждому из нас не мешает жениться: когда человек постоянно живет в лесу только в обществе недругов и зверей, у него пропадает чувство близости с себе подобными.

— Судя по тому, что мне довелось увидеть, — возразила Мэйбл, — я сказала бы, что, долго живя в лесу, человек не может научиться лицемерию и порокам городских жителей.

— Трудно, Мэйбл, жить в присутствии бога и не восчувствовать его доброты. Случалось мне посещать богослужения в наших гарнизонах, и я старался, как и подобает доброму солдату, присоединить мой голос к общей молитве. Пусть я и не рядовой английского короля, мне приходится сражаться в его битвах и служить ему. Старался я вместе с другими чтить бога на гарнизонный лад, но так и не пробудил в душе ту светлую радость и сердечную теплоту, что сами приходят, когда я бываю в лесу наедине с моим богом. Там ты стоишь, словно перед лицом творца: все вокруг так свежо и прекрасно, словно

только что вышло из его рук, и никто не донимает тебя премудростями церковных вероучений, которые только сушат душу. Нет, нет, истинный храм — это лес, здесь твои мысли свободны и воспаряют даже выше облаков.

— Вашими устами говорит истина, мастер Следопыт, — сказал Кэп, — и она знакома всякому, кто много времени проводит в одиночестве. В чем, к примеру сказать, причина, что все плавающие в море так взыскательны к себе по части совести и религии, если не в том, что они меньше других якшаются с грешными жителями земли? И не сосчитать, сколько раз случилось мне стоять на вахте где-нибудь под экватором или в Южном океане, когда ночь озарена небесными огнями, — а в такие часы, сердечные вы мои, человеку особенно свойственно определяться по пеленгам — в рассуждении своих грехов. Вот и вяжешь, и вяжешь выбленки, пока ванты и талрепы твоей совести форменным образом не затрещат от напряжения. Я согласен с вами, мастер Следопыт: ежели где искать верующего человека, так только в море или в лесу.

— Дядюшка, а как мне приходилось слышать, моряков не считают благочестивыми людьми.

— Вздор и клевета, девушка! Лучше спроси моряка, какого он в душе мнения о ваших земляках — священниках и прочих, и ты сразу поймешь, что к чему. Ни на кого столько не брешут, как на моряков. А все потому, что они не сидят дома, чтобы отбrehиваться, и не платят священникам положенной дани. Они, может, меньше разбираются в тонкостях религии, чем некоторые на берегу, но что касается сути дела, тут вам, сухопутным жителям., не угнаться за моряками.

— Я плохой судья в этом вопросе, мастер Кэп, — ответил Следопыт, — но мне думается, многое из того, что вы говорите, правда. Мне не нужны громы и молнии, чтобы напоминать о боге, и не столько в горе и опасности вспоминаю я его доброту, сколько в ясные, тихие, погожие дни, когда голос его доходит до меня и в треске мертвого сучка, и в пенни птицы, а не только в реве ветра и грохоте волн. Ну, а как ты, Пресная Вода? Бури трепали тебя не меньше, чем мастера Кэпа, какое ты испытывал при этом чувство?

— Боюсь, что я слишком молод и неопытен, чтобы судить о подобных вещах, — уклончиво ответил Джаспер.

— Но ведь что-то же вы чувствуете, — с живостью подхватила Мэйбл. — Не можете вы — да и никто не может — жить среди таких опасностей и не искать опоры в религии!

— Бывает — не стану отпираться, — что и мне приходят в голову такие мысли, но, пожалуй, не так часто, как следовало бы.

— Не придирайся к молодому человеку, Мэйбл, — вступился Кэп. — Я, молодой человек, не осуждаю вас за невежество, оно естественно в вашем положении, ничего не попишешь! Вот если вы поедете со мной и совершите два-три морских рейса, это сослужит вам службу до конца ваших дней; Мэйбл и все девушки на берегу станут вас уважать, хотя бы вы сравнялись годами с одним из этих лесных кряжей.

— Нет, нет, это вы бросьте, — возразил великодушный, справедливый Следопыт, — У Джаспера нет недостатка в друзьях здесь, в нашей местности, смею вас уверить. Конечно, увидеть свет ему не помешает, как и всякому другому, но мы не станем уважать его меньше, хоть бы он всю свою жизнь безвыездно прожил в наших краях. Пресная Вода — славный, честный малый, и я всегда крепко сплю, когда он на вахте, точно бы дежурю и бодрствую я сам. А если хотите знать, пожалуй, и крепче. Сержантова дочка вряд ли считает, что нашему парню нужно отправляться в море, чтобы там из него сделали человека.

Мэйбл ничего не ответила на этот окольный вопрос и даже отвернулась к западному берегу, как будто окружающая темнота недостаточно скрывала ее лицо. Но Джаспер почувствовал, что ему надо как-то объяснить: его гордость мужчины и юноши восставала против мысли, будто он не заслуживает уважения своих товарищей или улыбок своих сверстниц. И все же он никоим образом не хотел обидеть дядюшку Мэйбл; такое умение владеть собой рекомендовало его даже больше, нежели скромность и мужество.

— Я не хвалюсь тем, чего у меня нет, — сказал он, — и не выдаю себя за знатока

морского дела и судоходства. Мы на наших озерах правим кораблем по звездам и по компасу, ведя его от мыса к мысу и, так как нам ни к чему цифры и вычисления, не утруждаем себя ни тем, ни другим. Однако есть и у нас свои трудности, как я часто слышал от людей, годами плававших в море. Перво-наперво берег у нас всегда на виду, и главным образом с подветренной стороны, а это, как говорят, закаляет матроса. Штормы в наших водах налетают внезапно и достигают такой силы, что приходится заходить в порт в любое время дня и ночи...

— Но у вас есть лоты, — прервал его Кэп.

— Мы от них не видим большого проку и почитай что не пользуемся ими.

— Ну, так, значит, диплот¹³.

— Слышал я, что есть и такие, но на глаза они мне не попадались.

— Черта с два! Торговое судно без диплота! Нет, друг мой, никуда вы не годитесь!

Слыхано ли, чтобы у матроса не было диплота?

— Так я же и не притязаю на особое умение, мастер Кэп...

— Исключая переправы через пороги и водопады, — подхватил Следопыт, вступаясь за Джаспера. — В этом деле, даже вы должны признать, мастер Кэп, наш парень достиг немалой сноровки. По моему разумению, каждого человека должны хвалить или ругать в зависимости от его призвания: если мастер Кэп только помеха при переправе через Осуижский водопад, то я говорю себе, что в открытом море он на своем месте; а если от Джаспера мало проку в открытом море, я не забываю, что он с его крепкой рукой и верным глазом незаменим при переправе через водопад.

— Не поверю, ни за что не поверю, чтобы Джаспер мог быть помехой в открытом море! — воскликнула Мэйбл с такой горячностью, что ее нежный звонкий голос прозвучал неожиданно громко в торжественной тишине этой своеобразной сцены. — Я хочу сказать, что не может человек быть помехой в другом месте, если здесь на него можно положиться, как на каменную гору. Хотя, конечно, в знании кораблей и морского дела ему трудно тягаться с дядюшкой.

— Вот-вот, потакайте друг другу в своем невежестве! Нас, моряков, так мало на берегу, что вечно вы берете перевес и никогда не отдаете нам должного. Зато, когда надо вас оборонять или вам требуются заморские товары, подавай вам моряков!

— Но, дядюшка, ведь не жители суши нападают на наши берега, — вы, моряки, имеете дело с такими же моряками!

— Глупости ты говоришь! А где неприятельские войска, что высадились на ваших берегах? Где французы и англичане, дозволю спросить тебя, племянница?

— Вот то-то, где они? — подхватил Следопыт. — Это лучше всего скажет вам тот, кто живет в лесу, мастер Кэп. Я часто прослеживал их походы по костям, добела вымытым дождями, да по могильным холмам — годы и годы спустя после того, как эти люди вместе со своей гордыней стали прахом и тленом. Трупы генералов и солдат, рассеянные по нашей земле, говорят о том, что бывает с людьми, погнавшимися за славой и пожелавшими возвыситься над себе подобными.

— Признаться, Следопыт, для человека, промышляющего своим ружьем, вы странные высказываете взгляды. Ведь запах пороха для вас самый привычный запах и самое привычное занятие — выслеживать врага.

— Если вы думаете, что я все свои дни провожу в войне с себе подобными, значит, вы не знаете ни меня, ни моей жизни. Человеку, живущему в лесу, да еще в пограничной местности, приходится считаться с обстоятельствами. Я за них не в ответе, ведь я всего-навсего простой охотник, разведчик и проводник. Мои настоящий промысел — охота за дичью для армии, как в военное время, когда я участвую в ее походах, так и в дни мира. Обычно я сдаю дичь армейскому чиновнику — сейчас его здесь нет, он в поселении. Нет,

¹³ Диплот — лог для измерения больших глубин, снабженный особо тяжелым грузом, в 20–30 килограммов.

нет, не война и кровопролитие — мое призвание в жизни, а милосердие и мир. И все же мне приходится грудь с грудью встречать врага, а что до мингов — я смотрю на них, как человек смотрит на змей: этих гадин надо давить каблуком, где только не попадутся.

— Вот так-так! Для меня это новость! А я-то принимал вас за заправского военного, вроде наших корабельных канониров. Но возьмите моего зятя. Шестнадцати лет он пошел в солдаты и считает, что это такое же почтенное занятие, как морское дело, а это такой вздор, что мне и спорить с ним неохота.

— Батюшка смолоду научен уважать ремесло солдата, — отозвалась Мэйбл. — Он унаследовал его от своего отца.

— Верно, верно, — сказал Следопыт, — наш сержант — военная косточка и по натуре и по призванию, и на все он смотрит поверх прицела. Забрал себе в голову, будто армейский мушкет благороднее охотничьего карабина. Такие заблуждения вырабатываются у людей как следствие укоренившейся привычки. Предрассудки у нас повальная болезнь.

— Да, но только на берегу, — отпарировал Кэп. — Всегда, как ворочусь из обратного рейса, прихожу к этому выводу. А уж в последний мой приезд в Йорк я не встретил ни одного человека, с которым мы не говорили бы на разных языках, чего ни коснись. Большинство идет по ветру, а кто не хочет идти в кильватерном строю, делает поворот оверштаг и кренился на противоположный борт.

— Вы что-нибудь понимаете, Джаспер? — с улыбкой шепнула Мэйбл юноше, который по-прежнему плыл борт о борт с ними в своей пироге с тем, чтобы быть поближе к девушке.

— Между Пресной и Соленой Водой не такая уж разница, чтобы мы не могли сговориться. Не бог весть какая заслуга, Мэйбл, понимать язык нашего ремесла, — тоже вполголоса ответил ей Джаспер.

— Уж что-что, а даже религия, — продолжал Кэп, — нынче не стоит на месте, как это было в моей молодости. Ее вытравливают и выбивают с берега, и кренят, и раскачивают — немудрено, что ее когда и заедает. Все меняется, кроме одного только компаса, но и тут бывают разновидности.

— А я-то думаю, — сказал Следопыт, — что христианство и компас не меняются.

— Они и не меняются на корабле! — не считая, конечно, что бывают их разновидности. Религия на борту ни на йоту не изменилась с тех пор, как я первый раз обмакнул кисть в смоляную бочку. На борту религия в одном положении — что сейчас, что когда я был юнгой. Не то на берегу. Поверьте, мастер Следопыт, трудно нынче найти человека на суше, который смотрел бы на эти вещи, как сорок лет назад.

— Но ведь бог не изменился, дело его не изменилось, его святое слово не изменилось, и, стало быть, те, кому должно славить и чтить его имя, тоже не должны меняться!

— То-то и есть, что на берегу все меняется. Нет ничего хуже этих вечных перемен! У вас на земле все в движении, и только кажется, будто каждая вещь стоит на своем месте. Посадишь дерево, уедешь, а вернешься годика через три — его и не узнать, так оно выросло. Меняются города, появляются новые улицы, перестраиваются пристани, меняется лицо всей земли. А ведь корабль приходит из Индии точь-в-точь такой же, каким уходил в дальнее плавание, если не считать, что он нуждается в покраске, да обычных износов и повреждений, да поломок и крушений, перенесенных в пути.

— Правда ваша, мастер Кэп, и это крайне огорчительно. То, что у нас теперь зовется прогрессом, улучшением и новшествами, только уродует и корежит землю. Славные дела господни повсечасно уничтожаются и рушатся у нас на глазах, рука человеческая повсюду занесена ввысь, словно в издевку над божьей волей. К западу и к югу от Великих Озер уже явлены нам страшные знамения того, к чему все мы неминуемо идем. Сам-то я не бывал в тех краях, но от людей слышал.

— О чем это ты толкуешь, Следопыт? — скромно спросил Джаспер.

— Я говорю про края, уже отмеченные карающим перстом божьим в поучение и наставление нашим безрассудным и расточительным землякам. Зовутся они прериями. И я слышал от делаваров, самых правдивых людей на свете, что десница божия тяжко легла на

эти места: там будто бы и звания нет деревьев. Эта страшная божья кара, постигшая невинную землю, должна показать людям, к каким пагубным последствиям приводит безрассудное желание все уничтожить.

— А я видел поселенцев, которые не нахвалятся своими прериями, — им там не нужно тратить силы, чтобы расчищать землю. Ты охотно ешь хлеб. Следопыт, а ведь пшеница в тени не вызревает.

— Зато вызревают честность, и простые желания, и любовь к богу, Джаспер! Даже мастер Кэп тебе скажет, что голая равнина похожа на необитаемый остров.

— Вполне возможно, — откликнулся Кэп. — Необитаемые острова тоже приносят пользу — они помогают нам уточнять наш курс. Если же меня спросить, так я не вижу большой беды в том, что где-то на равнинах нет деревьев. Как природа дала человеку глаза и сотворила солнце, чтобы светить ему, так из деревьев строят корабли; а кое-когда и дома; ну, а помимо этого, я не вижу в них большого проку, особенно когда на них нет ни плодов, ни обезьян.

На это замечание проводник ничего не ответил и только еле внятным шепотом призвал всех к молчанию. Пока эта бессвязная беседа вполголоса текла прихотливой струйкой, лодки медленно плыли по течению под темной сенью западного берега, и весла в руках гребцов лишь помогали им держаться верного направления и правильного положения на речной зыби. Сила течения то и дело менялась — местами вода казалась неподвижной, а встречались плесы, где река мчалась со скоростью двух и даже трех миль в час. Через пороги она неслась с быстротой, казавшейся непривычному глазу бешеной. Джаспер полагал, что им потребуется два часа, чтобы спуститься к устью, и они со Следопытом договорились идти по течению, по крайней мере до тех пор, пока не минуют первые опасности пути. Беседовали путники вполголоса, соблюдая величайшую осторожность; хотя в обширном, почти бескрайнем лесу царило полное безмолвие, природа говорила сотнею голосов на красноречивом языке ночной глуши. В воздухе трепетали вздохи десятков тысяч деревьев; журчала, а иногда и ревела вода; время от времени потрескивала ветка или скрипел ствол, когда сухой сук терся о дерево. Все живые голоса умолкли. На мгновение, правда. Следопыту почудилось, будто до них донеслось завывание далекого волку — они еще попадались в этих лесах, — но то был звук до такой степени неясный и мимолетный, что его могло родить и разыгравшееся воображение. Однако, когда Следопыт призвал товарищей к молчанию, его чуткое ухо уловило треск переломившейся сукой ветки — как ему показалось, донесшийся с западного берега. Всякий, кому знаком этот характерный звук, вспомнит, как легко его улавливает ухо и как безошибочно отличает оно шаг человека, наступившего на сучок, от всякого другого лесного шума.

— Кто-то ходит по берегу, — сказал Следопыт Джасперу, понизив голос. — Неужто окаянные ирокезы переправились через реку со своими ружьями да еще и без лодки?

— Скорее, это делавар. Он, всего вернее, пойдет берегом за нами следом и, конечно, сумеет нас найти. Хочешь, я подгребу поближе и разузнаю?

— Валяй, мой мальчик, только гребни осторожно и не выходи на землю, если есть хоть малейшая опасность.

— Благоразумно ли это? — спросила Мэйбл порывисто, не соразмерив от волнения свой звонкий голос с окружающей тишиной.

— Крайне неблагоразумно, красавица, если вы намерены говорить так громко. Ваш милый, нежный голосок ласкает мне ухо — нам здесь привычнее слышать грубые голоса мужчин, — но сейчас мы не можем позволить себе это удовольствие. Ваш батюшка, честный сержант, скажет вам при встрече, что молчание вдвойне похвально, когда ты на тропе. Ступай же, Джаспер, и докажи нам лишний раз свою испытанную осторожность.

Прошло десять томительных минут после того, как ночь поглотила челн Джаспера; он так бесшумно оторвался от пироги Следопыта и растворился в темноте, что Мэйбл опомниться не успела и долго не могла взять в толк, что юноша в самом деле отправился выполнять поручение, казавшееся ее разгоряченной фантазии столь опасным. Все это время

путники, продолжая плыть по течению в своей пироге, сидели не дыша и напряженно ловили малейший звук, доносившийся с берега. Но кругом царил все тот же торжественный и, можно сказать, величественный покой, и только плеск реки, обтекавшей какие-то мельчайшие препятствия, да музыкальный шелест листьев нарушали сон притихшего леса. Но вот опять вдалеке затрещали сучья, и Следопыту почудились на берегу чьи-то приглушенные голоса.

— Возможно, я ошибаюсь, — сказал он, — ведь часто уши доносят то, что подсказывает сердце, но мне послышался на берегу голос делавара.

— Вот еще новости! Разве у дикарей мертвецы бродят после смерти? — отозвался Кэп.

— Еще бы! Они даже носятся взапуски в своих блаженных селениях, но только там — и нигде больше. Краснокожий кончает счеты с землей, испустив последний вздох. Когда приходит его час, ему не дано помедлить у своего вигвама.

— Что-то плывет по воде, — прошептала Мэйбл; с момента исчезновения второй пироги она глаз не сводила с темного берега.

— Это пирога, — обрадовался Следопыт. — Видно, все в порядке, иначе парень давно бы дал о себе знать.

Спустя минуту обе пироги сошлись на речной зыби, и только тогда обозначились в темноте какие-то тени. Сперва глазам наших путников предстал силуэт Джаспера, стоящего на корме, но на носу спиной к ним сидел еще какой-то человек, и, когда молодой матрос повернул лодку и Следопыт и Мэйбл увидели его лицо, оба узнали делавара.

— Чингачгук, брат мой! — воскликнул Следопыт на языке индейца, и голос его дрожал от сильного волнения. — Могиканский вождь! Душа моя ликует! Мы часто стояли с тобою рядом там, где гремела битва и лилась кровь, и я уже боялся, что этому больше не бывать.

— Ух! Минги — просто скво! Три скальпа висят у моего пояса. Им не под силу сразить Великого Змея делаваров. В ли сердцах не осталось ни капли крови, а мысли их уже на обратной тропе, что ведет через воды Великого Озера.

— Ты побывал среди них? А что случилось с тем воином, с которым ты схватился в реке?

— Он стал рыбой и лежит на дне среди угрей. Пусть братья выловят его своими удочками. Следопыт, я сосчитал наших врагов, я трогал их, ружья.

— Ха! Так я и думал, что он ни перед чем не остановится! Этот отчаянный малый побывал во вражеском стане, и сейчас мы все узнаем. Говори, Чингачгук, а я перескажу все новости нашим друзьям.

И делавар с присущей ему серьезностью поведал в самых общих чертах о том, что он узнал вскоре после того, как его видели последний раз борющимся с врагом в реке. Больше он ни словом не упомянул ни о той битве, ни о своем противнике, ибо воину не приличествует подробно и без обиняков распространяться о своих подвигах. Одержав победу в ужасном поединке, он поплыл к восточному берегу, незаметно вышел из воды и под покровом ночи, никем не узнанный, смешался с врагами, не возбудив в них подозрения. Кто-то его окликнул, но он назвал себя Разящей Стрелой, и больше его не трогали. Из случайных замечаний ему стало ясно, что отряд дикарей должен был захватить Мэйбл и ее дядюшку, которого ирокезы ошибочно считали значительным лицом. Делавар также узнал достаточно, чтобы удостовериться в измене Разящей Стрелы, — это он выдал своих спутников врагу по причине, пока еще неясной, так как Кэп с ним еще не рассчитался за его услуги.

Из всего этого рассказа Следопыт сообщил друзьям только то, что могло рассеять их опасения; он пояснил им, что придется сделать последнее усилие, пока ирокезы еще не пришли в себя после понесенных потерь.

— Они будут ждать нас у переката, можете не сомневаться, — продолжал он, — и там решится наша судьба. Оттуда рукой подать до гарнизона, вот я и надумал высадиться с Мэйбл на берег и повести ее окольными тропками, а остальные пусть попытают счастья на перекате.

— Ничего у тебя не выйдет. Следопыт, — с живостью возразил Джаспер. — У Мэйбл не хватит сил для лесного перехода в такую ночь. Посади ее ко мне в лодку, я жизнью ручаюсь, что переправлю ее через перекат даже в эту темень.

— Я не сомневаюсь в твоей доброй воле, мой мальчик. Но разве только глаз провидения, а не твой собственный, мог бы провести вашу пирогу через Осуижский перекат в такую ночь, как эта.

— А кому удастся провести Мэйбл лесом, как ты предлагаешь? Разве ночь в лесу не такая же темная, как и на воде? Или ты считаешь, что я знаю свое дело хуже, чем ты свое?

— Хорошо сказано, мог друг, но если я в темноте собьюсь с дороги — хотя никто не скажет, что это когда-либо со мной случалось, но пусть я даже собьюсь с дороги, — не страшно, если мы с Мэйбл заночуем в лесу, тогда как на перекате достаточно неудачного поворота или случайного крена лодки — и вы с сержантовой дочкой очутитесь в воде и уж ей тогда несдобровать.

— Что ж, пусть сама Мэйбл решает. По-моему, в лодке она будет чувствовать себя в большей безопасности.

— Я всецело доверяюсь вам обоим, — сказала Мэйбл, — и не сомневаюсь, что каждый из вас сделает все, чтобы доказать моему батюшке свою преданность. Признаться, мне не хочется выходить из лодки — ведь и в лесу мы можем наткнуться на индейцев, как это уже было. Но пусть лучше дядюшка решает.

— Не очень-то мне нравится плутать по лесам, — заявил Кэп, — когда водой у нас пряная дорога и мы можем попросту плыть по течению. К тому же, мастер Следопыт, не говоря уж о дикарях, вы, видно, забыли про акул!

— Акулы! Какие могут быть в лесу акулы?

— А почему бы и нет? Акулы, медведи, волки — неважно, как это назвать, а важно, что они кусаются.

— Господи боже ты мой! Человече! Бояться зверей, которые водятся в американских лесах! Ну, я еще понимаю — дикая кошка, да и то опытный охотник шутя с ней справится. Есть основания бояться мингов, их дьявольского коварства, но не пугайте никого нашими медведями и волками!

— Да, да, мастер Следопыт, все это пустяки для вас, вы, небось, любого зверя сумеете назвать по имени. Тут главное — привычка: что одному трын-трава, от того другому не поздоровится. В южных широтах я знавал моряков, которые часами плавали среди акул — таких чудовищ в пятнадцать — двадцать метров длины — и чувствовали себя так же спокойно, как крестьянин, выходящий из церкви в ясный воскресный полдень.

— Это удивительно! — воскликнул Джаспер, еще не уяснивший себе весьма существенной особенности своей профессии — врать почему зря. — А мне говорили, будто встретиться в воде с акулой — верная смерть!

— Я забыл сказать вам, что наши парни брали с собой вымбовку¹⁴, аншпуг¹⁵ или простой лом, чтобы щелкать по носу этих бестии, когда те за ними увязывались. Нет, нет, не по нутру мне ни медведи, ни волки, хотя кит для меня все равно что селедка, если ее посолить да высушить. Нам с Мэйбл лучше держаться пироги.

— Я бы предложил Мэйбл перейти ко мне, — подхватил Джаспер. — Места здесь хоть отбавляй, а даже Следопыт вам скажет, что на воде у меня глаз вернее, чем у него.

— Изволь, мой мальчик, сделай одолжение. Вода — это твое призвание, и никто не станет отрицать, что ты достиг в нем совершенства. Ты прав, говоря, что сержантова дочка будет с тобой в большей безопасности, и, хоть мне и грустно с ней расставаться, я слишком забочусь о ее благе, чтобы не подать ей мудрый совет. Подойди к нам поближе, Джаспер, и я

¹⁴ Вымбовка — деревянный или металлический рычаг для вращения ворота.

¹⁵ Аншпуг — такой же рычаг для перемещения тяжелых предметов.

вверю тебе то, что ты должен считать бесценным сокровищем.

— Я так и считаю, — сказал юноша и, не теряя ни минуты, подвел свою пирогу к пироге Следопыта.

Мэйбл перебралась из одной лодки в другую и присела на своих пожитках, составлявших весь груз лодки Джаспера.

Как только все устроилось к общему согласию, пироги разъехались на некоторое расстояние, и снова заработали весла. По мере приближения к опасному перекату разговоры постепенно умолкали, и путники настраивались на серьезный лад. Все были готовы к тому, что ирокезы постараются их обогнать и станут дожидаться именно в этом месте: маловероятно, что кто-нибудь дерзнет переправиться через перекаат этой непроглядной ночью, и минги, по мнению Следопыта, замыслили устроить засаду на обоих берегах в чаянии захватить беглецов при первой же их попытке высадиться. Он не сделал бы давеча своего предложения, если бы не рассчитывал превратить надежды дикарей на успех в вернейшее средство расстроить их планы. Теперь, однако, все зависело от искусства тех, кто правил пирогами: стоит какой-нибудь из них наскочить на скалу, и она разлетится в щепы или перевернется, а тогда путников ожидают все опасности, какими угрожает им река, и Мэйбл неизбежно попадет в руки преследователей. Все это понуждало к величайшей осмотрительности, и каждый из беглецов был так поглощен своими мыслями, что никому не хотелось говорить, и все ограничивались самыми необходимыми замечаниями.

Лодки бесшумно скользили по речной зыби, когда вдали зашумел перекаат. Кэп с трудом усидел на месте, заслышав эти зловещие звуки, которые доносились откуда-то из бездонного мрака, позволявшего различать только смутные контуры лесистого берега да сумрачное небо над головой. Слишком еще живо было впечатление от сегодняшней переправы через водопад, и приближающаяся опасность не только сравнялась в представлении старого моряка с тем головоломным прыжком, но под действием неуверенности и сомнений казалась ему даже большей. Но он заблуждался. Осуижский перекаат весьма отличается от водопада того же имени как по своему характеру, так и по силе течения; перекаат — это всего-навсего бурная протока, поблескивающая среди отмелей и скал, тогда как водопад и в самом деле заслуживает своего названия, как было показано выше.

Мэйбл тоже тревожилась, однако новизна впечатлений и доверие к своему защитнику помогали ей сохранять самообладание, которого она, может быть, лишилась бы, если б больше понимала всю серьезность положения или лучше была знакома с беспомощностью человека, осмелившегося бросить вызов мощи и величию природы.

— Это и есть перекаат, о котором вы говорили? — спросила она Джаспера.

— Да, он самый, и я очень прошу вас довериться мне. Мы только недавно знакомы, Мэйбл, но в наших суровых условиях один день иной раз идет за несколько... Мне кажется, я уже много лет вас знаю.

— И у меня такое чувство, Джаспер, словно вы мне не чужой. Я целиком полагаюсь на ваше умение и на ваше желание все для меня сделать.

— Не будем же терять мужества! Эх, зря Следопыт ведет лодку посредине реки! Протока проходит ближе, к восточному берегу. Но кричать ему бесполезно, он все равно не услышит. Держитесь же крепче, Мэйбл, и ничего не бойтесь!

В тот же миг стремительным течением их увлекло на перекаат, и в продолжение трех-четырех минут, скорее ошеломленная, чем испуганная, Мэйбл ничего не видела и не слышала, кроме сверкающего разлива пены и грохота бушующих вод. Раз двадцать их суденышку угрожало столкновение с ослепительной курчавой волной, явственно видной даже в окружающем мраке, но оно неизменно увертывалось, послушное железной руке, управлявшей каждым его движением. Лишь на секунду Джаспер утратил власть над хрупкой ладьей: вырвавшись из узды, она вдруг завертелась, но, покоренная отчаянным усилием гребца, сразу же вернулась в утерянный фарватер. Вскоре Джаспер был вознагражден за свои труды, увидев, что лодка плывет в спокойной, глубокой воде ниже перекаата, с честью

выдержав испытание и не зачерпнув и ложки воды.

— Все в порядке, Мэйбл, — радостно объявил юноша. — Опасность миновала. У вас и в самом деле есть надежда еще этой же ночью встретиться с отцом.

— Слава богу! И этим великим счастьем мы обязаны вам, Джаспер!

— Мне и Следопыту в равной мере... Но куда же делась вторая лодка?

— Что-то белеет на воде вблизи от меня. Уж не лодка ли наших друзей?

Несколько взмахов весла, и Джаспер подгрел к таинственному предмету. Это и в самом деле была вторая лодка, перевернувшаяся кверху дном. Как только это стало очевидным, юный матрос принялся искать потерпевших и, к большой своей радости, увидел Кэпа — течением его сносило прямо на них. Старый моряк не столько боялся утонуть, сколько попасть в руки дикарей. Не без труда удалось втащить его в пирогу, и поиски на этом закончились: Джаспер был уверен, что Следопыт предпочтет вброд перейти неглубокую протоку, чем расстаться с любимым ружьем.

Остаток пути был короток, хотя наших странников угнетали тревога и окружающая темнота. Спустя немного времени они услышали глухой рокот, напоминающий раскаты отдаленного грома, за которым следовал шум и плеск откатывающейся воды. Джаспер пояснил своим спутникам, что это слышен прибой на озере. Вскоре показалась низкая волнистая гряда отмелей, и к одной из них, образовавшей бухту, лодка направила свой бег и бесшумно скользнула на прибрежную гальку. Затем они быстро шли куда-то и Мэйбл с трудом понимала, что с ней происходит. А спустя несколько минут пройдены были сторожевые посты, перед путниками распахнулись ворота, и Мэйбл очутилась в объятиях незнакомца, который назывался ее отцом.

Глава VIII

*Земля любви и тишины,
Где нет ни солнца, ни луны,
Где ласковый поток бежит,
Где горний свет на всем лежит.
Мир призраков. Он погружен
В спокойный, бесконечный сон.
Джеймс Хогг. "Траур королевы"*

Долог сон усталого путника, когда после испытаний и опасностей дороги обретает он желанное убежище и сладостный покой. Мэйбл только еще поднялась со своего убогого сенника — ибо на какое еще ложе может рассчитывать дочь сержанта в отдаленной пограничной крепости, — а уже весь гарнизон, послушный призыву ранней зори, построился на учебном плацу. Сержант Дунхем, на чьей обязанности лежал надзор за всеми этими обычными повседневными делами, как раз завершил утренние занятия и уже подумывал о завтраке, когда его дочь, покинув свою комнатку, вышла на свежий воздух, ошеломленная и обрадованная своеобразием и безопасностью своего нового положения, с сердцем, преисполненным благодарности.

Осууго был в описываемое время одним из последних форпостов английских владений на Американском континенте. Здесь только недавно была построена крепость, в которой разместился батальон шотландского полка, и куда после его прибытия в эту страну влилось много местных жителей. В силу этого новшества отец Мэйбл и занял в гарнизоне скромный, но ответственный пост старшего сержанта. В крепости служило также несколько молодых офицеров, уроженцев колонии. Как и многие сооружения такого рода, форт был рассчитан на то, чтобы отражать набеги дикарей, но вряд ли мог бы устоять против правильной осады. Перевозка тяжелой артиллерии в эти отдаленные места была сопряжена с такими трудностями, что самая эта возможность, как маловероятная, не была принята в расчет инженерами, строившими этот оборонительный пункт. Здесь имелись бревенчатые бастионы, засыпанные землей, сухой ров, высокий палисад, довольно обширное учебное

поле и деревянные казармы, служившие одновременно жильем и укреплениями. На площади стояло несколько легких орудий, которые можно было переносить с места на место, где бы ни возникла надобность, а с угловых башен на устрашение врагам грозно глядели две тяжелые чугунные пушки.

Когда Мэйбл покинула свою удобную, стоящую на отшибе хижину, куда с разрешения начальства поместил ее отец, и вышла на свежий воздух, она оказалась у подножия бастиона, который, казалось, приглашал ее наверх, чтобы бросить взгляд на то, что еще вчера было скрыто ночью темнотою. Взбежав по склону, поросшему дерном, легконогая жизнерадостная девушка оказалась на вышке, откуда словно на ладони открылось ей то новое, что отныне ее окружало.

К югу простирался лес, где она провела столько томительных дней и пережила так много опасных приключений. От крепостного палисада его отделяло широкое открытое пространство, опоясывающее форт кольцом. Еще недавно здесь росли деревья, которые пошли на постройку крепостных сооружений. Этот гласис¹⁶ — ибо таково было стратегическое назначение вырубки — занимал площадь в сотни акров, но уже за его пределами исчезали всякие признаки цивилизации. Далее, куда ни кинь глазом, тянулся лес, тот нескончаемый дремучий лес, который был теперь так знаком Мэйбл, с его затаившимися лоснящимися озерами и сумрачными буйными ручьями, со всем богатством и щедростью первозданной природы.

Обернувшись в другую сторону, наша героиня почувствовала, что щеки ее коснулось свежее дыхание ветра — впервые, с тех пор как она покинула далекое побережье. И тут ей представилась новая картина; хоть Мэйбл и была к ней подготовлена, от неожиданности она вздрогнула, и легкий возглас восхищения сорвался с ее уст, в то время как глаза жадно впитывали всю эту красоту. На север, восток и запад, по всем направлениям — короче говоря, во всю половину открывшейся перед ней панорамы — зыбилося озеро. Вода здесь была ни зеленоватого оттенка стекла, который так характерен для американских водоемов, ни темно-голубого, как в океане; скорее она отливала цветом янтаря, что, однако, не мешало ей быть прозрачной. Нигде — до самого горизонта — не видно было земли, кроме ближнего берега, который тянулся направо и налево непрерывным контуром леса, с широкими заливами и невысокими мысами и отмелями. Местами берег был скалистый, и, когда медлительная сонная вода заливала его гроты и пещеры, оттуда раздавались гулкие звуки, напоминавшие отдаленные раскаты орудийного выстрела. Ни один парус не белел на поверхности озера, ни одна крупная рыба не играла на его груди, и даже самый пристальный и долгий взгляд напрасно искал бы на его необъятных просторах хотя бы малейших следов человеческого труда или корысти. Бесконечные, казалось, лесные пространства граничили здесь с необъятной водной пустыней. Казалось, природа, задумав создать грандиозное, поставила две свои главные стихии в смелом контрасте друг подле друга, презрев другие, более мелкие эффекты, и умиленный наблюдатель с восторгом переходил от созерцания широкого листовенного ковра к еще более обширному зеркалу воды, от неумолчных, но тихих вздохов озера — к священному покою и поэтическому уединению леса.

Бесхитростная, как и любая обитательница глухого захолустья этой отдаленной колонии, наивная и простодушная, как и всякая милая и добрая девушка, Мэйбл Дунхем не лишена была чувства поэтического и умела наслаждаться красотами нашей земли. Хоть она, можно сказать, не получила никакого образования, ибо девушки ее страны в те далекие дни получали лишь самые начатки знаний, она была более развита, чем обычно бывают развиты молодые женщины ее круга, и делала честь своим наставникам. Вдова штаб-офицера, однополчанина Томаса Дунхема, взяла девочку к себе после смерти ее матери, и под присмотром этой женщины Мэйбл приобрела некоторые вкусы и понятия, которые иначе

¹⁶ Гласис — наружный пологий скат земляного вала крепости.

навсегда остались бы ей чужды. В семье своей покровительницы она занимала положение не столько служанки, сколько скромной компаньонки, и результаты этого сказались на ее манере одеваться, на ее речи и даже чувствах и восприятиях, хотя ни в чем она, возможно, и не достигала уровня дамы из общества. Утратив более грубые черты и привычки своего первоначального состояния, она вместе с тем и не приобрела светского лоска, который мог бы помешать ей занять в будущем то положение, какое, по-видимому, было предназначено ей случайностью рождения и достатка. Все же остальное примечательное и самобытное в ее характере было у нее от природы.

При названных обстоятельствах читатель не должен удивляться, узнав, что Мэйбл разглядывала открывшуюся перед ней картину с чувством наслаждения более высоким, чем обычное удовольствие. Она воспринимала красоты пейзажа, как восприняло бы их огромное большинство, но наряду с этим чувствовала и его величие, и его поэтическое одиночество, и торжественное спокойствие, и красноречивое безмолвие — все то, чем очаровывает нас девственная природа, еще не потревоженная трудами и борьбой человека.

— Как красиво! — невольно воскликнула она, с наслаждением вдыхая свежий воздух, живительно действовавший ей на душу и тело. — Как красиво и вместе с тем как необычайно!

Но тут восклицание Мэйбл и вызвавшее его течение мыслей были прерваны чьим-то легким прикосновением к ее плечу; думая, что это отец, девушка обернулась и увидела рядом с собой Следопыта. Спокойно опираясь на свой длинный карабин, он, по обыкновению беззвучно смеясь, обвел широким жестом вытянутой руки обширную панораму озера и леса.

— Здесь перед вами два наших царства — мое и Джаспера, — сказал он. — Озеро принадлежит ему, лес — мне. Наш малый любит похвалиться обширностью своих владений, но я говорю ему, что деревья занимают на земле не меньше места, чем его излюбленная вода. Вы, однако, Мэйбл, годитесь и для того и для другого. Как я замечаю, страх перед мингами и наш ночной походнисколько не отразились на вашем хорошеньком личике.

— Я вижу Следопыта в новой роли: ему угодно расточать комплименты глупенькой девочке!

— Не глупенькой, Мэйбл,нисколько не глупенькой. Сержантова дочка не была бы достойна своего отца, вздумай она говорить или делать глупости.

— А стало быть, ей не надо льститься на коварные, угодливые речи. Но как же я рада. Следопыт, что вы снова с нами. Хоть Джаспер и не особенно тревожился, я боялась, как бы с вами или вашим другом не приключилось чего-нибудь на этом ужасном перекате.

— Джаспер слишком хорошо нас знает, чтобы подумать, будто мы могли утонуть. Мне такая смерть на роду не написана. Разумеется, плыть с моим длинным ружьем было бы затруднительно, а мы с "оленебоем" в стольких переделках побывали вместе — и на охоте и в стычках с дикарями и французами, — что расстаться с ним я ни за что не решусь. Но мы отлично перешли реку вброд, там достаточно мелко, за исключением нескольких омутов и яров, и вышли на берег, даже не замочив наши ружья. Пришлось, правда, переждать, потому что ирокезы нас караулили. Но, как только негодяи завидели фонари, с которыми сержант и другие вышли вас встречать, я понял, что они уберутся — ведь можно было предположить, что нам будет выслана помощь. Мы с час терпеливо сидели на камнях, пока не миновала опасность. Терпение — одно из величайших достоинств настоящего лесного жителя.

— Как я рада это слышать! Я так о вас беспокоилась, что с трудом уснула, несмотря на всю свою усталость.

— Да благословит бог вашу доброту, Мэйбл! Да, таковы они, преданные нежные сердца! Признаюсь, я тоже обрадовался, увидев фонари, спускающиеся к реке, — ведь это было добрым знамением того, что вы в безопасности. Мы, охотники и проводники, грубый народ, но и у нас есть чувства и мысли не хуже, чем у любого генерала в армии. Мы с Джаспером предпочли бы умереть, но не допустили бы, чтобы с вами что-нибудь случилось, поверьте!

— Большое вам спасибо. Следопыт, за все, что вы для меня сделали. Благодарю вас от чистого сердца, и будьте уверены, я все, все передам отцу. Я уже многое ему рассказала, но еще далеко не достаточно.

— Полноте, Мэйбл! Сержант знает, что такое лес и краснокожие, настоящие краснокожие, так что нечего ему и рассказывать. Ну что ж, вот вы и встретились с вашим батюшкой. Надеюсь, старый честный сержант не обманул ваших ожиданий?

— Я нашла в нем близкого, родного человека. Он принял меня так, как только отец может принять свое дитя. Скажите, Следопыт, а вы давно с ним знакомы?

— Это смотря как считать. Мне было двенадцать лет, когда сержант первый раз взял меня с собой в разведку, а с тех пор прошло добрых двадцать лет. Мы с ним немало исходили троп, когда вас еще и на свете не было, и, если бы я не так хорошо управлялся с ружьем, вас, пожалуй, и сейчас не было бы на свете.

— Что вы хотите этим сказать?

— Это не потребует многих слов. Индейцы напали на нас из засады, сержант был тяжело ранен, и, кабы не мое ружье, пришлось бы ему расстаться со своим скальпом. Однако же во всем полку не найдется такой шапки волос, какой сержант может похвалиться даже в свои преклонные годы.

— Вы спасли жизнь моему отцу. Следопыт! — воскликнула Мэйбл, схватив его жилистую руку в обе свои и от всего сердца ее пожимая. — Да благословит вас за это господь, как и за все ваши прочие добрые дела!

— Ну нет, это сильно сказано, хотя скальп его я действительно спас. Человек может жить и без скальпа, и я не стану утверждать, будто я спас его жизнь. Джаспер — другое дело, он может сказать это про вас. Кабы не его крепкая рука и верный глаз, пирога не прошла бы через перекаат в такую ночь, как вчера. Малый создан для воды, как я — для леса и охоты. Сейчас он внизу, в нашей бухте, возится с лодками и глаз не сводит со своего любимого судна. На мой взгляд, во всей округе нет такого пригожего молодца, как Джаспер Уэстерн.

Впервые после того, как Мэйбл вышла из своей комнаты, она посмотрела вниз, и глазам ее представилось то, что можно было бы назвать передним планом замечательной картины, которой она только что любовалась. Там, где Осуиго изливала свои сумрачные воды в озеро, берега были сравнительно высокие, но восточный берег был выше и больше выдавался к северу, нежели западный. Крепость стояла на бровке высокого обрывистого берега, а внизу, у самой реки, тянулся ряд бревенчатых зданий, не имевших оборонного значения и служивших складами для товаров, предназначенных как для самой крепости, так и для переброски в другие порты Онтарио, с которыми здесь была налажена постоянная связь. У обоих берегов устья Осуиго противодействующие силы северных ветров и быстрого течения образовали две симметричные и правильные по форме галечные отмели, которые под действием жестоких бурь на озере закруглились в бухточки. Бухта на западном берегу глубже вдавалась в берег и, как более многоводная, служила для местных жителей своего рода крохотным живописным портом. Вдоль узкого побережья между крепостью, стоявшей на высоком берегу, и водами бухты и тянулись упомянутые склады.

Несколько яликов, понтонов и пирог сохло на берегу, а в самой бухте стояло суденышко, то самое, что давало Джасперу право именоваться матросом. Оно было оснащено, как куттер, вместимостью в сорок тонн, да и изяществом строения и щегольской окраской напоминало военное судно, хотя и не имело квартердека. Оснащенное так разумно и целесообразно оно отличалось такой красотой и соразмерностью пропорций, что даже Мэйбл им залюбовалась. Строилось судно по чертежам искуснейшего кораблестроителя, присланным из Англии по особой просьбе коменданта крепости. Темная окраска придавала судну вид военного корабля, а развевавшийся на нем длинный вымпел показывал, что оно принадлежит к судам королевского флота. Имя ему было "Резвый".

— Так вот он, корабль Джаспера! — воскликнула Мэйбл, для которой вид этого ладного судна естественно сопрягался с его хозяином. — А много ли еще на озере кораблей?

— У французов целых три: один, мне говорили, настоящий военный корабль, другой —

это бриг, а третий — такой же кутгер, как "Резвый", а зовется "Белка", по-ихнему, конечно. Похоже, что "Белка" точит зубы на нашего красавца "Резвого": стоит ему отправиться в рейс, и она тут как тут, — преследует его по пятам.

— Так, значит, Джаспер бежит от французов, хотя бы и в образе белки и на воде!

— А много ли толку от храбрости, когда ее нельзя проявить в деле! Джаспер храбрый малый, это знают все на границе, но у него нет на борту ни одного орудия, кроме маленькой гаубицы, и весь его экипаж состоит из двух человек, не считая его самого да мальчишки-юнга. Он как-то взял меня с собой пошататься по озеру и так дерзко проскользнул под самым носом у "Белки" — из чистого удалства, заметьте, — что дошло до ружейной перестрелки; а у французов и пушки и пушечные порты, они носу не кажут из Фронтенака, не посадив, помимо "Белки", человек двадцать экипажа на сопровождающее судно. Нет, нет, наш "Резвый" создан летать по озеру, а не сражаться. Майор говорит, что нарочно не дает ему людей и оружия, чтобы он не вообразил себя боевым судном, — тогда ему быстро обрежут крылышки. И хоть я и неуч в этих делах, а все же мне думается, он прав, хотя Джаспер и держится другого мнения.

— А вон и дядюшка! Видно, вчерашнее купание только пошло ему на пользу и он с утра пораньше ре-, шил обследовать ваше внутреннее море.

И действительно, Кэп, давая знать о своем появлении несколькими громовыми покашливаниями, показался на бастионе. Кивнув племяннице и Следопыту, он с нарочитой обстоятельностью принялся оглядывать расстилавшееся перед ним водное пространство. Для большего удобства наш моряк взобрался на старую чугунную пушку, скрестил руки на груди и широко расставил ноги, как будто стоял на качающейся палубе. Остается добавить для полноты картины, что в зубах он держал свою короткую трубку.

— Ну как, мастер Кэп, — спросил Следопыт в простоте душевной, ибо от него ускользнула презрительная усмешка, постоянно утверждавшаяся на лице непримиримого морехода, — разве озеро не красиво и разве не достойно оно называться морем?

— Так, значит, это и есть ваше хваленое озеро? — спросил Кэп, обводя своей трубкой весь северный горизонт. — Нет, скажите, это и есть ваше озеро?

— Оно самое. И, по мнению того, кто видел на своем веку немало озер, мы гордимся ям по праву.

— Так я и знал! По размерам пруд, а на вкус — что вода из корабельной бочки. Стоило тащиться посуху в такую даль, чтобы увидеть какой-то несчастный недомерок! Впрочем, я заранее это знал!

— А чем вам, собственно, не угодило наше озеро, мастер Кэп? Оно большое и красивое, да и вода в нем вполне пригодна для питья, и те, кому недоступна ключевая вода, на нее не жалуются.

— И это вы называете большим озером? — изумился Кэп, снова проделав в воздухе то же движение трубкой. — Какое же оно большое, скажите на милость? Разве сам Джаслер не признался, что в нем всего только двадцать лиг¹⁷, от берега до берега?

— Но, дядюшка, — вмешалась Мэйбл. — ведь кругом не видно ни клочка земли, кроме берега, где мы стоим. Я только так и представляю себе океан.

— Этот маленький прудик похож на океан! Ну, знаешь, Мэйбл!.. И такую чепуху мелет девушка, у которой в роду было немало моряков! Ну чем, скажи, оно напоминает море? Есть ли между ними что-нибудь общее?

— А как же: здесь повсюду вода, вода и вода, ничего, кроме воды, на мили расстояния, куда ни кинь глазом.

— А разве в реках, по которым мы плавали на этих ваших пирогах, не то же самое — "вода, вода и вода... на миля расстояния, куда ни кинь глазом"?

¹⁷ Лига — старая морская мера расстояния, около 5,5 километра.

— Верно, дядюшка, но на реках есть отмели, реки узкие, и на их берегах растут деревья.

— А мы с тобой, что ли, не на берегу стоим, и мало ли здесь деревьев, и разве двадцать лиг, говоря по чести, большое расстояние? А какой черт когда-либо слышал про берега на океане?

— Но, дядюшка, и здесь не видно другого берега, не то что на реке!

— Ты совсем зарпортовалась, Магни! А как же Амазонка, Ориноко, Ла-Плата — разве это не реки? Ведь и там не увидишь противоположного берега. Послушайте-ка, Следопыт, у меня мелькнуло сомнение: вдруг эта полоска воды даже не озеро, а самая обыкновенная речка? Я вижу, вы здесь, в лесах, не шибко разбираетесь в географии?

— Ну нет, это вы зарпортовались, мастер Кэп! В Онтарио впадают две изрядные реки, а то, что перед вами, — это и есть наш старик Онтарио, и, по моему суждению, хоть я и неуч по этой части, краше нашего озера трудно сыскать на свете.

— Дядюшка, ну, а если б мы стояли на пляже в Рокавее, что бы мы увидели там такое, чего не видим здесь? Там тоже по одну сторону берег, и отмели, и деревья...

— Ну что ты заладила одно и то же, Магни! Молодым девицам упрямство не к лицу. Тоже сравнила: то — речной берег, а то — морское побережье. А что до отмелей, на море их видом не видать, разве что под водой прячутся.

Мэйбл не нашлась что ответить на столь глубокомысленное замечание, и, окрыленный своей победой, Кэп с нескрываемым торжеством продолжал:

— И одно дело деревья там, а другое дело — здесь. На морском побережье тут тебе и города, и деревни, и фермы, и богатые поместья, а где и дворцы, и монастыри! И тем более маяки. Вот именно, маяки. А попробуй найти что-нибудь такое здесь! Нет, нет, мастер Следопыт, никогда я не слышал про море, где не было бы маяка, а у вас я не вижу даже порядочного бакена.

— Зато здесь есть нечто получше, гораздо лучше: лес, величественные деревья — настоящий храм божий.

— Что ж, лес на озере — это еще куда ни шло. Но какой был бы прок в океане, если бы вся земля вокруг заросла лесом? Кому бы тогда нужны были корабли, — ведь лес можно сплавать плотами, вот и пришел бы конец всякой торговле, а что такое жизнь без торговли! Я, как тот философ, считаю, что и человека-то для торговли выдумали. Удивляюсь, Магни, как ты не видишь, что и вода здесь не та, что в море! У вас, небось, китов и в помине нет, мастер Следопыт?

— Насчет китов что-то не слышал, да ведь мне, по правде сказать, из всей водной твари известна только рыба, что водится в реках да в горных ручьях.

— Ни дельфинов, ни касаток, ни даже какой-нибудь плюгавенькой акулы?

— Не могу вам сказать, мастер Кэп. Повторяю, тут я совершенный неуч.

— Ни сельдей, ни альбатросов, ни летающих рыб? — продолжал Кэп, испытующе поглядывая на Следопыта, словно боясь хватить через край.

— Летающая рыба! Мастер Кэп, мастер Кэп, не думайте, что если мы — простые жители границы, то уж понятия не имеем о природе и какие она себе положила пределы. Я знаю, что бывают летающие белки...

— Летающие белки?.. Черта с два, мастер Следопыт! Вы что, принимаете меня за юнгу, совершающего свой первый рейс?

— Я ничего не скажу про ваши плавания, мастер Кэп, хоть и думаю, что их было немало, но уж касательно природы в лесу, тут я говорю о том, что сам видел, и никто меня не собьет.

— И вы хотите меня уверить, что видели летающую белку?

— Если вам желательно постичь всемогущество божие, мастер Кэп, советую вам этому поверить, да и еще многому в том же роде, потому что это вернее верного.

— А все же. Следопыт, — заметила Мэйбл с укором, но так ласково и лукаво посмотрев на Следопыта, что тот от всего сердца простил ей эту маленькую шпильку, —

сами же вы толкуете о всемогуществе бога, а насчет рыб отказываетесь верить, что они могут летать.

— Я этого не говорил, я этого не говорил. И если мастер Кэп ручается своим словом, я готов думать, что это так, как бы оно ни казалось странным. По-моему, человек должен верить во всемогущество божие, как это порой ни трудно.

— А почему бы моей рыбе не иметь крыльев, как вашей белке? — спросил Кэп, обнаруживая на сей раз способность рассуждать логично. — Но рыбы и в самом деле умеют летать, и это так же верно, как разумно...

— Вот этого я бы не сказал, — заспорил Следопыт. — Зачем награждать крыльями тварь, живущую в воде, раз они ей все равно ми к чему?

— Уж не думаете ли вы, что рыбы такие ослы, что летают под водой, когда им в кои-то веки дадены крылья?

— Я этого не говорю, потому что не знаю. Но что рыба летает в воздухе, еще более чудно: почему бы ей не летать там, где она родилась и выросла, — так сказать, в родных палестинах?

— Видишь, Мэйбл, что значит круглое невежество! А рыба для того и вылетает из воды, чтобы удрасть от своих врагов в воде. Так что вот вам и факт и объяснение!

— В таком случае, вы, пожалуй, правы, — сдался Следопыт. — И долго такая рыба может продержаться в воздухе?

— Поменьше, чем голубь, но вполне достаточно для маленького променада. Что же до ваших белок, дружище Следопыт, лучше мы этот разговор замнем. Сдается мне, это был маневр с вашей стороны, чтобы похвалиться вашим любимым лесом. А что за штуксувинка стоит внизу на якоре?

— Это куттер Джаспера, дядюшка, — заторопилась Мэйбл. — Правда, красивый? И название хорошее — "Резвый".

— Ну что ж, для озера сойдет. Но вообще так себе посудина. И бушприт наклонный. Кто это видывал на куттере наклонный бушприт!

— А может, на озере так и следует, дядюшка?

— Вполне допускаю. Признаться, я запомнил, что это озеро, а не море, меня сбивает сходство.

— Вот видите, дядюшка! Значит, Онтарио все-таки похоже на море?

— Для тебя я для Следопыта — сам я не вижу ни малейшего сходства, Магни! Посади меня хоть на самую середину этого прудка, в самой капельной скорлупке и в самой непроглядной тьме, я все равно скажу, что это озеро, а никакое не море. Да и моя "Доротей" (таково было название судна, на котором служил Кэл) не дастся в обман. Стоит ей сделать несколько галсов, и она тут же разберется, что к чему. Я как-то повез ее в один из этих большущих южноамериканских заливов, так она, бедняжка, только и путалась у всех в ногах, все равно как деревенский дурачок, ежели привести его в церковь, где много народу и все рвутся к выходу... Стало быть, Джаспер плавает на этой посудине? Прежде чем мы расстанемся, Мэйбл, надо мне будет увязаться за парнем в очередной рейс — просто так, для смеху. Неудобно будет сказать, что я видел этот пруд, но так на нем и не плавал.

— За оказией дело не станет, — сказал Следопыт. — Сержант собирается ехать с отрядом — сменить сторожевой пост на Тысяче Островов. Он сказал, что намерен взять и Мэйбл, вот вам и случай прокатиться.

— Это правда, Мэйбл?

— Кажется, да, — сказала девушка, только чуть-чуть покраснев, так что ее собеседники ничего и не заметили. — Впрочем, наверно сказать не могу, мне еще мало довелось беседовать с батюшкой. А вот он и сам идет, лучше его спросите.

Было нечто в наружности и в характере сержанта Дунхема внушавшее уважение, невзирая на его скромное звание. Высокий и плечистый, он был серьезного и даже мрачноватого склада, и во всех его поступках и помышлениях сказывался человек долга, пунктуальный и исполнительный; даже Кэп при всей своей заносчивости и самоуверенности

не решался обращаться с ним свысока, как вошло у него в обыкновение с друзьями сержанта. Говорили, что комендант крепости, шотландский барон майор Дункан оф Лунди, старый ветеран, выделяет Дунхема и ценит его опыт и испытанное усердие больше, чем знатное происхождение а богатство других своих подчиненных. У сержанта не было никаких надежд на производство в офицеры, но он с таким достоинством нес свою службу, что с ним считались в полку. Привычка иметь дело с рядовыми, которых надо было держать в ежовых рукавицах, подавляя их малейшие попытки к своеволию, наложила отпечаток на все поведение сержанта, и лишь немногие решались противостоять его властному авторитету. Если капитаны относились к нему как к старому товарищу, то лейтенанты редко отваживались оспаривать его мнение по военным вопросам, тогда как прапорщики чуть ли не трепетали перед ним. Неудивительно, что предупреждение Мэйбл сразу положило конец этой своеобразной беседе, хотя Следопыт, как все знали, был, пожалуй, единственным человеком на всей границе, который, не будучи дворянином, позволял себе говорить с сержантом не только как с равным, но даже с некоторой дружеской фамильярностью.

— Доброго утра, братец Кэп, — сказал сержант, поднявшись на бастион с обычной своей внушительной важностью и откозыряв по-военному. — Утренняя служба, братец Кэп, помешала мне заняться тобой и Мэйбл, но сейчас у меня два часа свободных, и мы можем познакомиться поближе. Не замечаешь ли ты, братец, что девочка очень напоминает ту, что так рано покинула нас?

— Мэйбл вылитая мать, сержант, я всегда это говорил, хотя ростом и осанкой она скорее в отца. Ну, да и Кэпы не подгуляли, тоже закваска хоть куда.

Мэйбл украдкой глянула на суровые, непроницаемые черты отца, к которому устремлялась в разлуке вся ее нежность рано осиротевшего ребенка. Заметив на его угрюмом лице некоторые признаки волнения, она готова была броситься ему на шею и дать волю накопившим слезам. Но он был так не похож на тот образ, который она выносила в своих мечтах, и ее так смущала его холодная замкнутость, что она не отважилась бы на такой порыв, будь они даже одни, без свидетелей.

— Ты ради меня предпринял такое долгое и трудное путешествие, — я у тебя в долгу. Постараюсь сделать все, чтобы ты чувствовал себя у нас возможно лучше.

— Я слышал, ты только ждешь команды, чтобы сняться с якоря и перекочевать со своей койкой в ту часть света, где имеется тысяча островов?

— Следопыт, это твоя промашка? Или ты забыл, о чем я тебя предупреждал?

— Нет, сержант, я ничего не забыл, я просто не счел нужным скрывать твои намерения от твоей плоти и крови.

— Чем меньше разговоров вокруг военных приготовлений, тем лучше, — возразил сержант хлопывая Следопыта по плечу с видом дружеского расположения, но не без оттенка укоризны. — Ты достаточно имел дело с французами, чтобы знать, как опасна всякая болтовня.

Но так и быть, наша поездка уже скоро состоится, и нет особенной нужды делать из нее секрет. Мы отправляем отряд на смену одному из наших постов на озере, — хоть я отнюдь не утверждаю, что он на Тысяче Островов, — и мне, возможно, придется его сопровождать. А тогда я рассчитываю взять с собой Мэйбл, пусть она для меня кашеварит. Надеюсь, братец, и ты не откажешься с нами поехать. Поживешь месяц-другой на солдатском пайке.

— Все зависит от вашего маршрута. Леса и болота не в моем вкусе.

— Мы пойдем на "Резвом". Я думаю, что для человека, привычного к воде, такая экспедиция не лишена интереса.

— Я привык к морской воде, а не к озерной. Если у тебя некому вести эту посудину, я, так и быть, могу взять это на себя, но для меня такая поездка — потерянное время. Просто смех берет, когда катанье по прудку называют экспедицией.

— С "Резвым" управится и Джаспер, нам не нужны твои услуги, а обществу твоему будем рады. Вернуться к себе ты сможешь только в сопровождении отряда, и, значит, придется тебе долго ждать моего приезда. Но что я вижу, Следопыт? Небывалый случай —

наши люди ушли на поиски мингов, а ты их не возглавляешь?

— Сказать по чести, — отвечал проводник (он был заметно сконфужен, и на его бронзовом от загара лице появилось даже некоторое подобие краски), — сегодня я не расположен идти в разведку. Во-первых, можно заранее сказать, что ваши молодцы из Пятьдесят пятого не такой народ, чтобы с ними удалось захватить в лесу ирокезов, да и не станут эти гады дожидаться, чтобы их окружили со всех сторон, раз им известно, что Джаспер добрался до гарнизона. К тому же не мешает человеку немного и отдохнуть после целого лета тяжелой работы, и нечего его за это корить. А кроме того, с солдатами пошел Великий Змей, и, если этих негодяев еще можно где-то изловить, положись на его ненависть и зоркость; первая у него посильнее моей, а в отношении второй он и мне не уступит. Он еще больше, чем я, ненавидит этих подлых бродяг: мои чувства к мингам — это всего-навсего черенок ненависти делаваров, привитый к христианскому дичку. Я и решил на сей раз отказаться от славы — если только предвидится какая-то слава — в пользу прапорщика, командующего отрядом; пусть уж он, если ему удастся унести свой скальп и благополучно вернуться в крепость, похвалится этим подвигом в письме к мамаше. А я хоть раз в жизни поспрадную лентяя.

— И правильно. Следопыт! Коли долгая и усердная служба дает человеку право на увольнительную, никто не заслужил ее больше, чем ты, — милостиво согласился сержант. — Да и Мэйбл не будет на тебя в обиде за то, что ты предпочел ее общество поискам дикарей, и она с удовольствием, я знаю, разделит с тобой свой завтрак, если ты не прочь закусить. Но не думай, девочка, что это и вообще в привычке у Следопыта; он еще никогда не позволял мародерам, шныряющим вокруг крепости, убраться восвояси, не услышав выстрелов его ружья.

— Она этого не думает, сержант, а иначе, как ни противны мне военные эволюции и парады, я тут же бы вскинул на плечо свой "оленебой" и — марш-марш! — зашагал вон из крепости, прежде чем она успела бы моргнуть своими хорошенькими глазками. Нет, Мэйбл достаточно меня знает, несмотря на недолгое знакомство: за время нашего с ней короткого похода минги всю нас развлекали и доставили нам немало приятных минут.

— Пришлось бы долго убеждать меня. Следопыт, чтобы внушить мне о вас превратное мнение, а тем более в отношении вашей храбрости, — сказала Мэйбл с горячностью, ибо ей хотелось, чтобы у Следопыта не осталось ни малейшего сомнения в ее добрых чувствах. — Насколько я понимаю, оба мы, и отец и дочь, обязаны вам жизнью, и поверьте, никто из нас этого не забудет.

— Спасибо, Мэйбл, от всей души спасибо! Но я не хочу, чтобы вы по своей наивности слишком высоко ценили мои заслуги. Я не думаю, чтобы минги, если б вы даже попались им в руки, осмелились тронуть хоть волосок на вашей голове. Мой скальп, и скальп Джаспера, и мастера Кэпа, и даже Змея они, конечно, высушили бы себе на память, но вряд ли у них поднялась бы рука на сержантову дочку.

— Возможно ли, чтобы ирокезы, которые не щадят ни женщин, ни детей, явили мне особую милость? Нет, Следопыт, я знаю, что обязана вам жизнью.

— Ничуть не бывало, Мэйбл, — даже бесноватый минг не решился бы причинить вам зло. Я этих извергов знаю как облупленных, но на это даже они не способны. Скорее они предложили бы вам, да что там — принудили бы вас стать женой одного из своих вождей, и это была бы достаточным наказанием для христианской девушки. На большее, по-моему, даже минги не способны.

— Тогда я обязана вам избавлением от еще худшей беды! — вскричала Мэйбл, пожимая проводнику руку со свойственной ей искренностью и сердечностью, от чего у честного малого вся физиономия расцвела улыбкой. — Лучше умереть, чем достаться в жены индейцу!

— Видишь, таково ее призвание, сержант! — воскликнул Следопыт, повернув к старому товарищу лицо, сияющее от радости. — И она ему не изменит. Я и то говорю дела вару: будь индеец сто раз крещен, это еще не делает его белым человеком, хотя бы он и был

делавар, а не минг. И никакие истошные вопли и крики не превратят бледнолицего в краснокожего. Таково призвание молодой женщины, рожденной от родителей-христиан, и пусть она ему следует!

— Правда твоя. Следопыт, и, поскольку речь идет о Мэйбл Дунхем, она ему последует. Но пора уж закусить, братец Кэп; коли не побрезгуете угощением, я покажу вам, как живем мы, бедные солдаты, на далекой границе.

Глава IX

*Ну что ж, друзья я братья по изгнанию!
Иль наша жизнь, когда мы к ней привыкли,
Не стала много лучше, чем была
Средь роскоши мишурной? Разве лес
Не безопаснее, чем двор коварный?
Здесь чувствуем мы лишь Адама кару...*
Шекспир. "Как вам это понравился"

Сержант не зря хвалился, обещая попотчевать гостей на славу. Несмотря на отдаленное положение Осуижской крепости, тамошние жители во многих отношениях питались, как дай бог королям или принцам. В описываемое нами время и даже еще полстолетия спустя вся обширная область, получившая после войны за независимость название Запада, или Новых Земель, представляла собой почти безлюдную пустыню, изобиловавшую всей богатейшей фауной, свойственной этому климату. Те немногочисленные индейские племена, что бродили тогда по лесам, не могли нанести сколько-нибудь заметный ущерб этому изобию, и дань, которую взимали с него гарнизоны, рассеянные по обширным просторам страны, да случайные охотники, попадающиеся тут и там, так же мало значили на фоне этих богатств, как взятки пчелы на гречишном поле или колибри — на цветке.

Дошедшие до нас предания об этих чудесах изобилия, о несметном количестве дичи и рыбы, водившемся в тех краях, а в особенности в окрестностях Великих Озер, подтверждаются воспоминаниями старожилов, иначе мы не отважились бы о них рассказывать. Но так как мы слышали об этом диве дивном от стольких очевидцев, то и решаемся на это с полной уверенностью. Особенно удачное положение занимала крепость Осуиго, здесь нетрудно было бы набить до отказа кладовые самого избалованного гурмана. Река кишела всевозможной рыбой: достаточно было закинуть удочку, чтобы вытащить окуня или какого-нибудь другого представителя этого семейства, населявшего ее воды так же густо, как воздух над местными болотами населен комарами и всякой мошкаррой. В озерах среди рыбных богатств почетное место занимала американская разновидность лососевых — горбуша, вряд ли уступающая по своему вкусу даже великолепной семге, которой славится Северная Европа.

Бесчисленные стаи перелетных птиц посещали эти леса и воды. По рассказам очевидцев, бывали случаи, когда вода в заливах, которыми изрезаны здесь берега озер, одновременно на сотни акров покрывалась дикими гусями и утками. Олени, медведи, зайцы и белки вместе с другими четвероногими, среди которых встречались даже лоси, пополняли естественные запасы провизии, за счет которой существовали все посты, вознаграждая себя за лишения, неизбежные на далекой окраине. Изысканные яства, считающиеся повсюду величайшей роскошью, имелись в этих краях в неограниченном изобилии и были доступны всем и каждому. Простой солдат в Осуиго, как правило, питался дичью, которая явилась бы украшением и гордостью стола любого парижского аристократа. Но — поучительное наблюдение — таковы капризы и прихоти человеческих вкусов и желаний: те самые блюда, которые в других местах были бы предметом завистливого ропота, здесь до того приедались, что никто на них и глядеть не хотел. Обыкновенная грубая солдатская пища, которую приходилось экономить за трудностью доставки, больше привлекала солдата, и он с удовольствием отказывался от уток, голубей и горбуши, предпочитая лакомиться солониной,

деревянистой брюквой или недоваренной капустой.

Завтрак, которым потчевал гостей сержант Дунхем, свидетельствовал как о богатстве окраины, так и об известной ее скудости. На простом блюде дымилась великолепная отварная горбуша, горячие отбивные из дичи распространяли аппетитнейший запах, взор манили разнообразные холодные закуски из той же дичи, — словом, тут ничего не пожалели в честь новоприбывших гостей и во славу хлебосольства старого солдата.

— Вас, видать, не на голодном пайке держат, — заметил Кэп, основательно вкусивший всяких гарнизонных разносолов, — от такой семги не откажется и шотландец — Вот то-то и оно, что откажется, братец Кэп! Среди двухсот или трехсот парней в нашем гарнизоне найдется разве только пяток, которые считают эту рыбу съедобной. Даже оболтусы, в жизни не пробовавшие другой дичи, кроме той, которую им удавалось убить тайком в барском лесу, и те нос воротят от самых жирных окороков.

— Да, как это ни грустно, такова натура христианина, — отозвался Следопыт. — Краснокожий не жалуется и всегда благодарен, что ни приведется ему есть, будь то жирное или тощее мясо, оленина или медвежатина, гузка дикого индюка или крыло дикого гуся Мы же, к стыду нашему будь сказано, смотрим на божий дар с кислой миной и только и знаем привередничать.

— Вот то-то и беда с нашим Пятьдесят пятым, хотя за христианские чувства солдат я не поручусь, — продолжал сержант. — Даже сам майор Дункан оф Лунди, уж на что почтенный человек, и то говорит, что овсяные лепешки ему милее, чем осуижский окунь. Он вздыхает по ключевой воде, которую пьют горцы, хотя в его распоряжении вся вода Онтарио — пей, сколько душа просит!

— А есть у майора Дункана жена и дети? — поинтересовалась Мэйбл, чьи мысли в ее новом положении, естественно, обращались к представительницам ее пола.

— Он не женат, но, говорят, дома, в Шотландии, его ждет невеста. Эта леди, видите ли, предпочитает сидеть и ждать своего жениха, чем подвергать себя трудностям жизни в диком краю. По-моему, братец Кэп, это плохо вяжется с обязанностями женщины. Твоя сестра была другого мнения и, кабы господа не угодно было так рано призвать ее к себе, она и сейчас сидела бы на этом походном стуле, где так приятно видеть ее дочку.

— Надеюсь, сержант, ты не собираешься выдать Мэйбл за солдата? — сказал Кэп, внезапно помрачнев. — В этом отношении, наше семейство сделало все, что только возможно, не мешало бы вспомнить и о море.

— Я не собираюсь искать Мэйбл жениха ни в Пятьдесят пятом, ни в каком другом полку, так что можешь быть спокоен, братец. Хотя, сдается мне, девочку пора уже выдать за хорошего человека.

— Батюшка!..

— С барышнями неповадно говорить об этих вещах так открыто, — вставил проводник. — Я знаю по собственному опыту, что, когда идешь по следу молодой девицы, чтобы заручиться ее согласием, незачем громко кричать об этом. А потому давайте поговорим о чем-нибудь другом.

— Ну как, братец Кэп, нравится тебе жареная свинина? Мне кажется, ты ешь ее с удовольствием.

— Да, да, ежели меня угощать, подавайте мне цивилизованную пищу, — ответил строптивный моряк. — Ваша дичь сойдет для солдата, а мы, моряки, предпочитаем жратву, в которой знаем толк.

Услышав это, Следопыт не выдержал: положив вилку и ножик, он залился добродушным, как всегда беззвучным смехом и спросил не без лукавства:

— А где же у нее кожа, мастер Кэп? Вас не удивляет, что свинья без кожи?

— Разумеется, Следопыт, я предпочел бы, чтобы ее жарили в натуре, как оно и полагается, но вы, лесные жители, на все взяли свою моду.

— Вот видите, мастер Кэп, человек может весь мир объехать, а самых простых вещей не знать. Если бы вам пришлось ободрать эту свинью, вы бы себе все руки искололи. Ведь

это же обыкновенный еж!

— Черт меня побери, если я считал это натуральной свиной, — не остался в долгу Кэп. — Просто я решил, что в ваших лесах и свинья на свинью не похожа. Это же не свинья, а чистейшее недоразумение. Я был готов к тому, что пресноводная свинина — это не то что наша, заправская морская! Тебе-то, сержант, все равно, ты здесь, поди, ко всему притерпелся.

— При одном условии, братец: чтобы мне не приходилось обдирать эту свинью. Но как, скажи, Следопыт, вела себя Мэйбл в дороге? Не доставляла тебе хлопот?

— Ни-ни, ни боже мой! Кабы Мэйбл была наполовину так довольна Джаспером и Следопытом, как Следопыт и Джаспер довольны ею, мы бы остались навек друзьями.

Говоря это, проводник посмотрел на зардевшуюся девушку с наивным желанием прочесть на ее лице, что она об этом думает, но тут же из природной деликатности опустил глаза в тарелку, словно желая сказать, что сожалеет о своей смелости и что тайна девичьего сердца для него священна.

— Женщины — это тебе не мужчины, мой друг, — продолжал сержант, — надо принимать в расчет их характер и воспитание. Новобранцу далеко до ветерана. Всем известно, сколько нужно времени, чтобы воспитать хорошего солдата, — гораздо больше, чем кого бы то ни было. Но еще больше времени, пожалуй, требуется, чтобы воспитать хорошую дочь солдата.

— Вот еще новости! — вскричал Кэп, задетый за живое, — Мы, старые моряки, знаем, что можно вымуштровать не меньше шести отличных солдат за то время, какое потребуется, чтобы воспитать одного матроса.

— Ну, братец, мне известно, какого вы, моряки, о себе высокого мнения, — возразил его шуриин с улыбкой настолько любезной, насколько позволяла его мрачная физиономия. — Ведь мне много лет пришлось прослужить в гарнизоне одного из наших морских портов. Мы с тобой не первый раз об этом толкуем и, боюсь, никогда не сговоримся. Но, если хочешь понять, какая разница между солдатом и тем, что я называю неотесанным деревенщиной, погляди на Пятьдесят пятый полк сегодня во время сбора, а потом, по возвращении в Йорк, посмотри на тамошних ополченцев, как они из кожи вон лезут, чтобы походить на солдат.

— Что до меня, сержант, я не вижу между ними особенной разницы, как ты не увидишь разницы между шхуной и бригом. У тех и у этих алое сукно, ремни и пуговицы, начищенные до блеска, да еще пудра на голове.

— Да, вот оно, суждение матроса! — ответил сержант с видом оскорбленного достоинства. — А ты не слыхал, братец, что солдата надо не меньше года учить только, как он должен есть?

— Тем хуже для него. Что до ополченцев, это им дано от природы. Мне часто приходилось слышать, что в походе они, как голодная саранча, налетают на все, что ни попадает. А больше, собственно, ничего не делают.

— Значит, такой уж у них талант, — подхватил Следопыт, заботясь главным образом о сохранении мира, которому угрожала очевидная опасность — так непреклонно каждый из спорщиков отстаивал преимущества своей профессии. — А когда человеку дан от бога талант, бесполезно с этим бороться. Пятьдесят пятый полк, сержант, по части еды тоже охулки на руку не положит, как мне хорошо известно по давнему знакомству, но среди ополченцев, возможно, найдутся такие едоки, что даже его обскачут.

— Дядюшка. — попросила Мэйбл, — если вы позавтракали, проводите меня, пожалуйста, снова на бастион. Мы с вами еще как следует не видели озера, а ведь неудобно молодой девушке бродить по крепости одной в первый же день приезда.

Кэп догадался, к чему клонит Мэйбл. Питая к шуриину, в сущности, сердечное расположение, он и не возражал против того, чтобы отложить спор до другого раза, хотя мысль о том, чтобы вовсе предать его забвению, не приходила ему в голову — для этого он был слишком упрям и самонадеян.

Итак, он отправился проводить племянницу, оставив сержанта вдвоем с его другом.

Как только противник обратился в бегство, сержант, так и не разгадавший маневра своей дочери, повернулся к приятелю и с улыбкой нескрываемого торжества сказал:

— Армия, Следопыт, еще не получила достаточно признания. И, хотя человеку приличествует скромность, какой бы он ни носил мундир, алый или черный, или даже ходил попросту в рубашке, я никогда не упускаю случая замолвить словечко за армию. Ну как, мой друг, — добавил он, кладя ладонь на руку Следопыта и крепко ее сжимая, — понравилась тебе моя девочка?

— Можешь ею гордиться, сержант! Каждый отец мог бы гордиться такой красивой и воспитанной дочерью. Я видел немало ихней сестры, и воспитанных и красивых, но не встречал ни одной, в ком провидение так мудро соразмерило бы оба эти качества.

— Ну что ж, Следопыт, и она о тебе самого лучшего мнения. Чего только она не наговорила мне вчера про твое хладнокровие, и мужество, и доброе сердце — особенно про доброе сердце. Для женщин это главное, как я погляжу. А теперь, мой друг, почисть свою амуницию да наведи на себя красоту, и девушка твоя — и рука ее и сердце.

— Не думай, сержант, я помню все, чему ты учил меня, и не пожалею стараний так же понравиться Мэйбл, как она понравилась мне. Сегодня я еще на заре вычистил и надраил свой "оленебой", ружье никогда еще так не блестело, как сейчас.

— Это по твоим охотничьим понятиям, Следопыт. Огнестрельное оружие должно сверкать и гореть на солнце. Я никогда не видел ничего хорошего в тусклом стволе.

— Лорд Хау¹⁸ держался другого мнения, сержант, а ведь его считали добрым воякой.

— Что верно, то верно! Его светлость приказал вычернить все оружейные стволы в полку, но ни к чему хорошему это не привело. В англиканской церкви¹⁹ в Олбани ты можешь увидеть его поминальную доску. Нет, нет, дружище, солдат должен быть солдатом; во всех случаях и при всех условиях он обязан носить нашивки, петлички и все знаки различия своего честного ремесла. Скажи, Следопыт, удалось тебе побеседовать с Мэйбл во время ваших странствий по реке?

— Много нам беседовать не пришлось. К тому же Мэйбл настолько меня образованней, что я не решался говорить ни о чем, что не касается моего занятия.

— В этом ты и прав и не прав, голубчик. Женщинам нравится пустая болтовня, и большую часть этого дела они берут на себя. Ты, конечно, знаешь меня как человека, который не горазд трепать языком, но бывали случаи, когда я, чтобы понравиться матери Мэйбл, не стеснялся уронить свое мужское достоинство. Правда, я был тогда года на двадцать два моложе и числился не старшим сержантом, а младшим. Блюсти свое достоинство полезно и даже обязательно, когда имеешь дело с мужчинами, но, если хочешь завоевать расположение женщины, надо быть немного снисходительнее.

— Ах, сержант, боюсь, ничего у меня не выйдет!

— Как, ты отказываешься от дела, на котором мы с тобой порешили?

— Мы говорили, что, если Мэйбл такова, как ты мне ее рисовал, и если девушке понравится простой проводник и охотник, мне следовало бы поступиться кое-какими своими бродяжническими привычками и настроиться на то, чтобы обзавестись женой и детьми. Но, с тех пор как я ее увидел, меня одолели сомнения.

— Это еще что такое? — рассердился сержант. — Разве ты не уверял меня только что, что девушка тебе нравится? И разве Мэйбл в чем-нибудь обманула твои ожидания?

— Ах, сержант, не в Мэйбл я сомневаюсь, а в себе самом. Ведь я простой темный лесовик, и, может, не так уж я хорош, как мы с тобой воображаем.

¹⁸ Лорд Хау (1725-.1814) — с 1775 по 1778 год командовал британскими войсками в Северной Америке. В условиях "лесной" войны он стремился сделать военное снаряжение и обмундирование англичан как можно менее заметным для острых глаз индейцев.

¹⁹ Англиканская церковь — государственная церковь в Англии, являющаяся разновидностью протестантской.

— Если ты сомневаешься в своем мнении, Следопыт, это еще не дает тебе права сомневаться в моем. Разве я не разбираюсь в людях? Разве это не прямая моя обязанность и разве мне часто случалось обманываться? Спроси майора Дункана, если хочешь, чего я стою в этом отношении.

— Но, сержант, мы с тобой старые друзья. Мы в десятках боев сражались вместе и не раз выручали друг друга. В таких случаях человек судит пристрастно: а я боюсь, что твоя дочь не посмотрит на простого, невежественного охотника глазами своего отца.

— Полно, полно. Следопыт, ты сам себя не знаешь, положишься на мое мнение! Во-первых, ты человек с большим опытом, а ведь это как раз то, чего не хватает молодой особе, и всякая разумная девица оценит это качество. Во-вторых, ты не пустой фатишка из тех, что ломаются и хорохорятся, едва вступив в армию. Ты знаешь службу, это сразу видно, достаточно на тебя поглядеть. Ведь ты раз тридцать — сорок бывал в огне, если считать все стычки и засады, в которых тебе так или иначе пришлось участвовать!

— Верно, сержант, все верно, но разве этим можно завоевать расположение молодой девушки с нежным сердцем?

— Смелость города берет! Опыт, добытый на поле боя, так же полезен в любви, как и на войне. К тому же ты честный и верный подданный английского короля, дай ему бог здоровья!

— Возможно, возможно, но я слишком груб, слишком стар и слишком неотесан, чтобы понравиться такой юной и деликатной девушке, как Мэйбл, незнакомой с нашими дикими нравами. Как знать, может быть, жизнь в поселении больше ей по душе?

— Это еще что за новые соображения, дружище? В первый раз от тебя слышу!

— А это потому, что я и сам не знал, насколько я недостоин Мэйбл, пока не увидел ее. Мне не раз приходилось путешествовать с такими красотками, как твоя дочь, я так же провожал их по лесу, видел их в опасности и в счастливые минуты избавления. Но эти девушки были неизмеримо выше меня, и мне в голову ничего такого не приходило, это были просто слабые существа, отданные под мою защиту. Другое дело тут. Мы с Мэйбл люди разные настолько, что мне невыносимо видеть, до чего я ей неровня. Хотелось бы мне, сержант, скинуть с плеч этак лет десяток и быть поавантажнее фигурой и лицом, чтобы красивой молодой девушке не противно было на меня глядеть.

— Выше голову, мой храбрый друг, и верь отцу, который разбирается в женском сердце. Мэйбл уже наполовину в тебя влюблена, а после двухнедельного любезничания и ухаживания на островах вторая половина придет сама собой и сомкнет ряды с первой. Девочка так и сказала мне вчера, чуть ли не этими же словами.

— Быть того не может! — воскликнул проводник, которому по его природной скромности и робости было даже страшно представить себе свои шансы в столь блестящем свете. — Что-то мне не верится! Я бедный охотник, а Мэйбл впору выйти за офицера. Уж не думаешь ли ты, что девушка откажется от своих любимых городских привычек, от визитов и хождений в церковь, чтобы поселиться с обыкновенным охотником и проводником здесь, в лесной чащобе? А не затоскует она по старой жизни и по лучшему мужу?

— Лучшего мужа, Следопыт, ей не найти, — успокоил его отец. — А что до городских привычек, они легко забываются на лесном приволье, тем более что у Мэйбл достанет характера жить на границе. Когда я задумал ваш союз, дружище, я все это предусмотрел, как генерал, готовящий план кампании. Сначала я подумал было взять тебя в полк, чтобы ты заступил мое место, когда я уйду в отставку. — Придется же мне рано или поздно уйти на покой. Однако, обмозговав это дело, я понял, что ты не годишься для действительной службы. Но все равно, хоть ты и не солдат во всех смыслах, зато ты солдат в лучшем смысле слова, и я знаю, как уважают тебя наши офицеры. Пока я жив, Мэйбл должна жить под моей крышей, и у тебя всегда будет дом, куда, ты сможешь возвращаться после твоих странствий и походов.

— Да уж чего лучше, кабы девушка пошла за меня по своей воле! Но, как это ни грустно, мне что-то плохо верится, чтобы такой человек, как я, пришелся ей по вкусу. Вот

будь я помоложе да непригляднее, хотя бы, к примеру, как Джаспер Уэстерн, это бы еще куда ни шло, да, это бы еще куда ни шло!

— Вот чего у меня дождется твой Джаспер Уэстерн и все эти молодчики в крепости и не в крепости! — заявил сержант, складывая пальцы в кукиш. — Если ты и не моложе капитана "Резвого", то выглядишь куда моложе, а уж красотой ему с тобой не сравняться!

— Что ты сказал? — оторопело спросил Следопыт, словно ушам своим не веря.

— Я говорю, хоть ты годами и старше Джаспера, а где ему против тебя — ишь ты какой закаленный и жилистый, ровно тугая бечева. Лет через тридцать, помяни мое слово, ты переплунешь их всех, вместе взятых. Да ты с твоей-то чистой совестью всю жизнь останешься младенцем!

— А чем тебе не угодил Джаспер? Уж если говорить по совести, во всей колонии не найдется более порядочного парня.

— А кроме того, ты мой Друг, — продолжал сержант, крепко пожимая руку Следопыту, — мой верный, испытанный, преданный друг!

— Да, сержант, мы с тобой сдружились лет двадцать назад — еще до рождения Мэйбл.

— Правда твоя, Следопыт, уже задолго до рождения Мэйбл мы были испытанными друзьями, и я погляжу, как эта дерзкая девчонка посмеет не выйти замуж за человека, который был другом ее отца, когда ее еще и на свете не было!

— Трудно сказать, сержант, трудно сказать! Каждый ищет себе ровню. Молодое тянется к молодому, а старое — к старому.

— Положим, Следопыт, в делах семейных это не так! Ни один старик не откажется от молодой жены. А кроме того, тебя уважают и любят все наши офицеры, ей будет лестно иметь мужа, к которому все так расположены.

— Надеюсь, у меня нет врагов, кроме мингов, — сказал Следопыт, рассеянно ероша волосы. — Я всегда старался поступать честно, а этим приобретаются друзья — хотя и не во всех случаях.

— И ты постоянно бываешь в лучшем обществе — даже старик Дункан Лунди рад тебе, ведь он много времени проводит с тобой. Из всех проводников ты у него на лучшем счету.

— Да не только он — мне случалось бродить по лесу с людьми и знатнее и умнее его и целыми днями говорить с ними, словно брат с братом. Но, сержант, никогда я этим не кичился: я знаю, лес равняет людей, хотя в городе это и невозможно.

— И ты известен за лучшего стрелка во всей округе!

— Кабы Мэйбл это ценила в человеке, у меня не было бы оснований унывать. Но порой я думаю, что не моя это заслуга, а "оленебой". Ведь это же и в самом деле отличное ружье и, может быть, в руках другого оно будет стрелять не хуже.

— Ты чересчур скромничаешь. Следопыт. А сколько раз бывало, что в других руках "оленебой" давал промах, тогда как ты отлично стреляешь из любого ружья! Нет уж, позволь тебе не верить! Мы на этих днях устраиваем состязание в стрельбе, ты покажешь свое искусство, и Мэйбл еще лучше тебя узнает.

— А честно ли это, сержант? Ведь всем известно, что "оленебой" редко дает маху, надо ли устраивать состязание, когда можно сказать наперед, чем дело кончится?

— Полно, полно, дружище! Нет, видно, придется мне самому взяться за это сватовство. Для человека, который не вылезает из пороховой копоти, ты на редкость смирный поклонник, как я погляжу. Не забывай, что у Мэйбл храбрость в крови. Ей, надо полагать, приглянется настоящий мужчина, как когда-то такой приглянулся ее матушке.

На этом слове сержант встал и без дальнейших околичностей перешел к своим неисчерпаемым делам и обязанностям. Проводник был свой человек в гарнизоне; по отношению к нему такие вольности были в порядке вещей, и он на них не обижался.

Из приведенного разговора читатель поймет, какие планы строил сержант Дунхем, когда он звал Мэйбл приехать к нему на границу. Хотя он отвык от дочери, которую ласкал и холил малюткой в первые два года своего вдовства, однако привязанность к ней всегда жила в глубине его сердца. Он так привык отдавать приказы и выполнять их, ни перед кем не

отчитываясь и ни у кого не спрашивая мнения об их разумности, что ни минуты не сомневался в покорности Мэйбл, хотя отнюдь не намерен был насилловать ее волю. Надо сказать, что все знавшие Следопыта видели в нем человека превосходных душевных качеств. Неизменно верный себе, чистосердечный, преданный, не ведающий страха и вместе с тем осмотрительный и осторожный, он со всей душой брался за любое справедливое дело — или такое, какое считалось в то время справедливым, — и никогда не участвовал в том, за что ему пришлось бы позже краснеть или выслушивать заслуженные порицания. Нельзя было, соприкасаясь изо дня в день с этим человеком, которого при всех его слабостях и недостатках можно было уподобить Адаму до грехопадения, не исполниться к нему уважения, как бы мало оно ни вязалось с его скромным положением и занятием. Нетрудно было заметить, что ни один офицер не проходил мимо Следопыта, не отдав ему чести, словно равному, как и ни один человек простого звания не упускал случая при встрече перекинуться с ним словами доверия и благожелательности. Удивительной особенностью самого Следопыта было полное пренебрежение к чинам и рангам, не основанное на личных достоинствах и заслугах. По привычке он был почтителен к начальникам, но нередко позволял себе указывать им на их ошибки и выговаривать за упущения с бесстрашием, ясно свидетельствующим о душевном бескорыстии и природном уме, который мог поспорить с образованностью. Тот, кто не верит во врожденную способность человека отличать добро от зла без поучения, стал бы в тупик перед этим самобытным мудрецом с отдаленной окраины. Его чувства, казалось, обладавшие свежестью девственного леса, где протекала его жизнь, позволяли ему так четко разграничивать правду и ложь, добро и зло, что перед ним отступил бы самый изощренный казуист. Впрочем, были у Следопыта и свои предрассудки и предубеждения, носившие отпечаток его личности и навыков и укоренившиеся так прочно, что они стали его второй натурой. Но над всем этим возвышалось его неподкупное, безошибочное чувство справедливости. Эта благородная черта (а без нее ни один человек не может быть поистине велик, тогда как с ней любой человек заслуживает уважения), видимо, незаметно влияла на тех, с кем он общался; не раз бывало, что какой-нибудь гарнизонный буян возвращался из совместного похода со Следопытом другим человеком, — с душой, смягченной, облагороженной и преображенной его словами, чувствами и личным примером. Как и должно ожидать от человека таких высоких правил, верность ему была нерушима, как скала. Предательство и Следопыт были несовместимы, и если ему редко приходилось отступить перед врагом, то никогда не оставлял он в беде друга, когда для этого представлялась хоть малейшая возможность. Естественно, что такой человек сближался только с родственными натурами. При всей случайности его встреч и знакомств он всегда тяготел к людям с незапятнанной совестью; какое-то внутреннее чутье подсказывало ему, кто достоин его дружбы. Некий наблюдатель людского рода говорил о Следопыте, что это прекрасный образчик того, чем может стать человек чистой и правдивой души, находясь среди великого уединения, испытывая благотворное влияние девственной природы и не зная соблазнов и заблуждений, порожденных цивилизацией.

Таков был человек, которого сержант Дунхем прочил в мужа своей Мэйбл. Впрочем, сделав этот выбор, он руководствовался не столько ясным и отчетливым представлением о достоинствах друга, сколько личной к нему симпатией: никто не знал Следопыта ближе, чем сержант, хотя он меньше ценил в ней как раз его самые лучшие качества. Старому солдату было невдомек, что у дочери могут быть серьезные возражения против его избранника; с другой стороны, отец усматривал в этом браке много преимуществ для себя лично, заглядывая в туманное будущее, он видел себя на закате дней окруженным внуками, которые будут ему вдвойне милы и дороги по обоим их родителям.

Когда сержант впервые заговорил об этом браке со своим другом, тот выслушал его благосклонно, и теперь отец с удовольствием убедился, что Следопыт душой был бы рад жениться на Мэйбл, если бы его не тревожили сомнения, что он ее недостойн.

Глава X

*Хоть и спросила я о нем, однако
В него не влюблена Капризный мальчик,
Красиво говорит, но есть ли толк в словах!*
Шекспир. "Как вам это понравится"

Целая неделя прошла в обычных, повседневных занятиях. Мэйбл постепенно освоилась со своим положением, которое хоть и забавляло ее новизной, но уже слегка наскучило томительным однообразием; да и офицеры и рядовые гарнизона стали привыкать к присутствию цветущей молодой девушки, чьи одежда и манеры носили отпечаток скромного изящества, приобретенный нашей героиней в доме своей покровительницы; гарнизонная молодежь уже меньше докучала Мэйбл плохо скрытым восхищением и скорее радовала подчеркнутой почтительностью; наша скромница неизменно относилась к ней за счет популярности своего отца, но то была скорее дань ее собственному сдержанно приветливому и располагающему обращению, нежели авторитету, каким пользовался сержант.

Знакомства, завязавшиеся в лесу или в какой-нибудь другой такой же не совсем обычной обстановке, очень скоро исчерпывают себя. Недели пребывания в крепости оказалось достаточно, чтобы Мэйбл решила, с кем она не прочь сойтись поближе и кого ей лучше избегать. То промежуточное положение, какое занимал ее отец, который, не будучи офицером, все же значительно возвышался над простыми рядовыми, держало ее на отшибе от двух больших каст, на которые делится военная среда, и это, естественно, сужало круг людей, с коими ей приходилось общаться, и значительно облегчало ей выбор. И все же она скоро заметила, что даже кое-кто из тех, кто мог претендовать на место за столом самого коменданта, был склонен закрыть глаза на разделяющие их условности ради удовольствия созерцать изящную женскую фигурку и очаровательное личико. Не прошло и двух-трех дней после ее прибытия в крепость, как у нее завелись поклонники и среди офицеров. В особенности квартирмейстер гарнизона, мужчина средних лет, не раз уже связывавший себя узами брака, но недавно вновь овдовевший, явно старался поближе сойтись с сержантом, хотя они и без того постоянно встречались по службе; даже самые молодые его сотрапезники вскоре заметили, что этот напористый человек — кстати, шотландец, по фамилии Мюр, — что-то зачистил к своему подчиненному. Однако, кроме безобидной шутки или намека на очаровательную "сержантову дочку", никто ничего не позволял себе по его адресу, хотя Мэйбл Дунхем вскоре стала признанной "богиней" молодежи и в офицерской столовой за нее постоянно поднимались бокалы.

Как-то в конце недели после вечерней переключки Дункан Лунди послал за сержантом Дунхемом для разговора по делу, видимо, требовавшему свидания с глазу на глаз. Старый майор жил в фургоне, который можно было перевозить с места на место, смотря по надобности, что позволяло ему кочевать по всей крепостной территории. Сейчас фургон стоял в центре главной площади, где и нашел его сержант. Войдя, он был тут же принят без обычного в таких случаях выстаивания в передней. Надо заметить, что командный состав крепости и простые рядовые жили примерно в равных условиях, если не считать того, что офицерам отводились более просторные помещения, так что Мэйбл с отцом пользовались почти теми же удобствами, что и сам комендант.

— Входите, сержант, входите, дорогой друг, — приветствовал гостя майор Лунди, когда его подчиненный почтительно остановился у порога комнаты, представлявшей нечто среднее между спальней и библиотекой. — Входите и садитесь на этот стул. Сегодня я позвал вас по делу, не имеющему отношения ни к платежным ведомостям, ни к расписанию дежурств. Мы с вами старые боевые товарищи и стойко пережили вместе, что это может сроднить даже майора с его вестовым и шотландца с янки. Садитесь же, дружище, и почувствуйте себя как дома. Сегодня, кажется, выдался погожий денек?

— Так точно, майор Дункан! — подтвердив сержант, присаживаясь на кончик стула; как многоопытный служака, он не поддавался на начальственную ласку, сохраняя должную

почтительность — Отличный денек, сударь, и есть надежда, что хорошая погода постоит. Дай-то бог! Урожай обещает быть хорошим. Увидите, наши молодцы из Пятьдесят пятого еще покажут себя такими же дельными фермерами, как и солдатами. Я никогда не видал в Шотландии такого картофеля, какой мы, должно быть, соберем на новом поле. Да, майор Дункан, картофеля будет вдоволь, нынешняя зима авось будет у нас полегче той.

— Жизнь не стоит на месте, сержант — растет благополучие, но растут и потребности. Вот и мы стареем, и я уже подумываю, что пора оставить службу и немного пожить для себя. С меня хватит. Достаточно я поработал на своем веку!

— У короля, дай бог ему здоровья, еще много найдется для вас дел.

— Возможно, сержант Дунхем, но не мешало бы, чтобы у него нашлась для меня и вакансия подполковника.

— Этот день будет праздником для Пятьдесят пятого полка, сэр!

— Смею вас заверить, для Дункана Лунди тоже. Но, сержант, хоть вам еще не приходилось быть подполковником, зато у вас была хорошая жена, а если не считать чина, только это и может сделать человека по-настоящему счастливым.

— Да, я был женат, майор Дункан, но мне уже давно ничто не мешает безраздельно служить его величеству и думать только о своих обязанностях.

— Ну, а как же быстроногая розовощекая дочурка, которую я за последнее время то и дело вижу у нас здесь? Нечего таиться, сержант! Уж на что я старик, а и сам бы влюбился в эту прелестную девушку и послал бы свой чин подполковника ко всем чертям.

— Все мы знаем, кому принадлежит сердце майора Дункана Некая прекрасная леди в Шотландии ждет не дождется его осчастливить, как только долг службы позволит ему возвратиться на родину.

— Ах., сколько же можно жить надеждами, сержант! Далекая невеста в далекой Шотландии! — возразил начальник, и тень неподдельной грусти набежала на его суровое, с резкими чертами лицо шотландца. — Что ж, если у нас нет нашего любимого вереска и овсянки, зато мы не терпим недостатка в дичи, а горбуши здесь не меньше, чем семги в Бервик-на-Твиде²⁰. Верно это, сержант, что наши люди недовольны: их будто бы закармливали голубями и дичью?

— Вот уж с месяц никто на это не жалуется. Ведь летом не так уж много птицы и оленины. Обижаются больше насчет горбуши, но до осени, думается, потерпят. Я не предвижу особых беспорядков из-за провизии. Вот шотландцы — те, пожалуй, кричат больше, чем позволительно, требуют овсяной муки, а на пшеничный хлеб и смотреть не хотят.

— Ничего не попишешь, сержант, такова человеческая натура — чистокровная шотландская человеческая натура Овсяная лепешка, по правде сказать, ни с каким хлебом не сравнится, я сам сплю и вижу, как бы отведать кусочек.

— Если уж очень допекать будут — я про наших солдат говорю, мне и в голову не придет сказать это о вас, — если люди будут так тосковать по своей природной пище, я бы позволил себе предложить, чтобы нам завезли сколько-нибудь овсяной муки или хотя бы тут ее приготовить, только бы крикуны утихли. Я думаю, много и не понадобится, чтобы излечить их от тоски.

— Да вы, я вижу, пройдоха, сержант! Но черт меня побери, если вы неправы! Однако на свете есть вещи получше овсяной муки. У вас, например, прелестная дочка, Дунхем.

— Девочка — вылитая мать, майор Дункан, она выдержит любой инспекторский смотр. Обе они выросли не на овсянке, а на добротной американской муке. Ей никакой смотр не страшен, сэр!

— Я в этом не сомневаюсь. Ну, а теперь не стану вас больше манежить, сержант, а

²⁰ Бервик-на-Твиде — порт на границе между Англией и Шотландией при впадении реки Твид в Северное море.

двину вперед свои резервы. Квартирмейстер Дэйви Мюр имеет виды на вашу дочь, он просил меня похлопотать за него перед вами — боится, видно, уронить свое высокое достоинство И то сказать, добрая половина наших юнцов пьет за ее здоровье, в полку только и разговоров, что о ней.

— Это большая для нее честь, сэр, — отвечивал сержант сухо, — но у наших джентльменов скоро найдется что-нибудь более занятное для разговоров. Месяца через два, сэр, я надеюсь увидеть свою дочь замужем за честным человеком.

— Что ж, Дэйви честный малый, а для квартирмейстера это большая заслуга, — заметил майор с усмешкой. — Так, значит, вы разрешаете обнадежить нашего юношу, уязвленного стрелой амура?

— Спасибо, ваша честь, но Мэйбл — невеста другого.

— Вот это новость так новость! Представляю, какой переполох она вызовет в крепости! Впрочем, я рад за вас, сержант: говоря по совести, я не поклонник неравных браков.

— Я того же мнения, ваша честь, и не хотел бы видеть свою дочь офицерской дамой. Быть тем, чем была ее мать, вполне достаточно для благоразумной девушки.

— А нельзя ли узнать, сержант, кто счастливец, которого вам угодно будет назвать своим зятем?

— Следопыт, ваша честь!

— Следопыт?!

— Вот именно, майор Дункан! Не правда ли, это такое имя, которое не требует никаких пояснений. На всей границе нет человека более известного, чем мой честный, храбрый, преданный друг!

— Что верно, то верно! Но способен ли он сделать счастливой двадцатилетнюю девушку?

— А почему бы и нет, ваша честь? Ведь этот человек достиг вершин в своем звании. У нас при армии не найдется проводника, которого бы и вполтину так уважали, как Следопыта, и который хотя бы вполтину такого уважения заслуживал.

— Это все правильно, сержант, но разве слава лихого разведчика способна увлечь молодую девушку?

— Говорить об увлечении молодой девицы, сэр, по моему глупому рассуждению, это все равно, что спрашивать мнения какого-нибудь невежи новобранца. Если бы мы стали равняться на молодых рекрутов, мы не могли бы построить войсковую часть в должный боевой порядок.

— Ну при чем же тут невежа рекрут? Для молодой девушки своего положения ваша дочь умна и развита, в старом Альбионе²¹ не сыскать лучшей. И она дала согласие на этот брак? Хотя, по-видимому, дала, раз вы говорите, что она обручена.

— Разговора промеж нас еще не было, майор, но в согласии ее я уверен, у меня для этого много оснований.

— И что же это за основания, сержант? — спросил майор, уже по-настоящему заинтригованный. — Признаюсь, мне, как старому холостяку, любопытно узнать, как судит о таких вещах молодая девица.

— Видите ли, майор, когда я заговариваю с моей девочкой о Следопыте, она никогда не опускает глаз, соглашается со всем, что я говорю в его пользу, и рассуждает так открыто и прямо, без всякого стеснения, точно уже считает его своим будущим мужем.

— Гм! И по этим признакам, Дунхем, вы судите о чувствах вашей дочери?

— Натурально, ваша честь! Человека видно, когда он говорит то, что думает. Когда кто из наших солдат хвалит своего офицера и при этом глядит мне прямо в глаза — а ведь эти бестии, чтобы не прогневить вашу честь, любят посудачить о своих старших, — если, говорю, человек смотрит мне прямо в глаза и хвалит своего капитана, я сразу вижу, что это

²¹ Альбион — старинное название Англии.

парень честный и говорит то, что думает — Скажите, сержант, а разве предполагаемый жених не намного старше хорошенькой невесты?

— Совершенно верно, сэр: Следопыту уже под сорок, и Мэйбл должна радоваться, что у нее будет такой опытный спутник жизни. Мне тоже было под сорок, когда я женился на ее матушке.

— И вы думаете, что зеленая охотничья блуза и лисья шапка, в какой щеголяет наш достойный проводник, понравятся вашей дочери больше, нежели щегольской мундир Пятьдесят пятого полка?

— Возможно, что и нет, сэр. Тем для нее полезнее, если придется ей кое-чем и поступиться от этого молодая девица становится лучше и благоразумнее.

— А вы не боитесь, что она еще смолоду останется вдовой? Ведь Следопыт постоянно рискует жизнью, гоняясь за диким зверем, не говоря уж о дикарях-индейцах.

— Пуля дура, сами знаете, Лунди (Майор любил, чтобы его так называли, когда он беседовал с солдатами запросто.) От безвременной смерти никто не защищен и у нас в Пятьдесят пятом, так что Мэйбл ничего не выиграет, выйдя замуж за военного. К тому же, сэр, говоря по совести, я сильно сомневаюсь, чтобы Следопыт погиб от пули или чтобы с ним случилось что-то неладное в лесу.

— Откуда у вас эти мысли, сержант? — спросил майор, возмущенный на своего подчиненного с тем почтительным удивлением, с каким шотландцы того времени — еще в большей мере, чем нынешние, — склонны были воспринимать явления потустороннего мира. — Ведь он подвергается такой же опасности, как и любой наш солдат, да что я говорю — несравненно большей. Почему же он надеется спастись там, где другие гибнут?

— Я не сказал бы, ваша честь, что Следопыт считает себя более неуязвимым, чем мы с вами, а только что этого человека пуля не берет. Мне часто приходилось видеть, как он управляет со своим ружьем, будто это пастушеский посох, когда пули градом сыплются вокруг, и как при самых невероятных обстоятельствах смерть обходит его стороной, — вот это и дает мне уверенность, что у провидения какие-то другие насчет него планы. А ведь если во владениях его величества есть человек, который заслуживает такой смерти, так это, конечно, Следопыт...

— Об этом не нам судить, сержант, — оборвал его майор, заметно помрачнев; видно, разговор этот навеял на него грусть. — Чем меньше мы будем этого касаться, тем лучше. Но удовлетворит ли вашу дочь — вы, кажется, назвали ее Мэйбл, — удовлетворит ли ее брак с человеком, который только работает для армии, а не состоит на действительной службе? Ведь у него нет надежды на производство в чин!

— Он уже и так оставил за флагом всех других проводников, и слава его гремит по всей границе. Короче говоря, это дело решенное, ваша честь, а как вы изволили рассказать мне про господина Мюра, не откажите сообщить ему, что девушка, можно сказать, получила пожизненное назначение и приписана к другому полку.

— Ладно, ладно, дело ваше! Ну, а теперь, сержант Дунхем...

— Слушаюсь! — ответил сержант, вскакивая и становясь во фронт.

— Вам известно, что я намерен на весь будущий месяц послать вас в район Тысячи Островов. Все наши обер-офицеры побывали там этим летом со служебным поручением — по крайней мере, те, что у меня на хорошем счету, — теперь ваш черед. Лейтенант Мюр, правда, рвется ехать, но он у нас числится квартирмейстером, и я не хочу нарушать установленный порядок. Вы уже отобрали людей?

— Все готово, ваша честь! Люди извещены, а с приехавшей вчера лодкой, слышно, пришло сообщение, что отряд на озере ждет не дожидается, чтобы его сменили.

— Это верно, сержант, и вам надо выехать не позже чем послезавтра, если не завтра вечером. Я на вашем месте постарался бы отплыть в темноте.

— То же самое говорит и Джаспер, ваша честь, а молодому Джасперу Уэстерну я верю в этих делах, как никому другому.

— Молодому Джасперу — Пресная Вода? — переспросил майор, и на суровом его

лице промелькнула улыбка. — Разве он с вами едет?

— А вы когда-нибудь слышали, ваша честь, чтобы "Резвый" выходил из порта без Джаспера Уэстерна?

— Что правда, то правда, но нет правила без исключения. За последние дни у нас в крепости появился, по моим наблюдениям, этакий бывалый моряк.

— Так точно, ваша честь, его зовут мастер Кэп, он мой шурин и сопровождал мою дочь.

— Так почему бы вам не поручить "Резвый" ему вместо Джаспера? Вашему шурину будет небезынтересно прокатиться по озеру, и вам не нужно будет с ним расставаться.

— Я как раз хотел просить разрешения у вашей чести взять его с собой, но только волонтером. Джасперу будет очень обидно, если мы без всякой причины снимем его с командования, а братец Кэп до того презирует пресную воду, что вряд ли захочет быть у нас за капитана.

— Ну что ж, сержант, оставляю все это на ваше усмотрение. Пусть куттер поведет Джаспер. Вы и Следопыта с собой берете?

— Если ваша честь не возражает. Там хватит дела обоим проводникам — и белому и индейцу.

— Пожалуй, вы правы. Итак, сержант, желаю вам удачи. И помните: когда оставите позицию, срыйте там все укрепления. К этому времени пост уже будет нам без надобности, если только мы не просчитались во всех наших планах. Слишком это опасная позиция, чтобы без нужды за нее держаться. А теперь можете идти.

Сержант отдал честь, лихо повернулся на каблуках и уже притворил за собой дверь, когда майор позвал его обратно:

— Да, вот еще что, совсем из головы вылетело: младшие офицеры просили меня устроить состязание в стрельбе, и я назначил его на завтра. "Допускаются все желающие, победителям будут розданы призы, — продолжал майор, уже читая по бумаге, — порошница, оправленная в серебро, и такая же кожаная фляжка, а также шелковый женский капор. Последний даст возможность победителю проявить галантность, преподнеся его своей даме сердца".

— Что ж, очень приятно, ваша честь, особенно для того, кто окажется победителем. А можно Следопыту участвовать?

— Как же мы можем запретить ему, если он сам вызовется! За последнее время я не вижу его на наших соревнованиях. Очевидно, он не находит здесь достойных соперников.

— В том-то и дело, майор Дункан. Следопыт честный малый, он знает, что во всей округе ни один стрелок за ним не угонится, и не хочет портить молодым людям удовольствие. По-моему, пусть он решает. Положимся на его деликатность, ваша честь. Я не знаю человека более совестливого.

— В данном случае придется, сержант: время покажет, насколько он совестлив в других отношениях. Доброй вам ночи, Дунхем!

И сержант ушел, предоставив Дункана — Лунди собственным размышлениям. Эти мысли были, видимо, отнюдь не неприятного свойства, о чем говорила улыбка, то и дело набегавшая на его лицо, которое обычно носило отпечаток угрюмой серьезности. Не прошло и получаса, как послышался стук в дверь. Майор сказал: "Войдите" — и на пороге показался человек средних лет, в офицерском мундире, имевшем, однако, изрядно поношенный вид. Это и был Мюр, занимавший мысли майора.

— Я пришел, сэр, по вашему приказанию, узнать свою участь, — сказал квартирмейстер, выговаривая слова с резким шотландским акцентом и садясь на предложенный стул. — Представьте, майор, приезд этой девушки вызвал в гарнизоне не меньший переполох, чем появление французов под Тайем. Я еще не видел такой сокрушительной победы, одержанной за столь короткое время.

— Уж не вздумаете ли вы уверить меня, Дэйви, что ваше юное бесхитрое сердце после семидневного знакомства запылало огнем? На сей раз, сэр, вы превзошли самого себя.

Это напоминает мне пресловутый шотландский эпизод из вашей биографии, когда пожар, занявшийся в вашем сердце, произвел в нем такое опустошение, что юным девам нетрудно было увидеть, чего стоит заключенное в нем горючее.

— Вы все шутите, майор Дункан! Вы, кажется, будете шутить, даже когда неприятель появится у ворот. Ну что дурного в том, если молодые люди предаются влечению сердца?

— Вы так часто предавались ему, Дэйви, что это, должно быть, утратило для вас прелесть новизны. Если считать тот неофициальный случай в Шотландии, когда вы были еще юношей, вы уже четыре раза познали прелести брака.

— Три раза, майор! Четвертый мне только предстоит. Я еще не выполнил всей программы — нет, нет, всего лишь три раза!

— Очевидно, Дживи, вы опускаете тот случай, когда дело у вас обошлось без церковного благословения?

— А чего ради я буду считать его, майор? Даже суд отказался признать этот брак, чего же вам еще надо? Известная вам женщина воспользовалась моей влюбчивостью, этой прискорбной слабостью моей натуры, и навязала мне контракт, впоследствии признанный незаконным.

— Помнится, не все смотрели так — была и другая точка зрения.

— На любое дело можно посмотреть и так и этак, дорогой майор! Бедная женщина умерла, не оставив потомства, и, значит, вопрос исчерпан. Но особенно не повезло мне во втором браке — я называю его вторым из уважения к вам, майор, исходя из сугубо условного предположения, что мой первый брак был браком. Но, будь он первым или вторым, особенно не повезло мне с Дженни Грейм — она умерла на пятом году нашего супружества, тоже не оставив потомства. Жила бы Дженни до сих пор, я не женился бы вторично, уверяю вас!

— Но она умерла, и ты женился еще два раза, а теперь не прочь жениться и в третий.

— Против правды трудно спорить, и я всегда готов ее признать. Но я вижу, Лунди, ты в такой прекрасный вечер несколько в мрачном настроении.

— Не то чтобы в мрачном. Мюр, но меня одолевают грустные мысли. Почему-то мне вспомнилось детство, когда я, помещичий сынок, и ты, сынок пастора, носились вместе по нашим родным холмам — два счастливых, беспечных мальчика, не заглядывавших в далекое будущее. А потом я задумался об этом будущем, оно оказалось не столь уж приятным.

— Уж тебе-то, Лунди, грех жаловаться! Ты дослужился до майора, а вскоре получишь и чин подполковника, если верить слухам; я же недалеко ушел от первого чина, который купил мне твой почтенный родитель, — какой-то жалкий квартирмейстер!

— А твои четыре жены?..

— Три, Лунди, всего-навсего три законные жены, если верить нашим нелicenseмерным и нелicenseприятным законам!

— Ну, пускай будет три. А ведь ты знаешь, Дэйви, — продолжал майор, незаметно для себя переходя на диалект своей юности, как это часто бывает с шотландцами, стоит лишь им заговорить о предмете, особенно близком их сердцу, — ты знаешь, Дэйви, мой выбор давно уже сделан, и знаешь, с какой безнадежной тоской я жду счастливого часа, когда смогу назвать любимую женщину своей, тогда как за это время ты, не имея ни имени, ни состояния, ни заслуг, — сколько-нибудь серьезных заслуг, разумеется...

— Полегче, Лунди, не увлекайся, дружище, в жилах Мюров течет благородная кровь!

— Пусть гак, Мюр, но, не имея за душой ничего, кроме благородной крови, ты был четыре раза женат. Что ни говори, старый друг, а по части семейного счастья я оказался пасынком судьбы!

— А кто же из нас в конце концов в выигрыше, майор, говоря начистоту, как это водилось у нас, когда мы были детьми — Мне нечего скрывать. Мои надежды все больше отодвигаются в туманную даль, тогда как ты...

—, так же далек от их свершения, клянусь честью, майор Дункан! Каждый новый опыт, на который я возлагал надежды, не приносил мне ничего, кроме разочарований. Таков удел

человеческий! Ах, Лунди, жизнь — это суета сует, и ничего нет суетнее брака.

— А все же ты готов в пятый раз сунуть голову в петлю?

— Всего-навсего в четвертый, майор Дункан, — заявил квартирмейстер внушительно и тут же, засияв мальчишеским восторгом, продолжал:

— А Мэйбл Дунхем так прелестна! Наши шотландские девы милы, но их не сравнишь со здешними красотками.

— Вспомни свой офицерский чин и благородную кровь, Дэйви! Кажется, все твои четыре жены.

— Прошу тебя, Лунди, не путайся в таблице умножения! Трижды одна — это три, а не четыре!

— Ладно, все три твои жены, сколько я помню, были девушки благородные, из почтенных семейств.

— Совершенно верно, майор, из почтенных семейств, с прекрасными связями.

— Что до четвертой, дочери нашего садовника, тут был явный мезальянс. Так разве ты не боишься, что женитьба на дочери унтер-офицера, да еще твоего сослуживца, плохо отзовется на твоём положении в полку?

— В этом-то и заключается моя постоянная слабость: я всегда женился наперекор рассудку. У каждого человека свои недостатки, и это мой неискоренимый порок. Ну, а теперь, когда мы обсудили, как говорится, принципиальную сторону вопроса, разреши спросить говорил ли ты с сержантом о моем маленьком деле? Замолвил за меня словечко?

— Замолвил, Дэйвид, и, к своему огорчению, убедился, что на сей раз у тебя мало шансов.

— Мало шансов? Офицер, квартирмейстер в придачу, — и меня не удостаивает вниманием дочь сержанта!

— Ты меня отлично понял, Дэйви.

— Но в чем же дело, Лунди?

— Девушка просватана. Рука ее обещана, свадьба назначена, сердце отдано — хотя черт меня побери, если я этому верю! Но она просватана, это факт.

— Что же, это препятствие, майор, но не такое уж серьезное, раз сердце ее в этом не участвует.

— Ты прав, сердце ее, возможно, и свободно: предполагаемый супруг — выбор не дочери, а отца.

— И кто же он? — спросил лейтенант с тем философским хладнокровием, которое рождается привычкой. — Я не вижу здесь ни одного серьезного соперника, кто мог бы стать у меня на дороге.

— Ну, конечно, Дэйви, ты единственно серьезный претендент на всей границе. Но счастливый избранник — Следопыт!

— Следопыт, майор Дункан?

— Не кто иной, как он, Дэйвид Мюр! Предпочтение отдано Следопыту. В утешение тебе могу сказать, что в браке этом, по-видимому, заинтересована не дочь, а отец.

— Так я и думал! — воскликнул квартирмейстер со вздохом облегчения. — Быть того не может, чтобы при моем знании человеческой природы...

— В особенности женской природы, Дэйвид!

— Тебе лишь бы состричь, майор, остальное тебя мало трогает. Быть того не может, чтобы я ошибся во вкусах этой молодой девицы: ее не удовлетворит положение Следопыта. А что до этого субъекта, мы еще посмотрим...

— Скажи мне откровенно, Дэйви Мюр... — обратился к нему Лунди; он шагнул из угла в угол и вдруг остановился, глядя на собеседника в упор с каким-то комическим недоумением, придававшим его лицу забавную серьезность. — Неужто ты думаешь, что такая девица, как дочь сержанта Дунхема, может почувствовать расположение к человеку твоего возраста и твоей наружности, не говоря уж о твоём бурном прошлом?

— Вздор, Лунди, ты не знаешь женщин и только потому в сорок пять лет еще не женат.

Сколько же можно оставаться холостяком?

— А сколько тебе лет, лейтенант Мюр, если позволительно задать такой щекотливый вопрос?

— Сорок семь, и я этого не скрываю, Лунди. Получается, в общем, по одной подруге жизни на каждое десятилетие, — если мне удастся заполучить Мэйбл! Но неужто сержант Дунхем такой простака, что способен отдать свою прелестную дочку этому медведю Следопыту? Да полно, серьезно ли это?

— Можешь не сомневаться! Сержант Дунхем серьезен, как солдат, который ложится под палки.

— Ладно, ладно, майор, мы с вами старые друзья и понимаем шутку — в свободное от службы время, конечно. Возможно, досточтимый папаша не уразумел моих намеков, иначе ему бы в голову не пришла такая глупость. Между супругой офицера и женой проводника такая же огромная разница, как между древней Шотландией и древней Америкой. В моих жилах течет древняя кровь, Лунди!

— Поверь мне, Дэйви, твоя родословная здесь ни при чем, и кровь у тебя не более древняя, чем кости. Итак, дружище, тебе известен ответ сержанта, известно, что мой авторитет, на который ты рассчитывал, оказался бессилем. Давай же выпьем, Дэйви, за наше старое знакомство, да не забудь, что завтра тебе нужно снарядить людей в поход, и выкинь из головы Мэйбл Дунхем.

— Ах, майор, мне всегда было легче выкинуть из головы жену, чем зазнобу! Когда люди вступают в честное супружество, все у них предрешено заранее до гробовой доски, которая единственно может их разлучить. Меня оторопь берет при мысли нарушить сон покойника, тогда как мысль о возлюбленной будит столько тревог, надежд и волнений, что я чувствую, как кровь бьет во мне ключом.

— Я так и представлял себе, Дэйви: ни от одной своей супруги ты больше не ждал счастья. А ведь есть глупцы, которые мечтают вкусить с любимой женой и загробное блаженство. Итак, пью за твой успех, лейтенант, или за скорейшее выздоровление от любовной горячки. И советую впредь быть осторожнее, а то как бы очередной приступ горячки не оказался для тебя роковым.

— Большое спасибо, майор! А я желаю тебе скорейшего увенчания твоих надежд, о которых мне кое-что известно... Да это вино — чистейшая горная роса. Лунди, оно согревает сердце воспоминанием о старой Шотландии! Что же до глупцов, о коих ты упомянул, им следует довольствоваться одной женой на брата — из опасения, как бы добрые и злые дела многочисленных супругов не разбросали их за гробовой доской по различным дорогам. Мне думается, всякий рассудительный муж должен быть доволен женой, ниспосланной ему жребием, и не гоняться за несбыточной мечтой. Итак, я бесконечно обязан вам, майор Лунди, за все ваши дружеские одолжения; прибавьте к ним еще одно, последнее, и я буду знать, что вы еще не совсем забыли товарища ваших детских игр.

— Что ж, если просьба твоя разумна и твоему командиру позволительно ее удовлетворить, не чинись, голубчик, я слушаю тебя.

— Когда бы вы придумали для меня какое-нибудь порученьице, так, недельки на две, в район Тысячи Островов, мне кажется, дело устроилось бы к общему удовольствию. Не забывайте, Лунди, девица Дунхем — единственная белая девушка на выданье на всей границе!

— Поручения по твоей части всегда найдутся, даже на самом маленьком посту; но это такие пустяки, что сержант с ними вполне справится, и даже лучше самого генерал-квартирмейстера.

— Но не лучше офицера! Не раз замечали, что наш младший командный состав склонен к транжирству.

— Ладно, я подумаю, Мюр, — сказал майор, смеясь. — Завтра утром придешь за ответом. Да, вот тебе прекрасный случай отличиться перед твоей красавицей. Ты превосходный стрелок, а на завтра назначено стрелковое состязание с раздачей призов.

Покажи свое искусство, и кто знает, что еще может произойти до отплытия "Резвого".

— В состязании, верно, примет участие главным образом молодежь?

— И молодежь и старики — в твоём лице, например. Я и сам постреляю разок-другой, с тобой за компанию. Ведь я, как тебе известно, тоже стрелок не из последних.

— Что ж, это, пожалуй, разумный совет. Женское сердце капризно, оно любого философа поставит в тупик. Иная из них требует правильной осады и капитулирует, только когда истощены все средства обороны; другую предпочтительнее взять штурмом; а есть плутовки, которых надо застигнуть врасплох, напав на них из засады. Первый способ, возможно, больше приличествует офицеру, но я предпочитаю последний, как более забавный.

— Твои наблюдения, очевидно, основаны на опыте. Ну, а что же ты скажешь о штурме?

— Это годится для людей помоложе, Лунди, — ответил квартирмейстер, вставая и делая майору ручкой — вольность, которую он иногда позволял себе на правах старой дружбы. — Каждому возрасту свое: в сорок семь лет не мешает немножко довериться и голове. Желаю тебе доброй ночи, майор, приятных снов и избавления от подагры.

— И тебе того же, мистер Мюр. Так приходи же завтра на наше состязание.

Квартирмейстер ушел, оставив Лунди под впечатлением этого разговора. Впрочем, давнишнее знакомство приучило майора Лунди к выходкам и коленцам лейтенанта Мюра, и он куда терпимее относился к ним, чем отнесется, быть может, читатель. И в самом деле, хотя все люди подвластны единому закону, именуемому природой, сколь, однако, различны их характеры, суждения, чувства и эгоистические устремления!

Глава XI

*Олея, что несется как стрела,
Пускай догонит неуклюжий пес,
Подбей прямых на подлые дела,
А скорбных смехом взвесели до слез...
Напрасный труд — не приручить орла
Так и любовь — подвластна тем она,
Кто сердцем чист и чья душа ясна.*

Голос Сэквилл. "Зерцало справедливости"

Погода наутро выдалась такая, что превзошла самые лучезарные надежды молодых обитателей крепости. Как ни странно, американцы по своенравию человеческой природы склонны гордиться тем, в чем они, на всякий трезвый взгляд, не слишком сильны, и забывают о действительных своих преимуществах, которые ставил их на одну доску с другими нациями, их, соперниками, если не выше. К таким преимуществам относится наш благодатный климат; далеко не безукоризненный в целом, он, однако, много приятнее и не в пример здоровее, нежели климат большинства тех стран, где его особенно громко поносят.

Летний зной мало ощущался в Осуиго описываемой нами поры, ибо лесная тень и живительные ветры, дувшие с озера, настолько смягчали жару, что ночи стояли прохладные, а днем не чувствовалось томительной духоты.

Было уже начало сентября, когда ветры, дующие с морского побережья, проносясь над американской землей, достигают Великих Озер и местные матросы ощущают на себе их благотворное действие, ибо они вливают в них новые силы, поднимают в них бодрость и укрепляют дух. Таков был и день, когда гарнизон Осуиго собрался поглядеть на то, что комендант его в шутку называл "турниром". Лунди был человек образованный, особенно в своей области, и он немало гордился тем, что руководил чтением и умственным развитием своих молодых подчиненных, воспитывая в них интерес к более интеллектуальным сторонам их профессии. Для человека, который ведет жизнь солдата, он обладал сравнительно большой и хорошо подобранной библиотекой и охотно ссужал книгами тех, кто проявлял

интерес к чтению.

Это привило молодежи новые вкусы и потребности; среди прочих затей, разнообразивших ее досуг, были популярны состязания и спортивные игры, вроде той, которая была назначена на описываемый нами день. Воспоминания о рыцарских временах придавали этим забавам романтический колорит, не чуждый ремеслу и навыкам солдат, а также тому уединенному положению, какое занимала крепость, расположенная в дикой живописной местности.

Однако, как ни волновала всех предстоящая потеха, не забыта была и охрана крепости. Досужий наблюдатель, взобравшись на крепостной вал и глядя на сверкающую гладь озера, раскинувшуюся до самого горизонта, и на неоглядный дремлющий лес, заполнивший всю вторую половину панорамы, мог бы вообразить себя в блаженном краю мира и безопасности, однако Дункан Лунди прекрасно знал, что лес в любую минуту может извергнуть сотни вооруженных индейцев, готовых стереть с лица земли крепость и все, что в ней находится, и что даже это предательское озеро представляет собой удобную дорогу, открывающую доступ более цивилизованным, но не менее коварным врагам — французам, которые могут в любую неосторожную минуту нагрянуть на форт. Отряды разведчиков под командой старых, опытных офицеров, не интересовавшихся спортивными играми, патрулировали лес, и рота солдат несла караул в самой крепости с наказом удвоить бдительность, как если бы превосходные неприятельские силы были уже замечены поблизости. Все эти меры предосторожности и позволили остальным офицерам и солдатам беззаботно отдаться предстоящей забаве.

Состязание должно было состояться на эспланаде, расположенной на самом берегу озера, несколько западнее крепости. Эта площадка, на которой весь лес был сведен и все корни выкорчеваны, обычно служила учебным плацем, с тем преимуществом, что позади он был защищен озером, а с востока — крепостными сооружениями. Таким образом, во время учений можно было ожидать нападения только с двух сторон; а так как вырубка, открывавшаяся на север и запад, была достаточно широка, неприятелю, кто бы он ни был, пришлось бы, чтобы повести обстрел, выйти из укрывающего его леса и приблизиться на изрядное расстояние.

Обычное вооружение полка представляли мушкеты, но для этого случая было собрано штук пятьдесят охотничьих карабинов. У каждого офицера в полку имелось по меньшей мере одно охотничье ружье для собственной забавы; часть ружей была позаимствована у разведчиков и дружественных индейцев, навещавших форт, да, кроме того, имелись в крепости и ружья общего пользования, которыми снабжали тех, кто охотился за дичью для пополнения полковых запасов. Среди людей, хорошо владевших этим оружием, числилось человек пять-шесть особенно метких стрелков, чьи имена знала вся граница, человек десять — двенадцать таких, которые возвышались над средним уровнем, остальные — а их было большинство — стреляли достаточно метко, но не так, как требовалось для данного случая.

Стреляли без сошек, с дистанции в сто ярдов. Мишенью служил деревянный щит с нарисованными на нем обычными белыми концентрическими кругами и прицельным очком в центре. Первыми соревновались рядовые, желавшие показать свое искусство, но не претендовавшие на приз. На этой стадии зрелище не представляло особенного интереса, и среди зрителей еще не видно было ни одного офицера.

Большинство солдат составляли шотландцы, нанятые в городе Стирлинге и его округе. Однако, после того как полк прибыл в колонию, его ряды пополнились местными жителями, как мы это видели на примере сержанта Дунхема. Лучшими стрелками были, как правило, колонисты. После получасовой стрельбы пальма первенства была присуждена юному уроженцу Нью-Йоркской колонии, голландцу по происхождению, со звучным именем ван Валькенбург, прозванному для простоты Фоллоком. Не успели объявить о его победе, как появились остальные зрители во главе со старейшим в полку капитаном. Его окружала "чистая" публика — офицеры и их жены, тогда как шествие замыкали десятка два женщин более скромного звания, в толпе которых выделялось умное, миловидное и

оживленное личико Мэйбл Дунхем, надевшей сегодня особенно изящное платье, хорошо облежавшее ее стройную фигурку.

Среди обитательниц крепости только три считались благородными дамами — все они были женами офицеров; безыскусная простота и грубоватость манер и обхождения забавно сочетались у них с преувеличенным мнением о своем достоинстве, о правах и обязанностях высшей касты и о требованиях этикета, приличествующего их рангу. Остальные были жены унтер-офицеров и рядовых Мэйбл Дунхем представляла здесь, как правильно заметил квартирмейстер, единственную девицу брачного возраста. Около дюжины молоденьких девушек, сопровождавших своих маменек, все еще числились детьми, как не достигшие того возраста, который дает право на поклонение мужчин.

Для женщин был сооружен на самом берегу невысокий деревянный помост. Тут же рядом, на мачте, красовались призы. В первый ряд пускали только офицерских жен и детей. Мэйбл уселась во втором ряду, вместе с семьями унтер-офицеров. Позади толпились жены и дочери рядовых — большинство из них стояло, кое-кто занял свободные места. Мэйбл была уже допущена в общество офицерских жен на правах непритязательной компаньонки, и дамы в первом ряду дарили ее некоторым вниманием. Несмотря на сословную нетерпимость, которая особенно дает себя знать в жизни гарнизона, Мэйбл своим скромным достоинством и приятными манерами сумела снискать их расположение.

Как только более именитая часть зрителей расселась по местам, Лунди подал знак начинать состязание. Человек восемь — десять лучших стрелков выступили вперед и начали стрелять один за другим. Выходили без соблюдения старшинства — офицеры и солдаты наравне с более или менее случайными посетителями. Как и следовало ожидать от людей, для которых стрельба была не только любимой забавой, но и средством существования, все они стреляли хорошо и попадали в яблочко или же, на худой конец, в беленький кружок посередине Правда, следующая партия стреляла не так уж точно пули ложились не в центр, а в один из кругов.

По правилам игры, во втором туре состязания могли участвовать только вышедшие победителями из первого тура Адъютант, исполнявший обязанности церемониймейстера, назвал имена стрелков, заслуживших право участвовать во втором туре, оговорив, что лица, не принявшие участия в первом туре, не будут допущены к дальнейшим играм. К стоявшей у вышки группе присоединились Лунди, квартирмейстер и Джаспер — Пресная Вода. Следопыт прохаживался по стрельбищу с независимым видом. На этот раз при нем не было его любимого ружья, он как бы давал этим понять, что не намерен оспаривать лавры у участников состязания. Все расступились перед майором Лунди; подойдя к рубежу, он с добродушной улыбкой стал в позицию и небрежно выстрелил в мишень, промахнувшись на несколько дюймов.

— Майор Дункан не допускается к дальнейшим состязаниям! — объявил адъютант таким уверенным и громким голосом, что всем старшим офицерам и сержантам стало ясно, что промах был умышленный, тогда как младшим офицерам и рядовым столь беспристрастное соблюдение правил игры придало еще больше задора, ибо ничто так не подкупает наивных, не умудренных житейским опытом людей, как видимость справедливости, и ничто не встречается так редко в действительной жизни.

— Ну-с, мастер Пресная Вода, — сказал Мюр, — теперь ваш черед, и, если вы не превзойдете майора, мы так и запишем, что вам привычнее держать в руках весло, чем ружье.

Красивое лицо Джаспера залилось румянцем, он подошел к рубежу и, бросив беглый взгляд на Мэйбл, которая наклонилась всем телом вперед и не сводила с него вопрошающих глаз, небрежным жестом уронил ружье на левую ладонь, на мгновение вскинул дуло и уверенно спустил курок. Пуля прошла точно через яблочко, это был самый удачный выстрел за все утро, — другим стрелкам удавалось только чуть-чуть его задеть.

— Bravo, мастер Джаспер! — воскликнул Мюр, когда результат был объявлен. —

Такой выстрел сделал бы честь и более опытному стрелку. Похоже, что вам повезло, ведь вы даже не целились. Вы, Пресная Вода, проворный стрелок, ничего не скажешь, но вам не хватает научного, академического, я бы сказал, философского подхода. А теперь, сержант Дунхем, вы меня крайне обяжете, если попросите дам уделить мне некоторое внимание: я собираюсь стрелять по последнему слову науки. Пуля Джаспера тоже могла бы убить наповал, это я допускаю, но он стрелял без достаточной серьезности, так сказать, с маху, на ветер, тогда как я покажу вам, как надо стрелять по всем правилам науки.

Говоря это, квартирмейстер делал вид, будто готовится к своему академическому выстрелу, а на самом деле тянул время, выжидая, пока Мэйбл и ее соседки не устремят на него свои взоры. Все стоявшие рядом с Мюром отошли из уважения к его чину, и с ним остался только майор — Видишь ли, Лунди, — обратился к нему Мюр с обычной своей развязностью, — очень важно пробудить в женщине любопытство. Это — коварное чувство, и, если хорошенько его раздражить, тут уж недалеко и до сердечной склонности.

— Тебе лучше знать, Дэйви, но ты всех задерживаешь своими приготовлениями. А вот и Следопыт. Верно, хочет набраться у тебя ума-разума.

— Ах, это вы. Следопыт? Так вы тоже не прочь взять у меня урок в философии стрельбы? Что ж, я не из тех, кто прячет от людей свой светильник. Учитесь, сделайте одолжение! А сами вы намерены стрелять?

— Мне это ни к чему, квартирмейстер, совсем ни к чему. Мне не нужны ваши призы за честью я тоже не гонюсь, у меня было ее достаточно, да и невелика честь стрелять лучше, чем вы. К тому же я не женщина, мне не нужен ваш капор.

— Что ж, это верно. Но вы можете встретить девушку, которой вам приятно будет его подарить, чтобы она носила его в вашу честь...

— Ну, Дэйви, стреляй или уступи место другому. Ты злоупотребляешь терпением адъютанта.

— Ничего не поделаешь, Лунди, у адъютанта с квартирмейстером вечные счеты. Я готов. Посторонитесь Следопыт, а то дамам не видно.

И лейтенант Мюр, став в нарочито изящную позу, медленно поднял ружье, потом опустил, снова поднял, снова опустил и, проделав еще несколько раз эти пассы, мягко потянул курок.

— Пуля пролетела мимо! — радостно доложил адъютант, которому до смерти надоели ученые рассуждения квартирмейстера. — Даже не задев щита!

— Быть того не может! — воскликнул Мюр, густо покраснев от смущения и гнева. — Быть того не может! Со мною в жизни такого не случилось. Дамы могут вам засвидетельствовать!

— Дамы зажмурились, когда вы стреляли, — заверил его какой-то остряк. — Вы до смерти напугали их своими приготовлениями.

— Я не потерплю ни клеветы на присутствующих здесь дам, ни такого поношения моему искусству! — завопил возмущенный квартирмейстер. — Вы все тут сговорились против заслуженного человека, это гнусная выдумка!

— Помолчи, Мюр, ты скандально промазал, — отвечал ему майор со смехом — Лучше не срамись!

— Нет, нет, майор, — вступился за Мюра Следопыт. — Квартирмейстер неплохой стрелок с короткой дистанции и при достаточном времени для прицела. Он накрыл пулю Джаспера. Осмотрите мишень, и вы увидите.

И так велик был авторитет Следопыта и глубока вера в его острое зрение, что едва он сказал это, как все усомнились в своем первом впечатлении. Многие побежали обследовать мишень. И действительно, при внимательном осмотре оказалось, что пуля квартирмейстера прошла навывлет через отверстие, пробитое Джаспером, да так точно, что этого нельзя было заметить сразу; все сомнения рассеялись, когда в стволе дерева, к которому была прислонена мишень, были обнаружены обе пули, сидевшие одна на другой.

— Я обещал вам, сударыни, что вы убедитесь, воочию, какое влияние наука оказывает

на искусство стрельбы, — возгласил квартирмейстер, подходя к помосту, где сидели дамы. — Майор Лунди смеется над предположением, что стрельба в цель требует точных математических расчетов, а я говорю ему, что философия освещает, расширяет, улучшает, углубляет и объясняет все, что имеет отношение к жизни человеческой, будь то стрельба в цель или проповедь. Короче говоря, философия есть философия, и этим все сказано.

— Надеюсь, любви это не касается, — съязвила капитанша, ей был известен донжуанский список квартирмейстера, и она не упускала случая подпустить ему шпильку. — Что общего у философии с любовью?

— Вы бы этого не говорили, сударыня, когда бы сердце ваше не однажды познало любовь. Философия любви доступна только тому — или той, — чьи чувства, пройдя через множество испытаний, постепенно совершенствуются. Поверьте мне, нет более постоянного и разумного чувства, нежели любовь философическая.

— Так, по-вашему, любовь требует опыта?

— Сударыня, вы на лету угадываете мои мысли. Счастливы те браки, в коих юность, красота и вера опираются на мудрость, уверенность и осторожность, которые приобретаются с годами; я говорю о среднем возрасте сударыня, ибо с моей точки зрения никакой муж не бывает слишком стар для своей жены. Надеюсь, прелестная дочка сержанта со мной согласна; она, правда, лишь недавно в нашей среде, но ее благоразумие уже всем известно.

— Дочь сержанта вряд ли может быть судьей между вами и мною, — сухо отрезала капитанша с видом превосходства. — Но посмотрите. Следопыт тоже решил показать свое искусство! Верно, ему надоели наши разговоры.

— Я протестую, майор Дункан, я протестую! — возопил Мюр, бросившись назад к вышке и воздев руки к небу, дабы придать своим словам больше весу. — Я решительно протестую. Как можно допустить на состязание Следопыта с его "оленебоем"? Не говоря уж о том, что он привык к своему ружью, оно отличается от казенного образца.

— "Оленебой" сегодня отдыхает, квартирмейстер, — спокойно возразил Следопыт, — и никто не собирается его тревожить. Я нынче и не думал баловаться ружьем. Но сержант Дунхем уверяет, что его хорошенькой дочке будет обидно, если я не приму участия в празднике. — ведь это я доставил ее в крепость. Как видите, я взял ружье Джаспера, а оно несколько не лучше вашего.

Квартирмейстер вынужден был промолчать, и все взоры устремились на Следопыта, занявшего место у рubeжа. Весь облик и осанка прославленного охотника и разведчика дышали благородством и силой, когда, выпрямившись во весь свой рост, высокий, ладный, крепко скроенный, он с полным самообладанием поднял ружье, владея в совершенстве как своим телом, так и оружием. Следопыта трудно было бы назвать красивым мужчиной в обычном понимании этого слова, но наружности его внушала уважение и доверие. Стройный и мускулистый, он обладал бы идеальным сложением, если бы не был чересчур худощав. Его руки и ноги отличались крепостью и гибкостью каната, но все очертания его фигуры были слишком угловаты, чтобы показаться безупречными ценителю мужской красоты. И все же его движения были исполнены естественной грации; непринужденные и размеренные, они придавали ему горделивое достоинство, как нельзя лучше отвечавшее его профессии. Честное мужественное лицо разведчика было подернуто румянцем загара, говорившим о жизни под открытым небом, полной лишений и тревог, а сильные жилистые руки, видно, не знали тяжелого труда, от которого они грубеют, становятся корявыми и заскорузлыми. В нем не было того юношеского очарования, которое пленяет девичьи сердца, но стоило ему поднять ружье, как вся женская половина зрителей залюбовалась красотой и свободой его движений и мужественной осанкой. Никто и оглянуться не успел, как он прицелился и выстрелил, и дым еще расплывался над его головой, а он уже спокойно стоял, опершись на ружье, и открытое лицо его сияло от беззвучного радостного смеха.

— Если б я не боялся попасть впросак, я сказал бы, что и Следопыт промахнулся! — воскликнул майор.

— И сами бы промахнулись, майор, — уверенно ответил проводник. — Не я заряжал

ружье и потому не знаю, была ли там пуля, но, если там был свинец, я вогнал его в щит следом за пулями лейтенанта и Джаспера. И это так же верно, как то, что меня зовут Следопыт!

Крики людей, собравшихся возле мишени, возвестили, что Следопыт прав.

— Но это еще не все, друзья, — продолжал Следопыт, не спеша направляясь к помосту, где сидели женщины. — Если я хоть сколько-нибудь задел щит, считайте, что я промахнулся. Пуля квартирмейстера расщепила дерево, и моя должна была пройти как по маслу.

— Верно, Следопыт, совершенно верно, — согласился Мюр, все еще не отходивший от Мэйбл, но не решавшийся обратиться к ней в присутствии полковых дам. — Пуля квартирмейстера расщепила дерево и образовала колодец, проложив дорогу вашей пуле.

— Ну что ж, квартирмейстер, сейчас принесут гвоздь, и мы увидим, кто из нас лучше стреляет. Я, правда, не собирался показывать сегодня, что может сотворить ружье в опытных руках, но ни одному офицеру на службе короля Георга шутить с собой не позволю. Будь, конечно, здесь Чингачгук, мы показали бы вам некоторые тонкости нашей профессии; что же до вас, квартирмейстер, если вы не дадите осечку на гвозде, то обожжетесь на холодной картошке.

— Что-то вы сегодня расхвастались. Следопыт, как бы вам не просчитаться. Я не желторотый птенец, только что приехавший из города, поверьте!

— Я это прекрасно знаю, квартирмейстер, мне известно, что у вас большой опыт. Вы уже целый век околачиваетесь на границе, я мальчишкой слышал о вас от индейцев и колонистов...

— Положим, — прервал его Мюр в самой своей фамильярной манере, — чепуху вы мелете, сударь, я еще не так стар.

— У меня и в мыслях не было вас обидеть, лейтенант, хотя бы вы и вышли победителем из сегодняшнего состязания. Я хотел только сказать, что вы провели долгую жизнь Солдата в местах, где и дня не проживешь без ружья. Я знаю, вы отличный стрелок, но вам далеко до заправского охотника. Что же до хвастовства, меня в этом не обвинишь — ведь я же не зря бахвалюсь! Если человеку дан от бога талант, значит, он у него есть, и отрицать это — значит клеветать на господа бога. Пусть нас рассудит сержантова дочка, если вы не боитесь отдаться на суд такой красавицы.

Следопыт предложил Мэйбл в арбитры потому, что восхищался ею и общественное положение ничего — или почти ничего — не значило в его глазах.

Но лейтенант Мюр внутренне пожегся от этого предложения, сделанного в присутствии офицерских дам. Он был бы, конечно, не прочь щегольнуть перед Мэйбл и произвести на нее впечатление, но предрассудки еще крепко держали его в плену, к тому же он был слишком себе на уме, чтобы открыто выступить в роли поклонника Мэйбл без уверенности в успехе.

Правда, майору Дункану он доверился, но лишь потому, что рассчитывал на его молчание: если бы слух, что квартирмейстер отвергнут дочерью какого-то унтер-офицера, распространился, это могло бы помешать ему в дальнейших matrimониальных планах, особенно случись ему посвататься к девице благородного звания. Однако Мэйбл была так прелестна, она так мило краснела и нежно улыбалась, являя воплощение юности, жизнерадостности, скромности и красоты, что он не в силах был отказаться от возможности свободно к ней обращаться и пленять ее воображение.

— Будь по-вашему. Следопыт, — сказал он, преодолев свои сомнения, — пусть сержантова дочка — его прелестная дочка, если позволительно так выразиться, — будет нашим арбитром; мы ей посвятим желанный приз, который один из нас так или иначе завоюет. Милые дамы, придется нам подчиниться желанию Следопыта, иначе я счел бы за честь отдать себя на суд любой из вашего очаровательного общества.

Но тут квартирмейстера и его соперника позвали к вышке, так как соревнование вступало в новую фазу. В деревянный щит на этот раз слегка вбили обыкновенный гвоздь,

выкрасив заранее его шляпку белилами; стрелок должен был попасть в этот гвоздь, в противном случае он выбывал из числа участников состязания.

Многие стрелки отсеялись еще в первом туре, и явилось всего лишь пять-шесть претендентов, остальные не отважились подвергнуться более трудному испытанию и предпочли остаться при достигнутых результатах. Первые три стрелка выбыли один за другим — пули их пролетели мимо мишени, хоть и на близком расстоянии. Четвертым стрелял квартирмейстер. Он проделал свои обычные пассы, после чего пуля оторвала часть шляпки гвоздя и застряла в щите — выстрел не слишком удачный, но не лишивший права на дальнейшее участие в состязании.

— На этот раз вы уцелели, квартирмейстер, — сказал Следопыт, — хотя с таким молотком, как у вас, дома не построишь. Сейчас Джаспер вам покажет, как бить по гвоздю, если рука у него по-прежнему крепкая и острое зрение ему не изменило. Вы бы и сами добились лучших результатов, когда бы меньше заботились о красоте вашей позы и фигуры Стрельба — дело простое, и все эти выкрутасы излишни.

— Посмотрим, посмотрим. Следопыт, такое попадание — вещь не шуточная; во всем Пятьдесят пятом полку не найдется человека, который совершил бы нечто подобное.

— Джаспер не служит в вашем полку, но увидите, как он сейчас ударит!

Не успел Следопыт произнести это, как Джаспер выстрелил и вогнал гвоздь в дерево на дюйм от шляпки.

— Давайте сюда клещи! — сказал Следопыт, становясь на место Джаспера, едва тот покинул его. — Нет, нового гвоздя не надо; хоть краска и слезла, я его прекрасно вижу, а в то, что я вижу, мне легко попасть с расстояния в сто ярдов, хотя бы это был комариный глаз.

Грянул выстрел, пуля просвистела, и гвоздь глубоко ушел в дерево, прикрытый сверху кусочком расплющенного свинца, — Ну, Джаспер, сынок, — продолжал Следопыт, опустив ружье к ноге и продолжая говорить как ни в чем не бывало, словно ему и дела не было до собственной удачи, — ты растешь на глазах. Еще несколько походов вместе со мной — и самые меткие стрелки границы дважды подумают, прежде чем мериться с гобой силами Квартирмейстер — изрядный стрелок, но дальше ему уже нет дороги, тогда как у тебя, Джаспер, божий дар, и ты когда-нибудь сможешь тягаться с самыми меткими стрелками — Все это вздор, — ответил квартирмейстер — Оторвать у гвоздя кусок шляпки, по-вашему, дело не хитрое, тогда как на самом деле это верх искусства. Всякий понимающий и просвещенный человек скажет вам, что именно мягкое туше отличает артиста, тогда как барабанить по клавишам подходит натурам грубым и невежественным. Одно дело — промахнуться. Следопыт, а другое — попасть в цель, неважно, ранил ты или убил — Чтобы разрешить ваш спор, — заметил Лунди, — есть только один способ: продолжить наши состязания. Давайте сюда картофелину. Вы, мистер Мюр, как шотландец, предпочли бы чертополох²² или лепешку из овсяной муки, но закон границы — на стороне Америки и ее излюбленного овоща. Несите же сюда картофелину!

Так как майор Дункан, видно, проявлял нетерпение, Мюр на этот раз воздержался от пререканий и начал готовиться к следующему туру. По правде говоря, эта задача была ему не по плечу, и он не стал бы участвовать в состязании, если бы предполагал, что дело дойдет до стрельбы по движущейся цели. Но майор Лунди, как истый шотландец, любил лукавую шутку. Он заранее отдал приказ включить этот номер в программу, чтобы проучить своего друга: аристократу и помещику, Лунди не нравилось, что человек, претендующий на звание джентльмена, собирается уронить свое звание неравным браком. Как только все было готово, Мюра позвали к вышке. Но, так как не все, должно быть, знают, в чем состоит такое испытание в стрельбе, нелишне сказать о нем несколько слов.

В этих случаях выбирают большую картофелину, и тот, кому поручено ее подбросить, становится ярдах в десяти от вышки. По команде стрелка картофелина летит в воздух, и он

²² Чертополох — национальная эмблема Шотландии.

должен всадить в нее пулю прежде, чем она упадет наземь. Квартирмейстер сотни раз проделывал этот опыт и лишь однажды добился успеха. Только шаткая надежда на слепое счастье поддерживала его сейчас — надежда, которой не суждено было сбыться. Картофелину подбросили, прогремел выстрел, но движущаяся цель так и не была задета.

— Направо кругом и марш из строя, квартирмейстер! — скомандовал Лунди, втайне радуясь успеху своей хитрости. — Итак, за шелковый капор борются двое:

Джаспер — Пресная Вода и Следопыт!

— А что еще у вас в программе, майор? — поинтересовался Следопыт. — Кончим мы на одной картофелине или будем стрелять и по двум?

— Ограничимся одной, если в попаданиях будет достаточная разница. В противном случае потребуется выстрел по двойной цели.

— Что со мной будет. Следопыт! — сказал Джаспер, когда оба они направились к вышке.

Бедняга был так взволнован, что вся кровь отхлынула у него от лица. Следопыт внимательно посмотрел на юношу, попросил майора повременить и отвел друга подальше, где их не могли услышать.

— Ты, кажется, принимаешь эту стрельбу близко к сердцу? — спросил он, не сводя с Джаспера испытующего взгляда.

— Признаюсь, Следопыт, мне еще никогда не было так важно победить, как сегодня.

— Тебе хочется победить меня, твоего старого, испытанного друга? — удивился Следопыт. — Да еще в деле, которое я считаю своим? Стрелять — это мой талант, сынок, тут никто со мной не сравнится.

— Знаю, знаю. Следопыт, и все же...

— Так в чем же дело, Джаспер, сынок? Скажи честно, ведь ты говоришь с другом!

Юноша стиснул зубы, смахнул рукой что-то с глаз, то краснея, то бледнея, словно девушка, признающаяся в любви. Потом, сжав руку друга, сказал твердо, как человек, преодолевший минутную слабость:

— Я бы руку дал на отсечение. Следопыт, чтобы подарить этот капор Мэйбл Дунхем.

Следопыт потупился и зашагал к вышке, видимо, погруженный в свои думы.

— Тебе не поразить влет две мишени, — сказал он вдруг.

— Знаю, это меня и мучит.

— Что за нелепое создание человек! Он хочет того, что ему не дано, и пренебрегает благами, дарованными ему богом. Впрочем, неважно, неважно! Ступай, Джаспер, майор ждет. Но слышь, парень, сорвать шелуху мне все же придется, а то хоть глаз не показывай в гарнизоне.

— Что будет, то и будет! — прошептал Джаспер; от волнения у него пересохло в горле. — Но умру, а попытаюсь.

— Что за создание человек! — повторил Следопыт, отступая назад, чтобы не мешать Другу целиться. — Завидует тому, что дано другому, а своего не ценит!

По данному сигналу картофелину подбросили вверх, раздался выстрел и дружный возглас одобрения возвестил, что пуля пробила картофелину посередине — или так близко от середины, что это означало победу.

— Вот, Следопыт, достойный тебя соперник! — воскликнул майор, когда проводник стал у рубежа. — Нам, верно, еще предстоит увидеть мастерскую стрельбу по двойной мишени.

— Что за нелепое создание человек? — бормотал Следопыт, казалось, не замечавший того, что творится вокруг, так поглощен он был своими мыслями. — Ладно, бросай!

Картофелину подбросили, и щелкнул выстрел — в тот самый миг, когда черный шарик, казалось, повис на мгновение в воздухе. Следопыт на этот раз целился тщательнее, чем обычно, и на лицах тех, кто поднял мишень, изобразилось недоумение и разочарование.

— Ну, что там? Сдвоенное отверстие? — спросил майор.

— Нет, он только задел, только задел шелуху! — послышался ответ.

— Что случилось. Следопыт? Вы уступили Джасперу победу?

— Отдайте ему капор, — отвечал Следопыт и, качая головой, спокойно отошел от вышки. — Что за нелепое создание человек! Мало ему своих талантов — нет, подавай ему и то, в чем ему отказано господом богом!

Так как Следопыт не попал в картофелину, а только задел шелуху, приз был присужден Джасперу. Юноша стоял с капором в руках, когда квартирмейстер, подойдя к нему, с самым простосердечным видом поздравил его с победой.

— Вот вы и завладели капором, — сказал он, — но, так как из него не сделаешь ни паруса, ни даже флага, он вам решительно ни к чему. Скажите, Пресная Вода, вы не желали бы получить его стоимость золотом или серебром английского короля?

— Капор не продается за деньги, — возразил юноша; в глазах его сияла гордость. — Да я бы его, по правде, не отдал и за пятьдесят полных оснасток для "Резвого".

— Вздор, вздор, юноша, вы, кажется, здесь все помешались! Я, так и быть, готов предложить вам полгинеи за этот пустячок — просто чтобы он не валялся у вас в каюте, пока не украсит голову какой-нибудь скво.

Хотя Джаспер и не знал, что осторожный квартирмейстер дает ему всего лишь половину цены капора, он равнодушно выслушал это предложение. Покачивая головой, он подошел к помосту, вызвав немалое волнение среди сидевших там дам, ибо каждая из них охотно приняла бы от юного матроса его дар, если бы он был галантно ей преподнесен. Но, помимо того, что Джаспер предназначил его другой, ему бы и в голову не пришло, по его врожденной застенчивости, сложить свой трофей к ногам какой-нибудь дамы из этого недосыгаемого, как ему казалось, мира.

— Мэйбл, — сказал он, — примите от меня... если...

— Если что, Джаспер?.. — подхватила девушка, презрев собственную застенчивость в своем великодушном желании прийти на помощь растерявшемуся юнцу, хотя румянец залил щеки обоих, выдавая глубокое волнение молодой пары.

—..если с моей стороны не слишком большая дерзость навязывать вам какой-то подарок.

— Я с радостью принимаю его, Джаспер, в память об опасностях, которые мы испытали вместе, и в знак благодарности за вашу заботу — вашу и Следопыта.

— Я тут ни при чем, решительно ни при чем, — сказал, подойдя. Следопыт. — Это удача Джаспера и его подарок. Оцените же его по заслугам. У меня еще будет случай наверстать упущенное, у меня и у квартирмейстера — он, кажется, очень огорчен, что приз достался мальчику, хотя, зачем ему капор, мне трудно понять — ведь у него нет супруги.

— А разве у Джаспера есть супруга? Или у вас у самого, Следопыт? Капор, пожалуй, нужен мне, чтобы обзавестись женой, или же в память о минувшем счастье, или как свидетельство моего уважения к прекрасному полу, или как напоминание о нем, или по другим столь же веским мотивам. Человек мыслящий не похвалит глупца, как и тот, кто был хорошим мужем, не станет долго скучать во вдовцах, а поищет достойную замену. Любовь — это дар, ниспосланный провидением, и кто преданно любил одну жену, торопясь найти себе другую, лишь доказывает, сколь многого он лишился.

— Возможно, возможно, у меня нет такого опыта, как у вас, и я не берусь с вами спорить. Но сержантова дочка Мэйбл, я думаю, сумеет вам ответить. Пойдем, Джаспер, хоть мы с тобой и вышли из игры, не мешает и нам поглядеть, как управляются с ружьем другие.

Следопыт с товарищем пошли смотреть возобновившиеся состязания. Однако дамы были не настолько увлечены стрельбой, чтобы забыть о капоре. Он долго переходил из рук в руки, все щупали его, определяя добротность шелка, и обсуждали фасон, и критиковали работу, и обменивались под шумок замечаниями о том, как мало такая прелестная вещица подходит дочери унтер-офицера.

— Вы, может быть, захотите продать капор, Мэйбл, когда вдоволь им налюбуетесь? — спросила жена капитана. — Носить его, как я понимаю, вам не придется.

— Я, может, и не решусь его надеть, сударыня, — скромно ответила Мэйбл, — но и продавать не стану.

— Ну, разумеется, сержант Дунхем не нуждается в том, чтобы дочь его продавала свои туалеты; но ведь это же просто мотовство — держаться за вещь, которую сама не носишь.

— Мне не хотелось бы расстаться с подарком друга.

— Так ведь и молодой человек будет лучшего мнения о вашем благоразумии — завтра, когда никто уже не вспомнит о сегодняшнем торжестве. Такой миленький капор — что ему без толку пропадать!

— Он у меня не пропадет, сударыня, я буду свято его хранить.

— Как угодно, милочка! Девушки в вашем возрасте часто не понимают собственной пользы. Но, если вы все же надумаете продать капор, не забудьте, что я первая с вами заговорила и что я не возьму капор, если вы хоть раз его наденете.

— Хорошо, сударыня, — сказала Мэйбл смиренно; но глаза ее сверкали, как два бриллианта, а щеки горели ярче роз, когда она на минуту приложила запретное украшение к своим точеным плечикам, словно желая его примерить, а потом как ни в чем не бывало сняла.

Продолжение состязаний не представляло большого интереса. Стреляли, правда, неплохо, но требования предъявлялись не бог весть какие, и вскоре зрители разошлись. Сначала отбыли офицеры с женами, за ними потянулись и те, кто поскромнее.

Мэйбл направлялась домой мимо гряды невысоких скал, окаймлявших озеро, покачивая на лентах красивый капор, висевший у нее на пальчике, когда навстречу ей попался Следопыт. Он вскинул на плечо карабин, из которого давеча стрелял, но не было в его движениях обычной легкости беспечного охотника, а глаза угрюмо и рассеянно глядели куда-то вдаль. После того как они обменялись незначительными замечаниями по поводу озера, лежавшего у их ног. Следопыт сказал:

— Джасперу нетрудно было добыть для вас этот капор, Мэйбл!

— Он его честно заслужил. Следопыт!

— Ну конечно, конечно. Пуля пробила картофелину, а больше ничего и не требовалось. Тут большого искусства не нужно.

— Но ведь другие и того не сделали, — запальчиво сказала Мэйбл и сразу же пожалела о своей горячности, увидев, как огорчился Следопыт, причем не столько смыслом ее слов, сколько тоном, каким они были сказаны.

— Верно, верно, Мэйбл, никто этого не сделал, но я не вижу причины отказать от таланта, дарованного мне господом богом. Никто не сделал этого там, а вот посмотрите, что можно сделать здесь. Видите этих чаек у нас над головой?

— Конечно, Следопыт, их так много, что трудно их не видеть.

— Нет, вы посмотрите на тех двух, что все время обгоняют друг друга, кружа по поднебесью. А теперь — внимание!

И в то самое мгновение, когда две птицы, летевшие на изрядном расстоянии друг от друга, оказались на одной линии. Следопыт поднял ружье. Грянул выстрел, и пуля пронзила тела обеих жертв. Не успели чайки упасть в воду, как Следопыт залился своим беззвучным смехом — на его честном лице не оставалось больше ни тени обиды или уязвленной гордости.

— Вот это выстрел так выстрел! Жаль только, у меня нет капора, чтобы вам подарить. Да вы спросите у Джаспера! Джаспер вам скажет — ведь более честного малого не найти во всей Америке.

— Значит, Джаспер не виноват, что приз достался ему?

— Нет, Джаспер тут ни при чем. Он старался как мог. Для того, чей промысел вода, а не земля, Джаспер стреляет отлично, а уж лучшего помощника и спутника что на воде, что на земле вы нигде не найдете. Это я виноват, Мэйбл, что Джаспер выиграл приз, хотя, в сущности, какая разница — ведь капор достался той, кому следовало.

— Мне кажется, я поняла вас, Следопыт, — сказала Мэйбл, невольно краснея. — Теперь я понимаю, что это общий подарок — ваш и Джаспера.

— Сказать так — значит обидеть парня. Он выиграл эту вещь и был вправе подарить ее

кому хотел. Лучше думайте о том, Мэйбл, что, если бы я выиграл приз, я подарил бы его той же молодой особе.

— Я запомню это, Следопыт, и постараюсь и другим рассказать о вашем искусстве, в котором я убедилась на судьбе злополучных чаек.

— Боже вас упаси, Мэйбл! Рассказывать здесь, на границе, о моем искусстве — это все равно что расхваливать воду в озере или солнце в небе. Всем знакомо мое искусство, и вы только зря потратите слова, как тот француз, который вздумал объясняться с американским медведем.

— Стало быть, Джаспер знал, что вы предоставляете ему преимущество, и воспользовался им? — спросила Мэйбл. Глаза ее затуманились, а на лице легла тень от каких-то невеселых мыслей.

— Я этого не говорил, Мэйбл, мне это и в голову не приходило! Мы часто забываем о том, что хорошо нам известно, когда чего-нибудь страстно домогаемся. Джаспер знает, что мне ничего не стоит попасть в две картофелины влет — вот так же, как в двух чаек, — и что это никому не удастся здесь, на границе. Но он был увлечен мыслью о капоре, о том, чтобы подарить его вам, и, может, на минуту переоценил свои силы. Нет, нет, Джаспер — Пресная Вода славный малый, в нем нет и тени какой-то непорядочности. Каждому молодому человеку хочется казаться лучше в глазах хорошенькой девушки.

— Я постараюсь все забыть и запомню только добрые чувства, с какими оба вы отнеслись к бедной девочке, не знающей матери, — сказала Мэйбл, сдерживая слезы, причины которых сама не понимала. — Поверьте, Следопыт, мне не забыть всего, что вы для меня сделали — вы и Джаспер, — и это новое доказательство вашей доброты и чуткости я тоже сумею оценить. Вот брошка, она из чистого серебра, примите ее в знак того, что я обязана вам жизнью или свободой.

— На что она мне, Мэйбл? — спросил озадаченный Следопыт, рассматривая простенькую безделку, лежавшую у него на ладони. — Я не ношу ни пуговиц, ни пряжек, а только ремни и завязки из добротной оленьей шкуры. Вещица приятная, но всего приятнее видеть ее там, откуда вы ее сняли.

— Приколите ее к своей охотничьей рубашке, она будет там на месте. Поймите же, Следопыт, это знак нашей с вами дружбы и того, что я никогда не забуду вас и ваших услуг.

Сказав это, Мэйбл улыбнулась ему на прощание, взбежала на высокий берег и вскоре исчезла за крепостным валом.

Глава XII

Чу! Вдоль реки ползет туман седой,

Поблескивают острые штыки.

И над высокой крепостной стеной

Далеких звезд мерцают огоньки.

Байрон

Несколько часов спустя Мэйбл Дунхем в глубокой задумчивости стояла на бастионе, откуда открывался вид на реку и озеро.

Был тихий, мягкий вечер. Экспедиция на Тысячу Островов должна была ночью сняться с якоря, но этому могло помешать полное отсутствие ветра. Припасы, оружие, снаряжение и даже вещи Мэйбл находились уже на борту, но собравшийся в путь небольшой отряд все еще оставался на берегу, так как надежд на отплытие куттера было мало.

Джаспер отвел куттер из бухты вверх по реке на такое расстояние, чтобы течение в любую минуту могло вынести его из устья в озеро, но пока он стоял на месте на одном якоре. Назначенные в экспедицию люди, не зная точно, когда можно будет отчалить, лениво бродили по берегу.

После утренних стрелковых состязаний в гарнизоне наступила тишина, и она, казалось, подчеркивала красоту окружающей природы; эта чудесная гармония вызвала в Мэйбл

незнакомые ей чувства, хотя, не имея обыкновения раздумывать о подобных ощущениях, она не отдавала себе в них отчета. Все вокруг было прекрасно и дышало покоем, а торжественное великолепие безмолвного леса и неподвижная гладь озера придавали ландшафту своеобразное величие. Впервые заметив, как ослабели узы, связывающие ее с городом и цивилизацией, как изменились ее привычки, пылкая девушка представила себе, что жизнь и здесь, среди такой красоты, тоже могла быть счастливой. О том, в какой мере переживания последних десяти дней, а не только тишина и прелесть этого вечера, помогли Мэйбл прийти к такой мысли, можно сейчас, в начале нашего повествования, скорее догадываться, чем утверждать.

— Чудесный закат, Мэйбл! — раздался над самым ухом нашей героини зычный голос ее дядюшки, да так неожиданно, что она вздрогнула. — Чудесный закат, милочка, конечно, для пресноводного озера, — на море мы бы на него и не взглянули.

— Разве природа не так же прекрасна на суше, как и на море, на озере вроде этого, как и на океане? Разве солнце не светит везде одинаково, дорогой дядюшка, и разве не должны мы возносить хвалу богу за его благость и в этой глуши, на границе, и на нашем родном Манхеттене?

— Девчонку совсем сбили с толку маменькины книжки, хотя едва ли в следующем походе сержант станет таскать за собой в обозе весь этот хлам. Природа везде одинакова! Ты еще, чего доброго, вообразишь, что солдат по натуре ничем не отличается от моряка! У тебя есть родственники среди тех и других, пора бы тебе в этом разбираться.

— Но я подразумеваю натуру человека вообще, дядюшка.

— И я тоже, милочка, натуру моряка и натуру какого-нибудь парня из Пятьдесят пятого или даже твоего родного отца. Сегодня тут происходили стрелковые состязания, я бы назвал их стрельбой в цель. Это совсем не то, что стрельба по плавучей мишени! С дистанции самое малое в полмили мы дали бы по цели бортовой залп из пушек, заряженных ядрами; а картошка, если бы она нашлась на корабле, что весьма сомнительно, осталась бы в котлах у судового кока. Может быть, ремесло солдата и очень почтенно, Мэйбл, но опытный глаз сразу видит множество упущений и непорядков в устройстве здешнего форта. А мое мнение об этой луже тебе известно, хоть и не в моих привычках смотреть на что-нибудь свысока. Ни один настоящий моряк не станет задирать нос, но будь я проклят, если в этом Онтарио, как его называют, воды больше, чем в бачке на судне. А теперь послушай, если хочешь понять, в чем различие между океаном и озером, я могу тебе это объяснить наглядно. Такое безветрие, как сейчас, можно назвать и штилем, хотя, по правде говоря, я не считаю здешний штиль настоящим.

— В воздухе ни дуновения, дядюшка! Ни один листик в лесу не шелохнется.

— Листик! При чем тут листья, милочка! Листьев нет на океане. Там, если хочешь узнать, наступил ли мертвый штиль, проверь на горящей свече, — по пламени сразу увидишь, есть ветер или нет. Если бы ты очутилась в широтах, где воздух так неподвижен, что даже трудно дышать, ты поняла бы, что значит полный штиль. В штилевых широтах людям часто не хватает воздуха. Ну, а теперь взгляни на, это озеро! Вода в нем будто молоко в кастрюле, ни малейшего движения, как в полной бочке, пока из нее не выбили затычку. А океан всегда, даже при полном безветрии, слегка колышется.

— Разве океан никогда не бывает неподвижен, дядя Кэп? Даже во время штиля?

— Видит бог — нет, племянница! Океан дышит, словно живое существо, и, как говорят поэты, грудь его вечно вздымается, хотя воздуха в ней не больше, чем в обыкновенном сифоне. На океане не увидишь такой глади, как на этом озере, его поверхность подымается и опускается, словно у него есть легкие.

— Озеро тоже не совсем спокойно, у берега вода покрыта легкой рябью, а иногда слышно, как бьет прибой о скалы.

— Все это одна поэзия, будь она неладна! Ты еще назовешь рябью пузырьки воздуха в полном стакане, а прибоем — плеск воды, которой окатывают палубу. Озеро Онтарио так же похоже на Атлантический океан, как индейская пирога — на военный корабль. Ну, а что

касается Джаспера, конечно, он парень не промах, но ему еще надо кое-чему поучиться, чтобы стать настоящим человеком.

— Вы считаете его невеждой, дядюшка? — смутившись, спросила Мэйбл и отвернулась, делая вид, что поправляет волосы. — На мой взгляд, Джаспер — Пресная Вода знает больше, чем многие молодые люди его звания. Правда, он мало читал — где тут достанешь книги, — но он для своих лет много размышлял, — по крайней мере так мне кажется.

— Он невежда, невежда, как всякий, кто плавает по внутренним водам вроде этого озера. Пусть он сумеет сделать прямой узел, даже удавку, но он ни за что не срастит концы и не сделает рифовый узел, так же как и ты не выберешь якорь на кат! Да, да, Мэйбл! Мы с тобой немалым обязаны Джасперу и Следопыту, и я как раз думал о том, чем их отблагодарить, ибо я считаю, что неблагодарными могут быть только свиньи, хотя некоторые люди приписывают этот порок королям. Посади свинью за стол, а она — ноги на стол.

— Правда, правда, дорогой дядюшка! Мы должны постараться доказать этим смелым людям, как мы им благодарны.

— Ты говоришь совсем как твоя мать, девочка, и чувства твои делают честь семье Кэп. Послушай, я напал на правильный курс; моя мысль должна всем понравиться. Я намерен сделать им одно предложение, как только мы вернемся после этой прогулки по озеру на Тысячу Островов и я соберусь в обратный путь.

— Дядюшка, дорогой! Какой вы чуткий и какой справедливый! Скажите, что же вы хотите предложить?

— Не вижу причины скрывать это от тебя, Мэйбл, но твоему отцу лучше ничего не говорить; у сержанта — свои причуды, и он может стать нам поперек дороги. Ни Джаспер, ни его Друг Следопыт не добьются здесь ничего путного; пусть они отправляются вместе со мной на побережье и поступают во флот. Джаспер уже через две недели сможет устоять на ногах при любом шторме, а после того, как год проплавает, стане! заправским моряком. Со Следопытом придется повозиться дольше; пожалуй, он никогда не станет настоящим моряком, но из него тоже может выйти толк: у него на редкость зоркий глаз, и он будет хорошим впередсмотрящим.

— И вы думаете, дядюшка, что кто-нибудь из них согласится на это? — улыбаясь, спросила Мэйбл.

— Да неужели они такое дурачье, чтобы отказаться? Какой же разумный человек упустит свое счастье? Дай только Джасперу выбраться на дорогу, и он станет со временем капитаном большого судна с прямыми парусами.

— Будет ли он от этого счастливее, дорогой дядюшка? Так ли уж важно быть капитаном судна с прямыми, а не с косыми парусами?

— Тьфу! Твои рассуждения о судах, Магии, годятся только для изнеженных барышень! Ты сама не знаешь, что говоришь. Предоставь это мне, и все уладится. А вот и сам Следопыт. Я намекну ему о том, что собираюсь для него сделать. Надежда — великий утешитель.

Кэп решительно потрянул головой и умолк. Охотник приближался к ним, но не с обычным для него приветливым, непринужденным видом, а с легким смущением, словно не был уверен в приеме, который его ожидает.

— Дядя и племянница толкуют о семейных делах, — сказал Следопыт, подойдя к ним, — и посторонний человек может оказаться лишним.

— Вы нам не посторонний, мастер Следопыт, — возразил Кэп, — и вы пришли как нельзя более кстати. Мы только что вспоминали вас. А когда об отсутствующем говорят друзья, нетрудно догадаться, как они о нем отзываются.

— Я не любопытен, нет, не любопытен. У каждого человека есть недруги, и у меня тоже, но я не причисляю к ним ни вас, мастер Кэп, ни прелестную Мэйбл. Не скажу того о мингах, хотя, по справедливости, и у них нет причин меня ненавидеть.

— В этом я готов поручиться. Следопыт! Мне сразу показалось, что вы человек прямой и добрый. Однако у вас есть средство избавиться от вражды этих самых мингов, и, если вы захотите воспользоваться им, никто вам не укажет его с большей готовностью, чем я, и вдобавок ничего не возьму за совет.

— Не хочу я иметь врагов. Соленая Вода, — ответил Следопыт, невольно назвав Кэпа прозвищем, которое ему дали индейцы, жившие в крепости и ее окрестностях. — Не хочу я иметь врагов и готов захоронить томагавк с мингами и французами²³, но вы знаете, что только всемогущий, а не мы с вами, внушает человеку добрые чувства и избавляет его от врагов.

— Снимайтесь-ка с якоря, дружище Следопыт! Как только мы вернемся из нашего короткого плавания, отправляйтесь вместе со мной на побережье, и вы больше не услышите боевого клича индейцев и вас не настигнет индейская пуля.

— А что мне там делать, на соленой воде? Охотиться в ваших городах? Выслеживать людей, идущих на рынок и с рынка, устраивать засады на собак и домашнюю птицу? Нет, вы не друг мне, мастер Кэп, если хотите увести меня из тенистых лесов на солнцепек городских площадей.

— Я вовсе не собираюсь оставлять вас в городе, Следопыт, я хочу забрать вас с собой в море, только там можно свободно дышать, Мэйбл подтвердит, что таково было мое намерение еще прежде, чем я с вами заговорил.

— А что думает Мэйбл о такой перемене? Она знает, что у каждого человека свое призвание и желать другого — значит идти наперекор воле всевышнего. Я охотник, разведчик, проводник. Соленая Вода, и не такой я человек, чтобы противиться божьей воле. Разве я неправ, Мэйбл? Или вы судите так же легко, как другие женщины, и хотите, чтобы человек изменил своей натуре?

— Я не хочу, чтобы вы изменились, Следопыт, — ответила Мэйбл с сердечностью и простотой, растрогавшими охотника. — И, как бы мой дядя ни восхищался морем, как ни велики блага, которых он ждет от моря, я не желала бы, чтобы лучший и благороднейший лесной охотник превратился в адмирала. Оставайтесь тем, кем вы были до сих пор, и не бойтесь ничего, кроме божьего гнева, мой добрый друг.

— Слышите, Соленая Вода? Слышите, что говорит дочь сержанта? Она, такая прямая, такая справедливая и пригожая, всегда говорит только то, что думает. Пока она довольна мною таким, каков я есть, я не стану отрекаться от талантов, данных мне богом, и пробовать изменить свою судьбу. Здесь, в гарнизоне, я не такой уж нужный человек, но там, на Тысяче Островов, у меня, наверное, будет случай доказать, как может пригодиться доброе ружье.

— Значит, вы тоже едете с нами? — сказала Мэйбл с такой открытой улыбкой, что охотник готов был хоть сейчас пойти за ней на край света. — Кроме жены одного солдата, я буду там единственной женщиной, но среди наших защитников будете вы. Следопыт, и мне ничего не страшно.

— Вас защитил бы сержант, если бы вы даже не приходились ему дочерью. Да и все будут о вас заботиться. А вашему дяде, я думаю, должно прийтись по вкусу такое плавание под парусами — ведь он увидит внутреннее море.

— Эка важность — ваше внутреннее море, мастер Следопыт, я от него ровно ничего не жду. Но, признаюсь, мне хотелось бы знать цель этого рейса; быть праздным пассажиром я не привык, а сержант, мой шурин, молчит, как франкмасон²⁴. Не знаешь ли ты, Мэйбл, что все это означает?

²³ Готов захоронить томагавк с мингами и французами — то есть, по выражению индейцев, заключить мир с теми и другими.

²⁴ Франкмасон — (от франц. franc maçon — вольный каменщик) — последователь тайного религиозно-философского учения, возникшего в XVIII веке в Англии, а затем распространившегося по другим странам.

— Нет, дядюшка! Я не смею расспрашивать отца о его служебных делах — это, по его мнению, не пристало женщине, знаю лишь, что мы отплываем, как только задует попутный ветер, и будем в отсутствии месяца.

— Намекните хоть вы, Следопыт, куда мы направляемся! Не велика радость для старого моряка плыть, не зная цели.

— Цель нашего путешествия и место высадки. Соленая Вода, не такая уж тайна, хотя об этом и запрещено говорить в гарнизоне. Но я не солдат и волен говорить что хочу. Впрочем, и я не любитель пустой болтовни. Однако мы вот-вот отплывем, и вам, участникам экспедиции, можно сказать, куда вас везут. Вы, мастер Кэп, я полагаю, знаете название "Тысяча Островов"?

— Да, слышать-то я слышал, но ручаюсь, что это не настоящие острова, не такие, как в океане; их, наверное, подсчитывали, как подсчитывают убитых и раненых после большого сражения: говорят — тысяча, а их там всего каких-нибудь два-три.

— У меня зоркий глаз, но, как ни старался я их сосчитать, всегда путался в счете.

— Что ж, я знавал людей, которые и до десяти-то считать не умеют. Ваши сухопутные крысы не узнают своих нор, даже находясь у самого берега. Как бы они ни всматривались, все равно ничего не видят. Сколько раз я видел землю, дома и церкви, когда пассажиры ничего не могли разглядеть, кроме воды! Не представляю себе, как можно на пресноводном озере потерять из виду берег. Это же просто невысказано!

— Вы не знаете наших озер, мастер Кэп, иначе не стали бы так говорить. Не успеем мы добраться до Тысячи Островов, как вы измените свое мнение о том, что создала природа в нашей глуши.

— Сомневаюсь, есть ли во всем здешнем краю хоть один настоящий остров. По моим понятиям, в пресных водах не может быть островов, таких, какие я называю островами.

— Мы их покажем вам сотни, может быть, и не ровно тысячу, но такое множество, что их глазом не окинешь и языком не сосчитаешь.

— А какой у них вид?

— Вид земли, со всех сторон окруженной водой.

— Да, но какой земли и какой водой? Ручаюсь, что в действительности они окажутся всего лишь полуостровами, мысами или просто материком. Осмелюсь заметить, в этом деле вы не знаток. Но острова или не острова, дружище Следопыт, какова же все-таки цель нашего плавания?

— Вы сержанту зять, а прекрасная Мэйбл ему дочь, и все мы — участники экспедиции, а потому не беда, если я расскажу вам о том, что нам предстоит. Мастер Кэп, вы старый моряк и уж, наверное, слышали о форте Фронтенак?

— Кто о нем не слышал? Правда, в самом форте я не бывал, но мне частенько случалось проходить мимо, — Тогда вы попадете в знакомые места, хоть я в толк не возьму, как вы могли видеть его с океана. Надо вам знать, что Великие Озера образуют цепь и вода, вытекая из одного, впадает в другое, пока не достигнет озера Эри, к западу отсюда. Оно такое же огромное, как Онтарио. Ну вот, вода, вытекая из Эри, встречает на своем пути невысокую гору и падает с ее гребня.

— Хотел бы я знать, черт побери, как это происходит?

— Очень просто, мастер Кэп, — смеясь, ответил Следопыт. — Вода падает с горы. Если бы я сказал, что поток поднимается в гору, это было бы противно законам природы, но в том, что вода, да еще пресная, стекает с горы, нет ничего особенного.

— Хорошо, но ведь вы сказали, что вода, вытекая из озера, встречает на своем пути гору. Это переворачивает вверх ногами все разумные понятия, если только у них есть ноги.

— Ну-ну, не будем спорить! Что я видел, то видел. Не скажу ничего насчет ног, а что касается разума, то это уж как бог даст. Вода, собравшись в Онтарио из всех озер, образует реку и течет в море; вот в той узкой части Онтарио, которую не назовешь ни озером, ни рекой, разбросаны острова, о них-то как раз идет речь. Выше этих островов и находится французский форт Фронтенак; а так как у французов есть крепость ниже по течению реки,

они отправляют свое оружие и припасы водою во Фронтенак и дальше по берегам Онтарио и других озер, помогая дикарям заниматься всякой чертовщиной и сдирать скальпы с христиан.

— И с нашим появлением все эти ужасы кончатся? — спросила Мэйбл с живостью.

— Может быть, и кончатся, а может быть, и нет, все в божьей воле. Комендант нашего гарнизона Лунди, как его у нас называют, послал отряд, чтобы занять один из Тысячи Островов и перехватить часть французских ботов. Наша экспедиция уже вторая, которую туда посылают. Находящийся там отряд пока добился немногого, хоть и захватил два французских бота с грузом для индейцев. Но на прошлой неделе оттуда прибыл нарочный с такими вестями, что майор решил сделать еще одну попытку расстроить козни этих мошенников. Джаспер знает, как туда добраться, а там мы будем в надежных руках сержанта, потому что он осторожен, а это первое дело в засаде. Да, он человек осторожный, но умеет и быстро действовать.

— Только и всего? — бросил Кэп пренебрежительно. — Судя по приготовлениям, я решил, что тут пахнет контрабандой и нам перепадет честный заработок, если мы будем участвовать в этом деле. Но, должно быть, на пресных водах не делят добычи?

— Что-то я не пойму.

— Наверняка вся добыча, захваченная солдатами в этих стычках и засадах, как вы их называете, достается одному королю?

— Я этого знать не знаю, мастер Кэп. Беру свою долю свинца и пороха, если они попадают в наши руки, не говоря королю ни слова. А ежели кому-то достается больше, то уж, конечно, не мне, хотя пора бы и мне подумать о том, чтобы обзавестись семьей и своим домом.

Сделав такой прямой намек на желание изменить свою жизнь. Следопыт даже не осмелился взглянуть на Мэйбл, хотя был бы готов всем на свете пожертвовать, только бы узнать, слышала ли она его слова и какие чувства выражает ее лицо. Но Мэйбл не поняла его намека. Лицо ее оставалось по-прежнему спокойным; без малейшей тени смущения она перевела взгляд на реку, где на борту "Резвого" явно началось какое-то движение.

— Джаспер собирается вывести куттер, — заметил проводник, взглянув в ту же сторону, привлеченный шумом падения чего-то тяжелого на палубу. — Как видно, парень почувствовал признаки ветра и хочет быть наготове.

— Вот у нас и будет случай поучиться морскому делу, — насмешливо ответил Кэп. — Настоящего моряка сразу видно по умению ставить паруса. Так же, как хорошего солдата всегда отличишь по тому, застегивает он свой мундир сверху вниз или снизу вверх.

— Уж не знаю, может ли Джаспер тягаться с моряками, плавающими по океану, — заметил Следопыт с прямотушием, которое никогда не омрачалось недостойным чувством зависти или ревности, — но он храбрый малый и так искусно управляет своим куттером, как только можно пожелать по крайней мере на этом озере, И вам, мастер Кэп, он не показался неповоротливым, когда мы проходили Осуижский водопад, где пресная вода умудряется падать с горы.

Кэп лишь недовольно пробормотал в ответ что-то невнятное, и все умолкли, с интересом наблюдая с бастиона за движением куттера, что было вполне естественно для людей, чья судьба была отныне связана с этим судном. По-прежнему стоял мертвый штиль. Неподвижная гладь озера сверкала в лучах заходящего солнца. "Резвый" подтянулся к якорю, брошенному на сто ярдов выше намытой водой косы, откуда, маневрируя, можно было войти в устье реки, служившее тогда для Осуига гаванью. Но из-за полного безветрия подняться вверх по реке на легком суденышке можно было только на веслах. На куттере, не ставя парусов, подняли якорь, тотчас же послышался громкий всплеск весел, опустившихся в воду, и "Резвый", повернувшись носом против течения, стал двигаться к середине реки. Достигнув ее, гребцы подняли весла, и судно понесло течением в устье.

Быстро двигаясь по узкому проходу, куттер уже через пять минут миновал две низкие песчаные косы, преграждавшие волнам доступ в реку. Судно, не бросая якоря, продолжало

удаляться от берега, темный его корпус виднелся на глади озера в четверти мили от низкого мыса, являвшегося восточной оконечностью так называемой внешней гавани, или рейда. Там речное течение уже теряло силу, и куттер остановился.

— Какой он красавец, дядюшка! — сказала Мэйбл, не сводившая глаз с "Резвого", пока он маневрировал. — Вы, может быть, и найдете изъяны в его внешнем виде и в том, как им управляют, но мне, по моему невежеству, и то и другое кажется прекрасным.

— Да, да, девочка, он славно идет по течению, не хуже любой щепки. Но уж если говорить о тонкостях, то такой старый морской волк, как я, сразу заметит в куттере изъяны.

— А я, мастер Кэп, — вмешался Следопыт, никогда не упускавший случая вставить словечко в защиту Джаспера, — я слышал от старых и опытных моряков, плававших по соленой воде, что "Резвый" хорошее судно. Сам я в этом ровно ничего не смыслю, но может ведь человек иметь собственное мнение, даже если оно и неправильное, ну, а что до Джаспера, то никто не разубедит меня в том, что он содержит судно в полном порядке.

— Не скажу, что куттер попросту неуклюж, но у него есть изъяны, мастер Следопыт, и притом крупные.

— Какие же, дядюшка? Если бы Джасперу они были известны, он бы постарался от них избавиться.

— Какие? Да их целая уйма, и весьма существенных, они сразу бросаются в глаза.

— Укажите на них, дядюшка, и Следопыт передаст ваши слова своему другу.

— Указать на них! Это такое же нелегкое дело, как пересчитать звезды, по той простой причине, что их несметное количество. Указать на них, говоришь? Так вот, дорогая моя племянница мисс Магни, что ты думаешь об этом гике? На мой неискушенный взгляд, он поднят по крайней мере на фут выше, чем следует; и выпел запутался, и... и будь я проклят, если топсель достаточно натянут, да, да... меня нисколько не удивит, ежели сейчас при отдаче якоря в свернутом канате окажется обратный шлаг. Изъяны! Да любой моряк, едва взглянув на куттер, увидит, что у него столько же недостатков, сколько у слуги, который пришел просить расчет.

— Все это, может быть, и верно, дядюшка, но я очень сомневаюсь, что Джаспер о них знает. Если бы кто-нибудь ему указал на них, он бы все исправил, не правда ли, Следопыт?

— Пусть Джаспер сам управляется со своим куттером, Мэйбл. Он свое дело знает, и я ручаюсь, что никто не сумел бы лучше его уберечь судно от фронтенакцев или от их приятелей — этих дьяволов мингов. Что за беда в обратном шлаге или в слишком высоко поднятом якорном канате, мастер Кэп, если судно идет превосходно и не подпускает близко французов? Здесь, на озере, Джаспер заткнет за пояс любого моряка с побережья, ну, а какие таланты он обнаружил бы в океане, неизвестно, он ведь там никогда не бывал.

Кэп снисходительно улыбнулся, но не счел нужным продолжать свою критику, по крайней мере сейчас. В продолжение всего разговора он принимал все более и более надутый и презрительный вид, как ни хотел казаться равнодушным к спору, в котором один из участников был круглым невеждой.

Тем временем куттер лег в дрейф и, повинувшись течению, стал медленно поворачиваться носом то в одну, то в другую сторону, что не могло особенно интересовать зрителей. Через секунду был поставлен кливер, и парус надулся, хотя воздух над озером казался по-прежнему неподвижным. Но легкое судно, покоряясь едва ощутимому толчку, через минуту стало уже поперек речного течения, и так легко и плавно, что его движение было почти неуловимо для глаза. Когда "Резвый" пересек течение, его подхватил водоворот, и куттер понесся к крутому берегу, где стоял форт. Тут Джаспер бросил якорь.

— Недурно! — пробормотал про себя Кэп. — Совсем недурно, хоть он и должен был повернуть руль не налево, а направо: корабль всегда должен подходить к берегу кормою, безразлично, находится ли он в одной миле или в одном кабельтове от земли. Это выглядит красивее, а красота в нашем мире кое-что значит.

— Джаспер малый смысленый! — заметил вдруг сержант Дунхем, неожиданно

очутившись за спиной у своего шурина. — Мы очень полагаемся на его ловкость во время наших экспедиций. Но пойдете., через полчаса стемнеет, и нам нужно успеть погрузиться. Пока мы соберемся, для нас приготовят шлюпки.

После этого все разошлись, чтобы взять вещи, оставшиеся еще на берегу. Короткой барабанной дробью был подан сигнал солдатам, и через минуту все пришло в движение.

Глава XIII

*Стращает домовый глупцов,
Колдуют ведьмы в тьме лесов,
Осла вспугнул кошмарный сон,
И мчится, спотыкаясь, он.*

Коттон

Погрузка на куттер небольшого отряда не представляла собой ничего сложного и не требовала много времени. Весь отряд, командование которым было поручено сержанту Дунхему, состоял лишь из десяти рядовых и двух унтер-офицеров. Позднее стало известно, что в экспедиции примет участие и лейтенант Мюр; он ехал волонтером, хотя и условился с майором Дунканом, что предлогом для поездки, и вполне благовидным, должна послужить его должность квартирмейстера. Кроме него, вместе с сержантом отправились Следопыт, Кэп и Джаспер со своей командой, в которой был один подросток. Всего в экспедиции было около двух десятков мужчин, четырнадцатилетний мальчик и две женщины — Мэйбл и жена одного солдата.

Сержант Дунхем, переправив на баркасе своих солдат на судно, вернулся обратно, чтобы получить последние распоряжения и проверить, позаботились ли об его дочери и шурине. Указав Кэпу шлюпку, в которой тому предстояло отправиться вместе с Мэйбл на куттер, сержант поднялся по холму на бастион, так часто нами упоминаемый, чтобы попрощаться с Лунди. Оставим ненадолго сержанта и майора одних, а сами вернемся на берег.

Уже почти стемнело, когда Мэйбл села в шлюпку, которая должна была доставить ее на куттер. Озеро скорее напоминало пруд, так неподвижна была зеркальная гладь воды, и потому, не заводя лодку в реку, как это обычно делалось при погрузке, решили сажать пассажиров прямо с берега озера, где даже не было слышно плеска прибоя. Волны на озере, выражаясь словами Кэпа, не поднимались и не опускались, здесь не чувствовалось дыхания огромных легких океана. На Онтарио бури разыгрываются иначе, чем на Атлантическом океане. Там они бушуют где-то в одной стороне, тогда как в другой царит полная тишина. На озере для этого недостаточно места, и моряки утверждают, что на Великих Озерах волнение и начинается и утихает быстрее, чем на всех морях, где им приходилось плавать.

Шлюпка отчалила от берега и скользнула по воде так спокойно, что Мэйбл и не заметила, как они уже поплыли по озеру. Едва успели гребцы сделать десять сильных взмахов веслами, как шлюпка пристала к борту куттера.

Джаспер уже поджидал своих пассажиров, они без труда поднялись на борт: палуба "Резвого" была всего на два-три фута выше уровня воды. Юноша тотчас же распорядился проводить Мэйбл и жену солдата в приготовленную для них каюту. На маленьком судне внизу, под палубой, находились четыре каюты, предназначенные для офицеров и солдат с женами и детьми. Лучшая из них, так называемая кормовая каюта, представляла собой небольшое помещение с четырьмя койками; свет и воздух проникали туда через небольшие оконца, чем она выгодно отличалась от остальных. Эта каюта всегда отводилась для женщин, если они появлялись на корабле; а так как Мэйбл и жена солдата оказались единственными женщинами на борту, то им было просторно и удобно. Центральная каюта была больше, но освещалась она через люк в потолке. Здесь поместились квартирмейстер, сержант, Кэп и Джаспер. Следопыт же мог устроиться в любом месте по своему выбору, за исключением женской каюты. Унтер-офицеры и солдаты заняли нижнюю палубу у главного

люка, а команда, как водится, расположилась на баке. Хотя водоизмещение куттера едва достигало пятидесяти тонн, на нем с избытком хватило места для всех, и после погрузки осадка его была столь незначительна, что в случае необходимости на судне разместилось бы втрое больше людей.

Пока Мэйбл устраивалась в своей покойной, уютной каюте, она предавалась приятным мыслям о том, что Джаспер выказал по отношению к ней особое внимание. Покончив с хлопотами, она снова вышла на палубу. Здесь все было в движении. Солдаты сновали взад и вперед, разбирая свои ранцы и другие пожитки; однако эта суматоха скоро прекратилась благодаря привычке к дисциплине и к порядку. На судне наступила полная и даже торжественная тишина: каждый размышлял о предстоящем опасном деле.

В сгустившихся сумерках стерлись очертания отдельных предметов на берегу, и земля с ее лесами казалась сплошной темной массой, над которой нависло огромное светлое небо. Вскоре одна за другой загорелись звезды, и их нежное, кроткое мерцание рождало чувство покоя, которое почти всегда приносит с собой ночь. Во всей этой картине было что-то умиротворяющее, но в то же время тревожное, и это передалось Мэйбл, сидевшей на палубе. Около нее стоял Следопыт, опершись, по привычке, на свое длинное ружье, и в этот сумеречный час его суровое лицо показалось Мэйбл особенно задумчивым.

— Для вас. Следопыт, такая экспедиция не в новинку, — сказала она, — но меня удивляет, что все так молчаливы и сосредоточены.

— Этому нас научила война с индейцами. Ваши ополченцы на словах скоры, а на деле не споры. Меж тем бывалый солдат научился в стычках с мингами держать язык за зубами. В лесах солдаты, которые умеют молчать, вдвое сильнее тех, что шумят и болтают. Если бы сила была в языке, то побеждали бы всегда женщины, которые тянутся в обозе.

— Но мы же не армия, и мы не в лесу. На "Резвом" нам нечего опасаться мингов.

— Спросите Джаспера, как он стал капитаном этого куттера, и вы получите ответ! Минги всякому опасны, если не знать их повадок и их натуры, и, даже узнав их, надо действовать осторожно и с умом. Спросите Джаспера, как он стал капитаном этого куттера.

— Расскажите, как же он стал капитаном? — спросила Мэйбл с живым интересом, обрадовавшись ее простодушного собеседника, который был так предан своему другу, что никогда не упускал случая его похвалить. — Джасперу делает честь, что он достиг, несмотря на молодость, такого положения.

— Что правда, то правда. Но он заслужил даже большего. За его храбрость и хладнокровие даже фрегат не был бы слишком высокой наградой, если бы по Онтарио плавали фрегаты, но их здесь нет и, наверное, никогда не будет.

— Ну, а Джаспер?.. Вы еще не сказали, как он стал капитаном куттера.

— Это длинная история. Мэйбл. Сержант, ваш отец, расскажет ее лучше, чем я. Все происходило у него на глазах, а я был тогда далеко, в разведке. Сам Джаспер, надо сознаться, плохой рассказчик. Я часто слышал, как его расспрашивали об этом, да только он ни разу не сумел описать все толком, хотя каждому известно, что дело было славное. Нет, нет, Джаспер плохой рассказчик, это должны признать даже его лучшие друзья. "Резвый" едва не попал в руки французов и мингов, когда Джаспер спас его; не всякий решился бы на такое дело, а только человек с быстрым умом и отважным сердцем. Сержант расскажет вам лучше меня, и я хотел бы, чтобы вы когда-нибудь на досуге попросили его об этом. Что же до Джаспера, то к нему приставать не стоит, он только все скомкает, и ничего путного от него не добьешься.

Мэйбл решила сегодня же вечером расспросить отца об этом происшествии. Слова Следопыта произвели на нее сильное впечатление, и она живо себе представила, как будет слушать похвалы человеку, не умеющему описывать собственные подвиги.

— "Резвый" никуда от нас не уйдет, когда мы высадимся на островах? — спросила она после некоторого колебания, не будучи уверена, уместен ли ее вопрос. — А может быть, мы останемся одни?

— Там видно будет. Джаспер не станет зря держать куттер на якорю и сидеть сложа руки, когда нужно действовать. Не вода, и особенно корабли, — не по моей части, вот разве

что пороги и водопад, через которые приходилось пробираться в челноке, мне знакомы. Не сомневаюсь, что под командованием Джаспера все пойдет хорошо, — он находит следы на Онтарио так же, как делавар на суше.

— Скажите, Следопыт, почему сегодня здесь нет нашего делавара — Великого Змея?

— Вам скорее следовало бы спросить: "Почему здесь вы. Следопыт?" Змей там, где ему надлежит быть, а я — нет. Он ушел с двумя или тремя молодцами в разведку по берегу озера и присоединится к нам только на островах, чтобы передать сведения, которые он соберет. Сержант слишком опытный солдат, чтобы, двигаясь навстречу врагу, не помнить о тыле. Какая жалость, Мэйбл, что ваш отец не родился генералом, как кое-кто из тех англичан, которые явились сюда! Я уверен, что он через неделю вышвырнул бы французов из Канады, если бы мог действовать на свой риск и страх.

— Разве нам придется столкнуться с неприятелем? — спросила Мэйбл, улыбаясь, но впервые слегка испугавшись опасности, которой могла подвергнуться экспедиция. — Значит, надо ждать стычки?

— Если будут стычки, Мэйбл, найдутся люди, готовые защитить вас собственным телом. Но вы дочь солдата, все мы это знаем, и к тому же смелая дочь солдата. Пусть страх перед сражением не отгонит сон от ваших прелестных глаз.

— Здесь, в лесах, Следопыт, я чувствую себя куда смелее, чем в городе, где так много соблазнов, хоть я и там всегда старалась помнить, чем я обязана своему дорогому отцу.

— Да, вы такая же, какой была ваша мать. Еще раньше, чем я увидел ваше милое лицо, сержант говорил мне: "Ты сам убедишься: Мэйбл, как и ее мать, не плакса и не трусиха, она не станет расстраивать человека в тяжелые времена, нет, она постарается приободрить своего мужа и поддержать его в минуту опасности".

— А для чего отец вам все это говорил. Следопыт? — спросила девушка, немного насторожившись. — Может быть, он думал, что у вас сложится лучшее мнение обо мне, если вы будете знать, что я не такая глупенькая трусишка, какими любят прикидываться многие женщины?

Притворяться или даже скрывать свои мысли, если только это не вызывалось необходимостью обмануть врага, было настолько чуждо натуре Следопыта, что его порядком смутил этот простой вопрос. Какое-то внутреннее чутье подсказывало ему, что открыть всю правду неуместно, утаивать же ее было не в его привычках; очутившись в столь затруднительном положении, он невольно прибегнул к недомолвкам, чтобы не сказать лишнего и в то же время ничего не скрыть.

— Вы уже знаете, Мэйбл, что мы с сержантом старые друзья и во многих сражениях и кровопролитных стычках бились бок о бок; вернее, я, как разведчик, всегда был немного впереди, а ваш отец со своими солдатами, как и подобает сержанту королевских войск — несколько позади. Как только перестают трещать ружья, у нас, у стрелков, не в обычае много думать о минувшей битве, и ночью, у костров, или в походе мы толкуем о самом для нас заветном, точно так же, как вы, молоденькие девушки, когда собираетесь вместе, чтобы поболтать и посмеяться, делитесь своими самыми сокровенными мыслями и мечтами. Тут и удивляться нечего, если сержант, имея такую дочь и любя ее больше всего на свете, постоянно мне о ней рассказывал, а я, у которого нет ни дочери, ни сестры, ни матери, ни живой души — одни лишь делавары, к которым я привязан, охотно его слушал. Вот и полюбил я вас, Мэйбл, прежде, чем увидел... Да, полюбил, потому что так много о вас слышал...

— А теперь, когда вы меня увидели, — улыбаясь, непринужденно и без всякого смущения ответила девушка, — ей и в голову не приходило, что слова Следопыта означают нечто большее, чем выражение отцовского и братского чувства, — теперь вы поняли, как опрометчиво питать дружбу к человеку, которого знаешь только понаслышке?

— Это не дружба, нет. То, что я чувствую к вам, совсем не дружба. Вот с делаварами у меня дружба с самых юных лет, но мои чувства к ним, даже к лучшему из них, совсем не похожи на те, что возникли у меня после рассказов сержанта и особенно теперь, когда я

узнал вас ближе. Нехорошо человеку, занятому таким опасным мужским делом, как я — проводнику и разведчику или даже солдату, — искать расположения у женщин, особенно у молодых, иногда даже боязно, что от этого он может забыть свое призвание, утратить находчивость и разлюбить свое дело.

— Но вы, конечно, не думаете. Следопыт, что дружба с такой девушкой, как я, сделает вас менее отважным и вы не так охотно, как прежде, будете драться с французами?

— Нет, нет. Но, к примеру сказать, если бы вам грозила опасность, боюсь, как бы я не стал безрассудно смелым. Раньше, пока мы с вами не свели такого тесного знакомства, если можно так сказать, я любил размышлять о походах, разведках, вылазках, битвах и других приключениях, а теперь они вовсе и не идут мне па ум. Я больше думаю о вечерах, которые коротают беседой в казарме, о чувствах, далеких от вражды и кровопролития, о молодых женщинах, их смехе, веселых, нежных голосах, милых лицах и любезном обхождении. Иногда мне хочется сказать сержанту, что он и его дочь погубят одного из лучших и самых опытных разведчиков на границе!

— Нет, нет. Следопыт, напротив! Они постараются, чтобы такой превосходный разведчик стал еще лучше. Вы не знаете нас, если думаете, что я или отец хотели бы, чтобы вы изменились хоть самую малость. Оставайтесь таким, какой вы есть, — честным, прямодушным, добросовестным, бесстрашным, умным и надежным проводником, — и ни отец мой, ни я никогда не подумаем о вас ничего плохого.

Уже совсем стемнело, и Мэйбл не видела выражения лица своего собеседника. Но по тому, с каким жаром и свободой она говорила, повернувшись к нему лицом, было ясно, что она не чувствовала никакого смущения и что слова ее идут от самого сердца. Правда, щеки ее слегка покраснелись, но только потому, что она сильно увлеклась своей речью. Ни одна струнка в душе ее не дрогнула, и сердце не забилося быстрее. Короче говоря, это была девушка, которая доверчиво и откровенно признавалась мужчине в своем расположении к нему, потому что он заслужил его своими прекрасными качествами и поступками, но при этом не испытывала никакого волнения, неизбежного при излиянии более нежных чувств.

Следопыт был неискушен в таких тонкостях, и потому, несмотря на всю его скромность, слова Мэйбл вселили в него надежду. Не желая или, вернее, не будучи в состоянии высказаться до конца, он отошел в сторону и минут десять молча глядел на звезды, опершись на свое ружье.

Тем временем на бастионе между Лунди и сержантом происходила беседа, о которой мы уже упомянули.

— Солдатские ранцы проверены? — спросил майор Дункан, бросив взгляд на поданный ему сержантом письменный рапорт, который он, однако, не мог прочесть в темноте.

— Все до единого, ваша честь.

— А снаряжение, оружие?

— Все в полном порядке, майор Дункан, хоть сейчас в дело.

— Вы отобрали людей по моему списку, Дунхем?

— Всех без исключения, сэр. Лучших людей по всему полку не найти.

— Вам нужны самые лучшие солдаты, сержант. Мы делали эту попытку дважды, и каждый раз под командованием одного из младших офицеров; все они уверяли меня, что добьются успеха, и всегда терпели неудачу. После стольких усилий и издержек я не могу оставить задуманный план, но эта попытка будет последней, и успех ее зависит главным образом от вас и Следопыта.

— Вы можете положиться на нас обоих, майор Дункан. При нашем опыте и сноровке эта задача нам по плечу, надеюсь, что мы выполним ее с честью. Я знаю, что за Следопытом дело не станет.

— Да, в этом можно не сомневаться. Удивительный он человек, Дунхем, и долго был для меня загадкой; но теперь, когда я узнал его ближе, он внушает мне такое же уважение, как любой генерал, который служит его величеству.

— Надеюсь, сэръ, что вы отнесетесь одобрительно к моему намерению выдать за него Мэйбл, Это мое заветное желание.

— Ну, сержант, время покажет, — ответил Лунди, улыбаясь, но в темноте не было видно, как он поморщился. — Иногда труднее совладать с Одной женщиной, чем с целым полком солдат. Кстати, как вам известно, квартирмейстер, который тоже метит к вам в зятя, отправляется с вашим отрядом; надеюсь, вы дадите ему такую же возможность, как и остальным претендентам, добиваться благосклонности вашей дочери.

— Если бы к этому меня не побуждало уважение к его чину, то достаточно было бы одного вашего желания, сэръ.

— Спасибо, сержант. Мы с вами долго служили вместе и всегда ценили друг друга. Не поймите меня превратно, я прошу для Дэйви Мюра не покровительства, а позволения свободно участвовать в этом поединке. В любви, как на войне, человек должен сам добиваться победы. А вы уверены, что рационы рассчитаны правильно?

— Я за это отвечаю, майор, но, как бы то ни было, мы не пропадем с такими охотниками, как Следопыт и Змей.

— Это никуда не годится, Дунхем! — резко перебил его Лунди. — Вот что значит родиться и обучаться в Америке! Настоящий солдат полагается только на своего интенданта, и я не желаю, чтобы первыми нарушили такой порядок люди моего полка.

— Вам остается только приказать, майор Дункан, и все будет исполнено. Но все же осмелюсь заметить, сэръ...

— Говорите прямо, сержант, не стесняйтесь, вы говорите с другом.

— Я хотел лишь сказать, что даже шотландцы любят оленину и птицу не меньше, чем свинину, когда ее трудно раздобыть.

— Весьма вероятно, но вкусы и порядок — вещи разные. Армия должна полагаться только на своих интендантов. Распущенность колониальных солдат постоянно вносит дьявольский беспорядок в королевскую службу, нельзя ей больше потворствовать.

— Позвольте, ваша честь, но ведь генерал Бреддок прислушивался к советам полковника Вашингтона²⁵.

— Опять этот ваш Вашингтон! Все вы тут, в колониях, держитесь друг за друга, словно заговорщики, связанные клятвой!

— Мне кажется, у его величества нет более верных подданных, чем американцы, сэръ.

— Тут вы, пожалуй, правы, Дунхем. Я, может быть, немного погорячился. Вас, сержант, я, конечно, к колониальным солдатам не причисляю. Хоть вы и родились в Америке, ни один солдат лучше вас не управляется с мушкетом.

— А полковник Вашингтон, ваша честь?

— Что ж! Полковник Вашингтон тоже подданный короля и тоже может быть полезен. Такие американцы — редкость, и, как мне кажется, к нему можно питать доверие, которого вы требуете. Скажите, а вы не сомневаетесь в знаниях этого Джаспера — Пресная Вода?

— Парень доказал их на деле, сэръ, он сумеет справиться со всем, что будет ему поручено.

— У него французское прозвище²⁶, ведь он почти все свое детство провел во французских колониях. Нет ли в его жилах французской крови, сержант?

— Ни капли, ваша честь. Отец Джаспера — мой старый товарищ, а мать — родом из этой колонии и происходит из очень почтенной и честной семьи.

²⁵ В 1754 году в Америку для борьбы с французскими колонизаторами прибыл с двумя полками английский генерал Бреддок; плохо зная местные условия, он пригласил к себе в адъютанты сына американского колониста, молодого Джорджа Вашингтона (1732–1799), будущего героя американской борьбы за независимость и первого президента США.

²⁶ В английском тексте романа "Следопыт" прозвище Джаспера — Пресная Вода — везде дается по-французски (Eau Douce).

— Как же случилось, что он так долго прожил среди французов, и откуда это прозвище? Мне также передавали, что он говорит по-французски!

— Все это легко объяснить, майор Дункан. Мальчика отдали на попечение одного нашего моряка, участника прошлой войны, и он полюбил воду, как утка. Вы знаете, сэр, у нас нет настоящих портов на Онтарио, и Джасперу приходилось много времени проводить на другой стороне озера, где у французов уже пятьдесят лет назад были суда. Там он, разумеется, и выучился их языку, а прозвище дали ему индейцы и канадцы. Они любят называть людей по их склонностям.

— Однако французский капитан — плохой учитель для британского матроса.

— Прошу прощения, сэр, Джаспер — Пресная Вода воспитывался у настоящего английского моряка, одного из тех, кто плавал под королевским флагом и кого можно назвать знатоком своего дела. Надеюсь, майор Дункан, британский подданный, знающий свое дело, не станет хуже оттого, что он родился в колониях.

— Может быть, и не хуже, сержант, может быть, и не хуже, но и не лучше. Когда я поручил ему командование "Резвым", Джаспер держался отлично, никто не мог бы проявить больше преданности и усердия.

— И отваги, майор Дункан. Очень жаль, сэр, что у вас зародились сомнения в верности Джаспера.

— Долг солдата, Дунхем, в особенности если ему доверили такой отдаленный и важный пост, как этот, — никогда не ослаблять бдительности. У нас два самых коварных противника на свете: индейцы и французы. От нашего внимания ничего не должно ускользнуть, ничего, что может привести к беде.

— Надеюсь, ваша честь, вы сочтете Меня достойным доверия и поясните, какие у вас основания подозревать Джаспера, раз уж вы нашли возможным поручить мне командование экспедицией.

— Я не сомневаюсь в вас, Дунхем, но не решаюсь сообщить вам то, что мне стало известно, только из нежелания распространять дурную славу о человеке, о котором я был до сих пор хорошего мнения. Вероятно, вы высоко ставите Следопыта, иначе не захотели бы выдать за него свою дочь?

— За честность Следопыта я ручаюсь своей жизнью, сэр, — ответил сержант твердо и с достоинством, поразившим его начальника. — Это человек, не способный на предательство.

— Да, я полагаю, что вы правы, Дунхем. Но сведения, недавно полученные мною, поколебали мои прежние представления. Я получил анонимное письмо, сержант, в нем мне советуют остерегаться Джаспера Уэстерна, или, как его называют. Пресной Воды, и утверждают, что он продался врагу; там говорится, что вскоре мне будут посланы более подробные и точные сведения.

— Письма без подписи вряд ли заслуживают внимания в военное время, сэр.

— Так же как и в мирное время. В обычной обстановке никто больше меня не презирает анонимные письма, такие поступки говорят о трусости, низости и подлости и чаще всего служат доказательством вероломства и других пороков. Но во время войны дело обстоит несколько иначе. Помимо того, мне указывают на довольно подозрительные обстоятельства.

— Такие, о которых можно сказать подчиненному, сэр?

— Разумеется, если ему доверяют так, как я доверяю вам, Дунхем. В письме, например, говорится, что по дороге сюда ирокезы позволили вашей дочери и ее провожатым ускользнуть от них только потому, что они не хотели подорвать мое доверие к Джасперу. Там говорится, что господам из Фронтенака гораздо важнее захватить "Резвый" с сержантом Дунхемом и его отрядом на борту и расстроить наши давнишние намерения, чем взять в плен молодую девушку и снять скальп с ее ДЯДИ.

— Я понимаю ваш намек, сэр, но не могу с ним согласиться. Не верить Джасперу — значит сомневаться и в Следопыте; а заподозрить его — все равно что заподозрить вас, сэр.

— Может быть, сержант, очень может быть. Но ведь Джаспер — это не Следопыт.

Признаюсь, Дунхем, я бы питал к парню больше доверия, если бы он не болтал по-французски.

— Поверьте, ваша честь, это и в моих глазах не говорит в его пользу; но мальчику поневоле пришлось выучиться по-французски. Замечу, с вашего позволения, что не надо слишком поспешно осуждать его. Ему не оставалось ничего другого, как говорить по-французски.

— Ах, этот проклятый язык! Он никогда не приносил никому добра... по крайней мере, никому из британских подданных. Правда, надо же и французам изъясняться между собой на каком-то языке. Но я больше доверял бы Джасперу, если бы он совсем не понимал их языка. Это письмо меня встревожило, и, найдись человек, кому можно доверить куттер, я придумал бы какой-нибудь предлог и оставил бы Джаспера здесь. С вами, кажется, отправляется ваш шурин, сержант? Он ведь моряк?

— Настоящий морской волк, ваша честь, но у него предубеждение против пресной воды. Вряд ли удалось бы его убедить уронить свое достоинство и выйти в плавание на озеро. Кроме того, я уверен, что он ни за что не сумеет привести куттер к назначенному месту.

— Это, пожалуй, верно, он совсем не знает наше предательское озеро и не справится с такой задачей. Вам придется быть вдвойне осторожным, Дунхем. Я предоставляю вам самые широкие права, и, если вы изобличите Джаспера в измене, судите его немедленно.

— Он на королевской службе, ваша честь, и его должно судить военным судом.

— Совершенно верно. Тогда наденьте на него кандалы и отправьте сюда на его же куттере. А ваш шурин, проделав на этом судне путь в одну сторону, приведет его обратно!

— Я уверен, майор Дункан, что мы примем все необходимые меры, если оправдаются ваши опасения касательно Джаспера, но я готов поручиться головой, что он человек надежный.

— Меня радует ваша уверенность, она говорит в его пользу. Однако же это проклятое письмо!.. В нем есть что-то похожее на правду. Да, автор точен, когда он пишет о других делах.

— Вы, кажется, заметили, ваша честь, что письмо без подписи. Для честного человека это непростительно.

— Совершенно верно, Дунхем. Анонимные письма способен писать только негодяй, притом трусливый негодяй, но лишь тогда, когда речь идет о частной жизни людей. На войне же иное дело. Тут и ложные донесения и хитрость считаются вполне допустимыми.

— Военная хитрость, сэр, если хотите — смелые уловки, такие, как засады, нападения врасплох, маскировки, ложные атаки и даже шпионаж, но я никогда не слыхал, чтобы настоящий солдат пытался опорочить такими средствами честного парня!

— Мне приходилось сталкиваться в жизни со многими странными людьми и с не менее странными явлениями... Что ж, прощайте, сержант, не стану вас больше задерживать. Вы теперь предупреждены, рекомендую вам неусыпную бдительность. Кажется, Мюр собирается скоро выйти в отставку, и, если вы добьетесь в экспедиции полного успеха, я употреблю все свое влияние, чтобы вы заняли его место, для этого у вас есть все основания.

— Весьма вам благодарен, сэр, — равнодушно ответил сержант который за двадцать лет службы уже не раз выслушивал подобные обещания. — Надеюсь никогда не опозорить своего звания, в каком бы я ни был чине. Я таков, каким создали меня природа и бог, и вполне доволен своей участью.

— Вы не забыли гаубицу?

— Джаспер погрузил ее на борт еще утром, сэр.

— Будьте начеку и не особенно ему доверяйте. Немедленно расскажите обо всем Следопыту: он поможет вам обнаружить скрытое предательство. Изменнику и в голову не придет, что Следопыт, с его прямоотой и честностью, может за ним наблюдать. Уж он-то человек надежный.

— За него я готов поручиться своей головой и даже своим чином. Слишком часто я

проверял его на деле, чтобы усомниться в нем.

— Знаете, Дунхем, из всех неприятных чувств самое мучительное — это недоверие к человеку, на которого ты вынужден полагаться. Захватили вы запасные кремни?

— На сержанта смело можно надеяться в таких мелочах, ваша честь!

— Ну, вашу руку, Дунхем! Да благословит вас бог! Желаю удачи! Кстати, Мюр собирается в отставку, позвольте же ему поухаживать за вашей дочерью на равных условиях с другим соперником. Ее брак с ним облегчит ваше продвижение по службе. Веселее уходить в отставку с такой подругой жизни, как Мэйбл, чем в безутешном вдовстве, когда некого любить, кроме самого себя, да еще имея такой нрав, как у Дэйви!

— Я надеюсь, сэр, что дочь моя сделает разумный выбор, и мне кажется, она уже склонна предпочесть Следопыта. Впрочем, я предоставляю ей полную свободу, хотя считаю непослушание почти таким же тяжким преступлением, как открытый бунт.

— Как только прибудете на место, тщательно проверьте и просушите все боевые припасы. Они могут отсыреть на озере. А теперь еще раз прощайте, сержант! Остерегайтесь этого Джаспера и в трудную минуту советуйтесь с Мюром. Через месяц жду вашего возвращения с победой.

— Прощайте, ваша честь! Если со мной что-нибудь случится, я уверен, майор Дункан, что вы защитите доброе имя старого солдата.

— Положитесь на меня, как на верного друга, Дунхем. И будьте начеку, помните, что вы окажетесь в самой пасти у льва. Нет, не льва, а коварного тигра, и притом без всякой подмоги. Пересчитайте и проверьте утром ружейные кремни. А теперь прощайте, Дунхем! Счастливого плавания!

Сержант с подобающим почтением пожал руку, протянутую начальником, и они наконец расстались. Лунди поспешил в свой фургон, а Дунхем вышел из крепости, спустился на берег и сел в шлюпку.

Дункан Лунди был прав, говоря, как мучительно чувство недоверия. Из всех человеческих чувств это самое предательское по своему воздействию и самое коварное в своих проявлениях; его труднее всего побороть благородной натуре. Когда возникает недоверие, все кажется сомнительным. Мысли бродят в голове, не останавливаясь на чем-нибудь определенном из-за отсутствия фактов, и, уж если недоверие закралось, трудно сказать, какие оно может породить предположения и куда могут завести подозрения, легко принимаемые на веру. То, что раньше казалось безобидным, приобретает оттенок вины, как только попадешь под власть этого тревожного чувства; под влиянием страха и подозрительности любое слово и любой поступок представляются в искаженном виде. И если это верно в вопросах житейских, то вдвойне верно в делах военных и политических, когда сознание тяжелой ответственности за жизнь людей гнет! утративший ясность разум военачальника или политика. Поэтому не следует думать, что, простившись с начальником, сержант Дунхем забыл о полученном наказе. Он всегда очень высоко ценил Джаспера, но теперь и его начал грызть червь сомнения, и он стал колебаться между своим доверием к молодому капитану и долгом службы. Понимая, что отныне все зависит от его бдительности, он пришел к заключению, что ни одно подозрительное обстоятельство, ни одно мало-мальски необычное движение молодого моряка не должно оставаться незамеченным. Естественно, что теперь сержант смотрел на все другими глазами, и он решил принять все меры предосторожности, какие диктовались его привычками, укоренившимися мнениями и воспитанием.

На "Резвом" подняли якорь, как только заметили, что от берега отделилась шлюпка сержанта, которого только и ждали, чтобы отплыть. Куттер повернули носом к востоку. Несколькими сильными взмахами длинных весел, которыми гребли команда и солдаты, легкое судно направили в речное течение, и его медленно понесло от берега. Ветра все еще не было; замерла даже почти неуловимая свежая струя воздуха, повеявшая с озера перед закатом.

На куттере стояла необычайная тишина. Все находившиеся на судне как бы

чувствовали, что под покровом ночи они вступают в полосу событий, которые неизвестно чем кончатся: сознание долга, поздний час и таинственная обстановка самого отплытия придавали этой минуте некоторую торжественность. Этому также способствовала и привычка к дисциплине. Почти все молчали, и лишь немногие изредка переговаривались тихими голосами. "Резвый" медленно уходил в открытое озеро, пока его несло речным течением; вскоре куттер остановился в ожидании обычного в это время берегового ветра. Прошло около получаса, а "Резвый" все стоял на месте, неподвижный, как брошенное в воду бревно. Пока совершались все эти незначительные перемены в положении судна, на нем, несмотря на объявшаую его тишину, не всюду умолкли разговоры; сержант Дунхем, убедившись сперва, что его дочь и ее спутница находятся на верхней палубе, увел Следопыта в кормовую каюту, где, тщательно закрыв дверь и удостоверясь, что его никто не может подслушать, так начал свою речь:

— Мой друг, прошло уже немало лет с тех пор, как ты стал делить со мной все невзгоды и опасности, таящиеся в лесных походах.

— Да, сержант. Да, это верно. И подчас меня одолевает страх, не слишком ли я стар для Мэйбл. Ведь ее еще не было на свете, когда мы с тобой плечом к плечу уже дрались с французами.

— Насчет этого не бойся. Следопыт. Я был почти в твоём возрасте, когда уговорил ее мать стать моей женой. Мэйбл степенная, рассудительная девушка, и для нее самое важное — характер человека. Например, такой парень, как Джаспер — Пресная Вода, ничего у нее не добьется, хоть он и пригож и молод.

— А разве Джаспер собирается жениться? — просто, но серьезно спросил Следопыт.

— Надеюсь, что нет. По крайней мере пока он не докажет всем, что достоин иметь жену.

— Джаспер порядочный парень, и на воде он за себя постоит. Он имеет право обзавестись женой не хуже всякого другого.

— Скажу тебе откровенно, Следопыт, я привел тебя сюда, чтобы потолковать как раз об этом молодце. Майор Дункан получил известие, которое навело его на подозрение, что Пресная Вода обманщик, продавшийся врагу. Я бы хотел услышать твое мнение.

— Что-то не пойму.

— Я говорю, майор подозревает, что Джаспер изменник, французский шпион и, что хуже всего, будто он подкуплен, чтобы нас предать. Майора об этом известили письмом, и он поручил мне следить за каждым движением Джаспера: он опасается, как бы нам не пришлось столкнуться по его милости с врагом, когда мы менее всего будем этого ждать.

— Сержант Дунхем, и это сказал тебе Дункан Лунди?

— Да, Следопыт, он так сказал. Правда, я не хотел верить ничему дурному о Джаспере, но теперь начинаю думать, что на него нельзя полагаться. Ты веришь в предчувствия, мой друг?

— Во что, сержант?

— В предчувствия. Это вроде тайного предвидения будущих событий. Шотландцы в нашем полку твердо верят в предчувствия, а сейчас вот и я начинаю думать, что их вера имеет основание: уж очень быстро меняется мое мнение о Джаспере.

— Но ведь он говорил о Джаспере с Дунканом Лунди, вот его слова и заронили в твою душу сомнение.

— Нет, не в этом дело. Когда мы говорили с майором, я чувствовал совсем другое и всеми силами старался убедить его, что он несправедлив к парню, но теперь я вижу, что от предчувствий никуда не денешься, и боюсь, что подозрения Лунди имеют некоторые основания.

— Я не знаю, что такое предчувствие, но знаю Джаспера — Пресную Воду с самого его детства и так же верю в его честность, как в свою собственную или в честность Великого Змея, — Однако Змей не хуже кого другого умеет устраивать засады и пускать в ход всякие военные хитрости.

— Это у него в природе, таково все его племя. А против природы никто не устоит, ни краснокожий, ни бледнолицый. Но и Чингачгук не такой человек, его поступки не могут посеять дурные предчувствия.

— Так-то оно так. Да я сам еще сегодня утром не думал ничего дурного о Джаспере. А с тех пор, как у меня зародилось это предчувствие, мне кажется. Следопыт, что парень даже и ходить-то по палубе стал как-то неестественно, не так быстро, как бывало, что он молчалив, мрачен и задумчив, словно человек, у которого совесть нечиста.

— Джаспер никогда не был шумлив. Он говорил мне, что, если на корабле шум, значит, там нет порядка. Так думает и мастер Кэп. Нет, нет, я не поверю никаким наговорам на Джаспера, пока не получу доказательства! Пошли же за своим шурином, сержант, и давай спросим, что он обо всем этом думает. Нельзя лечь спать, если на сердце подозрение против друга, — ведь это все равно, что лечь с камнем на душе. Не верю я вашим предчувствиям!

Сержант согласился, хотя и не видел в этом особого смысла, и Кэпа пригласили на совещание. Первым заговорил Следопыт, глубоко убежденный в невинности обвиняемого и более твердый в своем мнении, чем его приятель.

— Мы попросили вас спуститься сюда, мастер Кэп, — начал он, — чтобы узнать, не заметили ли вы чего-нибудь необычного в поведении Джаспера сегодня вечером?

— Что касается его поведения на пресной воде, то оно вполне обычно, мастер Следопыт, хотя на море мы бы сочли его маневры неправильными.

— Да, да, мы знаем, что вы никогда не договоритесь с Джаспером насчет того, как следует управлять куттером, но мы хотим узнать ваше мнение совсем о другом.

И Следопыт рассказал Кэпу о подозрениях сержанта и почему они возникли у него после беседы с майором Дунканом.

— А разве малый говорит по-французски? — спросил Кэп.

— Ходят слухи, будто он говорит по-французски слишком свободно, — заметил сержант мрачно. — Следопыту известно, что это правда.

— Не стану отрицать, не стану отрицать, — ответил проводник, — по крайней мере все об этом говорят. Но знание языка никак не может служить уликой даже против индейца из племени миссисагуа и тем более против Джаспера. Я и сам выучился языку мингов, когда был в плену у этих негодяев, а кто посмеет утверждать, что я им друг! Правда, по индейским понятиям, я им и не враг. Но, насколько позволительно для христианина, я им враг.

— Все это верно, Следопыт, но ведь Джаспер выучился по-французски не в плену. Он знает этот язык с детства, когда ум легко поддается впечатлениям и человек навсегда усваивает многие понятия; в эти годы начинает складываться и характер.

— Весьма справедливое замечание, — поддержал Дунхема Кэп. — В эту пору все мы учим катехизис и другие предметы, воспитывающие нашу нравственность. Слова сержанта показывают, что он понимает человеческую природу, и я с ним вполне согласен; в самом деле, на кой черт парню говорить по-французски здесь, в этой луже пресной воды! Иное дело в Атлантическом океане. Там бывалому моряку иногда случается разговаривать на этом языке с лоцманом или с каким-нибудь грамотеем, и я не стал бы придавать этому значения, хотя и там мы всегда относимся с подозрением к людям, знающим этот язык. Именно здесь, на Онтарио, я это считаю крайне подозрительным обстоятельством.

— Но Джаспер вынужден был говорить по-французски с теми, кто живет на противоположном берегу озера, — возразил Следопыт, — не то ему всегда пришлось бы молчать, там ведь нет никого, кроме французов.

— Уж не хотите ли вы сказать, Следопыт, что на противоположном берегу озера находится Франция? — воскликнул Кэп, указывая через плечо большим пальцем в сторону Канады. — Что на одном берегу этой пресноводной лужи лежит Йорк, а на другом — Франция?

— Я хочу сказать, что здесь Йорк, а там — Верхняя Канада и что здесь говорят по-английски, голландски и индейски, а там по-французски и индейски. Даже в языке мингов много французских слов; правда, он от этого ничуть не выигрывает.

— Совершенно верно. А что за люди эти минги, мой Друг? — спросил сержант, коснувшись плеча Следопыта и как бы подчеркивая, что вопрос его очень серьезен и задан неспроста. — Никто не знает их лучше тебя, и я хочу, чтобы ты мне сказал, что они за народ.

— Джаспер не минг, сержант.

— Он говорит по-французски и, следовательно, похож на минга. Братец Кэп, не припомнишь ли ты какого-нибудь маневра этого злосчастливого парня, по которому можно было бы уличить его в измене?

— Нет, сержант, ничего особенного я не заметил, хотя он почти все время брался, за дело не с того конца. Правда, один из его матросов укладывал канат в бухту против часовой стрелки и говорил, что "свертывает канат"; но я не уверен, был ли в этом какой-нибудь дурной умысел, хотя замечу, что французы укладывают половину своего бегучего такелажа не в том направлении и, возможно, поэтому говорят "свертывать канат". Да и сам Джаспер закрепил кливер-фал к распорке, а не к мачте, где, по крайней мере по мнению британских матросов, его полагается крепить.

— Возможно, что Джаспер и управляет своим судном немного на канадский манер после того, как он так долго пробыл на той стороне, — вставил Следопыт. — Но перенять какую-нибудь мысль или слово — это еще не предательство и не измена. Я тоже не раз перенимал кое-что у мингов, но сердцем я всегда оставался с делаварами. Нет, нет, Джаспер человек надежный. Даже король мог бы доверить ему свою корону, как доверил бы ее старшему сыну, которому она со временем все равно достанется и у которого не может появиться желание ее украсть!

— Хорошо сказано, хорошо сказано! — воскликнул Кэп, поднявшись и сплюнув в окно каюты и с видом человека, сознающего свою моральную силу и, кстати, жующего табак. — Очень остроумно сказано, мастер Следопыт, но чертовски непоследовательно. Во-первых, его королевское величество не может никому одолжить свою корону, это нарушило бы законы страны, по которым он обязан всегда носить ее сам, дабы можно было отличить его священную особу от других людей, точно так же как шериф на судне должен всегда держать при себе свое серебряное весло. Во-вторых, если старший сын его величества будет раньше времени домогаться короны или обзаведется внебрачным ребенком, то по закону это должно считаться государственной изменой, ибо и то и другое нарушает порядок престолонаследия. Как видите. Друг Следопыт, чтобы правильно рассуждать, нужно сразу стать на верный галс. Закон — это разум, а разум — это философия, а философия — это мертвый якорь, вот и получается, что коронами управляют закон, разум и философия!

— Все это не моего ума дело, мастер Кэп. Но ничто не заставит меня поверить, что Джаспер Уэстерн изменник, пока я не увижу это собственными глазами и не услышу собственными ушами.

— Вот вы и ошиблись опять. Следопыт. Есть доказательства гораздо более убедительные, чем слышать собственными ушами, или видеть собственными глазами, или же то и другое вместе. Это неопровержимые обстоятельства.

— Может быть, так и бывает в городах и поселениях, но не здесь, на границе.

— Так устроила природа, а она властвует над всем. Вот судите сами. Наши чувства говорят нам, что юный Джаспер — Пресная Вода находится в настоящую минуту на палубе, и каждый из нас, поднявшись туда, может воочию убедиться в этом. Но если бы впоследствии оказалось, что именно в эту минуту французы получили сведения, которые мог сообщить им только Джаспер, ну что ж, тогда нам пришлось бы поверить в истинность этих обстоятельств и признать, что зрение и слух нас обманули. Это скажет вам любой судейский.

— Но ведь это неверно, — ответил Следопыт, — и невозможно, потому что это противоречит действительности.

— Это более чем возможно, достойнейший проводник, — это непреложный закон, государственный королевский закон, который все мы обязаны чтить и соблюдать... Я вздернул бы родного брата на основании такой улики. Разумеется, это не касается наших родственных отношений, сержант.

— Бог знает, насколько это применимо к Джасперу, но я вполне допускаю. Следопыт, что мастер Кэп прав в толковании закона. В таких случаях факты сильнее всякой очевидности. Все мы должны быть начеку, чтобы не упустить ничего подозрительного.

— Теперь я припоминаю, — продолжал Кэп, опять сплюнув в окно, — сегодня вечером, когда мы поднялись на борт, было одно обстоятельство, и весьма странного свойства, которое может послужить тяжелой уликой против этого парня. Джаспер собственноручно поднимал королевский флаг, и, делая вид, что смотрит на Мэйбл и на жену солдата и отдает распоряжение, чтобы им показали нижнее помещение, он опустил флаг!

— Это могло произойти нечаянно, — возразил сержант, — такие случаи бывали и со мной. К тому же фалы подаются шкивом, и флаг мог не пойти, в зависимости от того, каким способом парень его поднимал.

— "Подаются шкивом"! — с презрением воскликнул Кэп. — Кажется, я лучше тебя, сержант Дунхем, знаю точные термины! Называть блок для подъема кормового флага шкивом — это все равно что назвать твою алебарду абордажным крюком. Правда, когда поднимаешь флаг, наверху иногда заедает. Но теперь, когда ты сообщил нам о своих подозрениях, я смотрю на всю историю с флагом, как на важное обстоятельство и наматую себе на ус. Надеюсь, однако, что мы не пропустим ужина, даже если у нас весь трюм битком набит изменниками.

— Ужин будет подан вовремя, брат Кэп. Но я рассчитываю на твою помощь; если случится такое, что мне придется арестовать Джаспера, командование "Резвым" возьмешь на себя ты.

— Уж я тебя не подведу, сержант, и ты только тогда узнаешь, чего можно добиться от этой посуды. Но пока все это, на мой взгляд, одни догадки.

— Ну, а я. — сказал Следопыт, тяжело вздохнув, — твердо уверен в невинности Джаспера и советую вам действовать напрямик. Не откладывая, спросите его самого, изменник он или нет. Для меня слово Джаспера Уэстерна дороже всяких обстоятельств и предчувствий целой колонии.

— Нет, так не годится, — возразил сержант. — Ответственность за все это лежит на мне, и я требую, я приказываю, чтобы без моего ведома никому ничего не говорили. Все мы будем зорко следить и примечать все обстоятельства.

— Да, да, ведь обстоятельства — это главное, — ответил Кэп. — Одно обстоятельство стоит сотни истинных фактов. Я знаю, таков государственный закон, и немало людей было повешено только на основании обстоятельств.

Разговор прекратился, и вскоре все трое вернулись на палубу. Каждый из них был склонен рассматривать поведение заподозренного Джаспера сообразно своему жизненному опыту.

Глава XIV

*Так, верно, именно пришел гонец
Сказать Приаму о пожаре Трои,
Так бледен был, растерян и убит.
Но, прежде чем он выговорил слово,
Из-за откинутой полы шатра
Приам увидел сам огонь пожара.*

Шекспир. "Король Генрих IV", ч. II

Тем временем на куттере все шло своим чередом, Джаспер ждал берегового ветра, и, казалось, его так же ждали и судно и вся природа. Солдаты, привыкшие рано вставать, все до единого улеглись на свои тюфяки в главном трюме. На палубе оставались только экипаж куттера, лейтенант Мюр и обе женщины. Квартирмейстер изо всех сил старался понравиться Мэйбл, но на героиню нашу его ухаживания не производили никакого впечатления, все его любезности она приписывала отчасти присущей военным галантности, а отчасти своему

хорошенькому личику; она от души наслаждалась необычностью обстановки и положения, полным для нее очарования новизны.

На куттере поставили паруса, хотя воздух оставался по-прежнему неподвижным, а озеро — таким безмятежно-спокойным, что невозможно было заметить ни Малейшего движения судна. Речным течением "Резвый" отнесло немного более чем на четверть мили от берега, и он как бы застыл на месте, прекрасный по своим пропорциям и формам. Молодой Джаспер находился на юте довольно близко от Мэйбл и квартирмейстера, и время от времени до него долетали обрывки их разговора, но он был слишком скромнен и слишком поглощен своими обязанностями, чтобы делать попытки вступить в беседу. Нежные голубые глаза Мэйбл с выражением любопытства и ожидания следили за движениями Джаспера, и квартирмейстеру приходилось не раз повторять свои комплименты, чтобы девушка их услышала. — так она была занята всем, что происходило на куттере, и, нам следовало бы добавить, так равнодушна к красноречию своего собеседника. Наконец умолк даже мистер Мюр, и на озере наступила полная тишина. Вскоре где-то возле крепости в какой-то лодке стукнуло весло, и этот звук отозвался на куттере так отчетливо, словно раздался тут же, на палубе. Потом долетел какой-то легкий шорох, будто вздохнула ночь, заполоскались паруса, закрипела мачта и захлопал кливер. Вслед за этими хорошо знакомыми звуками куттер дал легкий крен, и все его паруса надулись.

— Вот и ветер, Андерсон! — крикнул Джаспер старшему матросу. — Руль держать!

Этот короткий приказ был немедленно исполнен, руль положили к ветру, бушприт слегка опустился, и через несколько минут под форштевнем зажурчала вода. "Резвый" скользнул по озеру и пошел со скоростью пяти миль в час. На куттере все делалось молча, и ничто не нарушало тишины, пока Джаспер вновь не скомандовал:

— Шкоты травить помалу, держать вдоль берега! В эту минуту на палубе показались трое участников совещания, происходившего в кормовой каюте.

— Как видно, милейший Джаспер, у вас нет никакого желания держаться слишком близко к нашим соседям — французам, — заметил Мюр, обрадовавшись случаю снова заговорить. — Ну что ж, это хорошо, ваша осторожность достойна похвалы, я, так же как и вы, питаю мало приязни к канадцам.

— Я держусь этого берега из-за ветра, мистер Мюр. На близком расстоянии от суши береговой ветер всегда свежее, если не подходить слишком близко, под защиту деревьев. Мы должны пересечь залив Мексике, а затем, держась того же курса, выйдем в открытые воды.

— Хорошо, что не в Мексиканский залив, — вставил Кэп — Я бы не хотел очутиться там на одном из ваших озерных корыт. Скажите, мастер... как вас там... Пресная Вода, а при шторме ваш куттер слушается руля?

— Он легко слушается руля, мастер Кэп, но надо хорошо следить за ветром, как и на всяком другом судне, когда оно быстро идет.

— Надеюсь, у вас есть такие приспособления, как рифы, хотя вряд ли вам приходится ими пользоваться.

От внимательного взгляда Мэйбл не укрылась удивленная и вместе с тем презрительная усмешка, промелькнувшая на красивом лице Джаспера, но, кроме нее, никто этого не заметил.

— У нас есть рифы, и нам приходится ими часто пользоваться, — спокойно ответил молодой капитан. — Прежде чем мы прибудем к цели, мастер Кэп, возможно, представится случай показать вам, как мы это проделываем; с востока надвигается буря, а ветер даже на самом океане не меняется и не кружит так быстро, как на озере Онтарио.

— Да ведь вы ничего больше и не видали! На Атлантическом океане я наблюдал ветер, который кружился колесом и целый час как бешеный хлопал парусами, а корабль — ни с места, точно не знал, куда повернуться.

— Тут, разумеется, таких внезапных шквалов не бывает, — возразил Джаспер мягко, — хотя и у нас ветер может сразу перемениться. Но я надеюсь, что этим портным береговым ветром нас будет гнать до первых островов, а там уж не так велика опасность, что нас

заметит какой-нибудь разведчик из Фронтенака и погонится за нами.

— Так ты думаешь, Джаспер, что у французов есть шпионы? — спросил Следопыт.

— Это известно: в прошлый понедельник один из них побывал ночью в Осууго. Его пирога пристала к восточной оконечности берега, из нее высадились один индеец и один офицер. Если бы в ту ночь ты был в разведке, как обычно, мы захватили бы одного из них, а может быть, даже обоих.

Было слишком темно, чтобы заметить, как густая краска залила обветренное лицо проводника; ему стало совестно, что он засиделся в ту ночь в крепости, слушая нежный голосок Мэйбл, певшей отцу баллады, и любуясь ее лицом, которое для него было прекраснее всего на свете. Отличительным свойством этого необыкновенного человека была честность в мыслях и поступках, и он считал для себя позором, что не принял участия в преследовании шпионов. Однако ему и в голову не приходило, что можно отрицать свое упущение или искать ему оправдание.

— Это верно, Джаспер, это верно, — сказал он смиренно. — Если бы в ту ночь я был на своем посту — теперь я даже не припомню, задержала ли меня важная причина, — дело обернулось бы иначе.

— Этот вечер мы провели с вами, Следопыт, — бесхитростно заметила Мэйбл. — Человеку, который почти все время живет в лесу, лицом к лицу с врагом, извинительно посвятить несколько часов своему старому другу и его дочери.

— Нет, нет, я только и знаю, что лодырничать, с тех пор как мы пришли в гарнизон, — со вздохом ответил Следопыт, — хорошо, что паренек сказал мне об этом: ленивец заслуживает взбучки. Да, да, заслуживает.

— Взбучки, Следопыт! Да у меня и в мыслях не было сказать тебе что-нибудь неприятное, и меньше всего я хотел упрекнуть тебя в том, что один шпион и какой-то индеец от нас ускользнули. Теперь, когда я знаю, где ты был, твое отсутствие мне кажется вполне естественным.

— Я на тебя не пеняю за твои слова, Джаспер Нет, не пеняю. Я получил по заслугам. Все мы люди, и все ошибаемся.

— Ты это зря. Следопыт!

— Дай руку, дружище, дай руку! Урок дал мне не ты, а моя совесть...

— А теперь, — перебил его Кэп, — теперь, когда дело улажено к обоюдному удовольствию, быть может, вы мне скажете, каким образом стало известно, что здесь так недавно побывали шпионы? Все это здорово смахивает на "обстоятельство"!

Произнося последние слова, моряк тихонько наступил сержанту на ногу и подтолкнул локтем проводника, в то же время подмигивая, хотя последнего знака никто в темноте не заметил.

— Это стало известно потому, что на другой день Змей нашел их след — офицерского сапога и мокалина И утром один из наших охотников видел лодку, которая шла по направлению к Фронтенаку.

— А скажи, Джаспер, след вел к крепости? — спросил Следопыт с виноватым и покорным видом школьника, получившего выговор. — След вел к крепости, парень?

— Кажется, нет, хотя на другом берегу реки его не обнаружили. След вел к восточной оконечности берега, у самого устья реки, откуда хорошо видно, что делается в гавани, но на другом берегу реки не удалось его найти.

— А почему же вы сразу не подняли якорь и не пустились за ними в погоню, мастер Джаспер? — спросил Кэп. — Во вторник утром дул свежий ветер; при таком ветре куттер мог бы свободно делать девять узлов — Это, может быть, и хорошо на океане, мастер Кэп, — вставил Следопыт, — но никак не здесь. На воде не остается следов, а француз и минг — эта пара черту под стать, попробуй поймать их!

— При чем тут следы, если добычу, как говорит Джаспер, то есть лодку, можно было видеть с палубы? Будь этих ваших мингов и французов даже два десятка, ничего бы им не помогло, если бы у них в кильватере было доброе судно английской постройки. Бьюсь об

заклад, мастер Пресная Вода, если бы вы позвали меня в тот вторник, мы бы догнали этих негодяев.

— Осмелюсь заметить, мастер Кэп, что хотя совет такого старого моряка, как вы, не повредил бы такому молодому матросу, как я, но гнаться за пирогой — дело долгое и безнадежное.

— Надо только прижать ее к берегу!

— К берегу, мастер Кэп! Вы совсем не знакомы с нашей озерной навигацией, если предполагаете, что пирогу легко прижать к берегу. Как только эти продувные бестии видят, что им приходится туго, они гребут прямо против ветра. Вы и оглянуться не успеете, как отстанете от них на милю или две.

— Уж не хотите ли вы уверить меня, мастер Джаспер, что найдется смельчак, который не побоится выйти при ветре на озеро в такой ореховой скорлупе?

— Мне часто приходилось переправляться в пироге через Онтарио даже при изрядном шторме. Если умело ею управлять, это самая надежная лодка на свете, Кэп отвел своего зятя и Следопыта в сторону и стал им доказывать, что сообщение Джаспера о шпионах не что иное, как "обстоятельство", и притом важное "обстоятельство", заслуживающее тщательного расследования, а что касается его мнения о пирогах, так оно малоубедительно и смахивает на желание запугать слушателей. По мнению Кэпа, Джаспер слишком уверенно говорил о том, кто такие эти люди, высадившиеся на берег, и это явно доказывает, что он знает о них больше, чем можно было заключить по их следам. А мокасины, говорил Кэп, здесь носят не только индейцы — он и сам купил себе пару; сапоги же, надо заметить, вовсе не всегда на ногах у солдат. Хотя эти логические доводы, посыпавшиеся на него градом, и не вполне убедили сержанта, все же они произвели на него немалое впечатление. Ему и самому показалось несколько странным, что так близко от крепости были обнаружены шпионы, а он ничего не знал об этом; он считал, что такого рода сведения не имеют отношения к прямым обязанностям Джаспера. Правда, раз или два "Резвый" посылали на другой берег озера высаживать там или забирать оттуда лазутчиков, но, насколько было известно сержанту, роль Джаспера была при этом весьма второстепенной командир куттера, совершая рейсы туда и обратно, так же как любой посторонний, не знал, с какой целью отправлялись эти люди. Кроме того, сержант не понимал, почему из всех присутствующих о появлении шпионов знал один только Джаспер. Следопыт смотрел на дело совсем иначе. С присущей ему скромностью он упрекал себя в пренебрежении к своим обязанностям, и осведомленность, отсутствие которой он вменял в вину себе как разведчику, почитал скорее заслугой Джаспера. Он не видел ничего удивительного в том, что Джаспер знал о рассказанных им происшествиях, но считал необычным, если не сказать позорным для себя, что только сейчас впервые сам о них услышал.

— Что до мокасинов, мастер Кэп, — сказал он, воспользовавшись наступившей короткой паузой, — это верно, их носят и бледнолицые и краснокожие, но след, оставленный ими на земле, никогда не бывает одинаковым. Наметанный глаз лесного жителя всегда отличит след индейца от следа белого человека, все равно, оставлен ли он сапогом или мокасином. Чтобы доказать предательство Джаспера, нужна более веская улика.

— Но вы допускаете, Следопыт, что на свете бывают предатели? — вполне рассудительно вставил Кэп.

— Никогда не приходилось мне видеть честного минга; ни один из них не устоит от искушения совершить предательство. Мне кажется, у них какой-то особый дар обманывать, и порой я думаю, что их за это надо скорее жалеть, чем преследовать.

— Почему же не допустить, что у Джаспера такая же слабость? Человек есть человек, а как жалка бывает иногда человеческая натура, я знаю по опыту; по крайней мере, я сужу об этом по своей собственной натуре.

Так завязался еще один долгий и бессвязный разговор, в котором вопрос о виновности и невиновности Джаспера подвергся всестороннему обсуждению; в конце концов сержант и его шурины пришли к убеждению в виновности Джаспера, а их собеседник все более рьяно

защищал обвиняемого и еще больше утвердился во мнении, что его друг несправедливо заподозрен в измене. Все это вполне в порядке вещей, ибо нет более верного пути к достижению определенного взгляда, чем начать его отстаивать; и наиболее упорные наши заблуждения — это именно те, которые рождаются в споре, когда мы, как нам казалось, старались найти истину, а на самом деле только подкрепляли своими доводами собственные предубеждения. Под конец сержант уже был склонен брать под сомнение любое действие молодого матроса и, подобно своему родственнику, стал рассматривать осведомленность Джаспера а вопросе о шпионах как "обстоятельство", ибо эта область, разумеется, не входила в круг повседневных обязанностей командира капера.

Пока этот вопрос обсуждался на корме, Мэйбл молча сидела у трапа. Лейтенант Мгор ушел вниз, чтобы позаботиться о своих удобствах, а Джаспер, скрестив руки, стоял невдалеке; его взгляд, блуждая, переходил от парусов к облакам, от облаков — к более темным очертаниям берега, от берегов — к озеру и опять к парусам. Наши героиня тоже углубилась в свои мысли. Волнения, пережитые ею во время путешествия, события, которыми был отмечен день ее приезда в крепость, встреча с отцом, который был ей, в сущности, чужим человеком, необычность ее положения в гарнизоне и нынешнее плавание — все это длинной вереницей проходило перед ее мысленным взором и, казалось ей, тянулось уже долгие месяцы. Ей с трудом верилось, что она так недавно покинула город и цивилизованную жизнь; в особенности ее удивляло, что события, которые разыгрались, когда они спускались по Осуиго, так быстро потускнели в ее памяти. Мэйбл, по своей неопытности, не сознавала, что обилие новых впечатлений как бы ускоряет для нас течение времени и что, при быстрой их смене во время путешествия, незначительные эпизоды вырастают в события; она старалась восстановить в памяти даты и дни, желая убедиться в том, что она знакома с Джаспером, Следопытом и даже со своим родным отцом лишь немногим более двух недель. Мэйбл была девушкой, скорее обладавшей добрым сердцем, чем способностью анализировать, хотя отнюдь не была лишена и этой способности, и поэтому не могла отдать себе отчет в своих чувствах к людям, которые так недавно были для нее чужими. Она не привыкла раздумывать над своими переживаниями и не понимала их характера. Но до сих пор ее чистая душа была свободна от губительного недоверия, и она ни в чем дурном не подозревала своих поклонников. И меньше всего ей могла прийти в голову мысль о том, что кто-то из ее спутников был предателем, изменившим королю и отечеству.

Для Америки описываемой нами поры была примечательна необыкновенная приверженность к немецкому семейству, владевшему тогда английским трон²⁷, ибо, как это вообще бывает, добродетели и совершенства, в восхвалении которых вблизи трона легко угадывают заведомую лесть, на расстоянии, в колониях, принимаются легковерными и невежественными людьми за чистую монету и превращаются в их политические убеждения.

В наши дни эта истина столь же неоспорима в отношении "достижений республики", как прежде в отношении отдаленных правителей, чьи совершенства было всегда безопасно превозносить, и было опасно порицать их за недостатки, ибо это считалось изменой. Вследствие такого ограничения свободы взглядов общественное мнение целиком зависело от нечестных политиканов, и широкая публика, которая гордилась своими успехами и познаниями, получала сведения обо всем, что затрагивает интересы власть имущих, из вторых рук, причем от людей, послушных воле тех, кто вершит дела из-за кулис.

Хотя и теснимые французами, которые, используя в качестве союзников индейцев, возводили в те времена свои крепости и поселения вокруг английских колоний, американцы едва ли любили англичан больше, чем они ненавидели французов. И люди, жившие в то время, вероятно, сочли бы совершенно немислимым союз, заключенный спустя каких-нибудь двадцать лет между американскими подданными британской короны и ее

²⁷ В Англии с 1714 года правила немецкая династия Ганноверов. Английский король Георг II (1727–1760), о котором здесь идет речь, так же как и его отец, Георг I, был одновременно и королем германского государства Ганновер.

исконными соперниками. Одним словом, в колониях мнения так же утрируются, как и моды; и если преданность короне представляла собой в Лондоне лишь один из видов политической игры, то в Нью-Йорке она выростала в такую непоколебимую веру, что, казалось, могла бы двигать горами. По этим причинам недовольство было там редким явлением, а измена короне, да еще в пользу Франции или французов, была в глазах жителей колоний чудовищным злодеянием. Мэйбл никак не могла заподозрить Джаспера как раз в том преступлении, в котором его тайно обвинили; и если окружавших ее людей терзали муки сомнения, то она, напротив, была полна безграничного доверия. Никакие нашептывания пока еще не достигли ее слуха и не поколебали той веры в честность молодого матроса, которой она прониклась с первой минуты их знакомства, а ее собственный разум никогда не внушил бы ей подобной мысли. Картины прошлого и настоящего, быстро сменявшиеся в ее живом воображении, были совершенно безоблачны, и ничто не бросало тени на человека, к которому она чувствовала влечение. Еще около четверти часа она сидела в задумчивости; все вокруг нее было полно ничем не омраченного покоя.

Прекрасная осенняя ночь еще усиливала те чувства, которые внушает молодым, здоровым и счастливым людям новизна впечатлений. Было тепло, что в этих краях не всегда бывает даже летом, а легкие струи воздуха, повеявшие с берега, несли с собой прохладу и аромат лесов. Ветер, хотя и не сильный, весело гнал "Резвый" вперед и не позволял капитану ослаблять внимание — ведь в темноте всегда чувствуешь себя менее уверенно. Однако Джаспер был, по-видимому, в хорошем настроении, если судить по нескольким словам, которыми он перекинулся с Мэйбл.

— Не правда ли. Пресная Вода, — сказала наша героиня, уже научившаяся величать этим именем молодого матроса, — при таком ходе мы скоро доберемся до места?

— Так отец сказал вам, Мэйбл, куда нас послали?

— Ничего он мне не говорил. Мой отец настоящий солдат и так отвык от семьи, что не рассказывает о своих делах. А разве запрещено говорить, куда мы направляемся?

— Это недалеко. При таком курсе, пройдя еще шестьдесят или семьдесят миль, мы попадем к реке Святого Лаврентия, где французы, может быть, зададут нам жару. По этому озеру далеко не уедешь!

— Так и дядюшка Кэп говорит, ну, а я не вижу, чем Онтарио отличается от океана.

— Вы вот побывали на океане, а я никогда еще не видел соленой воды, хоть и воображаю себя матросом! В глубине души вы, наверное, презираете такого моряка, как я, Мэйбл Дунхем!

— У меня нет такого чувства, Джаспер — Пресная Вода. Какое право имею я, девушка без знаний и опыта, смотреть на кого-нибудь свысока! И меньше всего на вас — ведь майор доверил вам командование этим судном! Мне никогда не приходилось плавать по океану, хотя я и видела его, и, повторяю, я не нахожу никакой разницы между этим озером и Атлантическим океаном.

— А между людьми, которые плавают здесь и там? После всех нападок вашего дядюшки на нас, озерных матросов, я боялся, Мэйбл, как бы вы не сочли нас самозванцами.

— Пусть это вас не тревожит, Джаспер, я знаю своего дядюшку. Он так же нападал на жителей побережья, когда жил в Йорке, как теперь — на тех, кто плавает в пресных водах. Нет, нет! Ни мой отец, ни я этого не думаем. А если бы дядюшка Кэп заговорил откровенно, то его мнение о солдатах оказалось бы еще хуже, чем о матросе, который никогда не видел моря.

— Но ваш отец, Мэйбл, выше всех ставит солдат! Он даже хочет выдать вас замуж за солдата!

— Джаспер — Пресная Вода! Меня — за солдата! И этого хочет мой отец? Что это ему вздумалось? За кого же из солдат здешнего гарнизона я могла бы выйти замуж и чьей женой он желал бы меня сделать?

— Человек может так сильно любить свою профессию, что она в его глазах искупает тысячу недостатков.

— Но нельзя так любить свою профессию, чтобы забыть обо всем на свете. Мой отец хочет выдать меня за солдата, но в Осуиго нет такого солдата, которого он мог бы пожелать мне в мужья. У меня затруднительное положение, Джаспер: я недостаточно хороша, чтобы стать женой джентльмена, офицера, и слишком хороша — полагаю, Джаспер, что даже вы это признаете, — чтобы стать женой простого солдата.

Говоря с полной откровенностью, Мэйбл покраснела, сама не зная отчего, но в темноте ее собеседник не заметил этого. Она смущенно рассмеялась, словно чувствуя, что, как бы ни была щекотлива эта тема, она заслуживает беспристрастного обсуждения.

Джаспер, по-видимому, смотрел на место, занимаемое Мэйбл в обществе, иначе, чем она сама.

— Правда, Мэйбл, — сказал он, — вас нельзя назвать леди... в обычном смысле этого слова...

— Ни в каком смысле, Джаспер, — горячо перебила его правдивая девушка, — на этот счет я несколько не обольщаюсь. Волею бога я дочь сержанта и вполне довольна положением, предназначенным мне по рождению.

— Но ведь не все остаются в том положении, в каком родились, Мэйбл, некоторые возвышаются над ним, а иные падают ниже. Многие сержанты стали офицерами, даже генералами, так почему же дочь сержанта не может стать леди, выйдя замуж за офицера?

— Что касается дочери сержанта Дунхема, то хотя бы потому, что едва ли найдется офицер, который пожелает на ней жениться, — со смехом ответила Мэйбл.

— Вы полагаете? Но кое-кто в Пятьдесят пятом полку думает иначе, а один офицер из этого полка действительно хочет на вас жениться. Мэйбл.

Быстро, как вспыхивает молния, в памяти Мэйбл промелькнули лица пяти или шести младших офицеров гарнизона, у которых, судя по их возрасту и склонностям, скорее всего, могло бы появиться такое желание; и, пожалуй, ее облик был бы неполным, если бы мы скрыли, что мысль о возможности возвыситься над своим положением доставила ей живейшее удовольствие; хоть она и говорила, что довольна своим уделом, но сознавала, что по своему воспитанию и образованию достойна лучшего. Однако это чувство было столь же мимолетным, как и неожиданным, потому что Мэйбл Дунхем была девушкой слишком чистой и по-женски пронизательной, чтобы смотреть на брачные узы только с точки зрения преимуществ положения в обществе. Это мгновенно исчезнувшее чувство было отголоском представлений, привитых воспитанием, тогда как более устойчивое мнение, которого она держалась, вытекало из существа ее натуры и ее принципов.

— Я не знаю ни одного офицера ни в Пятьдесят пятом, ни в каком-нибудь другом полку, который хотел бы сделать такую глупость. И я сама не совершу подобной глупости и не выйду замуж за офицера.

— Глупость, Мэйбл!

— Да, Джаспер, глупость. Вам известно не хуже, чем мне, как общество смотрит на такие браки, и я была бы огорчена, очень огорчена, если бы убедилась, что мой муж хоть раз пожалел, что, поддавшись увлечению хорошеньким личиком и стройной талией, женился на дочери человека низкого звания, на дочери сержанта.

— Ваш муж, Мэйбл, вряд ли станет думать об отце, он больше будет думать о дочери.

Девушка говорила горячо и не без некоторого задора, но после вставленного Джаспером замечания она почти целую минуту не могла вымолвить ни слова. Затем продолжала уже далеко не так игриво, и внимательный слушатель уловил бы в ее тоне легкую грусть:

— Отец и дочь должны жить душа в душу, у них должно быть согласие в мыслях и чувствах. Общность взглядов необходима не только для супружеского счастья, но и для счастья других близких людей. А самое главное, ни у мужа, ни у жены не должно быть никаких особенных причин чувствовать себя несчастными — на свете и без того много горя.

— Должен ли я заключить, Мэйбл, что вы отказали бы офицеру только потому, что он офицер?

— А имеете ли вы право задавать мне такие вопросы, Джаспер? — улыбаясь, спросила Мэйбл.

— Никакого иного права, кроме горячего желания видеть вас счастливой, а этого, конечно, очень мало. Я стал еще сильнее тревожиться, когда случайно узнал, что ваш отец намерен выдать вас замуж за лейтенанта Мюра.

— Такого нелепого, такого жестокого намерения не может быть у моего дорогого отца.

— Значит, по-вашему, жестоко желать, чтобы вы стали женой квартирмейстера?

— Я уже говорила вам, что я об этом думаю, и не могу сказать ничего более убедительного. Мой откровенный ответ, Джаспер, дает мне право спросить вас, каким образом вам стало известно намерение моего отца.

— Я знаю от него самого, что он уже выбрал вам мужа. Он не раз говорил мне об этом, когда наблюдал за погрузкой провианта и мы с ним подолгу беседовали. Мистер Мюр мне тоже говорил, что хочет посвататься к вам. Сопоставив все это, я пришел к выводу, о котором и сообщил вам.

— А может быть, мой дорогой батюшка... — начала Мэйбл, ее лицо пылало, она говорила, медленно роняя слова, как бы повинуюсь произвольному движению души. — Может быть, мой дорогой батюшка думал о другом человеке? Из ваших слов совсем не следует, что у него на уме был мистер Мюр.

— А разве это не видно по всему, Мэйбл? Что привело сюда квартирмейстера? Прежде он никогда не считал нужным сопровождать отряды, направлявшиеся к островам. Он задумал на вас жениться, а ваш отец решил выдать вас за него. Неужели вы не видите, что мистер Мюр ухаживает за вами, Мэйбл?

Мэйбл ничего не ответила. Женский инстинкт, конечно, подсказывал ей, что она нравится квартирмейстеру, но она не предполагала, что в такой степени, как думал Джаспер. Из бесед с отцом Мэйбл давно уже догадалась, что он всерьез помышляет о ее замужестве; но, как ни обдумывала она его слова, она не могла прийти к заключению, что его выбор пал на мистера Мюра. Мэйбл и сейчас этому не верила и все же была далека от истины. Из случайных и подчас удивлявших ее замечаний отца она уловила, что он вообще хочет устроить ее судьбу, но она не думала, что его выбор уже сделан. Все эти мысли она хранила про себя. Чувство собственного достоинства и женская сдержанность подсказывали ей, что было бы неуместно обсуждать этот вопрос с Джаспером. После наступившего молчания, такого долгого, что оба собеседника почувствовали себя неловко, Мэйбл переменяла разговор, сказав:

— В одном вы можете быть уверены, Джаспер, и больше я ничего не скажу об этом: лейтенант Мюр, будь он даже полковник, никогда не станет мужем Мэйбл Дунхем. А теперь расскажите мне о нашем плавании. Когда оно кончится?

— Не знаю. На воде зависишь от ветра и волн. Следопыт скажет вам, что, погнавшись утром за оленем, он никогда не ведает, где застанет его ночь.

— Но мы ведь не гонимся за оленем, и теперь не утро, и опыт Следопыта тут ни при чем.

— Хоть мы и не преследуем оленя, но гонимся за добычей, которую так же трудно настигнуть. Больше я ничего не могу вам сообщить. Наша обязанность — молчать, безразлично, зависит от этого что-нибудь или нет. Боюсь, однако, что долго не удержу вас на "Резвом", чтобы показать вам, на что он способен и в ведро и в непогоду.

— По-моему, выйти замуж за матроса может только неразумная девушка! — вырвалось у Мэйбл.

— Станный взгляд. Почему вы так решили?

— Потому что жена моряка может быть уверена, что ее муж всегда будет делить свою любовь между нею и своим кораблем. Дядюшка Кэп тоже говорит, что матрос не должен жениться.

— Он имеет в виду матросов, плавающих по морям, — со смехом ответил Джаспер. — Если, по его мнению, ни одна женщина не достойна стать женою матроса, плавающего по

океанам, то для озерного матроса хороша любая. Надеюсь, Мэйбл, вы не составите себе представления о нас, пресноводных матросах, по речам мистера Кэпа?

— Эй, смотрите, парус! — воскликнул тот, о котором только что шла речь. — Шлюпка, если уж быть точным.

Джаспер побежал на нос. Действительно, впереди куттера, в ста ярдах от него, с подветренной стороны можно было заметить какой-то небольшой предмет. С первого же взгляда Джаспер увидел, что это пирога. Хотя ночью невозможно различить цвета, но глаза, привыкнув к темноте, с небольшого расстояния различают форму предмета, а от зоркого и опытного глаза Джаспера даже издали не укрылись очертания пироги.

— Должно быть, это враг, — заметил молодой человек. — Хорошо бы его захватить.

— Он гребет во всю мочь, — заметил Следопыт, — видно, собирается проскочить у нас под носом и пойти против ветра, тогда гнаться за ним все равно, что на лыжах преследовать матерого оленя!

— Держать круче к ветру! — крикнул Джаспер рулевому. — Держать круче, до отказа! Так, так держать!

Рулевой повиновался, и "Резвый", весело разрезая воду, спустя минуту или две оставил челн так далеко под ветром, что тот уже не мог от него ускользнуть. Джаспер сам схватил руль, ловким и осторожным маневром подвел куттер почти вплотную к пироге, и ее удалось зацепить багром. Там было два человека.

Им приказали подняться на борт куттера, и, когда они появились на палубе, все увидели, что это Разящая Стрела и его жена.

Глава XV

*Поведай мне, так что это за жемчуг,
Который богачи купить не могут,
Мудрец надменный поднимать не станет,
А бедняки, отвергнутые всеми,
Его подчас нетронутым находят?
Скажи, и я отвечу, что есть правда.*
Каупер. "Третья загадка"

Встреча с индейцем и его женой несколько не удивила большую часть общества, находившегося на палубе, однако у Мэйбл и тех, кто видел, как индеец сбежал от Кэпа и его спутников, зародилось подозрение, которое легче было почувствовать, чем доказать его справедливость. Один Следопыт свободно говорил на языке пленников — только так теперь их можно было рассматривать, — поэтому он отвел Разящую Стрелу в сторону и завел с ним длинный разговор о том, почему тот покинул людей, порученных его попечению, и где он с тех пор пропадал.

Тускарора спокойно выслушал эти вопросы и ответил на них с присущим индейцам самообладанием. Свое бегство он объяснил весьма просто и, казалось, довольно правдоподобно. Когда он увидел, что открыт тайник, где прятался отряд Кэпа, он, естественно, прежде всего подумал о своей безопасности и скрылся в лесной чаще в полной уверенности, что всех, кто не последует его примеру, перебьют на месте. Одним словом, он бежал, спасая свою жизнь.

— Так, — ответил Следопыт, делая вид, будто верит индейцу. — Брат мой поступил мудро, но за ним последовала его жена?

— А разве жены бледнолицых не следуют за своими мужьями? Разве Следопыт не оглянулся бы назад, чтобы посмотреть, идет ли за ним та, которую он любит?

Эти слова упали на благодатную почву и возымели свое действие на Следопыта. Мэйбл с ее приветливым, нравом, постоянно бывшая с ним рядом, все больше и больше овладевала его мыслями. Тускарора понял, что его объяснение признано убедительным, но не догадался почему; он стоял с видом спокойного достоинства в ожидании других вопросов.

— Это разумно и естественно, — ответил Следопыт по-английски, невольно переходя, по привычке, с одного языка на другой. — Это естественно, так оно и бывает. Женщина должна следовать за мужчиной, которому она поклялась в верности, муж и жена — единая плоть. Мэйбл тоже последовала бы за сержантом, если бы он находился там и отступил бы подобным образом; нельзя сомневаться, что девушка с таким любящим сердцем последовала бы за своим мужем! Слова твои искренни, тускарора, — продолжал Следопыт, снова переходя на индейское наречие. — Слова твои искренни, приятны и правдоподобны. Но почему брат мой так долго не возвращался в гарнизон? Друзья часто вспоминали его, но так и не дождались.

— Если лань следует за оленем, не должен ли олень следовать за ланью? — ответил тускарора с улыбкой, многозначительно коснувшись пальцем плеча Следопыта. — Жена Разящей Стрелы пошла за Разящей Стрелой, и он делать правильно, когда пошел за женой. Она заблудилась, и ее заставили варить еду в чужой вигвам.

— Я понял тебя, тускарора. Женщина попала в лапы мингов, и ты пошел по их следу.

— Следопыт видит причину так же ясно, как он видит мох на деревьях. Так и было.

— Давно ли ты выручил жену из беды, и как это тебе удалось?

— Два солнца. Июньская Роса не мешкал, когда муж тайком указал ей тропу.

— Да, да, все это похоже на правду, супруги так и должны поступать. Но скажи, тускарора, как ты раздобыл пирогу и почему ты греб по направлению к Святому Лаврентию, а не к гарнизону?

— Разящая Стрела знай свое и чужое. Эта пирога моя. Я нашел ее на берегу, у крепости.

"Тоже разумно. Должна же пирога кому-нибудь принадлежать, и любой индеец без зазрения совести присвоит ее себе. Но странно, почему мы не видели их, ни его самого, ни жены его — ведь пирога должна была выйти из реки раньше нас".

Когда эта мысль промелькнула в голове у проводника, он спросил об этом индейца.

— Следопыт знает, что и воину бывает стыдно. Отец потребовать у меня свою дочь, а я не знал бы, что ему ответить. И я послал за пирогой Июньскую Росу, никто ее ни о чем не расспрашивал. Женщины из племени тускарора не ведут разговор с чужой человек.

Все это казалось правдоподобным и соответствовало характеру и обычаям индейцев. Разящая Стрела, как водится, получил половину своего вознаграждения прежде, чем покинул Мохок; а то, что он не просил остальной суммы, служило доказательством его добросовестности и уважения к взаимным правам обеих сторон; эти качества отличают нравственные правила дикарей в такой же мере, как и христиан. Прямодушному Следопыту показалось, что Разящая Стрела вел себя осторожно и пристойно, хотя при своем открытом характере сам он предпочел бы пойти к отцу девушки и рассказать все, как было. Однако, привыкнув к повадкам индейцев, Следопыт не видел в поведении Разящей Стрелы ничего странного.

— Речь твоя течет, как вода с горы, Разящая Стрела, — ответил он после краткого размышления, — что верно, то верно. На такой поступок способны краснокожие, но не думаю, чтобы его одобрили бледнолицые. Ты не хотел видеть, как скорбит отец девушки?

Разящая Стрела слегка наклонил голову, как бы в знак согласия.

— Брат мой должен сказать мне еще одно, — продолжал Следопыт, — и тогда между его вигвамом и крепким домом ингиза больше не будет ни единого облака. Если ему удастся рассеять своим дыханием последние клочья тумана, его друзья увидят, как он сядет у своего огня, а он увидит, как они отложат оружие в сторону и забудут, что они воины. Почему пирога Разящей Стрелы была обращена к Святому Лаврентию, где нет никого, кроме врагов?

— А почему та сторона смотрит Следопыт и его друзья? — невозмутимо спросил тускарора. — Тускарора может глядеть туда же, куда смотрит ингиз.

— Что ж, сказать правду. Разящая Стрела, мы здесь вроде как в разведке... то есть плывем... одним словом, выполняем поручение короля, и мы вправе быть здесь, хоть и не вправе говорить, почему мы здесь.

— Разящая Стрела увидел большую лодку, и ему нравится смотреть на лицо Пресной Воды. Вечером он плыл к солнцу, возвращаясь в свой вигвам, но, когда увидел, что молодой матрос держит путь в другую сторону, повернул туда же. Пресная Вода и Разящая Стрела вместе шли в последний раз по следу.

— Может быть, все это чистая правда, тускарора, и, если так, ты у нас желанный гость. Ты отведаешь оленины, а потом мы расстанемся. Солнце садится быстро у нас за спиной, и мы идем вперед: брат мой слишком далеко уйдет от того места, которое ищет, если не повернет обратно.

Следопыт вернулся к своим спутникам и сообщил им все, что ему удалось узнать. Сам он готов был поверить рассказу Разящей Стрелы, хотя и признавал, что не мешает быть осторожным по отношению к человеку, который внушал ему неприязнь. Но его слушатели, кроме Джаспера, были мало расположены верить объяснениям индейца.

— Этого молодца нужно тотчас же заковать в кандалы, братец, — сказал Кэп, едва Следопыт кончил свой рассказ — Его следует передать под охрану судового полицейского, если они вообще бывают на пресной воде, а как только мы достигнем гавани, судить военным судом.

— Я думаю, что самое разумное — задержать его, — ответил сержант, — но, пока он находится на куттере, кандалы не потребуются. А утром мы его допросим.

Разящую Стрелу позвали и объявили ему принятое решение. Индеец выслушал его с мрачным видом, но не возражал. Напротив, он покорился своей участи со спокойным и скромным достоинством, каким отличаются коренные жители Америки. Стоя в стороне, он внимательно и бесстрастно наблюдал за всем происходящим. Джаспер повернул куттер, паруса надулись, и "Резвый" снова взял свой прежний курс.

Наступил час вахты и отхода ко сну. Почти все ушли вниз, на палубе оставались только Кэп, сержант, Джаспер и два матроса.

Здесь же, немного поодаль, стояли Разящая Стрела с гордой осанкой и его жена, равнодушная поза которой говорила о кроткой покорности, свойственной индейской женщине.

— Для твоей жены. Разящая Стрела, найдется место внизу, там о ней позаботится моя дочь, — приветливо сказал сержант, собираясь тоже уйти с палубы, — а сам ты можешь лечь вот на том парусе.

— Благодарю отца моего. Тускароры не бедняки. Она возьмет из пироги одеяла.

— Как хочешь, друг мой. Мы считаем необходимым задержать тебя, но не собираемся тебя в чем-нибудь ограничивать или притеснять. Пошли свою скво за одеялами, можешь и сам спуститься в пирогу и передать нам оттуда весла. На всякий случай. Пресная Вода, если на "Резвом" сон сморит людей, — понизив голос, прибавил сержант, — лучше отобрать у него весла.

Джаспер согласился. Разящая Стрела с женой, по-видимому, не помышляли о сопротивлении и молча повиновались приказанию. Из пироги слышались недовольные замечания индейца, обращенные к жене; она кротко приняла их и стала послушно исправлять допущенную ею оплошность, отложив в сторону одеяло и разыскивая другое, по мнению ее повелителя, более подходящее.

— Ну, давай руку, Разящая Стрела, — сказал сержант, стоя у борта и наблюдая за их движениями, казавшимися ему слишком медлительными, потому что у него у самого смыкались глаза. — Уже поздно, а мы, солдаты, привыкли по сигналу рано ложиться и рано вставать.

— Разящая Стрела идет. — раздалось в ответ, и тускарора шагнул на нос пироги.

Одним взмахом острого ножа индеец перерезал канат, державший пирогу на буксире. Куттер продолжал идти вперед, тогда как ореховая скорлупа, мгновенно замедлив ход, осталась почти недвижимой. Этот маневр был проделан так внезапно и быстро, что, прежде чем сержант разгадал хитрость, пирога уже находилась в четверти лиги в кильватере куттера и успела уже отстать от "Резвого", когда он сообщил своим спутникам о случившемся.

— Круче к ветру! — закричал Джаспер, собственноручно натягивая кливер.

Куттер быстро повернул против ветра, все его паруса заполоскали, "ветер дул ему в лоб", как говорят моряки, и легкое суденышко отклонилось на сто футов от своего прежнего курса. Как ни ловко и быстро все это было сделано, тускарора действовал еще проворнее. Он схватил весло и начал грести с большой сноровкой и опытностью. Жена ему помогала, и пирога быстро скользила по воде. Он гнал ее по ветру на юго-запад, в сторону берега, держась как можно дальше от куттера, чтобы тот не мог его настигнуть, когда переменит галс. Как ни быстро "Резвый" рванулся вперед по ветру и как ни далеко он ушел, Джаспер знал, что ему скоро придется лечь в дрейф, чтобы не слишком отклоняться от своего курса. Не прошло и двух минут, как руль был положен налево, и легкое судно уже дрейфовало, чтобы повернуть на другой галс.

— Он уйдет! — сказал Джаспер, одним взглядом определив относительное положение куттера и пироги. — Ловкий негодяй гребет против ветра, и "Резвому" его не догнать!

— У нас есть шлюпка! — воскликнул сержант, с юношеским задором собираясь ринуться вдогонку за Разящей Стрелой. — Скорее спустим ее и погонимся за ним!

— Бесплезно. Если бы на палубе был Следопыт, пожалуй, еще можно было бы попытаться, а без него ничего не выйдет. Пока спустим шлюпку, пройдет три или четыре минуты, а для Разящей Стрелы этого времени вполне достаточно, чтобы скрыться.

И Кэп и сержант видели, что Джаспер прав; в этом не усомнился бы даже и неопытный мореплаватель. До берега оставалось менее полумили, и пирога скользила в его тени с такой быстротой, что могла бы пристать к нему раньше, чем преследователи прошли бы половину расстояния. Возможно, удастся захватить пустую пирогу, но это будет никому не нужная победа. Даже если пирога и останется у Разящей Стрелы, ему безопаснее не появляться на озере, а пробраться тайком к другому берегу лесом, хотя это и более утомительно.

Руль на "Резвом" пришлось положить опять направо, и куттер, круто повернувшись, пошел другим галсом, словно живое существо, увлекаемое инстинктом. Джаспер проделал все это в полном молчании, его помощники сами знали свои обязанности и действовали с точностью машин. Тем временем, пока на куттере происходили все эти маневры, Кэп взял сержанта за пуговицу и повел его к двери каюты, где никто не мог их услышать, и там открыл неиссякаемый кладезь своей премудрости.

— Послушай, брат Дунхем, — сказал он со зловещим видом, — этот случай требует зрелого размышления и большой осмотрительности.

— Жизнь солдата, братец Кэп, такова, что требует непрерывного размышления и осмотрительности. Если бы на этой границе мы пренебрегали тем или другим и зевали бы, с наших голов давно уже содрали бы скальпы.

— Но поимку Разящей Стрелы я считаю одним "обстоятельством", а его побег — другим. За них должен ответить... как его там... Джаспер — Пресная Вода!

— Это и в самом деле "обстоятельства", брат, но противоречивые. Побег индейца — обстоятельство, говорящее против парня, а то, что он задержал индейца, — обстоятельство в его пользу.

— Нет, нет, одно обстоятельство нисколько не исключает другое, подобно двум отрицаниям. Если хочешь последовать совету старого моряка, сержант, то, не теряя ни секунды, прими меры, необходимые для безопасности судна и всех, кто находится на его борту. Куттер бежит со скоростью шести узлов, а расстояния на этом пруду очень короткие, поэтому к утру мы можем очутиться во французской гавани, а к вечеру — во французской тюрьме.

— А это, пожалуй, верно. Как же ты посоветуешь мне поступить, шурин?

— Я нахожу, что ты должен сразу же посадить мастера Пресную Воду под замок; отправь его вниз и приставь к нему стражу, а командование куттером передай мне. Ты имеешь на это полное право, судно принадлежит армии, а ты командуешь находящимися на нем войсками.

Сержант Дунхем более часа размышлял над этим предложением. Он умел действовать

быстро, когда приходил к определенному решению, но принимал его обдуманно и осторожно. Постоянное наблюдение за солдатами гарнизона, вошедшее в привычку, позволило ему узнать характер каждого, и у него давно сложилось о Джаспере хорошее мнение. Но тонкий яд подозрения уже проник в его душу. Неудивительно, что острое и, казалось, обоснованное недоверие, а также страх перед интригами и уловками французов и, кроме того, особое предупреждение майора Дункана вытеснили в его душе воспоминание о годах безупречного поведения Джаспера. Попав в такое затруднительное положение, сержант решил посоветоваться с квартирмейстером, с мнением которого как старшего по чину он полагал себя обязанным считаться, хотя в настоящее время и не находился в его подчинении. Не годится человеку, который сомневается при выборе решения, брать в советчики того, кому хочется расположить его в свою пользу; в таких случаях спрошенный почти наверняка постарается выразить мнение, совпадающее с мнением того, кто спрашивает. В данном случае дело осложнилось тем, что Кэп уже успел рассказать лейтенанту Мюру о происшествии по-своему, и это мешало беспристрастному изложению дела. Старый моряк в своем рвении не преминул намекнуть квартирмейстеру, на чью сторону он желал бы того склонить. И, если даже лейтенант Мюр испытывал некоторые сомнения, он был слишком расчетлив и хитер, чтобы вызвать недовольство и дяди и отца девушки, чьей руки он надеялся добиться. Все события были представлены ему в таком свете, что он согласился с мыслью о необходимости временно передать командование "Резвым" Кэпу в качестве меры предосторожности. Мнение, высказанное Мюром, заставило сержанта прийти к окончательному решению, которое он сразу принялся осуществлять.

Не вдаваясь ни в какие объяснения, сержант Дунхем просто заявил Джасперу, что считает своим долгом временно отстранить его от командования куттером, которое он передает своему шурину. На невольное и вполне естественное изумление, выраженное Джаспером, он ответил спокойным замечанием, что военная служба требует тайны и что характер возложенного на него поручения делает эту меру необходимой. Хотя удивление Джаспера несколько не уменьшилось, так как сержант предусмотрительно и в виду не подал о своих подозрениях, молодой человек, привыкший к военной дисциплине, подчинился приказу. Он сам объявил своей маленькой команде, что впредь, до особого приказа, она должна выполнять все распоряжения Кэпа. Однако, когда Джасперу было сказано, что отстраняется не только он, но и главный его помощник, которого за долгое плавание по озеру прозвали лоцманом, он изменился в лице от глубокой обиды, но так быстро овладел собой, что даже подозрительный Кэп ничего не заметил. Само собой разумеется, что при существующих подозрениях довольно было ничтожного повода для самых худших предположений.

Как только Джаспер с лоцманом ушли с палубы вниз, часовому, которого поставили у люка, было отдано секретное предписание внимательно следить за обоими и не позволять им выходить на палубу без ведома командира куттера, а также требовать их скорейшего возвращения в каюту. Однако все эти предосторожности оказались излишними. Джаспер и его помощник молча бросились на свои койки и не поднимались с них до самого утра.

— Ну, а теперь, сержант, — сказал Кэп, став хозяином судна, — будь добр, сообщи мне курс и расстояние, чтобы я вел куттер в нужном направлении.

— Я и понятия о них не имею, — ответил Дунхем, немало озадаченный этим вопросом. — Мы должны как можно скорее добраться до стоянки у одного из Тысячи Островов, где "высадимся, сменив отряд, который там находится, и получим указания относительно наших дальнейших действий". Так почти слово в слово написано в приказе.

— Но ты умеешь набросать карту, наметить какие-нибудь точки и расстояния, чтобы я мог проложить курс?

— По-моему, Джаспер ничем этим не пользовался, а просто шел, как нужно.

— У него не было карты, сержант Дунхем?

— Ни карты, ни даже огрызка пера. Наши моряки плавают по этому озеру, не пользуясь картами.

— Что за чертовщина! Настоящие дикари! И ты полагаешь, сержант Дунхем, что я смогу найти хоть один остров из тысячи, не зная ни его названия, ни местоположения, ни даже курса и расстояния?

— Что до названия, брат Кэп, то его никто не знает, ни у одного острова из всей тысячи его нет, поэтому тут ошибки быть не может. Что же до местоположения, то никогда я там не бывал и ничего не могу тебе о нем сказать, но не думаю, что это так уж важно, если только мы найдем острова. Не укажет ли нам путь кто-нибудь из команды?

— Погоди, сержант, погоди минутку, сержант Дунхем. Если я буду командовать этим судном, то не стану держать военный совет с коком или юнгой. Командир корабля — это командир корабля, и он должен иметь собственное суждение, хотя бы даже ложное. Ты опытный служака и понимаешь, что лучше командиру идти неправильным курсом, чем вообще никуда не идти. Сам лорд первый адмирал не мог бы с достоинством командовать судном, если бы спрашивал совета у рулевого всякий раз, когда хотел бы выйти на берег. Нет, сэр, если мне суждено пойти ко дну, ничего не попишешь! Но, черт побери, я и ко дну пойду как моряк, с достоинством!

— Постой, зять, я никуда не хочу идти, кроме поста у Тысячи Островов, куда нас послали.

— Ну-ну, сержант, чем спрашивать совета, прямого совета у какого-то там матроса, лучше я обойду всю тысячу и осмотрю все острова один за другим, пока не найду того, который нам нужен. Но есть еще один способ составить себе мнение и не проявить невежества: надо выведать у этих матросов все, что они знают, я-то уж сумею все из них выудить, а они будут думать, что нет человека опытнее меня. В море иногда приходится смотреть в подзорную трубу, когда и глядеть-то не на что, или бросать лот задолго до того, как нужно измерить глубину. И у вас в армии, сержант, известно, как важно не только знать, но и делать вид, будто все знаешь. В молодости я дважды плавал с капитаном, который управлял судном именно таким способом; иногда это помогает.

— Я знаю, что сейчас у нас правильный курс, — сказал сержант, — но через несколько часов мы будем у мыса, откуда нужно продвигаться с большой осторожностью.

— Дай-ка я выкачаю из рулевого все, что он знает. Увидишь, не пройдет и нескольких минут, как у него развяжется язык.

Кэп в сопровождении сержанта пошел на корму и остановился около рулевого, сохраняя самоуверенный и спокойный вид человека, знающего себе цену.

— Здорово дует, сынок! — произнес он снисходительно, как капитан, устаивающий беседой подчиненного, к которому благоволит. — А что, у вас тут каждую ночь поддувает такой береговой ветерок?

— Да, в это время года, сэр, — ответил матрос, прикоснувшись рукой к шляпе в знак уважения к новому капитану и к тому же родственнику сержанта Дунхема.

— И у Тысячи Островов, полагаю, будет такой же. Скорее всего, ветер не переменится, хотя со всех сторон у нас будет суша.

— Когда мы пройдем дальше на восток, сэр, ветер может перемениться, там нет настоящего берегового ветра.

— Вот тебе и внутреннее море! Оно всегда может сыграть с тобой шутку вопреки всем законам природы. А сказать к примеру, среди островов Вест-Индии можно одинаково полагаться и на береговой и на морской ветер. Там в этом отношении нет никакой разницы, но вполне понятно, что здесь, в этой пресноводной луже, все по-другому. Ты, конечно, все знаешь, любезный, об этой Тысяче Островов?

— Упаси бог, мастер Кэп, никто о них ничего не знает. Это сущая головоломка и для старых матросов на этом озере. Мы и названий их не знаем. Почти все они без имени, как младенцы, что померли некрещеными.

— Ты католик? — резко спросил сержант.

— Нет, сэр, я человек равнодушный к религии и никогда не тревожусь о том, что меня не тревожит.

— Гм! Равнодушный! Должно быть, это одна из новых сект, от которых столько бед в нашей стране! — проворчал Дунхем; дед его был квакером из Нью-Джерси, отец — пресвитерианином²⁸, а сам он, вступив в армию, примкнул к англиканской церкви.

— Итак, Джон, — продолжал Кэп, — или, кажется, тебя зовут Джек?

— Нет, сэр, меня зовут Роберт.

— Да, да, Роберт, но это все равно, что Джек или Боб. Оба имени хороши. Скажи, Боб, а там, куда мы идем, хорошая якорная стоянка?

— Бог с вами, сэр! Мне известно о ней не больше, чем какому-нибудь мохоку или солдату Пятьдесят пятого полка.

— Вы никогда не бросали там якорь?

— Никогда, сэр. Мастер Пресная Вода всегда пристаёт прямо к берегу.

— Но, прежде чем подойти к городу, вы, конечно, бросаете лот и, как водится, смазываете его салом?²⁹

— Сало! Город! Господь с вами, мастер Кэп, города там нет и в помине, а сала вполтину меньше, чем у вас на подбородке.

Сержант криво усмехнулся в ответ на шутку, но его шурина этого не заметил.

— Неужто там нет ни церковной колокольни, ни маяка, ни крепости? Но есть же там, по крайней мере, гарнизон, как вы здесь говорите?

— Если хотите знать, спросите сержанта Дунхема, сэр! Весь гарнизон — на борту "Резвого".

— Но через какую протоку, Боб, по-твоему, удобнее подойти к острову — через ту, по которой ты шел в последний раз, или... или... или через другую?

— Не могу сказать, сэр. Я не знаю ни той, ни другой.

— Но не спал же ты у штурвала, дружище?

— Не у штурвала сэр, а на баке, на своей койке. Пресная Вода отправлял нас вниз вместе с солдатами, всех, кроме лоцмана, и мы понятия не имеем об этом переходе. Он всегда так поступал, подходя к островам и уходя от них. И, хоть убейте, я ровно ничего не знаю ни о протоке, ни о том, какой курс брать у островов. Это знают только Джаспер и лоцман.

— Вот тебе и "обстоятельство", сержант! — сказал Кэп, отходя с зятем в сторону. — Здесь на судне сведений-то и выкачивать не у кого; едва возьмешься за ручку насоса, как через край уже бьет невежество. Как же, черт побери, смогу я найти путь к этому посту?

— То-то и дело, брат Кэп, легче задать вопрос, чем на него ответить. А разве нельзя как-нибудь вычислить курс? Я думал, что для вас, океанских моряков, это сушая безделица! Мне часто приходилось читать о том, как они открывали острова.

— Читать-то ты читал, брат, но мое открытие будет самым великим, потому что я открою не просто какой-то остров, а один остров из тысячи. Если бы на палубу уронили иголку, я бы ее нашел, хоть я и немолод, но вряд ли мне удалось бы найти иголку в стоге сена.

— Однако моряки, плавающие по этому озеру, каким-то образом находят нужные им места.

— Если я не ошибаюсь, сержант, местоположение этого поста или блокгауза держится в строгой тайне?

— Да, и принимаются все меры предосторожности, чтобы враг не мог узнать, где он находится.

²⁸ Квакер — член протестантской секты, распространенной в Англии и в Америке. Пресвитерианин — последователь одной из разновидностей протестантского вероучения, также распространенной в Англии и в Америке.

²⁹ Грузило лота смазывали салом, чтобы к нему прилипали частицы грунта со дна; грунт тоже помогал определять место судна в море.

— И ты надеешься, что я, человек, незнакомый с вашим озером, найду это место без карты, не зная ни курса, ни расстояния, ни широты, ни долготы, без промера и, черт побери, без сала! Позволь тебя спросить, не думаешь ли ты, что моряк ведет корабль нюхом, как собака Следопыта?

— Все-таки, брат, ты мог бы кое-что узнать, расспросив рулевого. Мне сдается, что этот молодец только прикидывается, будто ничего не знает.

— Гм! Все это смахивает на новое "обстоятельство". Право, "обстоятельств" накопилось столько, что трудно докопаться до истины. Но мы выводим, что знает этот парень.

Кэп и сержант вернулись на прежнее место около штурвала, и моряк возобновил свои расспросы.

— А ты ненароком не знаешь широты или долготы этого острова, паренек? — спросил он.

— Чего, сэр?

— Широты или долготы, а может быть, той и другой, это безразлично. Мне просто любопытно, как на пресной воде обучают молодых матросов.

— Мне и самому безразлично, сэр, только я никак не пойму, что вы хотите сказать.

— Что я хочу сказать? А ты знаешь, что такое широта?

— Не-ет, сэр, — нерешительно ответил матрос. — Впрочем, кажется, это французское название верхних озер.

Кэп даже присвистнул и запыхтел, как мехи испорченного органа.

— Широта — французское название верхних озер! А не знаешь ли ты, что такое долгота, сынок?

— Кажется, знаю, сэр. Пять с половиной футов, уставный рост для солдат на службе его величества.

— Вот тебе и долгота, сержант! Он нашелся так же быстро, как брас поворачивает рею! А что такое градусы, минуты и секунды, ты уж наверняка знаешь?

— Да, сэр, уж градусы-то я знаю, а минуты и секунды — это длинные и короткие лаглини³⁰. Тут мы не собьемся — не хуже морских матросов.

— Черт побери, брат Дунхем, вера и та не поможет на этом озере, хоть и говорят, что она горами двигает. Будь ты семи пядей во лбу, ничего тут не сделаешь. Ладно, паренек, а не разбираешься ли ты в азимутах, в вычислении расстояния и в чтении показаний компаса?

— Насчет первого не скажу, сэр, а вот расстояния все мы знаем, мы их отмеряем от одной точки до другой. Ну, а по части чтения по компасу я заткну за пояс любого адмирала флота его величества. Норд, норд к осту, норд, норд-ост, норд-ост к норду, норд-ост; норд-ост к осту, ост-норд-ост, ост к норд-норд-осту, сэр...

— Хватит, хватит! От твоих заклинаний еще ветер переменится. Сержант, для меня все ясно, — сказал Кэп, опять отойдя и понизив голос, — нам нечего надеяться выудить что-нибудь из этого парня. Еще часа два я буду держаться прежнего курса, а затем лягу в дрейф и брошу лот, а там уж будем действовать в зависимости от обстоятельств.

Сержант не стал возражать, будучи весьма чувствительным к этому слову. Час был поздний, и ветер, как всегда к ночи, стал утихать; поэтому, не видя в ближайшем будущем никаких помех для дальнейшего плавания, старый ветеран устроил себе из паруса тут же, на палубе, постель и вскоре заснул крепко, как спят солдаты. Кэп продолжал прохаживаться по палубе. При его железном здоровье усталость была ему нипочем, и он всю ночь так и не сомкнул глаз.

Сержант проснулся, когда уже давно наступил день, и восклицание изумления, вырвавшееся у него, едва он вскочил на ноги и осмотрелся вокруг, было слишком громким

³⁰ Прибор для измерения скорости судна, лаг, в те времена состоял из деревянной плашки с привязанной к ней длинной веревкой — лаглинем. На лаглине через каждые 15 метров были завязаны узлы.

даже для человека, который привык, чтобы все слышали его зычный голос. Погода резко переменилась. Туман со всех сторон застлал горизонт, видно было только на полмили вокруг, покрытое пеной озеро бушевало. "Резвый" лежал в дрейфе. Из короткого разговора со своим шурином сержант узнал, как совершилась эта удивительная и внезапная перемена.

По словам Кэпа, к полуночи ветер совсем стих. Он собирался лечь в дрейф и бросить лот, потому, что впереди уже вырисовывались острова, как вдруг около часа ночи задул северо-восточный ветер с дождем; тогда он взял курс на северо-запад, зная, что нью-йоркский берег находится на противоположной стороне. В половине второго он спустил стаксель, зарифил грот, бинет. В два ему пришлось взять второй кормовой риф, в половине третьего — остальные рифы и лечь в дрейф.

— Говорить нечего, сержант, судно ведет себя хорошо, но ветер дует с силой выпущенного из пушки ядра весом в сорок два фунта! Никак я не думал, что подобный шквал может налететь здесь, в этакой луже, как ваше пресноводное озеро, за которое я бы и гроша ломаного не дал. Впрочем, у него теперь более естественный вид, и если бы... — он с отвращением выплюнул воду, попавшую ему в рот, когда его лицо обдало брызгами, — и если бы еще эта проклятая вода была соленой, все было бы отлично.

— А сколько времени мы идем этим курсом, шурин, — осведомился осторожный солдат, — и с какой скоростью?

— Да часа два, а то и три. Первое время куттер несся, как добрый рысак. Но теперь-то мы на открытом месте. Сказать правду, соседство этих островов мне не понравилось, хоть они были и с наветренной стороны, я сам стал к рулю и на лигу или на две отвел от них судно на простор. Ручаюсь, теперь мы у них под ветром. Я говорю "под ветром", потому что иногда даже неплохо иметь с наветренной стороны один или даже полдюжины островов, но, если их тысяча, лучше как можно скорее ускользнуть им под ветер... Нет, нет, вон они там, в тумане, эти чертовы острова, и пусть там остаются. Чарльзу Кэпу нет до них никакого дела!

— Отсюда не более пяти или шести лиг до северного берега, шурин; я знаю, что там есть просторная бухта, не худо бы посоветоваться о нашем положении с кем-нибудь из команды, конечно, если мы не решим позвать наверх Джаспера — Пресную Воду и не поручим ему отвести нас обратно в Осуиго? И думать нечего, что при таком ветре, дующем нам прямо в лоб, мы доберемся до поста.

— Сержант, у меня есть серьезные причины возражать против всех твоих предложений. Во-первых, если командир признается в своем невежестве, это подрывает дисциплину. Ладно уж, зятек, я понимаю, почему ты качаешь головой, но ничто так не вредит дисциплине, как признание в своем невежестве. Я когда-то знавал капитана, который целую неделю шел неверным курсом, чтобы не сознаться в своей ошибке, и просто удивительно, как стала его уважать вся команда именно потому, что никто не мог его понять.

— Ну, брат Кэп, на соленой воде это еще сойдет, а на пресной вряд ли. Лучше освободить из-под ареста Джаспера, чем разбиться со всем отрядом о канадский берег.

— И угодить во Фронтенак! Нет, сержант, "Резвый" в верных руках и лишь теперь себя покажет при искусном управлении. Мы в открытых водах, и только сумасшедший решится подойти к берегу при таком шторме. Я буду стоять все вахты, и нам не страшна никакая опасность, кроме той, что возможна при дрейфе, а для такого легкого и низкого судна она не так уж велика. Предоставь дело мне, сержант, и я ручаюсь тебе добрым именем Чарльза Кэпа, что все пойдет прекрасно.

Сержанту Дунхему пришлось уступить. Он питал величайшее доверие к мореходному искусству своего родственника и не сомневался, что тот, управляя куттером, его вполне оправдает. С другой стороны, недоверие, как и любовь, растет, если давать им пищу, и он так боялся измены, что готов был вручить судьбу всей экспедиции кому угодно, только не Джасперу. Из уважения к истине мы вынуждены сознаться, что сержантом руководило еще одно соображение. Ему было поручено дело, которое полагалось возложить на офицера, и майор Дункан вызвал сильное недовольство среди младших офицеров гарнизона, доверив его человеку в скромном чине сержанта. Дунхем понимал, что вернуться в крепость, даже не

добравшись до места, означало бы потерпеть неудачу, за которой последует наказание, и на его место сразу назначат другого, чином постарше.

Глава XVI

*Без меры, без начала, без конца,
Великолепно в гневе и в покое,
Ты в урагане — зеркало творца,
В полярных льдах и в синем южном зное
Всегда неповторимое живое.
Твоим созданьям имя — легион,
С тобой возникло бытие земное,
Лик вечности, невидимого трон,
Над всем ты царствуешь, само себе закон.*
Байрон. "Чайльд-Гарольд"

Когда совсем рассвело, те пассажиры "Резвого", которые свободно могли располагать собой, вышли на палубу. Пока волнение на озере было не очень велико, куттер, по-видимому, все еще находился с подветренной стороны островов; но все, кто знал нрав Онтарио, понимали, что им предстоит испытать жестокий осенний шторм, какие часты в этом краю. Нигде по всему горизонту не было видно земли, и эта печальная пустыньность придавала огромным водным просторам таинственное и мрачное величие. Зыбь, или, как говорят сухопутные жители, волна, была короткой и с пенистыми гребнями; дробилась она здесь быстрее, чем длинная океанская волна, а вода, обычно соперничавшая своим чудесным оттенком с глубокой синевой южного неба, теперь стала зеленой и угрюмой; трудно было поверить, что еще совсем недавно она искрилась под яркими солнечными лучами.

Солдатам скоро надоело наблюдать эту картину; один за другим они спустились вниз; на палубе остались только матросы, сержант, Кэп, Следопыт, квартирмейстер и Мэйбл. Тень печали легла на лицо девушки; ее уже посвятили в истинное положение дел на "Резвом", но все ее просьбы вернуть Джасперу права капитана ни к чему не привели. Следопыт провел бессонную ночь в размышлениях и еще более утвердился в своем прежнем мнении, что юноша невиновен; он тоже горячо ходатайствовал за друга, но, как и Мэйбл, ничего не добился.

Прошло несколько часов, ветер заметно крепчал, волнение увеличивалось; куттер сильно качало, квартирмейстер и Мэйбл тоже покинули палубу. Кэп несколько раз делал повороты по ветру, и теперь можно было не сомневаться, что куттер относит в открытую и самую глубокую часть озера; волны разбивались о него с чудовищной силой, и только очень прочное и выносливое судно могло устоять в борьбе с ними. Но все это несколько не тревожило Кэпа; напротив, подобно тому как гончая настораживает уши при звуке охотничьего рога, а боевой конь бьет копытами и храпит, услышав дробь барабана, так и разыгравшийся шторм пробудил в бывалом моряке все его мужество; вместо того чтобы заниматься придирчивой и высокомерной критикой, не допускающей никаких возражений, вместо того чтобы пререкаться по пустякам и раздувать всякую мелочь, он стал обнаруживать качества отважного и опытного моряка, каким и был в действительности. Команда очень скоро прониклась уважением к его знаниям; правда, матросов удивляло исчезновение прежних капитана и лоцмана, по поводу чего им не дано было никаких объяснений, но они уже беспрекословно и охотно выполняли все приказания нового начальника.

— Оказывается, зятек, эта пресная лужа может показать себя! — воскликнул Кэп около полудня, потирая руки, довольный тем, что ему еще раз пришлось схватиться со стихией. — Ветер напоминает добрый старый шторм, а волны, как ни странно, здорово похожи на водяные валы в открытом море. Это мне по душе, право, по душе, сержант! Пожалуй, я

начну уважать ваше озеро, если оно будет так злиться еще хотя бы сутки!

— Земля! — крикнул вахтенный на баке. Кэп поспешил к нему. И в самом деле, сквозь сетку дождя на расстоянии примерно полумили виднелся берег, и куттер несся прямо на него. Старый моряк уже хотел скомандовать: "Приготовиться к повороту фордевинд!" — но более хладнокровный сержант остановил его.

— Если мы подойдем чуть ближе, — сказал он, — то, возможно, выясним, что это за место. Многие из нас хорошо знают американский берег в этой части озера, а нам важно определить, где мы находимся.

— Весьма справедливо, весьма справедливо! Если это хоть мало-мальски возможно, будем держаться прежнего курса. А что это там такое, с наветренной стороны? Что-то вроде пологого мыса...

— Да это же наш гарнизон, клянусь богом! — воскликнул сержант, который своим наметанным глазом скорее различил военные укрепления, чем его менее опытный родственник.

Сержант не ошибся. Перед ними, без сомнения, лежала крепость, хотя очертания ее в густой пелене дождя казались расплывчатыми и смутными, как бывает в вечерних сумерках или в предрассветной дымке. Скоро стали видны низкие, обложенные зеленеющим дерном крепостные валы, серые палисады, еще более потемневшие от дождя, кровли одного-двух строений, высокий одинокий флагшток и на нем флаг, так сильно надутый непрерывной струей ветра, что его неподвижные контуры казались висящим в воздухе чертежом. И никаких признаков жизни! Даже часовой и тот, как видно, укрылся от дождя под крышей. На "Резвом" сперва подумали, что их судно осталось незамеченным. Но бдительный пограничный гарнизон, оказывается, не дремал. Вероятно, кто-то из дозорных уже сообщил о появлении куттера; сначала показались один-два человека, а вскоре весь крепостной вал, обращенный к озеру, был усеян людьми.

Окружающий ландшафт поражал своеобразной величественной и суровой красотой. Шторм бушевал не ослабевая. Казалось, он никогда не кончится, словно в этом уголке земли сроду не бывало тишины и покоя. Ветер ревел непрерывно, а беснующееся озеро отвечало его тоскливому мощному вою шипением разлетающихся брызг и грохотом грозного прибоя. Морозящий дождь, словно завеса редкого тумана, скрадывал линии пейзажа, придавая ему таинственность, а ощущение бодрости, порождаемое видом бушующих стихий, притупляло обычные неприятные ощущения, охватывающие человека в подобные минуты. Темный бескрайний лес вздымался сплошной стеной, огромный, мрачный и непроницаемый, и взор, подавленный грандиозностью первобытной природы, отдыхал только на отдельных, мимолетно схваченных приметах жизни в крепости и вокруг нее.

— Они увидели нас, — сказал сержант, — и наверняка думают, что мы вернулись из-за шторма и будем держаться подветренной стороны гавани, чтобы переждать непогоду. Вон и сам майор Дункан, на северо-восточном бастионе; я узнал его по росту, да и офицеры столпились вокруг него!

— А что, сержант, пожалуй, и впрямь стоило бы войти в устье реки и спокойно отстояться на якоре, а там пусть себе потешаются над нами! Кстати, мы могли бы высадить на берег мастера Пресную Воду и избавить наш корабль от его присутствия.

— Да, это бы неплохо... Но хоть я и никудышный моряк, а отлично знаю, что отсюда в реку не войти. Ни одно судно на этом озере не может при таком шторме пристать к берегу с наветренной стороны. Да здесь в такую бурю не найдешь и подходящей якорной стоянки.

— Пожалуй, ты прав, я и сам теперь вижу... И, как ни соблазнителен для вас, жителей суши, вид земли, нам придется от нее уйти. Что до меня, то во время бури я бываю доволен только тогда, когда уверен, что земля далеко позади.

"Резвый" настолько приблизился к берегу, что необходимо было немедленно положить его на другой галс и снова выйти на открытую воду. По распоряжению Кэпа, поставили штормовой стаксель, спустили гафель и повернули направо. Легкое суденышко, казалось, играло с водой и ветром: оно то ныряло, как утка, то, слушаясь руля, быстро поднималось и

опять скользило по гребням валов, гонимое попутным ветром. Куттер с такой быстротой летел вперед, что крепость и группы встревоженных наблюдателей на валу очень скоро растаяли в тумане, хотя земля еще долго виднелась с левого борта. Чтобы держать куттер по ветру, были приняты все необходимые меры, и он, покачиваясь на волнах, снова начал свой тяжкий путь к северному берегу.

Шли часы, не принося никаких перемен; ветер все больше свежел. Даже придиричивый Кэп милостиво согласился, что начинается знатный шторм. С заходом солнца "Резвый" повернул фордевинд, чтобы в темноте не наткнуться на северный берег. Около полуночи временный капитан, задавая команде разные наводящие вопросы, получил общее представление о величине и форме озера и решил, что они находятся приблизительно на одинаковом расстоянии от обоих берегов. Высота и длина водяных валов подтверждали это предположение. Надо сказать, что пресная водица, которую Кэп еще за сутки до того ехидно высмеивал, теперь начала внушать ему почтение.

После полуночи ярость урагана достигла небывалой силы. Кэп вынужден был признать, что не в состоянии бороться с такой бурей. Огромные массы воды злобно обрушивались на палубу маленького судна, заставляя его содрогаться, и, несмотря на его прекрасные мореходные качества, волны догоняли его и грозили раздавить своей тяжестью. Матросы "Резвого" уверяли, что им еще никогда не приходилось бывать в такой переделке, и это была правда, потому что, отлично зная все реки, мысы и гавани Онтарио, Джаспер, не дожидаясь урагана, конечно, заранее отвел бы куттер поближе к берегу и поставил бы его на якорь в безопасном месте. Но Кэп считал ниже своего достоинства спрашивать совета у мальчишки капитана, все еще томившегося внизу, и решил действовать, как положено старому морскому волку в открытом океане.

Был час ночи, когда опять подняли шторм-стаксель и убрали грот, после чего куттер пошел попутным ветром, и хотя почти все паруса были убраны, маленькое судно с честью оправдывало данное ему название. Восемь часов подряд оно поистине резво бежало вперед, состязаясь в скорости с чайками, которые, обезумев, беспорядочно кружили над ним, видимо, боясь упасть в кипящий котел озера. Забрезжил рассвет, но мало что изменилось. Горизонт сузился, и хмурое небо как будто смешалось с клокочущими валами; казалось, две взбунтовавшиеся стихии — вода и ветер — накинулись друг на друга и вступили в единоборство.

Все это время команда и пассажиры куттера были обречены на вынужденное бездействие. Джаспер и лоцман все еще сидели внизу; но, как только качка несколько уменьшилась, почти все, кроме них, выбрались на палубу. Завтрак прошел в полном молчании, все переглядывались, как бы задавая друг другу безмолвный вопрос: чем кончится эта борьба стихий? Один только Кэп оставался невозмутимым. — Чем сильнее бушевал шторм, тем больше прояснялось его лицо, тем тверже становилась походка, тем уверенней делались движения, ибо тут у него появилась возможность проявить все свое мастерство и мужество. Он стоял на баке, раскачиваясь, по привычке моряков, всем телом, и смотрел на пенящиеся гребни волн, оставлявшие за кормой серебристый след, как будто в своем быстром полете они устремлялись ввысь, к небесам.

И в эту торжественную минуту неожиданно раздался чей-то возглас:

— Парус!

На таком безлюдном и пустынном озере, как Онтарио, трудно было ожидать встречи с другим судном. Сам "Резвый" казался всем, кто на нем находился, одиноким путником, пробирающимся сквозь дремучий лес, а встреча двух судов напоминала встречу двух охотников, блуждающих под необъятным листовенным шатром, который покрывал в те времена миллионы акров американской земли. Бурная погода придавала появлению чужого корабля романтический, почти нереальный характер. Только Кэп рассматривал неожиданное явление опытным глазом моряка, выдавшего всякие виды, но даже его железные нервы были потрясены этой фантастической картиной.

Незнакомое судно виднелось на расстоянии около двух кабельтовых от "Резвого". Оно

шло у куттера под ветром таким курсом, что тому предстояло пройти в нескольких ярдах от него. Корабль был великолепно оснащен, и самый взыскательный глаз не мог бы обнаружить сквозь туманную завесу дождя ни малейшего изъяна в его корпусе или в оснастке. Из всех парусов на нем был поднят только крепко зарифленный грот-марсель и два штормовых стакселя, на передней и на задней мачтах. Хотя могучий ветер напирал на судно с такой силой, что оно кренилось набок, почти чертя бортом воду, корпус его выпрямлялся каждый раз, когда его поднимала бурная волна с подветренной стороны. Рангоут на нем был в полном порядке, и корабль шел быстро, легко, делая около четырех узлов.

— Этот молодчик, как видно, хорошо знает, куда держит путь, — заметил Кэп, в то время как куттер с быстротой ветра неся навстречу чужому судну, — он смело правит к югу. Наверное, твердо надеется найти там гавань или надежную якорную стоянку. Надо быть не в своем уме, чтобы очертя голову мчаться, если не знать курса, хотя, возможно, ветер гонит его так же, как и нас.

— Ну и попали мы в переделку, капитан! — ответил матрос, к которому обращался Кэп. — Это французское королевское судно "Ли-Май-Кольм"³¹, оно держит курс на Ниагару, там у них гавань и гарнизон. Да, капитан, попали мы в переделку!

— Пропади он пропадом! Сразу видать, что францушка: не успел он завидеть английский корабль, как уж поджилки у него затряслись, скорей спешит укрыться в гавани!

— Хорошо бы и нам сделать то же, — возразил матрос, озабоченно кивая головой, — а то занесет нас вперед, в глубь вон той бухты, и бог весть, удастся ли нам вернуться оттуда живыми!

— Ну-ну, любезный, только не вешать носа, только не вешать носа! Разве мало нам места тут, на воде, и разве у нас под ногами не доброе английское судно? Мы не какие-нибудь дрянные лягушатники, чтобы прятаться в гавани, чуть подует ветерок! Эй, не зевать на руле, сэр!

Предостережение было нелишним: "Резвому" угрожала опасность налететь на француза. Куттер бежал прямо навстречу "Монкальму", расстояние между ними уже не превышало ста ярдов, и было сомнительно, смогут ли они благополучно разминуться.

— Лево руля, — не своим голосом закричал Кэп, — лево руля! Проходить у него под кормой!

Команда французского корабля собралась на палубе с наветренной стороны, несколько мушкетеров уже нацелились на англичан, как бы приказывая им держаться на расстоянии. С борта "Резвого" было видно, как противники размахивают руками, но озеро так разгулялось, что ни о каких военных действиях не могло быть и речи. Вода выливалась из жерла двух или трех легких пушек на борту корабля, но никто и не думал стрелять из них при таком урагане. Черные бока "Монкальма" угрожающе блестели, вздымаясь над водой, ветер свистел в снастях и завывал на тысячи ладов, заглушая крики французов.

— Пусть надрывают глотки, — ворчал Кэп. — Не такая нынче погодка, чтобы шептаться. Лево руля, сэр, лево руля!

Рулевой повиновался, и первый налетевший вал подбросил "Резвый" почти к самому французскому кораблю, так что даже почтенный старый моряк испуганно отпрянул, смутно опасаясь, как бы при следующей волне бушприт куттера не ударился о его борт. Но этого не случилось. Выпрямив крен, "Резвый", как готовая к прыжку пантера, ринулся вперед, еще мгновение — и он проскользнул за кормой у вражеского судна, чуть не задев его бизань-мачту своим гафелем.

Молодой француз, капитан "Монкальма", вскочил на гакаборт, улыбнулся и с преувеличенной любезностью, свойственной многим представителям его нации, даже когда они совершают самые низкие поступки, взмахнул шляпой, приветствуя проходивший мимо куттер. При невозможности личного общения в этом жесте учтивости выразились и

³¹ Исковерканное французское "Ле Монкальм".

французское *bonhomie*³² и тонкий вкус, но у Кэпа они не вызвали ответных чувств: он был для этого слишком прямолинеен — черта, свойственная англичанам; напротив, он угрожающе потряс кулаком и пробормотал:

— Эх, счастье твое, что нет у меня на борту орудий, уж задал бы я тебе трепку! Не миновать бы тебе вставлять новые стекла в иллюминаторы! Ведь он смеялся над нами, сержант!

— Простая вежливость, зять, — возразил тот и отдал французу честь, ибо считал своим солдатским долгом ответить на приветствие, — простая вежливость, чего еще можно ждать от француза? А что у него там на уме, не скоро разберешь!

— Он, уж наверное, не зря болтается по озеру в такую погоду. Ну, да черт с ним, пусть прячется в своей гавани, коли он туда доберется, а мы, как истые английские моряки, останемся хозяевами на озере.

Это звучало очень торжественно, и все-таки Кэп не без зависти следил глазами за огромным черным корпусом "Монкальма", за его раздувающимся гротмарселем и расплывчатыми очертаниями снастей, которые виднелись все менее отчетливо, пока совсем не растаяли во мгле, словно призрачная тень. Кэп с радостью последовал бы за кораблем, если бы осмелился; по правде говоря, мысль провести еще одну штормовую ночь среди волн, беснующихся вокруг их судна, была малообнадеживающей. Но гордость моряка мешала ему выдать свою тревогу, тем более что находившиеся на его попечении неопытные путешественники слепо доверяли его знаниям и мастерству.

Прошло еще несколько часов, и плотная тьма увеличила грозившую "Резвому" опасность. Шторм на время несколько утих, и Кэпу пришлось в голову опять идти по ветру. Куттер всю ночь лежал в дрейфе, как прежде, лишь изредка поворачивая на другой галс, чтобы в темноте случайно не наткнуться на берег. Бесплезно описывать все события этой ночи. Она была похожа на любую штормовую ночь. Килевая качка, грохот волн, шипенье брызг, непрерывный вой ветра, удары, ежеминутно грозящие гибелью маленькому суденышку, когда оно ныряло в набегавшую волну, и, что самое опасное, — быстрый дрейф. Такелаж хорошо выдерживал шторм, и паруса были крепко зарифлены, но "Резвый" был очень легким судном, и минутами казалось, что гребни валов накроют его и стремительно унесут с собой.

В эту ночь Кэп проспал крепким сном несколько часов, но, чуть забрезжило утро, кто-то тронул его за плечо. Подняв голову, он увидел Следопыта. С той минуты, как начался шторм, проводник почти не показывался на палубе; врожденная скромность подсказывала ему, что на судне должно распоряжаться только морякам, и он оказывал капитану куттера такое же доверие, какого потребовал бы на лесной тропе к своему собственному умению и опыту. Но теперь он счел себя вправе вмешаться и сделал это с отличавшей его прямоотой.

— Сон сладок, мастер Кэп, — проговорил он, как только моряк открыл глаза и очнулся, — сон сладок, я это знаю по себе, но жизнь еще слаще. Оглянитесь кругом и скажите сами, пристало ли командиру спать в такую минуту?

— Что такое... что такое, мастер Следопыт? — пробурчал Кэп, когда к нему постепенно вернулась способность соображать. — И вы, оказывается, записались в лагерь ворчунов? А я-то на суше восхищался находчивостью, с какой вы без компаса продирались сквозь непроходимые дебри, а когда мы вышли на воду, не мог нарадоваться вашей скромности и выдержке — они нисколько не уступали вашему знанию своего дела. Признаюсь, я меньше всего ожидал услышать такую отповедь от вас!

— Что до меня, мастер Кэп, то я хорошо знаю свои таланты, знаю и свое место; я бы не стал никого обременять советами, но не забывайте, что с нами Мэйбл Дунхем, а это уже совсем другое дело. И у Мэйбл есть свои таланты, но она не так закалена, как мы, она нежная и хрупкая. Да так оно и должно быть. О ней-то и идет речь, а вовсе не обо мне!

³² Добродушие (франц.)

— Ага... начинаю понимать... Мэйбл славная девушка, любезный друг, но она дочь солдата и племянница моряка, не к лицу ей быть чересчур робкой и чувствительной во время урагана. Неужто она струсила?

— Нет, нет, речь совсем не о том! Мэйбл хотя и женщина, но рассудительна и умеет молчать. Я от нее ни слова не слышал о том, что произошло на "Резвом". А все-таки, я думаю, ей бы очень хотелось, чтобы Джаспера — Пресную Воду вернули на прежнее место и на куттере все пошло бы по-старому. Это понятно. Такова человеческая натура!

— Да уж, не иначе! Оно и видно, что Мэйбл девица, и вдобавок из семьи Дунхемов. Первый встречный для нее лучше родного дяди, а всякий проходимец знает больше, нежели старый моряк! Такова человеческая натура, мастер Следопыт! А я не такой человек, черт возьми, чтобы хоть на дюйм отклониться вправо или влево от намеченного курса из-за причуд дерзкой девчонки двадцати лет от роду! Или даже тех... — тут Кэп слегка понизил голос, — или даже тех, кто только и умеет, что вытягиваться в струнку на парадах Пятьдесят пятого пехотного его величества полка. Не для того я сорок лет бороздил моря, чтобы здесь, в этой пресной луже, меня учили, что такое человеческая натура!.. Ну и упорный же ураган! Дует так, будто сам Борей раздувает мехи... Но что это там такое, с подветренной стороны? — Моряк даже потер глаза от удивления. — Берег! Это так же верно, как то, что меня зовут Кэпом. Берег, берег, да еще крутой!

Следопыт ответил не сразу. Он следил за выражением лица собеседника, качая головой и не скрывая тревоги.

— Берег! Это так же верно, как то, что мы — на "Резвом", — повторил Кэп, — берег под ветром, без малого в одной миле от нас, да еще со здоровенной грядой бурунов, какой, пожалуй, не встретишь на всем побережье Лонг-Айленда!

— Ну и как, это утешительно для нас или наоборот? — спросил Следопыт.

— Э-э, утешительно, неутешительно! Ни то, ни другое! Нет, конечно, ничего утешительного в этом нет, но если вы думаете, что неутешительное может обескуражить моряка, то вы очень ошибаетесь. В лесах вас ведь ничто не может обескуражить, не правда ли, любезный друг?

— Как будто нет... нет как будто. Когда опасность велика, я напрягаю все свои способности, чтобы заметить и распознать ее, а затем стараюсь от нее избавиться; иначе мой скальп уже давно сушился бы в вигваме какого-нибудь минга. На озере же я не умею отыскивать след, и мой долг подчиняться; но нельзя забывать, что на борту с нами такая девушка, как Мэйбл Дунхем. А вот идет ее отец. Конечно, он и сам беспокоится за свою дочь.

— Мы, кажется, попали в трудное положение, брат, — сказал сержант, присоединившись к ним, — судя по тому, что я понял из разговора двух матросов на баке... они говорят, что наш куттер уже не может добавить ни одного паруса, а ветер так силен, что нас прибьет к берегу не позднее чем через час или два. Или это у них от страха глаза велики, как ты думаешь, а, зять?

Кэп ничего не ответил, он с унылым видом всматривался в берег, потом взглянул в наветренную сторону, и лицо его исказилось от злобы, словно он готов был сам броситься в драку с ветром.

— Что скажешь, брат? Пожалуй, следует послать за Джаспером, — продолжал сержант, — и посоветоваться с ним, как быть дальше. Здесь французов нечего бояться, а при таких обстоятельствах парень еще, может быть, спасет нас от кораблекрушения...

— Вот-вот, все зло и происходит от этих проклятых обстоятельств! Ладно, велите позвать молодчика. Да, прикажите его позвать. Бьюсь об заклад, что, ловко задавая ему вопросы, я выужу у него правду.

Не успел еще самонадеянный Кэп дать согласие, как уже послали за Джаспером. Юноша явился немедленно. Весь его вид и выражение лица говорили о том, как он подавлен и унижен, и наблюдавшие за ним Кэп и сержант приписали это тому, что измена его разоблачена. Поднявшись на палубу, Джаспер прежде всего окинул тревожным взглядом

местность, чтобы выяснить, где находится куттер. И одного этого взгляда было достаточно, чтобы оценить опасность, грозившую судну. Как и всякий матрос, он сначала поглядел на небо с наветренной стороны, потом обвел глазами горизонт и остановил взор на крутом берегу с другой стороны. И ему сразу стало понятно истинное положение "Резвого".

— Я послал за вами, мастер Джаспер, — начал Кэп, стоявший на баке, скрестив на груди руки и раскачиваясь с важным видом, — чтобы получить сведения о гавани, находящейся у нас под ветром. Не хочется думать, что вы так далеко зашли в своей злонамеренности, чтобы пожелать утопить всех нас, а особенно женщин. И я полагаю, вы поступите, как подобает мужчине, и поможете нам отвести куттер на безопасную стоянку, чтобы переждать этот дурацкий шторм.

— Я готов скорее умереть, нежели видеть Мэйбл Дунхем в беде, — серьезно отвечал юноша.

— Я это знал, о, я это знал! — воскликнул Следопыт, ласково похлопывая юношу по плечу. — Этот мальчик верней и надежней компаса, который когда-либо выводил человека на границу или на правильную тропу. Тяжкий грех возводить поклеп на такого парня!

— Гм!.. — пробурчал Кэп. — "Особенно женщин"... Словно им угрожает большая опасность, нежели всем остальным. Впрочем, все это пустяки, молодой человек. Надеюсь, мы пойдем друг друга, говоря в открытую, как моряк с моряком. Знаете ли вы какую-нибудь гавань в этой местности у нас под ветром?

— Такой гавани здесь нет. В этом конце озера есть, правда, большая бухта, но никто из нас ее не знает и войти в нее очень трудно.

— А это побережье под ветром? Оно тоже выглядит не очень приветливо.

— Там тянутся непроходимые леса, с одной стороны — до устья Ниагары, а с другой — до Фронтенака. А к северу и западу, говорят, на тысячу миль нет ничего, кроме лесов и прерий.

— И на том спасибо; значит, там нет французов. А много ли в этих местах дикарей?

— Индейцы бродят повсюду, хотя их и немного. Случайно можно столкнуться с индейским отрядом где-нибудь на побережье, но иногда они не показываются месяцами.

— Что ж, положимся на наше счастье, может статься, и минуем этих мерзавцев... А теперь поговорим начистоту, мастер Уэстерн: как бы вы поступили сейчас, не будь у вас этой злополучной близости с французами?

— Я гораздо моложе вас и менее опытен, мастер Кэп, — смиренно возразил Джаспер, — смею ли я давать вам советы?

— Да, да, это всем прекрасно известно. В обыкновенных случаях, конечно, не смеете. Но мы имеем дело не с обыкновенным случаем, а с особым обстоятельством. И у этой лужи пресной воды, оказывается, тоже свои капризы; если все это взвесить, то вам дозволено давать советы даже родному отцу. Ваше дело — высказать свое мнение, а мое дело — судить, согласиться мне с ним или нет; уж это мне подскажет мой опыт.

— Я считаю, сэр, что в течение ближайших двух часов куттер должен стать на якорь.

— Как — на якорь! Но не здесь же, на озере?

— Нет, сэр, не здесь, а поближе к берегу.

— Уж не желаете ли вы сказать, мастер Пресная Вода, что можете бросить якорь с подветренного берега в такой шторм?

— Если бы я хотел спасти свое судно, я поступил бы именно так, мастер Кэп!

— Ну, знаете... В этой пресной воде наверняка черти водятся! Но вот что я вам скажу, молодой человек: сорок один год я плаваю по морям, начал еще мальчишкой, но никогда не слыхивал ничего подобного. Я скорей выброшу за борт все якоря вместе с цепями, чем стану отвечать за такое сумасбродство.

— Да, но так мы поступаем на нашем озере, когда нам приходится туго, — сдержанно ответил Джаспер. — Если бы нас получше учили, то смею думать, и мы могли бы найти лучший выход.

— Конечно, нашли бы! Нет, нет, никто не заставит меня пойти на такой грех и забыть

все, чему меня учили. Да я не посмею и носу показать в Сэнди-Хук³³, соверши я такую глупость! Ну-ну, пожалуй, даже Следопыт больше смыслит в мореходном деле, нежели вы! Что ж, мастер... как вас там... ступайте обратно вниз.

Джаспер молча поклонился и ушел, но все заметили, что, подойдя к трапу, он замешкался и бросил озабоченный взгляд на горизонт с наветренной стороны я на берег под ветром; потом начал спускаться вниз, и по лицу его видно было, что он сильно встревожен.

Глава XVII

*Разгаданный, он повторяет трюк,
Увертки новые находит вдруг,
В трясине тонет, споря до тех пор,
Пока не оборвет кончина спор.*

Каупер

Жена солдата заболела и лежала на своей койке. Мэйбл Дунхем сидела одна в кормовой каюте, когда туда вошел Джаспер; сержант сменил гнев на милость и разрешил ему снова занять свое место в этой части судна. Мы считали бы нашу героиню чересчур наивной, если бы стали утверждать, что у нее не шевельнулось никаких подозрений после ареста Джаспера, но, отдавая должное ее доброму сердцу и великодушному характеру, мы обязаны добавить, что ее недоверие к молодому человеку не было слишком глубоким и скоро прошло. Как только Джаспер сел рядом и она заметила, что лицо его омрачено беспокойством за судьбу кут-тера, все подозрения ее рассеялись; она видела перед собой только незаслуженно оскорбленного человека.

— Вы слишком близко принимаете все это к сердцу Джаспер, — проговорила она взволнованно, с тем самозабвенным порывом, который невольно выдает молодую девушку, охваченную сильным чувством. — Тот, кто вас знает, не может сомневаться в вашей невинности. Следопыт говорит, что готов поручиться за вас жизнью.

— Но вы-то сами, Мэйбл, — так же горячо спросил юноша, и глаза его заблестели, — вы-то не считаете меня изменником, как ваш отец?

— Мой отец — солдат и должен поступать, как велит ему воинский долг. Но дочь его хочет и имеет право думать о вас как о человеке, который сделал ей много добра...

— Мэйбл... я не привык разговаривать с девушками такого воспитания, как вы... или делиться с кем-нибудь своими мыслями и переживаниями. У меня не было сестры, а мать умерла, когда я был ребенком. Я даже не знаю, приятно ли девушке услышать...

Джаспер запнулся, и Мэйбл отдала бы все на свете, лишь бы узнать, что последует за этими словами, полными скрытого значения; но внутренняя сдержанность и девичья скромность превозмогли женское любопытство. Она молча ждала, что будет дальше.

— Я хочу сказать, — продолжал молодой человек после паузы, которая привела его в еще большее смущение, — что у меня нет опыта, я не знаю, что думают такие девушки, как вы... вам придется о многом догадаться самой...

Мэйбл была достаточно догадлива, чтобы понять все, но есть мысли и чувства, о которых девушке приятно услышать из уст мужчины прежде, чем она сама выкажет ему свое расположение. Она смутно угадывала, что в словах Джаспера таится именно такой смысл, и с чисто женской находчивостью предпочла переменить разговор, чем продолжать его в таком духе.

— Скажите мне только одно слово, Джаспер, и я успокоюсь, — проговорила она твердо, подчеркивая, что уверена не только в себе, но и в нем. — Ведь вы не заслуживаете того страшного подозрения, которое нависло над вами?

— Конечно, нет, Мэйбл! — ответил Джаспер, глядя в ее большие голубые глаза так

³³ Сэнди-Хук — маяк и крепость у входа в Нью-Йоркский залив

открыто и простосердечно, что уже одно это могло бы поколебать самое сильное недоверие. — Клянусь спасением своей души — нет!

— Я так и знала... Я готова была поклясться в этом! — с жаром воскликнула девушка. — И все же нельзя осуждать и моего отца. Но вы не должны падать духом, Джаспер.

— Сейчас у меня столько причин беспокоиться о другом, что некогда думать о себе.

— Джаспер!

— Мне не хочется пугать вас, Мэйбл, но необходимо убедить вашего дядюшку, что ему не справиться с "Резвым". Правда, я признаю, что он много старше и гораздо опытнее меня и, конечно, вправе больше доверять собственным суждениям, чем моим...

— Вы считаете, что "Резвый" в опасности? — встрепелась девушка — Боюсь, что да... во всяком случае, мы, матросы с озера, думаем, что куттер на краю гибели. Но кто знает, быть может, старый моряк, привыкший плавать в океане, сумеет найти средство для его спасения!

— Джаспер, мы всецело полагаемся на ваше умение управлять "Резвым"! Вы хорошо знаете озеро, вы знаете судно — только вы один можете верно судить об истинном нашем положении.

— Я беспокоюсь о вас, Мэйбл, и оттого, может быть, становлюсь боязливой, чем обычно. Честно говоря, я вижу только одно средство спасти куттер — а ему не миновать разбиться не позже чем через два-три часа, — но ваш дядя отверг это средство. Возможно, я ошибаюсь, и все это только от моего невежества; недаром он говорит, что Онтарио — всего-навсего лужа пресной воды.

— Какое это имеет значение? Подумайте о моем дорогом отце, Джаспер! Подумайте о себе, обо всех этих людях — их спасение зависит от одного вашего слова, сказанного вовремя.

— Я думаю о вас, Мэйбл, а это больше, неизмеримо больше, чем все остальное, вместе взятое, — с глубоким чувством ответил юноша, и его выразительный взгляд был красноречивее всяких слов.

Сердце Мэйбл быстро забилося, и благодарная улыбка осветила ее вспыхнувшее лицо. Но опасность была слишком близка, слишком грозна, и не время было предаваться радужным мечтам. Она и не пыталась отвести от Джаспера свои сияющие глаза, но ею снова овладела тревога.

— Нельзя допустить, чтобы упрямство дядюшки довело нас до беды. Поднимитесь еще раз на палубу, Джаспер, и попросите батюшку спуститься ко мне в каюту.

Молодой человек бросился исполнять ее поручение, а Мэйбл сидела, прислушиваясь к реву ветра и грохоту волн, бившихся о борт судна, и ее вдруг охватил неведомый ей ранее страх. Мэйбл совсем не страдала морской болезнью и держалась, как любят выражаться пассажиры, подобно "заправскому моряку". Но ей никогда не приходило в голову, что это путешествие может быть таким опасным. С самого начала шторма она старалась спокойно заниматься своими обычными делами; однако теперь в нее вселилась тревога, и она осознала, что впервые попала на воду в такую бурю. Две-три минуты, которые Мэйбл провела одна, ожидая сержанта, показались ей часами, и она с облегчением вздохнула, увидев отца и Джаспера, вместе спускавшихся по трапу. Она торопливо пересказала сержанту все, что Джаспер говорил ей о положении "Резвого", и стала умолять отца во имя любви к ней, во имя спасения своей жизни и жизни его подчиненных убедить дядю передать командование куттером тому, кто был его настоящим хозяином.

— Отец, Джаспер не предатель, — горячо добавила она, — но даже если бы это было и так, какой ему смысл обрекать судно на гибель в этой отдаленной части озера и рисковать нашей жизнью, да и своею тоже. Но, ручаюсь головой, он не предатель.

— Такие речи пристали перепуганной девице, — отвечал ее более флегматичный родитель, — но они не могут поколебать мнение осторожного командира экспедиции. А Джасперу, пожалуй, и стоит рискнуть: он может, правда, утонуть при подходе к берегу, но

зато, если он доберется до земли, ему легко будет удрать.

— Сержант Дунхем!

— Отец!

Оба восклицания вырвались одновременно, но в них выражались различные чувства: у Джаспера преобладало изумление, у Мэйбл — упрек. Однако старый служака привык не церемониться с подчиненными и резать правду-матку в глаза; после минутной заминки он продолжал, будто ничего не слышал:

— И не такой человек мой зять Кэп, чтобы позволить учить себя на борту корабля.

— Но, батюшка, дело идет о спасении нашей жизни!

— Тем более. Не велика премудрость командовать кораблем в хорошую погоду! Вот когда приходится худо, тут-то настоящий командир и может показать себя во всем блеске. Чарльз Кэп не бросит руля, оттого что судно в опасности. К тому же, Джаспер — Пресная Вода, он считает, что в вашем предложении есть что-то подозрительное, оно больше смахивает на измену, чем на дружеский разумный совет.

— Пусть думает что угодно, но только пошлет за лоцманом и выслушает его. Всем хорошо известно, что я не видел лоцмана со вчерашнего вечера.

— В этом есть резон. Что ж, попробуем! Следуйте за мной на палубу, я хочу, чтобы все было сделано открыто и честно.

Джаспер повиновался. Мэйбл была так захвачена этим разговором, что тоже осмелилась подняться по трапу, но только до того места, где платье ее было достаточно защищено от бешеных порывов ветра, а лицо — от водяных брызг. Девичья скромность не позволила ей идти дальше; она остановилась и с напряженным вниманием наблюдала за тем, что происходило на палубе.

Вскоре появился лоцман. Поднявшись наверх, он обвел озеро и горизонт взглядом, в значении которого нельзя было ошибиться. Правда, слухи об опасном положении "Резвого" уже успели просочиться в каюты; но на этот раз они не преувеличивали, как обычно, опасность, а наоборот — преуменьшали ее. Лоцману дали осмотреться, а потом спросили, что бы он считал разумным предпринять.

— Я вижу только одно средство спасти куттер — это поставить его на якорь, — твердо, без колебаний ответил лоцман.

— Как, здесь, посреди озера? — повторил Кэп вопрос, который он задавал уже прежде Джасперу.

— Ну зачем же? Надо подойти ближе к берегу, к первой гряде бурунов.

Тут уж Кэп окончательно уверился в том, что между капитаном и лоцманом существует тайный сговор и что они задумали пустить корабль ко дну, чтобы при этом спастись самим. Вот почему старый моряк так же пренебрежительно выслушал лоцмана, как и ранее Джаспера.

— Говорю тебе, брат, — заявил Кэп в ответ на упреки сержанта, что он не хочет прислушаться к предостережениям двух таких бывалых матросов, — говорю тебе, ни один настоящий моряк по совести не дал бы такого совета. Надо рехнуться, чтобы бросить якорь у подветренного берега в такую бурю, пока хоть один лоскут паруса может держаться на мачте. Не могу же я так осрамиться перед теми, кто застраховал корабль. Бросить якорь у самых бурунов — да ведь это чистое безумие!

— "Резвый" застраховал его величество король, Кэп, а я отвечаю за жизнь моих подчиненных. Джаспер и лоцман лучше нашего знают озеро Онтарио. Думаю, что, если они оба твердят одно и то же, к их словам стоит прислушаться.

— Дядюшка! — умоляюще начала Мэйбл, но сдержалась, увидев предостерегающий жест Джаспера.

— Нас так быстро относит к бурунам, — сказал молодой капитан, — что нельзя больше тратить время на рассуждения. Через полчаса все так или иначе само собой разрешится; но я предупреждаю мастера Кэпа, если "Резвый" налетит на подводные камни, ни один человек

среди нас, как бы крепко он ни держался на ногах, ни минуты не устоит на палубе. И я почти не сомневаюсь, что куттер разобьется вдребезги, не достигнув даже второй гряды бурунов.

— Но чем тут поможет якорь? — воскликнул Кэп в бешенстве, точно Джаспер нес ответственность за последствия шторма так же, как и за свои слова.

— Вреда от него, во всяком случае, не будет, — терпеливо возразил Джаспер — Пресная Вода. — Поставив судно носом против ветра, мы замедлим дрейф, и, даже если нас потащит через гряду подводных камней, после того как мы закрепимся на якоре, опасность намного уменьшится. Я прошу вас, мастер Кэп, об одном: разрешите лоцману и мне все подготовить к спуску якорей. Такая предосторожность может оказаться полезной и отнюдь не испортит дела.

— Ладно, разматывайте ваши бухты, если хотите, готовьте якоря, сделайте милость. Мы в таком положении, что от ваших маневров ничего не изменится Сержант, прошу тебя, поди сюда, мне надо поговорить с тобой.

Кэп отвел сержанта в сторону, чтобы их не могли услышать, и с непривычным для него глубоким чувством, без утайки заговорил о трудности их положения.

— Печальная история для бедняжки Мэйбл, — сказал он дрожащим голосом и громко высморкался, — мы с тобой, сержант, стреляные солдаты, нам не привыкать смотреть смерти в глаза, не раз были мы на волосок от нее. Такова наша служба. Но бедная девочка, у нее такое любящее, доброе сердце... Я-то надеялся дожить до того времени, когда она заживет своим домом и станет матерью. Ну, что поделаешь, мы должны стойко встречать и хорошее и дурное. Мне, старому моряку, не по нутру лишь то, что такая оказия приключилась со мной в этой проклятой пресной луже.

Сержант Дунхем был человек храбрый и не раз выказывал мужество в положениях, казалось бы, куда более безвыходных, чем нынешнее. Но тогда он мог давать отпор неприятелю; здесь же он не знал, как противостоять враждебной силе. Он тужил не столько о себе, сколько о дочери, ибо уверенность в себе, редко покидающая человека твердой воли и крепкого здоровья, привыкшего полагаться только на себя в минуты опасности, не изменила ему и сейчас. Но он не видел никакой возможности спасти Мэйбл и как любящий отец сразу принял решение, если уж его дочери суждено погибнуть, то и он погибнет вместе с ней.

— Ты в самом деле думаешь, что катастрофа неизбежна? — спросил он у Кэпа твердым голосом, стараясь скрыть свое волнение.

— Через двадцать минут нас выбросит на камни, и погляди-ка — может ли даже самый сильный из нас уцелеть в этом бурлящем котле?

Зрелище и впрямь было устрашающее. К этому времени "Резвый" отделяла от берега всего одна миля, ветер гнал его под прямым углом с дикой силой, и нечего было и помышлять о том, чтобы поднять дополнительные паруса и повернуть судно по ветру. Небольшая, еще не зарифленная часть грота с трудом удерживала нос корабля ближе к ветру, чтобы волны не перехлестывали через палубу; весь он трепетал и скрипел под бешеными порывами урагана, каждую секунду казалось, что крепкая снасть, на которой держится парус, вот-вот порвется. Дождь прекратился, в безоблачном небе ослепительно сияло солнце, но воздух над озером, примерно на сто футов в высоту, был пронизан водяной пылью, похожей на сверкающий туман. Джаспер обратил внимание на эту приметку и предсказал близкое окончание шторма; но все же их участь должна была решиться самое большее через час или два. Вид между куттером и землей был еще более страшным и зловещим. Гряда бурунов тянулась вдоль берега почти на полмили; за грядой кипела белая пена, а воздух был весь насыщен испарениями и брызгами; за ними смутно, будто подернутая дымкой, едва просвечивала линия берега, в этом месте очень крутого, что для озера Онтарио весьма необычно, и окутанного зеленой мантией девственного леса.

Пока сержант и Кэп молча созерцали эту картину, Джаспер и его люди на баке рьяно взялись за дело. Едва только молодому человеку возвратили его права, как он тотчас же потребовал себе в помощь нескольких солдат, выбрал пять или шесть человек и приступил к выполнению задуманного маневра, торопясь наверстать упущенное время. При плавании на

узких озерах якоря никогда не убирают на борт судна а якорные канаты не закрепляются, и это избавило Джаспера от лишней работы, неизбежной на морском корабле. Два станковых якоря уже были приготовлены к спуску, бухты канатов размотаны, но тут Джаспер приостановил работу, желая еще раз осмотреться.

Никакой перемены к лучшему пока не замечалось, куттер медленно дрейфовал к берегу, и с каждой секундой становилось яснее, что его не удастся повернуть ни на один дюйм ближе к ветру.

Молодой капитан, еще раз внимательно оглядев озеро, отдал новое приказание тоном, доказывающим, что нельзя терять ни минуты. Два стоп-анкера уже стояли на палубе, к ним привязали канаты, другие концы которых прикрепили к станковым якорям, — словом, все было готово, чтобы выбросить их в любую минуту. Приняв все эти меры предосторожности, Джаспер несколько успокоился; страшное напряжение уступило место сосредоточенной решимости. Он ушел с бака, который захлестывало каждый раз, когда "Резвый" зарывался носом в волну, так что работавших с лихорадочной поспешностью матросов почти все время окатывало водой. Джаспер перебрался на шканцы, где было посуше, и присоединился к Следопыту, стоявшему рядом с Мэйбл и квартирмейстером. Большая часть пассажиров, за исключением тех, о ком здесь уже упоминалось, находилась внизу; одни лежали на койках, надеясь найти облегчение от мучительной морской болезни, другие предавались запоздалому раскаянию в своих грехах. С того часа, как киль "Резвого" погрузился в прозрачные воды Онтарио, на его борту, пожалуй, впервые прозвучали слова молитвы.

— Джаспер, — обратился к своему другу Следопыт, — сейчас от меня мало проку, мои способности, как тебе известно, не могут пригодиться на корабле; но если будет на то воля всевышнего и дочь сержанта выйдет живой на берег, то уж в лесу это будет моей заботой доставить ее невредимой в гарнизон.

— Ах, Следопыт, до крепости так далеко! — вмешалась Мэйбл, услышавшая его слова. — Боюсь, что никто из нас уже не попадет туда!

— Да, это опасная и извилистая тропа; но есть женщины, которые еще и не то переносили в нашей лесной глуши. Вот что, Джаспер: кто-нибудь из нас, ты или я, или мы оба должны переправить Мэйбл на берег в пироге: нет другого средства спасти ее.

— Я готов везти Мэйбл на чем угодно, лишь бы помочь ей, — отвечал Джаспер с грустной улыбкой, — но рука человека не в силах в такую бурю провести лодку через буруны. И все же я еще не потерял надежды бросить якорь. Однажды нам удалось таким образом вызволить "Резвый" почти из такой же беды.

— Если уж решено бросать якорь, Джаспер, то почему бы не сделать это сразу? — спросил сержант. — Ведь каждый фут, который мы теряем теперь, будет иметь значение, когда начнется наш дрейф на якоре.

Молодой человек шагнул к сержанту, схватил его руку и крепко сжал ее, не в состоянии сдержать сильнейшее волнение.

— Сержант Дунхем, — проговорил он торжественно, — вы прекрасный человек, хотя недавно жестоко обошлись со мной. Скажите, вы любите свою дочь?

— Неужели вы в этом сомневаетесь. Пресная Вода? — ответил сержант хриплым голосом.

— Хотите вы дать ей, дать всем нам единственную возможность спастись от смерти?

— Что я должен для этого сделать, мой мальчик? Что я должен сделать? До сих пор я поступал, как мне подсказывала совесть, — скажи, что я должен делать теперь?

— Поддержите меня всего минут пять, не больше, против мастера Кэпа, и все, что может сделать человек для спасения "Резвого", будет сделано!

Сержант был в нерешимости; он слишком привык к дисциплине, чтобы отменить свой же приказ, но не терпел и колебаний; вместе с тем он питал величайшее почтение к познаниям своего шурина в мореплавании. Пока он раздумывал, Кэп отошел от штурвала, где наблюдал за работой рулевого, и приблизился к беседующим.

— Мастер Пресная Вода, — сказал он, подойдя к ним, — я хочу спросить вас, не знаете

ли вы здесь местечка, где можно было бы выбросить куттер на берег? Настала минута, когда мы должны прибегнуть к этому отчаянному средству.

Минутное колебание Кэпа придало Джасперу смелости. Бросив взгляд на сержанта, ответившего ему в знак согласия еле заметным кивком, молодой капитан не стал терять ни минуты драгоценного времени.

— Можно мне стать у руля? — спросил он Кэпа. — Попробую, не удастся ли нам достичь вон той бухты, что у нас под ветром.

— Валяйте, валяйте, — согласился тот, покашливая, чтобы прочистить горло; он был крайне подавлен ответственностью, которая все тяжелее давила на его плечи, оттого что он понимал свое бессилие. — Валяйте, Пресная Вода! Откровенно говоря, я не вижу иного выхода. Нам остается либо выброситься на берег, либо утонуть.

Джаспер только того и ждал: он кинулся на корму и схватил румпель. Лоцман без слов понял его намерение: по знаку своего капитана он немедленно убрал последний лоскут грота, и в то же мгновение Джаспер, словно подстерегавший это движение, резко повернул руль, стаксель заполоскал, и легкий куттер, будто почувствовав, что попал опять в привычные руки, наклонился вперед и скользнул между валами. Этот опасный маневр прошел благополучно, а в следующую минуту маленькое суденышко уже несло прямо на буруны с такой быстротой, что гибель его казалась неизбежной. До берега оставалось совсем мало, но Джасперу для выполнения задуманного хватило пяти-шести минут. Он опять резко положил руль на борт, и "Резвый", несмотря на высокую волну, грациозно повернулся носом к ветру, будто утка, делающая поворот на зеркальной глади пруда. Один знак Джаспера — и на баке закипела работа. Вскоре с каждого борта бросили по стоп-анкеру. Теперь даже Мэйбл стало ясно, как быстро дрейфует куттер, потому что оба каната раскручивались, словно тонкие бечевки. Как только они слегка натянулись, спустили якоря и закрепили канат у самого конца. Удержать такое легкое судно при помощи превосходных канатов и якорей было делом нетрудным. Не прошло и десяти минут, как Джаспер стал у руля, а "Резвый" уже плясал на волнах носом против ветра; два неподвижных каната тянулись от него прямыми линиями, напоминая длинные железные брусья.

— Как вы смели, мастер Джаспер! — сердито рявкнул Кэп, увидев, что его обвели вокруг пальца. — Как вы смели, сэр! Приказываю вам обрубить канаты, не медля ни минуты, и выбросить куттер на берег!

Но никто, по-видимому, не был расположен выполнять его приказание. С той минуты, как Пресная Вода принял командование, матросы повиновались только ему. Заметив, что люди бездействуют, и думая, что судно сейчас потонет, Кэп опять гневно накинулся на Джаспера.

— Почему вы не правили к вашей чертовой бухте, я вас спрашиваю! — орал он, сопровождая свои слова потоком брани, которую мы не считаем возможным здесь воспроизвести. — Для чего правите на скалы? Ведь там судно разобьется в щепы, и мы все, как один, пойдем ко дну!

— И вы хотите обрубить канаты и выброситься на берег именно в этом месте? — сухо возразил ему Джаспер.

— Сейчас же бросьте лот и определите скорость дрейфа! — прорычал Кэп матросам, стоявшим на баке.

Джаспер знаком подтвердил это приказание, и оно было немедленно выполнено. Все столпились на палубе и затаив дыхание следили за лотом, ожидая, что покажет проверка. Лот еще не успел достигнуть дна, а лить уже натянулся, и через две минуты стало ясно, что куттер дрейфует прямо к утесу на длину своего корпуса в минуту. Джаспер помрачнел: он прекрасно понимал, что если "Резвый" попадет в водоворот бурунов, первая гряда которых то набегала, то откатывалась на расстоянии кабельтова от кормы, то никто уже не сможет спасти судно.

— Предатель! — закричал Кэп, грозя молодому капитану пальцем и задыхаясь от гнева. — Ты ответишь за это своей жизнью! — добавил он, когда ему удалось перевести

дух. — Будь я начальником экспедиции, сержант, уж я бы вздернул этого удальца на верхушке грот-мачты, пока он не улизнул вплавь!

— Умерь свой гнев, зять, прошу тебя, успокойся! Мне кажется, что Джаспер распорядился как следует! Дело, пожалуй, не так уж плохо, как тебе представляется.

— Почему он не правил к бухте, как обещал? Для чего он привел нас сюда, к этому утесу, где подводные камни стоят теснее, чем в других местах, словно ему не терпится утопить нас всех как можно скорее?

— Я правил на утес именно потому, что камни здесь стоят тесней, — объяснил молодой человек спокойно, хотя и был оскорблен до глубины души грубостью старого моряка.

— И вы думаете убедить меня, бывалого морского волка, что куттер сможет уцелеть в этих бурунах?

— Нет, сэр, не собираюсь. Я знаю и то, что он наберет воду и затонет, как только напорется на первую же гряду камней. Попав в водоворот, он непременно разобьется в щепы. Моя задача — не подпустить судно к бурунам.

— При дрейфе на длину судна в минуту?!

— Якоря пока еще недостаточно крепко зацепились за грунт, но я и не надеюсь, что они полностью остановят дрейф.

— А на что же вы надеетесь? Пришвартовать судно от носа до кормы к вере, надежде и любви?

— Нет, сэр, вся моя надежда — на подводное течение. Я держал на этот утес потому, что знаю — тут течение сильней, чем в других местах. Кроме того, здесь мы можем подойти ближе к берегу, минуя подводные камни.

Джаспер говорил убежденным тоном, стараясь не обнаружить своего негодования. Его слова произвели заметное впечатление на Кэпа. Он был, видимо, крайне изумлен.

— Гм... подводное течение, — повторил он. — Да где это слыхано, черт возьми, что можно спастись от кораблекрушения, используя подводное течение!

— Возможно, этого не бывает на океане, сэр, — скромно согласился молодой капитан, — но здесь мы знавали такие случаи.

— Парень прав, братец Кэп, — вмешался сержант. — Я хоть мало понимаю, в чем тут дело, но часто слышал разговоры об этом среди матросов, плавающих на нашем озере. И лучше всего для нас — положиться на Джаспера.

Кэп ворчал и проклинал все на свете, но, не видя другого выхода, вынужден был сдаться. Джаспера попросили объяснить, что он подразумевает под подводным течением, и он рассказал все, что знал. Масса воды, которая во время шторма накатывается на берег, должна найти какой-то путь обратно. На поверхности озера, где ветер и волны постоянно гонят воду назад к берегу, путь для нее закрыт, и поэтому неизбежно образуются глубинные водовороты, которые и возвращают воду назад, в ее извечное ложе. Такое глубинное течение и получило название подводного; оно не может не влиять на ход корабля с такой глубокой осадкой, как у "Резвого". Джаспер надеялся, что подводное течение предотвратит разрыв якорных цепей, иначе говоря — что верхний и нижний потоки будут как бы противодействовать один другому.

При всей простоте и убедительности этой теории, пока было маловероятно, что она оправдается на практике. Дрейф продолжали, но, по мере того как якоря стали забирать, он явно замедлился. Наконец матрос, орудовавший лотом, радостно сообщил, что якоря перестали чертить дно и куттер остановился! В эту минуту первая гряда бурунов была примерно в ста футах перед кормой "Резвого" и даже казалась еще ближе, когда волны, то набегаая, то уходя от линии прибоя, оставляли за собой хвосты белой пены, Джаспер кинулся на бак, перегнулся через борт и ликующе засмеялся, с торжеством указывая на якорные тросы. Теперь они уже не были похожи на неподвижные, железные брусья, а ослабли и опустились книзу, так что любому моряку сразу было ясно, что куттер свободно качается на волнах, как это бывает во время прилива и отлива, когда силе ветра противодействует напор

воды.

— Вот оно, подводное течение! — воскликнул Джаспер, весь сияя; он помчался вдоль палубы к рулю и повернул его так, чтобы куттер еще свободней двигался на якорях. — Господу было угодно привести нас прямо к этому течению, теперь опасность миновала!

— Да, да, видать, господь неплохой моряк, — ворчал Кэп, — и часто помогает неучам выпутываться из беды. Подводное, надводное — это еще бабушка надвое сказала! Просто шторм угомонился, и якоря, к нашему счастью, крепко уцепились за грунт. Да и вообще тут дело нечисто, в этой проклятой пресной луже!

Человек мало расположен спорить с фортуной, когда она ж ему благосклонна; он становится недовольным и придирчивым лишь тогда, когда она поворачивается к нему спиной. Почти никто на куттере не сомневался, что они обязаны своим спасением только искусству и распорядительности молодого капитана, и теперь нисколько не считались с мнением Кэпа и с его замечаниями.

Еще около получаса положение куттера, правда, оставалось неопределенным и внушало тревогу; это время все со страхом следили за лотом. Наконец все убедились, что опасность позади, и утомленные люди крепко и спокойно заснули, уже не видя перед собой призрака неминуемой гибели.

Глава XVIII

Вздыхать и плакать беспрестанно,

.....

Быть верным и готовым на служенье,

.....

Быть созданным всецело из фантазий,

Из чувств волнующих и из желаний.

Боготворить, покорствовать, служить,

Терпеть, смиряться, забывать терпенье,

Быть чистым и сносить все испытанья.

Шекспир,

"Как вам это понравится"

К полудню шторм стал утихать. Ярость его иссякла так же внезапно, как и вспыхнула. Прошло два часа, как ветер улегся, и бурное озеро уже не сверкало пенистыми гребнями, а через четыре часа оно являло собой обычную картину взбудораженной водной стихии. Волны еще набегали на берег непрерывной чередой, еще перекатывались буруны, но уже не взлетали вверх облака брызг; водяные валы становились более пологими, и волнение, вызванное налетевшим шквалом, постепенно успокаивалось.

Однако маленькое судно не способно было бороться с довольно сильной волной при таком легком встречном ветре, дувшем с востока, и на сегодня пришлось оставить мысль об отплытии. Джаспер, опять спокойно взявший в свои руки командование "Резвым", приказал поднять становые якоря, приготовить к подъему стоп-анкеры и привести куттер в полную готовность, чтобы ничто не помешало ему отплыть, как только позволит погода. Те, кто был свободен от этих обязанностей, старались чем-нибудь развлечься, насколько это возможно в таких условиях.

Мэйбл, как обычно бывает с людьми, не привыкшими к ограниченному пространству корабля, с тоской поглядывала на берег и наконец выразила желание, если это возможно, очутиться опять на суше. Следопыт, стоявший рядом с нею, заверил, что нет ничего проще, потому что на борту имеется пирога, а на ней всего удобнее пересечь полосу прибоя. После недолгих колебаний и сомнений обратились к сержанту; тот дал согласие, и тотчас все заторопились с приготовлениями, чтобы выполнить прихоть Мэйбл.

На берег должны были отправиться втроем; сержант Дунхем, его дочь и Следопыт. Мэйбл, уже путешествовавшая в пироге, храбро заняла место посредине, отец уселся на

носу, а проводник стал на корме, собираясь править. Следопыту почти не приходилось грести: волны порой гнали лодку с такой стремительностью, что управлять ее движением было невозможно. Не раз корила себя Мэйбл за опрометчивость, прежде чем они достигли берега, но Следопыт ободрял ее и проявлял такое самообладание и хладнокровие, такой твердой рукой вел пирогу, что даже самая изнеженная девица постеснялась бы в его присутствии обнаружить свой страх. Нашу героиню нельзя было упрекнуть в трусости; несмотря на всю необычайность обстановки, это плавание доставляло ей живейшее удовольствие. Правда, когда их легкое, как скорлупка, суденышко взлетало на гребень волны и, подобно ласточке, быстро скользило вниз, сердце у нее замирало. Но, как только опасный вал оставался позади, Мэйбл, словно стыдясь, что испугалась бурного бега волн, сразу успокаивалась и начинала смеяться. Однако все ее тревожения очень скоро кончились; хотя расстояние между куттером и берегом составляло не менее четверти мили, пирога очень быстро преодолела этот путь.

Сойдя на берег, сержант нежно поцеловал дочь. Как истый солдат, он чувствовал себя уверенней на твердой почве, чем на воде; взяв ружье, он объявил, что намерен побродить часок в лесу и поохотиться.

— Следопыт останется с тобой, дочка, и, не сомневаюсь, он расскажет тебе много занятного о нравах нашего дикого края или же о своих стычках с мингами. Проводник улыбнулся и пообещал оберегать Мэйбл; и вскоре сержант, взобравшись по крутому склону, скрылся в лесу. Следопыт с девушкой направились в другую сторону, и через несколько минут крутая тропинка привела их на небольшой скалистый мыс, откуда открывался широкий и своеобразный вид. Мэйбл присела на обломок скалы, чтобы отдышаться, а ее спутник, чье мускулистое тело, казалось, не испытывало никакой усталости от утомительного подъема, стал рядом с ней, опираясь с не лишенной изящества непринужденностью на свое длинное ружье. Некоторое время прошло в молчании, Мэйбл благоговейно созерцала расстилавшуюся перед ней панораму.

Место, где они остановились, возвышалось над далеко раскинувшимся озером, необозримая поверхность которого тянулась к северо-востоку; все оно сверкало под лучами послеполуденного солнца и еще хранило следы пронесшегося над ним недавнего шторма. Берега охватывали озеро гигантским полукругом, очертания их теряясь вдали, к юго-востоку и северу. Вокруг, насколько можно было окинуть взглядом, не видно было ничего, кроме леса без конца и края, — ни малейшего признака цивилизации, ничего, что нарушало бы единообразие и грандиозное величие природы. Шторм занес куттер за линию укреплений, которыми французы стремились опоясать владения англичан в Северной Америке; следуя по водным путям, соединяющим Великие Озера, неприятен! расположил свои форты по берегам Ниагары. Между тем наши путники очутились на несколько миль к западу от этой знаменитой реки. Вдали, за полосой бурунов, на одном якоре покачивался "Резвый". Сверху он был похож на изящную, тщательно сделанную игрушку; казалось, ему скорей было место под стеклянным колпаком, нежели среди разбушевавшейся стихии, с которой ему так недавно пришлось бороться. Пирога лежала на узкой отмели, недостижимой для волн, с шумом ударявшихся о берег, и выделялась на прибрежной гальке темным пятнышком.

— Как мы далеко здесь от человеческого жилья! — воскликнула Мэйбл, вдоволь налюбовавшись живописной панорамой, наиболее примечательные особенности которой запечатлелись в ее живом воображении. — Вот что значит очутиться на самой границе!

— А там, на побережье океана и вокруг больших городов, есть такая красота? — с нескрываемым любопытством спросил Следопыт.

— Пожалуй, что нет, — ответила Мэйбл. — Там все окружающее заставляет вас думать больше о людях и отвращает мысли от бога.

— Вот-вот. Мэйбл, и мне то же самое подсказывает сердце. Я всего только простой охотник, необразованный, неотесанный, я сам это знаю; но здесь, в моем доме, бог так же близок ко мне, как он близок к королю в его дворце.

— Я согласна с вами, — сказала Мэйбл, глядя на резкие, но благородные черты лица своего спутника, несколько удивленная горячностью его слов. — В таком уединении, я думаю, чувствуешь себя как-то ближе к богу, чем в городе, где тебя то и дело отвлекает городская суета.

— Вы будто прочитали мои мысли, Мэйбл, но высказали их так понятно и ясно, что мне после вас было бы совестно передавать их своими словами. Берега этого озера я исходил еще до начала войны, охотясь за пушным зверем, и здесь я уже побывал: правда, не на этом самом месте, а вон там, где, видите, над пихтами торчит расщепленный молнией дуб.

— Как, Следопыт, неужели вы помните такие подробности?

— Эти леса — наши улицы и дома, наши храмы и дворцы. Как же мне их не помнить? Как-то раз мы с Великим Змеем уговорились встретиться через полгода, ровно в полдень, у одной сосны, хотя сами находились в трехстах милях от нее. Дерево стояло тогда и, если только в него по воле провидения не ударила молния, наверное, и поныне стоит на том же месте, в самой глухой чаще леса, в пятидесяти милях от человеческого жилья. Но зато там окрест водится великое множество бобров.

— И вы в самом деле встретились в условленном месте и в условленный час?

— Разве солнце не всходит и не заходит каждый день? Когда я подошел к сосне. Великий Змей уже стоял там, прислонившись к стволу, в изодранных штанах и облепленных грязью мокасилах. Делавар попал в болото, и ему стоило немалого труда выбраться оттуда, но так же, как солнце утром выплывает из-за холмов на востоке и прячется вечером за горами на западе, так и он в точно назначенный час был на месте. В таком человеке нельзя сомневаться: Чингачгук всегда точен и верен своему слову, кому бы он его ни дал — Другу или недругу.

— А где же делавар сейчас? Почему он не с нами сегодня?

— Он выслеживает мингов, да и мое место, по совести, тоже там, но что делать — натура человеческая слаба...

— Что вы, Следопыт! Напротив, вы кажетесь мне сильней, мужественней, выше других. Я еще не встречала никого, кому от природы была бы менее присуща слабость.

— Если вы разумеете здоровье и силу, Мэйбл, то природа действительно не обидела меня ни тем, ни другим, хотя я полагаю, что всякий, кто дышит чистым воздухом, подолгу охотится, постоянно ищет след врага, ест здоровую, добытую в лесу пищу и засыпает с чистой совестью, может долго держать лекарей на расстоянии; но я ведь тоже человек! Да, я замечаю, что и у меня такие же чувства, как у всех!

Мэйбл взглянула на него в недоумении, и мы обнаружили бы незнание женского характера, если бы не добавили, что ее личико выразило сильное любопытство, хотя она из скромности не задала Следопыту ни одного вопроса.

— В вашей жизни среди нетронутых лесов есть что-то чарующее. Следопыт! — воскликнула она, волнуясь и слегка краснея. — Мне кажется, я очень скоро стану настоящей жительницей границы. Мне уже начинает нравиться это великое безмолвие лесов. Города теперь кажутся мне скучными, и, если батюшка захочет провести остаток своих дней здесь, где он прожил столько лет, я буду счастлива остаться с ним и не захочу возвращаться на побережье.

— Леса никогда не бывают безмолвны для тех, кто понимает их язык, Мэйбл. Мне приходилось помногу дней бродить в лесу одному, и я не нуждался в обществе человека; а что касается разговоров, то умею только различать голоса леса, и ты услышишь немало разумных и поучительных речей.

— Я даже думаю. Следопыт, что в одиночестве вы счастливей, чем в обществе людей.

— Я бы этого не сказал. Нет, не сказал бы. Было время, когда я довольствовался тем, что в лесу рядом со мной бог, и желал только его покровительства и заботы. Но теперь в моей душе взяли верх иные чувства. Видно, природа требует своего. Все живое ищет себе пару, Мэйбл, таков закон, и человек тоже должен ему подчиниться.

— А вы никогда не подумывали о том. Следопыт, чтобы найти себе жену, которая

делила бы с вами радость и горе? — спросила девушка прямодушно и непосредственно, как это может сделать только отзывчивая женщина с чистым и неискушенным сердцем. — Я убеждена, что для полного счастья вам не хватает только домашнего очага, где бы вы находили отдых после ваших скитаний. Будь я мужчиной, с каким наслаждением бродила бы я по здешним лесам и плавала бы по этому чудесному озеру!

— Спасибо на ласковом слове, Мэйбл. Да благословит вас господь за то, что вы с таким участием думаете о благе простых людей вроде меня. У каждого, конечно, свои радости, как и свои таланты, это верно, но каждый ищет своего счастья, да, я так думаю.

— Счастья, Следопыт? Но какого же? А этот прозрачный воздух, прохладные тенистые леса, где вы бродите, это прекрасное озеро, которое у вас всегда перед глазами и по которому вы плаваете, чистая совесть, изобилие всего, что насущно необходимо человеку, — разве все это не может составить счастья человека, насколько это возможно при слабости его натуры?

— У каждой живой твари свои свойства, Мэйбл, таков же и человек, — отвечал проводник, украдкой взглянув на свою хорошенькую спутницу; щеки ее пылали, глаза блестели, она была возбуждена этой необычайной для нее беседой, — И все должны с ними считаться. Видите ли вы вон там, вдали, голубя? Он только что опустился на бук возле поваленного каштана.

— Да, вижу. Кажется, он единственное живое существо, кроме нас, в этом глухом уединении.

— Да нет же. Мэйбл, нет! Ни одно живое существо не должно оставаться одиноким. Так предназначено богом. Взгляните, вон летит его подруга. Она искала корм у того берега, но не хочет надолго разлучаться со своей парой.

— Я понимаю вашу мысль. Следопыт, — ласково улыбаясь, ответила Мэйбл так спокойно, будто разговаривала с родным отцом. — Но разве охотник не может найти себе подругу даже в этом диком краю? У индейских девушек, я слыхала, нежные и преданные сердца. Вспомните, как любит Разящую Стрелу его жена, даром что он чаще хмурится, чем улыбается.

— Этому не бывать, Мэйбл, ничего путного из такого брака не выйдет. Каждое племя льнет к своему племени, каждый народ — к своему народу, иначе счастья не жди. Вот если бы я встретил девушку, такую, как вы, и она согласилась бы стать женой охотника и не презирала бы меня за невежество и грубость, тогда весь труд прошлых лет показался бы мне игрой резвящегося молодого оленя, а будущее — солнечным сиянием.

— Похожую на меня? Девушка моего возраста, столь неблагоприятная, вряд ли годится в жены самому храброму разведчику, самому меткому стрелку на всей границе!

— Ах, Мэйбл, сдается мне, что при натуре бледнолицего я и впрямь так развил в себе склонности краснокожего, что мне теперь впору жениться только на девушке из индейского селения, — Но, Следопыт, я надеюсь, вы не собираетесь жениться на такой тщеславной, легкомысленной девушке, как я? — У Мэйбл чуть не вырвалось "и такой молодой", но врожденное чувство деликатности заставило ее сдержаться.

— А почему бы и нет, Мэйбл? Пусть вы незнакомы с нашими обычаями на границе, зато вы лучше всех нас знаете городские нравы и так хорошо о них рассказываете! Вы говорите, будто вы легкомысленны, но я просто не знаю, что вы под этим подразумеваете. Ах, если легкомыслие означает красоту, то тем лучше! Боюсь, что это не порок в моих глазах. И, уж во всяком случае, вы не тщеславная: с каким милым вниманием вы всегда слушаете мои нехитрые рассказы об охоте и о лесных странствованиях! Ну, а опытность придет с годами. Кроме того, я опасаясь, Мэйбл, что мужчины, выбирая жену, мало думают обо всем этом; так мне кажется...

— Следопыт... ваши слова... ваш взгляд, все это, конечно, не серьезно? Вы просто шутите.

— Для меня радость побыть с вами, Мэйбл, и я спал бы эту ночь спокойнее, чем всю прошедшую неделю, если бы мог надеяться, что вам наша беседа так же приятна, как мне.

Мы не станем утверждать, будто Мэйбл Дунхем не замечала, что она нравится проводнику. Тонкая женская наблюдательность уже давно подсказала ей это; быть может, она иногда даже задумывалась о том, что к его заботливости и дружбе отчасти примешивается мужская нежность, которая даже у самого грубого мужчины порой прорывается по отношению к женщине; но мысль, что он может возыметь серьезное намерение жениться на ней, до сих пор не приходила в голову чистой и чуждой лукавства девушке. Однако теперь в ее сознании мелькнул проблеск истины, пожалуй, не столько под влиянием его слов, сколько его тона. Мэйбл внимательно посмотрела на суровое, открытое лицо охотника, и ее собственные черты приобрели выражение сосредоточенности и задумчивости. Когда она снова заговорила, ему больше хотелось верить мягким интонациям ее голоса, нежели словам, означавшим отказ.

— Следопыт, нам надо объясниться, — начала она искренне и задушевно. — Ни одно облачко не должно омрачать нашу дружбу. Вы так прямодушны и откровенны со мной, что я должна платить вам такой же честностью и откровенностью. Ведь правда же, правда, все это шутка? Разумеется, вы просто хотите сказать, что питаете ко мне только чувство дружеской привязанности, естественной со стороны человека с вашей мудростью и опытом к такой девушке, как я.

— Да, да, Мэйбл, все это вполне естественно. Сержант уверял, что у него с вашей матушкой все начиналось совершенно так же, да и сам я наблюдал подобные чувства у молодых людей, которым иногда служил проводником в лесной чащобе. Да, да, конечно, это чувство очень естественно, — вот почему оно так легко возникло и так радостно у меня на душе.

— Меня пугают ваши слова. Следопыт! Говорите ясней, или, еще лучше, вовсе оставим этот разговор. Ведь не хотите же вы... не можете вы думать... ведь не хотите же вы сказать...

Даже Мэйбл, всегда такая находчивая, совсем растерялась, стыдливость помешала ей продолжать и высказать Следопыту то, что она думает. Наконец, собравшись с духом и решившись как можно скорей выяснить правду до конца, она продолжала после минутного колебания:

— Не правда ли, Следопыт, вы не хотите сказать, что собираетесь на мне жениться?

— То-то и есть, Мэйбл, что собираюсь! Но только вы это выразили гораздо проще и яснее, чем я своим неповоротливым языком лесного жителя. Мы с сержантом так и порешили, только было бы на то ваше согласие. И ведь он уверял меня, что вы непременно согласитесь, хоть я и сомневался, что могу понравиться девице, достойной самого лучшего мужа во всей Америке.

На лице Мэйбл отразились сперва растерянность, потом изумление, сменившееся глубокой печалью.

— Отец! — воскликнула она горестно. — Мой дорогой отец думает, что я буду вашей женой, Следопыт?

— Да, да, Мэйбл, он так думает! Он даже говорил, что вы будете довольны, и почти заставил меня поверить, что это возможно.

— Но вы... вы, конечно, не придаете большого значения тому, сбудутся ли эти странные надежды?

— Что-то не пойму...

— Я хочу сказать, Следопыт, что вы вели эти разговоры с батюшкой скорее из желания сделать ему приятное, чем с какой-нибудь иной целью. И я надеюсь, что ваше отношение ко мне не изменится, какой бы ни был мой ответ?

Разведчик пристально смотрел на прелестное лицо Мэйбл, которое разгорелось ярким румянцем от этих новых и удивительных для нее переживаний. Нельзя было ошибиться при виде Следопыта: в каждой черточке его открытого лица выражалось безграничное восхищение.

— Я часто чувствовал себя счастливым, когда, полный сил и здоровья, бродил по лесу

после удачной охоты, вдыхая чистый воздух гор, но теперь я понимаю, что все это вздор и пустяки; если бы я узнал, что вы обо мне лучшего мнения, чем о других, — вот было бы настоящее счастье!

— О вас? Конечно, я лучшего мнения о вас, чем о многих других. Следопыт. Я даже уверена, что никого так не ценю, как вас. Вряд ли найдется на всем свете человек, равный вам по честности, прямооте, скромности, справедливости и отваге.

— Ах, Мэйбл, как ободряют меня ваши ласковые слова! Пожалуй, сержант не так уж ошибался, как я полагал.

— Следопыт! Во имя всего святого, прошу вас, поймите меня наконец! В таком важном вопросе между нами не должно быть никаких недомолвок... Как я ни ценю, как ни уважаю вас... да, я почитаю вас чуть ли не как родного отца, но женой вашей я не буду никогда. Я...

Лицо ее спутника изменилось столь внезапно и столь разительно, впечатление от ее слов так мгновенно отразилось в чертах Следопыта, что Мэйбл потеряла дар речи, несмотря на сильное желание довести объяснение до конца. Боязнь причинить ему страдание заставила ее смолкнуть. Некоторое время никто из них не произносил ни слова. Суровое лицо охотника обличало такое разочарование, оно исказилось такой жестокой мукой, что Мэйбл испугалась. Удар, поразивший Следопыта, был слишком силен, он даже схватился рукой за горло, словно желая облегчить невыносимую физическую боль. При виде того, как судорожно сжались его пальцы, взволнованную Мэйбл охватил ужас.

— Следопыт, — горячо заговорила она, немного овладев собой, — я, быть может, сказала больше, чем хотела, все на свете возможно — недаром говорят, что женщины сами не знают, чего хотят. Вы должны понять только одно: мы оба, вы и я, вряд ли когда-нибудь будем питать друг к другу чувства, которые должны питать друг к другу муж и жена...

— Я не буду... я никогда больше не буду так думать о вас, Мэйбл, — с трудом проговорил Следопыт, выжимая слова, будто стараясь освободиться от душившей его тяжести. — Нет-нет... Никогда больше я не буду так думать ни о вас, ни о какой другой женщине...

— Следопыт, дорогой Следопыт, не поймите меня превратно... не ищите в моих словах больше того, что я хотела сказать... но... союз между нами был бы неблагоприятным, может быть, даже неестественным...

— Да, он был бы неестественным, да, неестественным... я то же самое говорил сержанту, да ведь он-то твердит свое...

— Ах, Следопыт, это тяжелее, чем я себе представляла!.. Дайте мне руку, мой милый друг Следопыт, докажите, что вы не возненавидели меня. Умоляю вас, ради бога, улыбнитесь хоть разок!

— Мне вас ненавидеть, Мэйбл? Улыбнуться вам?

— Нет, дайте мне вашу руку, вашу восхитительную, преданную, мужественную руку, — обе, обе дайте. Следопыт. Я не найду покоя, пока не уверюсь, что мы опять, постарому, друзья и что все это было только недоразумением.

— Мэйбл, — сказал проводник, с грустью глядя на благородную, пылкую девушку, схватившую его за грубые, коричневатые от загара руки своими тонкими, нежными пальчиками, и засмеялся своим особенным беззвучным смехом, в то время как на лице его, не способном скрыть обуревавшие его противоречивые чувства, читалась вся глубина его страданий, — Мэйбл, значит, сержант ошибся.

Следопыт не мог больше совладать с собой, слезы градом покатались по его щекам. Пальцы опять конвульсивно схватились за горло, а грудь тяжело вздымалась, будто на ней лежало невыносимое бремя и он тщетно силился сбросить его.

— Следопыт, Следопыт... — сама чуть не плача, говорила Мэйбл, — не надо, прошу вас, не надо! Скажите мне хоть слово, улыбнитесь... хоть словечко в знак прощения!

— Сержант ошибся! — воскликнул Следопыт, стараясь улыбнуться сквозь слезы, и это неестественное сочетание внутренней муки с показной, внешней беспечностью до глубины души тронуло Мэйбл. — Я это знал... я говорил ему... Да, сержант ошибся.

— Но ведь мы можем остаться друзьями, хоть я и не стану вашей женой, — продолжала Мэйбл, потрясенная почти так же, как ее спутник, и едва сознавая, что говорит. — Мы можем навсегда остаться друзьями, я уверена, что так оно и будет!

— Я знал, я знал, что сержант ошибается, — снова повторил Следопыт, огромным усилием воли овладев собой, — я никогда не верил, что такой, как я, может понравиться городской девушке. Лучше бы он не уговаривал и не посвящал меня в свои намерения, Мэйбл, лучше бы вы не были со мной так добры и ласковы. Да, это было бы лучше.

— Если я невольно внушила вам ложную надежду, Следопыт, то никогда не прощу себе этого. Поверьте, я скорей готова страдать сама, чем заставить страдать вас!

— Но именно так и случилось, Мэйбл, да, именно так и случилось. Ваши речи, ваши мысли, высказанные таким нежным голосом и такими словами, каких я и не слыхивал в лесу, — вот в чем вся беда. Но теперь я вижу ясно и лучше понимаю разницу между нами. Я постараюсь не давать воли своим чувствам и снова начну охотиться за зверем и выслеживать врага. Ах, Мэйбл, я сбился со следа, с тех пор как увидел вас.

— Но теперь вы снова вернетесь на правильную дорогу. Пройдет немного времени, все забудется, и вы будете смотреть на меня только как на друга, который обязан вам своей жизнью.

— Возможно, таков обычай в городах, но сомневаюсь, чтоб это удалось мне в лесу. Здесь, если увидишь что-нибудь красивое, долго не сводишь с него глаз, а если душой завладеет глубокое, настоящее чувство, нелегко расстаться с ним.

— Но ваше чувство ко мне не настоящая любовь, да и я не бог весть какая красавица. Вы все забудете, когда убедитесь, что я совсем не гожусь вам в жены.

— Да и я о том же толковал сержанту, а он все-таки стоит на своем. Я знаю, что вы слишком молоды и слишком прекрасны для человека средних лет вроде меня, который и смолоду не отличался красотой; и то, что подходит вам, не подходит мне, а хижина охотника — непригодное жилье для девицы, воспитанной среди господ. Да, будь я молод и хорош собой, как Джаспер — Пресная Вода...

— Что нам до Джаспера! — нетерпеливо перебила Мэйбл. — Поговорим о чем-нибудь другом.

— Джаспер стоящий парень, Мэйбл, и молодец собой к тому же, — простодушно возразил проводник, серьезно глядя на девушку, словно он был недоволен ее пренебрежительным суждением о его друге. — Будь я хоть вполтину так пригож, мои опасения не были бы столь велики и они, возможно, не оправдались бы.

— Не будем говорить о Джаспере Уэстерне, — повторила Мэйбл, покраснев до ушей. — Я допускаю, что он достаточно хорош во время шторма, на озере, но он, право, не стоит того, чтобы мы здесь вспоминали о нем.

— Боюсь, Мэйбл, что он лучше того, кто, похоже, станет вашим мужем, хотя сержант и говорит, что никогда не допустит этого. Но сержант уже ошибся однажды, может ошибиться и в другой раз.

— Кто же это, по-вашему, станет моим мужем, Следопыт? Из всего, что я сегодня услышала от вас, это самое удивительное!

— Вполне понятно, каждый ищет пару себе под стать, а те, кто жила в обществе офицерских жен, сами не прочь выйти замуж за офицера. Но с вами, Мэйбл, я могу говорить откровенно, надеясь, что вы не обидитесь на мои слова. Теперь я понимаю, как тяжело испытывать разочарование в таком деле, даже мингам не пожелал бы я такого зла. Но иной раз в офицерской палатке найдешь не больше счастья, нежели в простом шалаше; и хотя дом офицера нарядней солдатских казарм, но и там, за закрытыми дверями, случаются семейные раздоры между мужем и женой.

— Я в этом ничуть не сомневаюсь. Следопыт. И, если бы мне пришлось выбирать, я бы скорей последовала за вами в лесную хижину и поделила вашу судьбу, какова бы она ни была, чем переступила бы порог дома любого офицера, чтобы стать в нем хозяйкой.

— Да, Мэйбл, но не так думает и не на то рассчитывает Лунди!

— А какое дело до меня Лунди? Он майор Пятьдесят пятого полка; пусть командует и вертит своими солдатами, заставляя их маршировать и делать повороты, сколько ему вздумается, но он не может заставить меня выйти замуж за одного из своих остолопов, в каком бы чине они ни были. Но откуда, скажите на милость, вам известны намерения Лунди относительно моей особы?

— От самого Лунди, Сержант рассказал ему, что хотел бы видеть меня своим зятем, а майор, как мой старый и верный друг, пожелал побеседовать со мной об этом. Он заявил мне напрямик, что было бы великодушнее с моей стороны уступить дорогу офицеру, чем обречь вас на участь жены охотника. Я честно признался, что он прав, и говорил искренне. Но, когда он сказал мне, что выбор его пал на квартирмейстера, тут уж я не мог с ним согласиться. Нет, нет, Мэйбл, я хорошо знаю Дэйви Мюра, и пусть брак с ним сделает вас леди, но никогда он не сделает вас счастливой и сам никогда не станет порядочным человеком. Я говорю честно, верьте мне, ведь теперь я окончательно убедился, что сержант был неправ.

— Отец мой, конечно, был очень неправ. Следопыт, если словом или делом причинил вам горе; и мое уважение к вам столь велико, а моя дружба столь искренна, что если бы не кто-то... Я хочу сказать, Следопыт, ни один человек не должен опасаться, что лейтенант Мюр добьется у меня успеха. Уж лучше всю жизнь оставаться в девушках, чем стать леди ценою такого брака.

— Не сомневаюсь, что язык ваш не способен ко лжи, Мэйбл! — проникновенно сказал Следопыт.

— В такую минуту, по такому серьезному поводу, а тем более вам? Никогда! Нет, пусть лейтенант ищет себе невесту где хочет, мое имя не украсит список его жен.

— Благодарю вас, Мэйбл, благодарю! У меня самого не осталось никакой надежды, но я не был бы спокоен, зная, что вы стали женой квартирмейстера. Я боялся, как бы вас не соблазнил его офицерский чин, да, да, а я ведь знаю цену этому человеку! Не думайте, что во мне говорит ревность, нет! Просто я знаю этого человека. Конечно, если вам понадобится какой-нибудь достойный юноша вроде Джаспера Уэстерна, например...

— Да что вы все твердите о Джаспере — Пресной Воде? Он не имеет никакого отношения к нашей дружбе. Лучше поговорим о вас: где вы думаете прожить зиму?

— Эх, да что обо мне говорить! Я и раньше немногого стоил, Мэйбл, разве что в разведке или в схватке с врагом, а теперь, когда убедился в ошибке сержанта, стою и того меньше. Нет нужды говорить обо мне. Для меня было большим счастьем столько времени провести возле вас и хотя бы в мечтах воображать, что сержант прав. Но теперь все это кончилось. Я отправлюсь в путь вместе с Джаспером, там дела у нас будут по горло, и бесполезные мысли перестанут лезть в голову.

— И вы все забудете, забудете меня... нет, нет, не забудете. Следопыт! Но вы вернетесь к своим прежним занятиям, и вас не будет больше тревожить мысль о девушке, недостойной того, чтобы нарушить ваш покой.

— Прежде я не знал этого, но девушки, оказывается, имеют большее значение в нашей жизни, чем я предполагал. До того, как я встретился с вами, сон мой был сладок, как у новорожденного младенца. Не успевал я приклонить голову к дереву, камню или, случалось, улечься на звериной шкуре, как тотчас же крепко засыпал, если только не доводилось в полусне переживать то, чем занимался днем; так я спал, пока не наступало время вместе с ласточками встречать рассвет, и я был уверен, что всегда мгновенно вскочу на ноги, когда потребуется. Такая уж у меня способность, и на нее можно положиться, будь это даже в стане мингов; ведь бывали случаи, когда я забирался чуть ли не в самое логово этих разбойников.

— Все это еще вернется к вам, Следопыт. Такой честный, благородный человек не должен губить свое счастье из-за пустой мечты. Опять вы будете крепко спать во время ваших охотничьих скитаний и вам будет сниться убитая вами лань или пойманный бобер.

— Эх, Мэйбл, не хочу я больше видеть такие сны. Пока я вас не знал, мне доставляло удовольствие представлять себе, как я гоняюсь за добычей или иду по следу ирокезов,

бросаюсь в бой или из засады нападаю на врагов. Я находил в этом радость, таков уж мой нрав. Но, с тех пор как я встретил вас, все это больше не тешит меня. Теперь мне уже не нравятся мысли о таких грубых забавах, а последнюю ночь, когда мы стояли в гарнизоне, мне привиделось, будто в тени кленовой рощи стоит моя хижина и под каждым деревом я вижу Мэйбл Дунхем, а птицы на ветках вместо щебетанья, данного им природой, распевают баллады, и даже лань остановилась их послушать. Я было попробовал подстрелить ее, но "оленебой" дал осечку, и она рассмеялась мне в лицо лукаво, будто молодая девушка, и ускакала прочь, оглядываясь на меня и как бы приглашая следовать за собой.

— Не будем больше об этом. Следопыт, не надо, — умоляюще проговорила Мэйбл, вытирая слезы; простодушие и серьезность, с какими этот суровый обитатель лесов раскрывал ей свою неподдельную любовь, глубоко взволновали благородное сердце девушки. — А теперь пойдёмте навстречу батюшке. Он, вероятно, где-то здесь, я только что слышала выстрел совсем рядом.

— Сержант ошибся, да, сержант ошибся — напрасно пытаться соединить голубку с волком...

— А вот и батюшка! — прервала его Мэйбл. — Постараемся принять бодрый и веселый вид, как подобает добрым друзьям, а наши тайны будем хранить про себя, хорошо?

Они замолчали. Послышался треск сухих сучьев под ногами, и тут же показался, раздвигая ветки кустов, сам сержант. Выйдя на открытое место, старый солдат испытующе поглядел на дочь, потом на ее спутника и ласково проговорил:

— Мэйбл, доченька, ты молода и проворна, пойдй подбери-ка птицу, которую я подстрелил. Она упала вон туда, в заросли болиголова на берегу, а так как Джаспер уже подает знаки, что пора сниматься с якоря, тебе нет надобности карабкаться обратно на гору, через несколько минут мы сами спустимся вниз.

Мэйбл повиновалась и легкими, упругими шагами, как и полагается юной, здоровой девушке, сбегала с холма. Но, хотя ступала она легко, на душе у нее было тяжело; как только заросли кустарника скрыли ее от глаз отца и его друга, она бросилась на землю и так судорожно зарыдала, будто сердце ее разрывалось от боли. Пока она не исчезла из виду, сержант с отцовской гордостью следил за нею взглядом, потом повернулся к своему приятелю с самой добродушной улыбкой, на какую только был способен.

— Видишь, дружище, от матери она унаследовала легкость и гибкость стана, — сказал он, — ну, а от меня к ней перешло немножко отцовской силы. Но мать, по-моему, не была так красива. Впрочем, в роду Дунхемов и мужчины и женщины тоже были недурны собой. Что ж. Следопыт, я уверен, ты не упустил удобного случая и откровенно высказал все моей дочери? В подобного рода делах женщины любят ясность.

— Мне кажется, что мы с Мэйбл в конце концов поняли друг друга, сержант, — ответил тот, отвернувшись и избегая взгляда старого ветерана.

— Вот и отлично! Есть люди, которые воображают, будто некоторые сомнения и неопределенность придают больше прелести любви, но я думаю иначе: чем проще слова, тем скорее они доходят до сердца. Мэйбл, наверное, удивилась?

— Боюсь, что да, сержант. Боюсь даже, что для нее это было полной неожиданностью.

— Тем лучше. Ведь неожиданность в любви — все равно что засада на войне, и она так же законна: правда, легче разобратся, застал ли ты врасплох неприятеля, чем женщину. Но Мэйбл, надеюсь, не обратилась в бегство, дружище?

— Нет, сержант, она не делала попыток к бегству, это я могу утверждать с чистой совестью.

— Надеюсь, что девушка оказалась также и не слишком податливой? Мать ее была очень застенчива целый месяц я не мог добиться от нее толку. И все-таки откровенность говорит как в пользу мужчины, так и женщины.

— Да, да, конечно, но нельзя забывать и о благоразумии.

— Не жди благоразумия от юного создания в двадцать лет, Следопыт, оно придет позднее, вместе с опытом. Вот если бы кто-нибудь из нас двоих ошибся, это было бы

непростительно, но с девушки такого возраста, как Мэйбл, нельзя слишком много спрашивать.

Пока сержант излагал свои взгляды, Следопыт непрерывно менялся в лице, хотя к нему отчасти уже вернулось самообладание, всегда ему свойственное и развившееся еще больше от многолетнего общения с индейцами. Он то поднимал, то опускал глаза, даже нечто вроде улыбки промелькнуло на его суровом лице; казалось, он вот-вот рассмеется своим беззвучным смехом. Но эта веселость, которую он вряд ли испытывал, тут же уступила место выражению скорби. Это необычное сочетание в нем невыносимой душевной муки с врожденной простодушной жизнерадостностью больше всего поразило Мэйбл. Во время происшедшего между ними объяснения ей подчас казалось, что сердце Следопыта не так уж сильно задето, потому что веселая и простодушная улыбка вдруг появлялась на его лице, открывая душу, наивную и непосредственную, как у ребенка. Но это впечатление было мимолетным, и опять она ясно видела его страдания, мучительные и глубокие, терзавшие его сердце. И в самом деле. Следопыт был в этом отношении сущее дитя: не обладая знанием света, он не умел скрывать ни единой своей мысли, и его гибкий и жадный, как у ребенка, ум необыкновенно легко воспринимал любое внешнее впечатление и так же легко отвечал на него; ребенок со своенравной фантазией едва ли мог бы с большей легкостью впитывать впечатления, чем этот взрослый человек, такой наивный в своих чувствах и такой суровый, мужественный и стойкий во всем, что касалось его повседневных занятий.

— Твоя правда, сержант, — согласился Следопыт, — такому человеку, как ты, ошибаться действительно не пристало.

— Дай только срок, и ты убедишься, какая Мэйбл славная и правдивая девушка!

— Эх, эх, сержант!

— Человек с твоими достоинствами может тронуть даже каменное сердце, Следопыт, дай только срок!

— Сержант Дунхем, мы с тобой старые друзья, не один поход проделали мы вместе в здешних пустынных местах, и мы столько раз приходили друг другу на выручку, что можем говорить прямо. С чего ты, собственно, взял, что такой девушке, как Мэйбл, может приглянуться такой неотесанный человек, как я?

— Как это — с чего? Причин много, и весьма основательных, дружище. Та самая выручка например и совместные походы, о которых ты упомянул. Да и вообще, ты мой верный и испытанный товарищ.

— Все это прекрасно, покуда касается нас с тобой, но не имеет никакого отношения к твоей красавице дочке. Ей может прийти в голову, что именно в этих походах я потерял даже ту небольшую долю привлекательности, какой был наделен в молодости, и я не совсем уверен, что девушка может почувствовать склонность к мужчине только потому, что он друг ее отца. Любят только равных себе, повторяю, сержант, а я человек совсем другого склада, чем Мэйбл Дунхем.

— Какой же ты, однако, скромник. Следопыт! Этак ты у девушки ничего не добьешься. Женщины не доверяют мужчинам, не уверенным в себе, и скорее сдаются самонадеянным. Скромность, пожалуй, к лицу новобранцу или молодому офицеру, только что вступившему в полк, — такой поостережется на первых порах разнести в пух и прах унтер-офицера, пока не убедится, что есть к чему придраться. Я даже согласен, что скромность подобает лавочнику или проповеднику, но плохо дело, черт возьми, если она вселится в храброго солдата или влюбленного. Коли хочешь завоевать сердце девушки, старайся отделаться от этого. Вот ты говоришь, будто подходят друг другу лишь те, кто схож между собой, но в делах такого сорта твое мнение никуда не годится. Если бы каждый любил себе подобных, женщины влюблялись бы в женщин, а мужчины — в мужчин. Нет, нет, в любви именно противоположности сходятся (сержант, оказывается, был дока в делах любви), и в этом смысле тебе нечего робеть перед Мэйбл. Посмотри на лейтенанта Мюра: этот человек, говорят, уже пять раз был женат, а скромности у него не больше, чем у распустившего хвост павлина.

— Лейтенанту Мюру не бывать мужем Мэйбл Дунхем, как бы он ни распускал хвост.

— Наконец-то я слышу от тебя разумное слово, Следопыт! Это верно, потому что я твердо решил, что моим зятем будешь ты, и никто иной. Будь я сам офицером, Мюр мог бы на что-то надеяться, но время и так воздвигло стену между мной и дочерью, и я не хочу, чтобы его офицерский чин разделил нас с ней на всю жизнь.

— Сержант, мы должны позволить Мэйбл следовать влечению собственного сердца. Она молода, и ее не гнетет пока никакое горе. Упаси господь, чтобы по моей вине хотя бы одна пушинка заботы отяготила ее душу, полную радости. Пусть смех ее всегда будет таким же счастливым и звонким, как сейчас.

— Скажи, ты объяснился начистоту с моей дочерью? — быстро и довольно резко спросил сержант.

Следопыт был слишком честен, чтобы не ответить правдиво на вопрос, поставленный так прямо, и слишком благороден, чтобы выдать Мэйбл и навлечь на нее гнев отца, который, как он хорошо знал, рассердившись, бывал очень горяч.

— Да, сержант, мы поговорили откровенно, — ответил он, — но если Мэйбл можно полюбить с первого взгляда, то обо мне этого не скажешь!

— Неужто девчонка посмела отказать тебе, лучшему другу своего отца!

Следопыт отвернулся, чтобы скрыть гримасу боли, которая — он это почувствовал — исказила его черты, и продолжал, как обычно, своим ровным, спокойным голосом:

— Мэйбл слишком добра, чтобы оскорбить человека, она даже собаке не скажет грубого слова. Просто я не спрашивал так, чтобы мне могли отказать наотрез.

— Уж не ждал ли ты, что Мэйбл первая бросится тебе на шею? Она не была бы дочерью своей матери, если бы так повела себя, да и я усомнился бы тогда, моя ли это дочь. Дунхемы так же любят действовать в открытую, как и его величество король, но они никому не навязываются. Предоставь мне самому уладить это дело. Следопыт, и я не буду откладывать его в долгий ящик. Сегодня же вечером я переговорю с Мэйбл от твоего имени, ведь здесь ты — главное лицо.

— Я бы тебе не советовал, сержант, я бы не советовал. Я сам потолкую с Мэйбл и, думаю, в конце концов все уладится. Молодые девушки пугливы, как птицы. Они не слишком любят, чтобы их торопили и говорили с ними резко. Предоставь это дело мне и Мэйбл.

— С одним условием, дружище: дай руку честного разведчика, что при первой же возможности поговоришь с Мэйбл без обвиняков и не будешь ходить вокруг да около.

— Я спрошу ее, сержант, непременно спрошу, но тоже при условии, что ты не будешь вмешиваться. Да, я обещаю спросить Мэйбл, хочет ли она стать моей женой, даже если она в ответ рассмеется мне в лицо.

Сержант Дунхем весьма охотно обещал не вмешиваться, ибо он упорствовал в своем заблуждении, уверенный, что человек, столь любимый и уважаемый им, не может не быть угодным и его дочери. Сам он женился на девушке много моложе себя и не находил ничего дурного в том, что между Следопытом и Мэйбл была большая разница в годах. Мэйбл была настолько выше отца по образованию и воспитанию, что он даже не мог постичь всей разницы между нею и собой; ибо такова одна из прискорбнейших особенностей общения образованности с невежеством, хорошего вкуса — с безвкусицей, утонченности — с вульгарностью, что судить эти высокие качества неизбежно призваны те, кто не имеет о них ни малейшего понятия. Так и сержант Дунхем был не способен вполне оценить вкусы Мэйбл или хотя бы приблизительно представить себе ее чувства, подчиняющиеся не столько рассудку, сколько безотчетным порывам и страсти. Но при всем том наш почтенный служака был не так уж неправ в оценке шансов Следопыта, как это могло бы показаться на первый взгляд. Зная, как никто, все неоспоримые достоинства этого человека — его правдивость, чистоту помыслов, отвагу, самоотверженность, бескорыстие, — сержант был не столь уж безрассуден, полагая, что подобные качества должны произвести глубокое впечатление на сердце каждой женщины, которой пришлось бы узнать их; величайшее заблуждение отца

состояло в том, что он воображал, будто дочь его может сразу, по наитию, угадать все эти качества, которые он изучил за долгие годы дружбы и совместных скитаний.

Следопыт и старый солдат спускались с холма к озеру, продолжая беседовать. Сержант старался убедить друга, что только робость помешала ему добиться успеха у Мэйбл и что настойчивость принесет ему победу. Следопыт был слишком скромн, слишком неуверен в себе, к тому же его сильно обескуражило недавнее объяснение с Мэйбл, и он не очень верил словам Дунхема. Но отец привел столько доводов, казавшихся убедительными, и было так отрадно надеяться, что девушка еще может принадлежать ему! Читатель не должен удивляться, что ее недавнее поведение уже представлялось этому неискушенному сыну лесов в том свете, в каком ему хотелось бы его видеть. Правда, не все слова сержанта он принимал на веру, но уже готов был согласиться, что только девичья стыдливость и неумение разобраться в своих чувствах побудили Мэйбл говорить с ним таким языком.

— Квартирмейстер не по нраву Мэйбл, — заметил Следопыт в ответ на какое-то замечание своего спутника. — Для нее он всегда останется волокитой, у которого уже было четыре жены, если не все пять.

— Да, многовато! Я допускаю, что мужчина может жениться дважды, это не оскорбляет добрых нравов и приличия, но четыре — это чересчур!

— По моему разумению, и один-то раз жениться — целое "обстоятельство", как говорит мастер Кэп, — вставил Следопыт, заливаясь своим беззвучным смехом. Он уже немного успокоился, и к нему возвращалась его обычная жизнерадостность.

— Так оно и есть, дружище, и даже очень важное "обстоятельство". Если бы я не предназначил тебе в жены Мэйбл, то советовал бы тебе всю жизнь оставаться холостяком. Но вот и моя дочка. А теперь — молчок!

— Эх, сержант, боюсь, что ты все-таки ошибаешься!

Глава XIX

Таков был этот безмятежный

И живописный сельский уголок.

Мильтон

Мэйбл ждала на берегу, и пирогу тотчас же спустили на воду. Следопыт переправил своих спутников через полосу прибой с таким же искусством и ловкостью, как раньше их высадил, и, хотя Мэйбл порозовела от волнения и сердце у нее не раз сжималось от страха, ни капли воды не брызнуло на них, пока они плыли к "Резвому".

Озеро Онтарио похоже на вспыльчивого человека, который быстро загорается гневом, но так же быстро остывает. Волны совершенно улеглись, и, хотя, насколько можно было окинуть глазом, у берега еще пенился прибой, это была лишь узкая сверкающая полоска, которая то появлялась, то таяла, как тают круги, расходящиеся от брошенного в пруд камня. Якорные канаты "Резвого" едва виднелись над водой; Джаспер уже поднял паруса, готовые к отплытию, чуть только их наполнит долгожданный попутный ветер.

Солнце уже село, когда захлопал грот, и форштевень "Резвого" начал рассекать воду. Дул легкий южный ветерок, судно держало курс вдоль южного берега, намереваясь при первой возможности повернуть опять на восток. Ночь прошла тихо, сон отдохавших людей был глубок и покоен.

Некоторые трудности возникли было по поводу того, кому командовать куттером, но все наконец уладилось, к общему согласию. Недоверие к Джасперу еще далеко не рассеялось, поэтому Кэп сохранил право надзора над молодым капитаном, которого хотя и допустили к управлению судном, но только при условии, что старый моряк будет неусыпно за ним наблюдать. Джаспер не возражал, предпочитая не подвергать Мэйбл новым опасностям. Он прекрасно понимал, что теперь, когда озеро утихомирилось, "Монкальм" непременно начнет разыскивать куттер. У Джаспера, правда, хватило благоразумия ни с кем

не делиться своими опасениями, ибо уже случалось не раз, что меры, к которым, ему казалось, лучше всего прибегнуть, чтобы ускользнуть от врага, чаще всего возбуждали недоверие тех, кто мог расстроить его планы. Другими словами, Джаспер предполагал, что храбрый молодой француз, капитан неприятельского корабля, снимется с якоря близ форта на Ниагаре, как только позволит ветер, и выйдет на озеро, чтобы дознаться, какая участь постигла "Резвый". С середины озера француз сможет просматривать широкое пространство; поэтому молодой капитан решил, что из предосторожности следует держаться ближе к берегу: так будет легче избежать встречи с неприятельским кораблем. К тому же на фоне берега паруса и снасти кут-тера менее заметны, и его будет трудней обнаружить. Джаспер предпочел идти ближе к южному берегу, потому что то была наветренная сторона и, кроме того, француз меньше всего мог ожидать, что встретит неприятельское судно так близко от своих поселений, под самым носом у сильнейшего французского поста в этой части страны.

Обо всем этом Кэп, к счастью, не имел понятия, а сержант был настолько занят мыслью о предстоящей военной операции, что не мог входить во всякие тонкости, не имеющие отношения к его прямым обязанностям. Вот почему Джасперу никто не мешал. К утру он уже полностью забрал в свои руки прежнюю власть, без помехи отдавал распоряжения, и они выполнялись исправно и беспрекословно.

Лишь только рассвело, все пассажиры собрались на палубе и, по обыкновению путешествующих на кораблях, с любопытством обозревали широкий горизонт. По мере того как отдельные предметы выступали из темноты, пейзаж вырисовывался все ясней в утреннем свете. На востоке, на западе и на севере не было видно ничего, кроме воды, золотившейся под лучами восходящего солнца: но вдоль южного берега тянулась полоса леса, который в те времена как бы заключал все озеро Онтарио в зеленую оправу. Вдруг в открывшемся впереди просвете между деревьями появились массивные стены какого-то дома, своими внешними укреплениями, бастионами, блокгаузами и палисадами напоминавшего замок. Он хмуро смотрел с мыса, сторожившего устье широкой реки. Как раз в ту минуту, когда показалась эта крепость, над ней поднялось маленькое облачко, и все разглядели белый французский флаг, развевавшийся на высоком флагштоке.

Неприятно пораженный чтим зрелищем, Кэп крикнул и бросил подозрительный взгляд на своего шурина.

— Это французская грязная салфетка болтается на ветру, не будь я Чарльз Кэп! — пробормотал он. — А мы так стремимся к чертову берегу, будто возвращаемся из путешествия в Индию и нас здесь встречают жены и дети! Послушайте, Джаспер, что это вас так тянет к Новой Франции? Или вы хотите забрать здесь груз лягушек?

— Я держусь ближе к берегу, сэр. Мне кажется, что неприятельский корабль нас здесь не заметит, а он наверняка носится где-нибудь у подветренного берега.

— Так, так... звучит правдоподобно! Хорошо, если это окажется правдой. Здесь-то, я полагаю, нет подводных течений?

— Мы теперь у наветренного берега, — с улыбкой ответил Джаспер, — но, я думаю, вы согласитесь, мастер Кэп, что сильное подводное течение иногда помогает стать на якорь. Вот на этом-то озере подводное течение и спасло всем нам жизнь.

— Врет, как француз! — буркнул Кэп, нимало не смущаясь тем, что Джаспер может его услышать. — Мне подавай доброе, честное, открытое англо-американское течение, которое можно увидеть с борта корабля, раз уж без него нельзя обойтись. Не нужно мне ваше дурацкое течение, которое прячется под водой, так что его не увидишь глазами и не пощупаешь руками. И вообще, если уж говорить без околичностей, то наше недавнее спасение — не что иное, как заранее подстроенный трюк!

— Что ж, нам, по крайней мере, выдался удобный случай обследовать важнейший пост неприятеля на Ниагаре, братец Кэп, — вставил сержант. — Надо нам глядеть в оба и помнить, что мы можем вот-вот столкнуться с противником.

Этот совет был, пожалуй, излишним: появление уголка земли, обитаемого людьми, и без того было встречено с живейшим любопытством пассажирами "Резвого", затерянными

среди величавой, пустынной природы. Ветер посвежел и гнал куттер с большой скоростью, а когда открылась река, Джаспер повернул руль и подвел судно почти к самому устью Ниагары, этого крупнейшего пролива, который здесь называют рекой. Порывы ветра доносили глухой, непрерывный, тяжелый гул; он напоминал звучание басовых нот гигантского органа, и порою чудилось, будто вся земля содрогается от этих звуков.

— Такой сильный грохот, точно прибой обрушивается на пологий морской берег! — вскричал Кэп, когда странный шум достиг его ушей.

— Да, да, но здесь единственное место в этой части света, где бывает такой прибой, — отозвался Следопыт. — Это не подводное течение, нет, мастер Кэп, но все воды, которые ударяются о скалы, задерживают тут свой бег, и кажется, будто они возвращаются вспять. Вы слышите голос старой Ниагары, величественнейшего потока, который низвергается с горы.

— Неужели у кого-нибудь хватит наглости уверять, будто эта великолепная широкая река падает с той горы?

— И тем не менее это так, мастер Кэп, да, это так. А все оттого, что для нее не приготовили удобной лестницы или дороги, чтобы спускаться вниз. Вот какая природа в наших краях, хотя я верю вам, что на океане все гораздо красивее. Ах, Мэйбл, как было бы прекрасно, если бы вы могли пройти со мной вдоль берега миль десять — двенадцать вверх по течению и полюбоваться на чудеса, какие создал здесь господь!

— Значит, вы видели этот знаменитый водопад? — живо заинтересовалась девушка.

— Да, я его видел и даже стал там свидетелем ужасного происшествия. Мы с Великим Змеем выслеживали в этих местах французов, и он, между прочим, рассказывал мне, что, по преданиям его народа, неподалеку отсюда должен быть могучий водопад, и уговорил меня сделать небольшой крюк, чтобы взглянуть на это диво. Я уже слыхал небылицы о водопаде от солдат Шестидесятого полка, ведь я постоянно числился при нем, а в Пятьдесят пятом состою совсем недавно; но я знал, что в любом полку вралей хоть отбавляй, и мало верил этим рассказам. Итак, пошли мы в надежде набрести на водопад по его страшному реву, тому самому, что доносится до нас сейчас. Но мы были разочарованы: тогда он не грохотал так сильно, как сейчас. Бывает и в лесу так, мастер Кэп: бог разгневается, разбушует там у себя на небесах, а потом кругом воцаряется тишина, точно дух его снова мирно витает над землей. Вдруг мы вышли к реке повыше водопада. Один молодой делавар, который шел вместе с нами, отыскал на берегу пирогу и решил переплыть в ней реку, чтобы добраться до островка, видневшегося на самой середине водоворота. Мы убеждали его, что затея эта сумасбродна. Да, мы говорили ему это и доказывали, что грешно искушать судьбу, без всякой нужды бросаясь навстречу смертельной опасности, но молодые делавары очень похожи на наших молодых солдат — такие же они отчаянные и тщеславные. Чего только мы ему не говорим. Он все равно не послушался нас и сделал по-своему. Мне кажется, Мэйбл, что истинно великое деяние всегда исполнено спокойного достоинства и что совсем не то, когда человеком владеют пустые и суетные помыслы. Так было и в тот раз на водопаде. Как только пирога попала в стремнину, она понеслась почти так же быстро, как надутый парус по воздуху, и при всей своей ловкости делавар не справился с течением. Все же он мужественно боролся за свою жизнь. Он работал веслом до самого конца, напоминая молодого оленя, который в воде ищет спасения от собак. Вначале он очень быстро пересек поток, и мы уже было подумали, что он одолеет течение, но он неправильно рассчитал расстояние, а когда заметил свой промах, то повернул пирогу носом против течения, и тут началась такая борьба, что страшно было глядеть. Я бы пожалел его, будь он даже минг! Несколько минут парень так бешено сопротивлялся, что и в самом деле на короткое время победил мощь водопада. Но есть же предел человеческим силам! Один неверный взмах весла — и его отбросило назад; пирогу стало сносить вниз фут за футом, дюйм за дюймом, пока она не достигла того места, где поверхность реки кажется гладкой и зеленой, будто она соткана из миллиона водяных нитей, натянутых над огромной скалой; тут он помчался стрелой в обратном направлении и вдруг исчез из виду, лишь нос пироги торчал из воды, ясно

показывая нам, что случилось с юношей. Через несколько лет я встретил одного мохока, который видел все это, стоя внизу по ту сторону водопада. Он рассказал мне, что делавар, летя в, воздухе, все еще продолжал размахивать веслом, пока пучина не поглотила его.

— Что же стало с беднягой? — спросила Мэйбл, которую захватил безыскусственный, но красочный рассказ Следопыта.

— Он, конечно, переселился в блаженную страну, где охотятся его праотцы. Хоть он и был отчаянным и тщеславным малым, ему нельзя отказать в честности и храбрости. Да, он погиб глупо, но Маниту краснокожих так же милостив к своим творениям, как бог христиан — к своим.

В эту минуту с блокгауза возле крепости раздался пушечный выстрел, и небольшого калибра ядро просвистело над мачтой куттера, словно предупреждая, чтобы он не подходил ближе. Джаспер стоял у руля и держал корабль на должном расстоянии от крепости. Он улыбался, его нисколько не раздосадовала неучтивая встреча "Резвый" теперь попал в полосу речного течения, и надувшиеся паруса унесли его так далеко, что ему больше не угрожали выстрелы; затем он спокойно поплыл вдоль берега. Как только открылся весь вид на реку, Джаспер уверился, что "Монкальм" не стоит там на якоре; матрос, которому было приказано влезть на верхушку мачты, спустился и доложил, что на горизонте нет ни единого паруса. Итак, маневр Джаспера удался, можно было надеяться, что капитан французского корабля проглядел куттер, держась середины озера и направляясь к верхней его части.

Весь день ветер дул к югу. "Резвый" продолжал свой путь, держась на расстоянии одной мили от берега и делая от шести до восьми узлов по совершенно спокойной воде. Местность не обличалась разнообразием — без конца и края тянулся лес, — и вместе с тем она была не лишена своей, особенной прелести. Утесы самых причудливых очертаний возникали один за другим, и куттер бежал мимо них, пересекая бухты, такие глубокие, что они вполне заслуживали названия заливов. Однако нигде глаз не замечал ни малейшего признака цивилизации. Время от времени реки вливали свою лепту в огромный бассейн озера, но и по их берегам на целые мили в глубь страны ничего не было видно, кроме той же стены леса; даже окаймленные деревьями широкие заливы, которые сообщались с Онтарио лишь узкими протоками, появлялись и вновь исчезали, не обнаруживая и следа человеческого жилья на своих берегах.

Никто из пассажиров, стоявших на палубе, не любовался этой картиной с таким нескрываемым восхищением, как Следопыт. Глаза его были прикованы к бесконечной линии леса; и, несмотря на то, что для него было наслаждением стоять так близко к Мэйбл, слушать ее милый голосок и откликаться хотя бы в душе на ее веселый смех, он всем существом своим стремился под высокие своды кленов, дубов и лип, ибо знал, что только там его ждут истинные, непреходящие радости. Совсем иначе смотрел на окружающее Кэп. Не раз он выражал неудовольствие по поводу того, что на их пути не встречаются ни маяки, ни колокольни, ни бакены, ни стоящие на рейде корабли. Нигде на свете, утверждал он, не найдешь такого побережья. Отведя сержанта в сторону, он с самым серьезным видом стал ему доказывать, что глушь здесь как была, так и останется, — бухты тут в небрежении, берега рек необитаемы и никак не используются, и даже ветер приносит с собой запахи леса, а это к добру не ведет.

Но каково бы ни было расположение духа отдельных пассажиров, оно не замедляло быстрого бега "Резвого". К вечеру он уже проделал сто миль по направлению к Осуиго; теперь сержант почел своим долгом явиться в крепость, чтобы узнать, не пожелает ли майор Дункан дать ему какие-нибудь новые указания. Поэтому Джаспер всю ночь держался берега. И, хотя к утру ветер начал спадать, он все еще был достаточно свеж, чтобы, не подвергая куттер опасности — если ветер опять усилится или переменит направление, — довести его до места, которое, как им было известно, находилось в двух милях от берега.

Когда забрезжило утро, "Резвый" уже был в двух милях от устья реки Осуиго. Как раз в ту минуту, когда в крепости был подан первый сигнал из пушки, Джаспер приказал ослабить шкоты и взять курс на гавань. Вдруг раздался крик с бака, и все повернули голову к

восточному берегу: там, недосягаемый для легких пушек крепости, стоял "Монкальм", с парусами, зарифленными настолько, чтобы держать его на одном месте, и явно ожидал появления "Резвого". Пройти безнаказанно мимо неприятеля было невозможно: прибавив паруса, французский корабль за несколько минут перерезал бы куттеру дорогу. Между тем обстоятельства требовали быстрого решения. После краткого совещания сержант Дунхем опять изменил свой план, решив, что наилучший выход — отправиться как можно скорее к прежнему месту назначения. Он был уверен, что их проворный корабль настолько опередит неприятеля и оставит его так далеко за кормой, что тот уже не сможет его догнать.

"Резвый" тотчас же на всех парусах понесся вперед. В крепости выпалили из пушек, выкинули флаги, и на крепостной вал высыпал народ. Но, оказав куттеру и своим людям эти знаки внимания, Лунди больше ничем не мог им помочь, а "Монкальм", тоже дав четыре-пять залпов в знак вызова и выбросив несколько французских флагов, бросился за "Резвым" в погоню, распустив все паруса.

Несколько часов оба судна рассекали волны с невероятной быстротой, то и дело меняя галс, с тем чтобы держать гавань под ветром одно пыталось укрыться в ней, другое — помешать этой попытке.

В полдень уже виднелись только верхушки мачт французского судна — расстояние между ним и куттером намного увеличилось, а впереди, совсем близко, лежало несколько островов; за ними, по словам Джаспера, можно было пройти незаметно и таким образом скрыть от глаз неприятеля дальнейшие маневры "Резвого". Хотя Фронтенак был недалеко, а Кэп и сержант, в особенности же лейтенант Мюр, если судить по его речам, все еще не доверяли молодому капитану, тем не менее решили последовать его совету, ибо раздумывать было некогда; квартирмейстер вполголоса заметил, что Джаспер может предать их, только войдя открыто в гавань врага, а этому они смогут помешать в любую минуту, потому что единственный на этих водах французский крейсер находился у "Резвого" под ветром и в таком положении непосредственной угрозы не представлял.

Получив свободу действий, Джаспер Уэстерн скоро доказал, что он опытный капитан корабля. Он обогнул острова с наветренной стороны и, миновав их, ушел на восток, так далеко от неприятельского судна, что ни в кильватере, ни под ветром его не было видно. Уже вечерело, когда куттер приблизился к первому из островов, расположенных у выхода из озера. Еще до наступления темноты судно вошло в узкую протоку; по ней можно было добраться до поста, к которому они так долго стремились. В девять часов вечера Кэп все-таки потребовал, чтобы Джаспер бросил якорь; лабиринт островов был очень запутан, и старик опасался, как бы в темноте вся экспедиция при каком-нибудь повороте не очутилась под пушками французской крепости. Джаспер охотно согласился, ибо это вполне соответствовало данному ему указанию: приблизиться к посту с такими предосторожностями, чтобы никто не узнал его точного местоположения, иначе случайный дезертир мог бы выдать врагу их небольшой отряд.

"Резвый" отвели в маленькую отдаленную бухту, где его и днем нелегко было заметить, а тем более ночью; на палубе остался один вахтенный, все прочие отправились на покой. Кэп был настолько утомлен тревожными этими двух суток, что, улегшись, тотчас же погрузился в долгий, тяжелый сон и проспал до самого рассвета. Но едва он открыл глаза, как чутье моряка мгновенно подсказало ему, что куттер движется. Выскочив на палубу, он увидел, что "Резвый" опять пробирается между островами, а на палубе нет никого, кроме Джаспера и лоцмана, если не считать вахтенного, который не обращал никакого внимания на их маневры, вполне основательно считая их правильными.

— Что это значит, мастер Уэстерн? — резко спросил старый моряк. — Вы все-таки гоните нас напрямик на Фронтенак, а мы все спим внизу, будто матросы, которые ждут, пока на палубе не закричат: "Тревога!" — Все делается так, мастер Кэп, как приказал майор Дункан. Он распорядился, чтобы мы подошли к посту только тогда, когда все люди внизу. Он не хочет, чтобы в это время на палубе были лишние свидетели.

Кэп присвистнул:

— Хорошенькое дело! Путаемся здесь, среди скал и кустарников, а на палубе ни души! Даже самый заправский лоцман из Йорка не нашел бы дороги в этом лабиринте!

— Я уверен, сэр, — сказал Джаспер с улыбкой, — что лучше всего было бы предоставить мне командование куттером, пока он благополучно не достигнет места.

— Да мы так бы и сделали, Джаспер, конечно, мы так бы и сделали, если бы не одно обстоятельство! Но это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение, и ни один человек с головой на плечах не смеет пренебречь им.

— Ах, сэр, а я думал, что с этим уже все покончено. Если ветер продержится, то не пройдет и часа, как мы будем на месте, и вы избавитесь от всех "обстоятельств", о которых я могу только догадываться.

— Гм!..

Кэпу ничего не оставалось, как согласиться с этим, и, поскольку все как будто подтверждало искренность Джаспера, старому моряку пришлось сдаться. Правда, это было нелегко для человека, столь чувствительного к "обстоятельствам" и к тому же знающего, что "Резвый" находится в опасной близости к такой старой и знаменитой на всю границу крепости, как Фронтенак. Островов, возможно, насчитывалось и меньше тысячи, но их все-таки было великое множество, и таких маленьких, что ничего не стоило сбиться со счета, хотя изредка попадались и острова побольше. Джаспер свернул с протоки, которую называли главной, и куттер поплыл извилистым путем, подгоняемый попутным ветром и благоприятным течением, по таким узким проходам, что, казалось, он не сможет здесь пробраться, не зацепившись снастями за деревья; иногда же судно пересекало небольшие заливчики и исчезало среди скал, лесов и кустарника. Вода была необыкновенно прозрачна, так что не требовалось даже лота; одинаковая глубина воды делала плавание безопасным, хотя Кэп, привыкший к просторам океана, не переставал бояться, что они вот-вот сядут на мель.

— Я снимаю с себя всякую ответственность, Следопыт, да, да, снимаю! — воскликнул наконец старый морской волк, когда маленькое судно, смело идя вперед, благополучно миновало двадцатую по счету узкую протоку. — Действовать так — значит наплевать на всю науку мореплавания и отправить к черту все ее законы и правила!

— Наоборот, Соленая Вода, наоборот, это и есть настоящее умение. Вы замечаете, что Джаспер никогда не колеблется? Так умный пес бежит, высоко подняв голову, будто доказывая, что у него тонкий нюх. Жизнью своей поручусь, парень выведет нас, куда надо, и давно бы уже вывел, кабы с самого начала не ставили ему палки в колеса.

— Ни лоцмана, ни лота, ни маяков, ни бакенов, ни...

— А след? — прервал его Следопыт. — Вот что для меня самое мудреное во всем этом деле. На воде, как всякому известно, не остается следов, а Джаспер отважно плывет вперед, будто видит перед собой отпечатки мокасинов на листьях, да так ясно, как мы видим солнце на небе.

— Тут сам черт ничего не разберет! Мне кажется, у него даже компаса и то нету!

— Убрать кливер! — закричал Джаспер, отвечая лишь улыбкой на замечания своих спутников. — Спустить! Теперь право руля! Еще право... на борт! Так... осторожно клади руль направо, веди его легче... а теперь прыгай на берег с канатом... нет, постой, не надо... там есть наши люди, они поймают его!

Все было сделано так быстро, что зрители не успели проследить отдельных маневров, а "Резвый" уже был приведен к ветру и грот его заполоскался. Еще минута, один поворот руля — и он всем корпусом подошел к созданной самой природой скалистой пристани, где его немедленно закрепили прочными канатами. Словом, отряд Пятьдесят пятого полка прибыл на пост, где однополчане, нетерпеливо ожидавшие смены, встретили его с обычной в таких случаях радостью.

Мэйбл, не скрывая восторга, соскочила на землю, за нею со своими людьми торопливо высадился сержант, крайне утомленный пребыванием на куттере. Пост, как его попросту называли солдаты Пятьдесят пятого полка, был действительно расположен в прелестном

уголке, сулившем отраду и отдых людям, на долгое время прикованным к такому маленькому судну, как "Резвый".

Все острова были невысоки, но достаточно поднимались над уровнем воды, чтобы климат на них был сухим и здоровым. На всех островах рос более или менее густой лес, и большая часть их в те отдаленные времена была сплошь покрыта девственной чащей. Тот, на котором начальство остановило свой выбор для устройства поста, был невелик, всего около двадцати акров; какая-то катастрофа, случившаяся в этих дебрях, возможно, еще за несколько столетий до описываемых событий, уничтожила здесь часть деревьев, образовав небольшую, поросшую травой поляну, которая занимала около половины всей площади островка. По мнению офицера, избравшего это место для военного поста, прозрачный родник, протекавший недалеко, издавна привлекал к себе индейцев, которые часто посещали этот уголок во время охоты или ловли лососей, что и помешало деревьям подняться здесь во второй раз; лишь дикие травы успели буйно разрастись и завладели всей поляной.

Но каковы бы ни были причины, этот небольшой островок казался наиболее живописным из всех; на нем как бы лежал отпечаток цивилизации, которой в те дни так не хватало этому обширному краю.

Берега острова были сплошь окаймлены кустарником, старательно охраняемым, ибо он служил заслоном для людей и предметов, находившихся в его кольце. За кустами, в тени нескольких маленьких рощиц и разбросанных по острову куп деревьев, приютилось пять-шесть низких хижин, где помещались офицеры, солдаты, а также склады для хранения запасов, кухня, лазарет и прочие службы. Хижины, как и везде, были сложены из бревен и крыты древесной корой; весь материал привозился издалека, чтобы не привлекать ничьего внимания следами порубки. Уже несколько месяцев в хижинах жили люди, и хижины имели более или менее уютный вид, насколько вообще может быть уютным подобное жилище.

На восточной оконечности острова выдавался вперед небольшой, покрытый густой растительностью мысе, где ветви кустарника так тесно переплелись, что, пока не опадала листва, сквозь них ничего нельзя было разглядеть. Возле узенького перешейка, отделявшего этот клочок земли от остального острова, стоял маленький довольно хорошо укрепленный блокгауз. Между бревнами, такими толстыми, что они могли устоять против ядер, тщательно обтесанными и пригнанными, не оставалось ни единой щели; вместо окон свет давали бойницы, дверь сделали маленькую и очень массивную крышу, как и все здание, соорудили из обструганных стволов и сверху тщательно покрыли корой, чтобы он не протекала во время дождя. Внизу, как обычно, хранились снаряжение и провиант; там отряд держал все свои запасы; второй этаж служил цитаделью и жильем а низкий чердак разделялся на две или три комнаты, где стояли постели на десять — пятнадцать солдат. Все было устроено чрезвычайно просто и незатейливо, но зато достаточно прочно, чтобы защитить отряд от неожиданного нападения. Высота строения не превышала и сорока футов, и потому оно по самую верхушку пряталось под кронами деревьев; его можно было увидеть, только находясь на самом острове; но даже с этой стороны густые заросли кустов почти целиком скрывали основание деревянной башни, и лишь из верхних бойниц открывался вид на остров.

Блокгауз предназначался только для обороны, поэтому место для него выбрали совсем близко от источника, бьющего из известковой скалы, которая служила острову основанием; из этого источника в случае осады можно было, спустив ведро на веревке, черпать воду, без которой нельзя долго продержаться. Чтобы облегчить эту задачу и предохранить нижнюю часть строения от обстрела, верхние этажи на несколько футов выдавались вперед над нижней его частью, как это обычно делается в блокгаузах, а проемы, вырезанные в нижнем этаже для бойниц и лестниц, закладывались деревянными брусьями, все три этажа сообщались между собой с помощью приставных лестниц. Если к этому добавить, что такие строения служили обычно цитаделью, где гарнизон и жители поселений укрывались во время нападения врага, то цель наша — дать читателю, не искушенному в военном деле, достаточно полное представление об устройстве блокгаузов — будет достигнута.

Однако главным достоинством острова как военного поста являлось его местоположение. Он затерялся среди двадцати других островов, и отыскать его было делом нелегким. Суда, проплывавшие мимо, даже очень близко, увидев его с протоки через просветы деревьев, легко могли принять его за часть какого-нибудь другого острова. В самом деле, протоки между островами, разбросанными вокруг описываемого нами поста, были так узки, что не позволяли определить, где кончается один остров и начинается другой, даже если забраться в самую середину архипелага с твердым намерением это установить. Вход в маленькую бухту, которую Джаспер выбрал для стоянки "Резвого", был совершенно загорожен кустами и соседними островами. Если куттер стоял с убранными парусами, собственные матросы часами не могли его найти, как это случилось однажды, когда они возвращались с близлежащей протоки, где ловили рыбу. Словом, природа как бы нарочно создала это местечко для военного поста, а люди изобретательно использовали выгоды его расположения, насколько позволяли средства и возможности, бывшие в их распоряжении на дальней границе.

Первый час по прибытии "Резвого" прошел в суете и хлопотах. Отряд, который сменялся, не добился успехов, достойных упоминания, и солдаты, истомившиеся в своем вынужденном заточении, стремились поскорей вернуться в Осуиго. После небольшой церемонии передачи командования сержанту Дунхему сменявшийся офицер немедленно отправился со своим отрядом на борт "Резвого", и Джаспер, который с радостью провел бы этот день на острове, получил приказ отчалить немедленно, пока дует попутный ветер, и как можно быстрее пройти вверх по реке и пересечь озеро. Прощаясь, лейтенант Мюр, Кэп и сержант доверительно сообщили уезжавшему офицеру о подозрениях, павших на молодого капитана. Офицер обещал соблюдать должную бдительность и взошел на палубу судна; не прошло и трех часов после прибытия "Резвого", как он уже снова снялся с якоря.

Мэйбл заняла одну из хижин и с чисто женским усердием и умением начала приводить в порядок свое несложное хозяйство, стремясь по возможности создать удобства для себя и для своего отца. Чтобы избежать лишних забот, в специально отведенной хижине устроили общий стол для сержанта и его ближайших помощников; стряпать поручили жене солдата. Таким образом, в хижине сержанта, лучшей на острове, не приходилось заниматься грязной работой, связанной со стряпней. Мэйбл с присущим ей вкусом сумела придать хижине некоторый уют и впервые после прибытия на границу почувствовала, что может гордиться своим домом. Покончив с этими важными обязанностями, девушка решила побродить по острову и пошла по тропинке, которая вела к красивой лужайке, единственному месту на острове, не заросшему кустарником. Здесь она остановилась, любуясь прозрачной водой, подернутой еле заметной рябью, и размышляя о своем новом положении. Не без удовольствия и волнения она вновь мысленно переживала все случившееся с нею столь недавно и строила догадки о том, что ожидает ее в будущем.

— Прелестная фея в прелестном уголке, мисс Мэйбл! — услышала она вдруг голос Мюра, неожиданно выросшего рядом. — И я не ошибусь, если скажу, что красивейшая здесь все-таки вы!

— Я не стану утверждать, мистер Мюр, что не люблю слушать комплименты, вы все равно мне не поверите, — с живостью ответила Мэйбл, — но если вы сообразите побеседовать со мной о чем-нибудь другом, то убедитесь, что у меня хватит ума обсуждать и более серьезные предметы.

— Что вы, Мэйбл, я знаю, ваш ум отполирован, как дуло солдатского мушкета, а ваши речи даже слишком изысканны и мудры для бедного горемыки, который, вместо того чтобы пополнять свое образование, вот уже четыре года обречен тянуть ляжку на этой далекой границе. Но я полагаю, юная леди, вы не жалеете, что ваша очаровательная ножка снова ступила на твердую землю?

— Еще два часа назад я и сама так думала, мистер Мюр, но "Резвый" так красиво вырисовывается сейчас между деревьями и так легко плывет по озеру! Право, я почти жалею, что не нахожусь больше в числе его пассажиров!

И Мэйбл помахала в воздухе носовым платочком в ответ на приветствие Джаспера, не сводившего с нее глаз все время, пока белые паруса куттера величаво огибали остров и не исчезли за темной завесой листвы.

— Вот они и уплыли, но я не скажу, что с ними "уплыла радость моя", хотя желаю им благополучного возвращения, потому что без них мы рискуем застрять здесь на всю зиму. Есть, впрочем, и другая возможность — попасть в Квебекскую крепость³⁴. Этот Джаспер — Пресная Вода порядочный негодяй, в гарнизоне о нем имеются такие сведения, что даже слушать страшно. Ваш достойный батюшка и почти столь же достойный дядюшка тоже не слишком лестного мнения о нем.

— Мне очень больно слышать это, сэр, но я уверена, что время рассеет все их подозрения.

— О прелестная Мэйбл, если бы время рассеяло и мои подозрения, — вкрадчиво ответил квартирмейстер, — я не стал бы завидовать даже главнокомандующему.

Я думаю, что, когда я выйду в отставку, мое место безусловно займет сержант.

— Если мой отец достоин занять ваше место, — не без язвительности возразила девушка, — то я уверена, что шансы у вас обоих одинаковы, и вы с таким же успехом могли бы занять его место.

— Вот так шутка! Уж не хотите ли вы снизить меня в чине и превратить в простого солдата?

— Да нет, сэр, я вовсе не думала о военных чинах, когда вы говорили о своей отставке. Мысли мои более эгоистичны, я думала о том, как вы мне напоминаете моего дорогого батюшку вашим опытом и мудростью, и о том, что вы вполне достойны занять такое же место главы семьи.

— Только место новобрачного, прелестная Мэйбл, но никак не отца или почтенного главы семьи. Я догадываюсь, куда вы клоните, и меня забавляют ваши реплики и блеск вашего остроумия! Мне нравится остроумие в молодых девушках, если только оно не доходит до дерзости... А Следопыт, говоря по правде, большой чудак!

— О нем надо говорить либо правду, либо ничего. Следопыт мой друг, преданный друг, мистер Мюр, и я не потерплю, чтобы при мне говорили о нем дурно.

— Я не хочу сказать о нем ничего дурного, уверяю вас, Мэйбл. Но в то же время сомневаюсь, можно ли сказать о нем что-нибудь хорошее.

— Он, например, лучший стрелок на границе, — улыбаясь, возразила Мэйбл, — уж вы-то не сможете отрицать это!

— Я не намерен оспаривать его подвиги по этой части, но ведь он невежествен, как мохок.

— Да, он не знает латыни, зато он лучше всех здесь владеет языком ирокезов, а этот язык на границе куда нужней, чем латынь.

— Если бы сам Лунди спросил меня, чем я больше восхищаюсь — вашей красотой или умом, прелестная и лукавая Мэйбл, я, право, затруднился бы в ответе. Меня восхищает равно и то и другое, и если в эту минуту я готов отдать пальму первенства красоте, то уже через минуту я готов преклониться перед тонким умом. Ах, покойная миссис Мюр была точно такая же, как вы!

— Вы хотите сказать — последняя миссис Мюр? — спросила Мэйбл, с самым невинным видом поглядывая на своего собеседника.

— Что вы, что вы! Все это сплетни Следопыта! Я вижу, этот бродяга уже успел наговорить вам, будто я был два раза женат!

— В таком случае, сэр, он ошибся в счете: ведь всем, кому известно, что вы имели несчастье быть женатым; увы, четыре раза!

— Только три, это так же верно, как то, что меня зовут Дэйвид Мюр! Четвертая жена —

³⁴ Квебекская крепость — Квебек (в Канаде) был важнейшей французской крепостью в Америке.

это плод злословия. Верней, она пока еще *in petto*, как говорят в Риме, а это на языке любви, дорогая моя, означает — в сердце.

— Ах, как я рада, что не я четвертая *in petto* или еще где-нибудь. У меня нет никакого желания оказаться "плодом злословия"!

— Не бойтесь, обворожительная Мэйбл! Лишь пожелайте стать четвертой, и все другие будут забыты, а ваша редкая красота и ваш ум возвысят вас до уровня первой. Не беспокойтесь, вы никогда и нигде не будете четвертой!

— Ваше утверждение несколько ободряет меня, мистер Мюр, — рассмеялась Мэйбл в ответ, — что бы я ни думала о прочих ваших уверениях. Но, признаюсь, я предпочитаю быть четвертой среди красавиц, чем четвертой среди жен!

С этими словами Мэйбл упорхнула, предоставив квартирмейстеру в одиночестве переживать свое поражение. Ей пришлось пустить в ход чисто женские средства защиты против лейтенанта Мюра: надо было дать отпор чересчур назойливым любезностям этого вздыхателя, кроме того, ее оскорбляли его обидные намеки по адресу Джаспера и Следопыта. Живая и насмешливая от природы, она вместе с тем никогда не бывала резка, но тут обстоятельства заставили ее принять более решительный тон, чем обычно. Покинув своего собеседника, она была уверена, что наконец избавилась от его ухаживаний, которые не вызывали в ней никакого сочувствия, наоборот — были ей несносны. Но не таков был Дэйвид Мюр; он привык уже к тому, что не умеет успеха у женщин, но был слишком настойчив, чтобы приходить от этого в отчаяние. Проводив Мэйбл нескрываяемо злобным и наглым взглядом, он стоял и раздумывал; тут к нему неслышно подошел Следопыт.

— Ничего не выйдет, квартирмейстер, ничего не выйдет! — начал проводник, смеясь своим беззвучным смехом. — Она молода и резва, не такие у вас проворные ноги, чтобы догнать ее. Поговаривают, будто вы ходите за нею по пятам, да только в ногу никак не попадете!

— А я то же самое слышал о вас, любезный, хотя трудно поверить, чтобы у вас хватило на это самонадеянности.

— Боюсь, что вы правы, да, я этого боюсь; как подумаю о себе — что я такое, как мало я знаю и как сурова моя жизнь, то сам понимаю, что бессмысленно питать надежду, будто такая ученая, такая веселая, добрая и нежная...

—..и красивая, не забудьте добавить, — грубо прервал его Мюр.

— Да, да, и красивая, — кротко и смиренно согласился проводник. — Конечно, я должен был вспомнить и о красоте, когда перечислял все ее достоинства, потому что молодая лань, когда она еще только учится прыгать, не так радуется глаз охотника, как Мэйбл радуется мой взор. Я в самом деле боюсь, что все мои мечты о ней несбыточны и самонадеянны.

— Ну, уж если вы сами, любезный, так думаете по своей природной скромности, то я считаю своим долгом по отношению к вам, моему старому товарищу и однополчанину...

— Квартирмейстер, — перебил его собеседник, пристально глядя ему в лицо, — мы часто жилали вместе в стенах крепости, но очень редко встречались за ее валами — в лесах или в стычках с врагом.

— Гарнизон или палатка — какая разница? Таковы мои обязанности, они удерживают меня возле складов с амуницией и провиантом, как это ни противоречит моим склонностям. Вы сами должны это понять, ведь и У вас в крови кипит воинский пыл. Но если бы вы слышали, что Мэйбл только что говорила о вас, вы бы сразу перестали добиваться благосклонности этой наглой и своенравной девчонки.

Следопыт в упор посмотрел на лейтенанта. Разумеется, ему очень хотелось знать мнение Мэйбл о себе, но в нем было слишком много прирожденной, истинной деликатности, чтобы выспрашивать, что о нем говорили. Сдержанность и чувство собственного достоинства, проявленные охотником, не смутили Мюра. Зная, что он имеет дело с человеком правдивым и простодушным, квартирмейстер решил злоупотребить его легковерием и любым путем избавиться от соперничества. Убедившись, что скромность

Следопыта сильнее его любопытства, Мюр тем не менее продолжал:

— Вам все-таки надо знать ее мнение. Следопыт. По-моему, каждый человек должен быть осведомлен о том, что говорят о нем его друзья и знакомые. Так вот, в знак уважения к вашей репутации и вашим чувствам я сейчас все перескажу вам в немногих словах. Вы не заметили, какие у Мэйбл становятся лукавые и озорные глаза, когда ей вздумается над кем-нибудь посмеяться?

— Нет, лейтенант, мне ее глаза всегда кажутся прекрасными и ласковыми, хотя иногда, согласен, в них искрится смех, да, да, я не раз видел их смеющимися, но это всегда сердечный и добрый смех.

— Да, да, так было и на этот раз: глаза ее, если можно так выразиться, смеялись без удержу, и в самый разгар этого веселья она выкрикнула такие слова о вас... надеюсь, вы не будете слишком огорчены. Следопыт?

— Как же не буду, квартирмейстер! Конечно, буду. Мнение Мэйбл для меня значит больше, чем мнение всех прочих людей.

— В таком случае не стану говорить, лучше промолчу. Зачем расстраивать человека, передавая, что говорят о нем его друзья, особенно если знаешь, что их слова могут его обидеть! Итак, больше ни звука!

— Я не могу заставить вас говорить, квартирмейстер, если вы не хотите. Да, пожалуй, мне лучше и не знать мнения Мэйбл о себе, тем более, если как вы намекаете, оно не в мою пользу. Эх, если бы мы могли переделывать себя по своему вкусу, а не оставаться такими, какими создал нас бог, то и характер, и образование, и наружность — все было бы у нас иным. Бывает, человек и груб, и резок, и невежествен, но, если он этого не подозревает, он все-таки счастлив. В то же время как горько видеть собственные недостатки в ярком свете дня именно в такую минуту, когда этого меньше всего желаешь!

— Вот это умно сказано, *raisonnel*, как говорят французы. То же самое и я старался внушить Мэйбл, но тут она неожиданно убежала от меня. Вы заметили, как она ускакала прочь при вашем появлении?

— Как же было не заметить! — глубоко вздохнул Следопыт и так крепко стиснул рукой ствол ружья, что пальцы будто вросли в железо.

— Это было не только заметно — это было просто скандально, да, это точное слово, лучше и в словаре не найдешь, копайся в нем хоть целый час. Так и быть, Следопыт, я не вижу причин утаивать это, знайте же: эта кокетка удрала, не желая слушать мои доводы в вашу защиту.

— Какие же доводы могли вы привести в мою защиту, квартирмейстер?

— А уж это смотря по обстоятельствам, любезный друг. Я не рискнул бы бестактно рассуждать вообще, но готов был отразить каждое ее обвинение в частности. Назови она вас полудикарем, грубым жителем границы, я мог бы, понимаете ли, разъяснить ей, что это оттого и происходит, что вы жили на границе и вели полудикающую жизнь; тогда все ее обвинения сразу бы отпали, должна же она быть мало-мальски справедливой?

— И вы сказали ей все это?

— Не могу поклясться, что я именно так выразился, но смысл был таков. Однако у этой девицы не достало терпения выслушать и половину моих слов. Она убежала прочь, вы видели это своими глазами, Следопыт, из чего вы можете судить, что у нее уже сложилось о вас определенное мнение и она не считает нужным меня слушать. Опасаюсь, что таково ее окончательное решение.

— Я тоже опасаюсь этого, а отец ее, конечно, ошибся. Да, да, сержант жестоко заблуждается.

— Полно, дружище, не унывайте! И не губите доброй своей славы, добытой трудами долгих лет! Вскиньте-ка на плечо ружье, которое вам никогда не изменяет, и вперед, в леса! Поверьте, ни одна женщина не стоит того, чтобы из-за нее печалиться хоть минуту, я это знаю по себе! Верьте слову человека, имевшего двух жен, — мне ли не знать их сестру; в конце концов, они вовсе не таковы, какими нам представляются. А если вы и вправду не

прочь унижить Мэйбл, то более подходящей минуты, чем сейчас, отвергнутому искателю не дожидаться.

— У меня и в мыслях не было унижать Мэйбл!

— Ничего, со временем вы непременно додумаетесь до этого, такова уж природа человека: он всегда старается отплатить оскорблением за оскорбление. Но помните: вам не найти более удобного случая завоевать еще большую любовь своих друзей, а это вернейшее средство вызвать зависть у врагов.

— Запомните, квартирмейстер: Мэйбл не враг мне, но даже если бы это было и так, я ни за что на свете не соглашусь доставить ей хоть малейшее огорчение.

— Вы так говорите. Следопыт, и я верю, что вы искренни; но разум и природа против вас, и вы когда-нибудь в этом убедитесь. Вы, наверное, слышали известную поговорку: "Если любишь меня, то люби и мою собаку". Ну, а читай наоборот, и получится: "Если не любишь меня, то не люби и мою собаку!" А теперь послушайте, что вы можете сделать. Как вам известно, наше положение на этом острове весьма сомнительно и опасно, мы вроде как в пасти у льва, не так ли?

— Никак вы француза называете львом, а остров — его пастью, лейтенант?

— Это только для красного словца, любезный. Всякий понимает, что француз не лев и остров не его пасть. Но может случиться, и этого я боюсь больше всего, что он превратится в ослиную челюсть!

Квартирмейстер разразился ироническим хохотом, выразившим все, что угодно, только не уважение к мудрости своего друга, майора Лунди, выбравшего этот остров для военных операций.

— Остров для песта выбран очень удачно, лучшего не найти, — возразил ему Следопыт, осматриваясь кругом и как бы оценивая взглядом местность.

— Все отрицаю, не отрицаю. Лунди великий мастер на малые дела. И отец его был великий лорд в этом же смысле. Я родился у них в поместье и все годы был неразлучен с Лунди, вот я и научился с почтением относиться ко всем его словам и поступкам. Вы же знаете. Следопыт, что он моя слабость. Словом, пост этот мог создать здесь либо осел, либо мудрейший Соломон, с какой стороны на это дело взглянуть. Но место очень уж ненадежное, об этом можно судить по всем предостережениям и приказам Лунди. Здесь полно дикарей, они рыщут по лесам на Тысяче Островов в поисках нашего поста. Об этом Лунди отлично знает из получаемых донесений; и самая большая услуга, которую вы могли бы оказать Пятьдесят пятому полку, — это выследить краснокожих и завести их подальше от нашего острова. Но вот беда, сержант Дунхем вбил себе в голову, что опасности следует ждать с верховья реки, потому что там расположен Фронтенак, а опыт нас учит, что индейцы всегда объявляются не с той стороны, откуда их жду, и, стало быть, могут нагрянуть с низовья. А потому садитесь в свою пирогу и плывите вниз по течению меж островов, тогда вы сможете подать нам сигнал если оттуда приблизится опасность. Если вы к тому же обшарите лес на несколько миль вдоль побережья, особенно в сторону Йорка, то сведения, доставленные вами, будут еще более достоверными, а значит, и более ценными.

— Великий Змей осматривает сейчас ту местность, он прекрасно знает, где находится пост, и, конечно, вовремя предупредит нас, если нас захотят обойти с той стороны.

— Но он, в конце концов, только индеец. Следопыт, а тебе надобны знания и опыт белого человека. Лунди по гроб жизни будет благодарен тому, кто поможет ему удачно завершить наш небольшой поход. Говоря по правде, дружище, он прекрасно понимает, что его и затевать-то не стоило, но он так же упрям, как старый лорд, его отец и не признается в своей ошибке, будь она ясна как божий день.

Квартирмейстер продолжал уговаривать проводника немедленно покинуть остров. Хватаясь за любые доводы, он часто противоречил сам себе и, приводя одни соображения, тут же опровергал их противоположными. При всем своем простодушии Следопыт не мог не заметить уязвимых мест в рассуждениях лейтенанта, хотя был далек от подозрения что Мюр добивался лишь одного — спровадить его и избавиться таким образом от соперника На

коварные речи Следопыт отвечал серьезными доводами и легко опрокидывал все аргументы казавшиеся ему неосновательными; он-то прекрасно знал свои обязанности, но, сам неспособный на подлость, он, по обыкновению, не мог разгадать низких побуждений своего собеседника. Не то чтобы у него были определенные подозрения относительно тайных намерений Мюра, но увертки последнего не ускользнули от его внимания. Кончилось тем, что после долгой беседы они разошлись и каждый остался при своем мнении, затаив недоверие к другому, но только в недоверии Следопыта, как и во всех чувствах этого человека, отражалась его открытая, бескорыстная и прямая натура.

Совет, который сержант Дунхем вскоре держал с лейтенантом Мюром, имел более ощутимые последствия. Солдаты получили какие-то секретные распоряжения; они заняли блокгауз и хижины, и всякий, кто знаком с передвижениями военных отрядов, мог понять, что затевается какая-то экспедиция. И в самом деле, сержант, весь день занятый приготовлениями в так называемой гавани, вернулся со Следопытом и Кэпом в свою хижину только к вечеру. Он сел за опрятный стол, накрытый для него дочерью, и приготовился выкладывать новости.

— Я вижу, дочка, ты и здесь не сидишь сложа руки, — начал старый солдат, — если судить по вкусному ужину, приготовленному с таким старанием. И я надеюсь, что, коли придется, ты покажешь себя достойной дочерью тех, кто умеет, не дрогнув, встретить врага лицом к лицу.

— Неужели, дорогой батюшка, вы прочите меня в Жанны д'Арк и хотите, чтобы я повела в бой ваших солдат?

— Куда тебя прочу, дочка? О ком это она говорит, не знаешь. Следопыт?

— О нет, сержант, но это и неважно! Я человек невежественный и неученый, и для меня удовольствие просто слушать голос Мэйбл, вслушиваться в ее слова, о ком бы она ни говорила.

— А я знаю, о чем речь, — решительно заявил Кэп. — Это каперское судно из Морде³⁵. Ох, и награбило же оно добра в последнюю войну!

Мэйбл покраснела; ей стало неловко, что невзначай оброненное ею замечание обнаружило необразованность ее отца, не говоря уж о невежестве дядюшки и, может быть, чуть наивной непосредственности Следопыта. Тем не менее она не смогла сдержать улыбку.

— Батюшка, уж не хотите ли вы, чтоб я стала в строй вместе с вашими солдатами и помогла бы им оборонять остров?

— Представь себе, дочка, женщинам в нашем краю нередко приходилось воевать, наш друг Следопыт подтвердит тебе это. Смотри же не испугайся, если, проснувшись завтра утром, не найдешь нас на месте: мы собираемся ночью выступить в поход.

— Как, батюшка, "мы"? А меня и Дженни вы оставляете одних на острове?

— Что ты, дочь моя! Это было бы совсем не по-военному. Мы оставим здесь лейтенанта Мюра, брата Кэпа, капрала Мак-Нэба и трех солдат, вот тебе и целый гарнизон на время нашего отсутствия. Дженни перейдет в эту хижину, а брат Кэп займет мое место.

— А мистер Мюр? — невольно вырвалось у Мэйбл: она уже предвидела ожидавшие ее неприятности от докучливого ухаживания своего поклонника.

— Пусть побегает за тобой, если тебе это по вкусу, дочка. Он у нас влюбчивый молодой человек, недаром четырежды был женат! И ему уже не терпится взять пятаю, чтобы доказать, как он чтит память первых четырех.

— Квартирмейстер уверял меня, — наивно вставил Следопыт, — что, когда столько потерь избородили душу, нет лучшего средства унять боль, как заново перепахать почву, чтобы не осталось никаких следов былого.

— Ах, бороздить, пахать — все это пустые слова! — возразил сержант, криво усмехнувшись. — Пусть попробует излить перед Мэйбл свою душу, бог с ним! Тогда его

³⁵ Морле — город на западе Франции.

ухаживаниям придет конец. Я-то хорошо знаю, что моя дочь никогда не станет женой лейтенанта Мюра!

Сержант сказал это непререкаемым тоном, желая подчеркнуть, что никогда не разрешит своей дочери выйти замуж за квартирмейстера.

Мэйбл смешалась, вспыхнула и растерянно улыбнулась, но тут же овладела собой и весело заговорила, чтобы скрыть свое волнение:

— Не лучше ли подождать, батюшка, когда он сделает вашей дочери предложение? Не то как бы не повторилась басня о лисе и кислом винограде!

— Что это за басня, Мэйбл? — нетерпеливо спросил Следопыт, который при всех своих достоинствах не знал самых простых вещей, известных почти каждому белому человеку. — Расскажите ее нам, у вас это так хорошо получается! Я думаю, что и сержант ее никогда не слышал.

Мэйбл прочитала известную басню, и у нее это действительно так мило получилось, что влюбленный Следопыт не отрывал от нее глаз, а доброе лицо его расплылось в широкую улыбку.

— Как это похоже на лисицу! — воскликнул он, когда Мэйбл дочитала басню до конца. — Вот и минги тоже хитры и жестоки; эти бестии друг друга стоят. А что до винограда, то он в наших краях вообще кислый, даже для тех, кто в состоянии до него дотянуться. Но и здесь, конечно, он иногда кажется еще кислее тем, кто его не может достать. Я полагаю, например, что мингам мой скальп кажется ужасно кислым.

— Насчет кислого винограда не нам тужить, дочка, пусть на него жалуется мистер Мюр. Ведь ты не мечтаешь выйти за него замуж, не так ли?

— Она? Да ни за что! — вмешался Кэп. — Какая он ей пара? То ли солдат, то ли нет, не разберешь кто! История про виноград очень даже к нему подходит.

— Батюшка, дядюшка, родные мои! Я пока еще не думаю о замужестве и хотела бы, чтобы об этом поменьше говорили. Но если и надумаю, то, во всяком случае, вряд ли остановлю свой выбор на человеке, который уже осчастливил своей благосклонностью трех или четырех жен!

Сержант подмигнул Следопыту, как бы говоря: "Вот видишь, наше дело в шляпе!" — потом, уступая просьбе дочери, переменял тему разговора.

— Ни тебе, зять, ни Мэйбл я не вправе передать командование гарнизоном, который останется на острове, — заметил он, — но вы можете давать советы и влиять на здешние дела. Официальным командиром вместо меня останется капрал Мак-Нэб; я старался сколько мог втолковать ему, что он остается здесь за главного и не подчиняется лейтенанту Мюру, который хоть и старше его чином, но сюда попал как волонтер и не должен вмешиваться в нашу службу. Смотри, брат Кэп, поддерживай капрала: если квартирмейстер приберет к рукам Мак-Нэба, то потом сядет и мне на голову — он захочет командовать и мной, и всей экспедицией.

— Особенно если Мэйбл и вправду посадит его на мель во время твоего отсутствия. Но все суда, я надеюсь, ты оставляешь под моей командой? Самая дьявольская путаница всегда образуется от столкновений между главнокомандующими на море и на суше.

— Вообще-то главнокомандующим здесь остается капрал. Мы знаем из истории, что разделение власти как раз и приводит к наибольшим недоразумениям, и я хочу избежать этой опасности. Капрал будет командовать, но ты можешь свободно давать ему советы, особенно во всем, что касается лодок; я вам оставляю одну лодку на случай, если вам придется отступить отсюда. Я хорошо знаю капрала, он превосходный человек и храбрый солдат; на него вполне можно положиться, если только не давать ему слишком часто прикладываться к рюмочке "Санта-Круц". Кроме того, он шотландец и легко может подпасть под влияние квартирмейстера Мюра. Тут уж вы оба, ты, зять, и ты, Мэйбл, должны зорко следить за ними.

— Но зачем вы оставляете нас здесь, батюшка? Я приехала издалека, чтобы покоить вас, разве я не могу сопровождать вас и дальше?

— Славная ты моя девочка! Настоящая Дунхем! И все-таки тебе придется остаться. Мы покинем остров завтра утром, еще затемно, чтобы ни один любопытный не подсмотрел, как мы будем выходить из нашего укрытия. Мы возьмем с собой два бота побольше, а вам оставим третий бот и пирогу. Мы должны выйти на протоку, по которой французы возят во Фронтенак всякое добро для индейцев. Там нам придется засесть, может быть, даже на целую неделю, чтобы перехватить их суда.

— А бумаги твои в порядке, братец? — с беспокойством спросил Кэп. — Тебе, разумеется, известно, что захват судов в открытом море считается морским разбоем, если с тобою нет необходимых бумаг, подтверждающих твое право совершать рейсы на государственном или частном вооруженном судне.

— Я имел честь получить от полковника звание старшего сержанта Пятьдесят пятого полка, — возразил Дунхем и с достоинством выпрямился, — а этого должно быть достаточно даже для французского короля. Если же и этого мало, у меня есть письменный приказ майора Дункана.

— Но это не дает тебе права совершать рейсы на военном судне?..

— Других бумаг у меня нет, зять, но и этих хватит. Интересы его величества в этой части света требуют, чтобы мы захватили суда, о которых я говорил, и отвели их в Осуиго. Эти суда нагружены шерстяными одеялами, побрякушками, ружьями и патронами, — одним словом, всем, что нужно французам для подкупа проклятых дикарей, их союзников, которых они заставляют совершать всякие зверства. Тем самым французы попирают христианскую религию и ее заповеди, законы человеколюбия и все, что нам дорого и свято. Захватив этот груз, мы расстроим их планы и выиграем время, потому что этой осенью они уже не смогут получить из-за океана другие товары.

— Однако, батюшка, разве его величество не прибегает также к помощи индейцев? — спросила Мэйбл, несколько удивленная.

— Разумеется, дочка, и он имеет на это право, да благословит его господь! Но только есть большая разница в том, кто использует краснокожих в войне — французы или англичане, — это всякому понятно!

— Это-то понятно, шурин! Я вот только никак не разберусь с твоими судовыми документами.

— Любой француз обязан удовлетвориться документом английского полковника, подтверждающим мои права. Так оно и будет, зять.

— Но какая разница, батюшка, кто втягивает индейцев в войну — англичане или французы?

— Плохо дело, дочка, если ты не видишь ее, этой разницы! Прежде всего англичане по натуре человечны и смелы, а французы жестоки и трусливы.

— Можешь еще добавить, брат, что они готовы плясать с утра до вечера, дай им только волю!

— Совершенно справедливо! — серьезно подтвердил сержант.

— И все-таки, батюшка, это не меняет дела. Если французы поступают дурно, подкупая туземцев, чтобы они воевали с их врагами, то, казалось бы, это одинаково неблагородно и со стороны англичан. Вы-то согласны со мной, Следопыт?

— Вы, правы, конечно, правы. Я никогда не был с теми, кто поднимает крик, обвиняя французов в тех же грехах, какие совершаем мы сами. И все же связываться с мингами позорнее, чем с делаварами. От этого благородного племени мало что осталось, но я не считал бы грехом послать их против наших врагов.

— Да ведь и они убивают и снимают скальпы со всех — от мала до велика, не щадя ни женщин, ни детей.

— Это у них в крови, Мэйбл, и нельзя их за это осуждать. Натура есть натура, и у разных племен она проявляется по-разному. Я, например, белый и стараюсь вести себя как подобает белому.

— Не понимаю — отвечала Мэйбл, — почему то, что справедливо для короля Георга,

не должно считаться справедливым и для короля Людовика — Настоящее имя французского короля — Капут³⁶, — заметил Кэп, у которого рот был набит оленьей — У меня был как-то на борту один пассажир, ученейший господин, и он разъяснил мне, что все эти Людовики — тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый — были великими обманщиками, на самом деле их всех звали Капутами, по-французски это значит "голова", понимать это надо так, что их должно поставить у подножия лестницы, чтобы они были под рукой, когда придет время их повесить.

— Разве это не все равно, что снимать скальпы? Такое же свойство человеческой природы! — сказал Следопыт с удивленным видом, будто он впервые услышал нечто для него новое. — Теперь я уже без всяких угрызений совести буду бить этих негодяев, хотя я и прежде с ними не особенно церемонился.

Собеседники, за исключением Мэйбл, решили, что на этом вопрос, занимавший их, исчерпан, и никто, по-видимому, не находил нужным обсуждать его дальше. И в самом деле, три наших героя в этом отношении мало отличались от своих ближних, которые склонны судить обо всем пристрастно, без должного знания и понимания; возможно, и не стоило бы приводить здесь этот разговор, если бы он не имел отношения к некоторым частностям нашего повествования, а их суждения не объясняли мотивов, руководивших их поступками.

Как только все отужинали и гости ушли, у сержанта с дочерью начался большой и серьезный разговор. Нежные излияния были не в характере сержанта Дунхема, но сейчас необычность положения пробудила в нем чувства, каких он до сих пор не испытывал. Пока солдат или матрос действует под непосредственным руководством своего начальника, он мало думает о риске, связанном со всей операцией. Но с той минуты, как на его плечи ложится ответственность командира, ему мерещатся сотни случайностей, от которых зависят успех или провал. Он, быть может, меньше тревожится о собственной безопасности, чем тогда, когда это составляло его главную заботу: зато он больше думает о судьбе своих подчиненных и легче поддается тем чувствам, которые подрывают его решимость. В таком положении очутился теперь и сержант Дунхем; вместо того, чтобы, как обычно, смотреть вперед со свойственной ему уверенностью в победе, он вдруг понял, что, может быть, расстанется со своей дочерью навсегда.

Никогда еще Мэйбл не казалась ему столь прекрасной, как в этот вечер. Да и она, пожалуй, никогда ранее не открывала отцу так много привлекательных своих черт. Сегодня ее глубоко волновала тревога за отца; кроме того, она чувствовала, что на сей раз ее дочерняя любовь находит отклик в суровой душе старого ветерана, вызывая в нем ответную любовь. В ее отношениях с отцом никогда не было принужденности; превосходство ее воспитания вырыло между ними пропасть, еще более углубившуюся из-за его чисто солдатской суровости, выработанной многолетним и тесным общением с людьми, которых можно было держать в подчинении только с помощью неослабной дисциплины. Но сейчас, когда они остались одни в последний раз перед разлукой, между дочерью и отцом возникла более сердечная близость, чем обычно. Мэйбл с радостью подмечала в словах отца все больше нежности, по которой с самого приезда втайне тосковало ее любящее сердце.

— Так вы находите, что я одного роста с покойной матушкой? — сказала девушка, взяв в свои ладони руку отца и глядя на него влажными от слез глазами. — Д мне казалось, что она была выше меня.

— Большинство детей так думает: они привыкли смотреть на родителей снизу вверх, вот им и кажется, что они выше ростом и вообще более внушительны. Нет; Мэйбл, твоя мать была точь-в-точь такая, как ты.

— А какие у нее были глаза?

— Глаза у нее были голубые, как у тебя, кроткие и манящие, дитя мое, но не такие

³⁶ Кэп имеет в виду династию Капетингов, получившую свое название от имени ее основателя — Гуго Капета. Упоминаемые в разговоре французские короли — из династии Бурбонов. Капут (caput) — "голова" по-латыни, а не по-французски, как утверждает Кэп

живые и смеющиеся.

— В моих глазах навсегда угаснет смех, дорогой батюшка, если вы не будете беречь себя в этой экспедиции.

— Спасибо, дитя мое... Гм... спасибо. Однако я обязан выполнить свой долг. Но у меня есть одно желание — чтобы ты счастливо вышла замуж, пока мы здесь, в Осуиго. Тогда у меня будет легче на душе.

— Замуж? Но за кого?

— Ты знаешь того, кого я желал бы видеть твоим мужем. Тебе могут встретиться другие мужчины, более видные, богато одетые, но никогда тебе не попадетя человек с таким благородным сердцем и ясным умом.

— Вы так думаете, батюшка?

— Я не знаю никого, кто бы мог сравниться в этом отношении со Следопытом.

— Но я совсем не собираюсь замуж. Вы одиноки, и я хочу остаться с вами и скрасить вашу старость.

— Да благословит тебя господь, дитя мое! Я знаю, что ты готова на это, и не отрицаю, что чувства твои заслуживают похвалы. Но все-таки я думаю, есть чувства еще более похвальные.

— Что может быть похвальнее любви к родителям?

— Любовь и уважение к мужу, дорогое дитя!

— Но у меня нет мужа, батюшка!

— Так выйди же поскорее замуж, чтобы было кого любить. Я не вечен. Мэйбл, недалек день, когда я покину тебя. — то ли болезнь унесет меня, то ли пуля прикончит. Ты же молода, тебе еще жить да жить. Тебе необходим муж, защитник, который опекал бы тебя всю жизнь и заботился о тебе так же, как ты хочешь заботиться обо мне.

— И вы думаете, батюшка, — спросила девушка, перебирая своими маленькими ручками узловатые пальцы отца и разглядывая их с таким вниманием, будто нашла в них что-то необыкновенное, между тем как на губах ее играла легкая усмешка, — и вы думаете, что Следопыт наиболее подходящий для этого человек. Ведь он всего на десять или двенадцать лет моложе вас!

— Что ж из этого? Он вел умеренную и полную трудов жизнь, тут надо не на годы смотреть, а на здоровье. Разве у тебя есть на примете кто-нибудь другой, кто бы мог стать тебе опорой в жизни?

Нет, у Мэйбл никого не было на примете. По крайней мере никого, кто бы выразил намерение стать ее мужем, хотя в душе у нее, быть может, и бродили какие-то смутные надежды и желания.

— Батюшка, мы ведь говорим не о других, а о Следопыте, — отвечала она уклончиво. — Будь он помоложе, мне было бы легче представить его своим мужем.

— Повторяю тебе, дочка: все дело в здоровье! Если на то пошло. Следопыт даст сто очков вперед большей части наших молодых офицеров. Уж во всяком случае он моложе одного из них — лейтенанта Мюра.

Мэйбл рассмеялась весело и беззаботно, словно не было у нее на душе никакой тяжести.

— Конечно, Следопыт так молоджав, что по виду годится ему во внуки, да и лет ему гораздо меньше. Сохрани тебя бог, Мэйбл, выйти замуж за офицера, во всяком случае до тех пор, пока ты сама не станешь дочерью офицера.

— Если я выйду за Следопыта, мне это не угрожает, — ответила девушка, лукаво поглядывая на сержанта.

— Да, он не имеет королевского патента на чин, но уже теперь водит дружбу с нашими генералами. Я бы умер со спокойной душой, если бы ты стала женой Следопыта, Мэйбл.

— Батюшка!

— Тяжко идти в бой, когда гнетет мысль, что дочь твоя может остаться одинокой и беззащитной.

— Я бы отдала все на свете, чтобы снять это бремя с вашей души, дорогой батюшка!

— Это в твоей власти, — ответил сержант, с любовью глядя на дочь, — но я бы не хотел, чтобы ты переложила это бремя на себя.

Сержант произнес эти слова глухим, дрожащим голосом; никогда до сих пор не выказывал он так открыто свою любовь к дочери.

Глубокое волнение этого всегда сурового, сдержанного человека особенно растрогало Мэйбл, и она жаждала избавить отца от всяких тревог.

— Батюшка, говорите прямо, что я должна сделать? — воскликнула она потрясенная.

— Нет, нет, Мэйбл, это будет несправедливо — ведь твои желания могут противоречить моим.

— У меня нет никаких желаний, и я не понимаю, о чем вы говорите... это касается моего будущего замужества, не так ли?

— Если бы ты обручилась со Следопытом, пока я жив, если бы я был твердо уверен, что ты станешь его женой, то, что бы ни ожидало меня впереди, я умер бы спокойно. Но я не могу требовать от тебя такого обещания, дитя мое, и не хочу заставлять тебя делать то, в чем бы ты позднее раскаивалась. Поцелуй меня, дочка, и ложись спать.

Если бы сержант Дунхем принуждал Мэйбл дать обещание, услышать которое он так сильно хотел, он натолкнулся бы на упорное сопротивление, но, предоставив решение самой Мэйбл, он приобрел в ней самой сильную союзницу, потому что его великодушная, преданная дочь была способна скорее уступить ласке, чем подчиниться угрозе. В эту решительную минуту она думала только об отце, с которым ей предстояло очень скоро расстаться, возможно навеки, и вся ее горячая любовь к нему, взлелеянная главным образом ее воображением, но несколько остывшая из-за его сдержанного отношения к ней в последние две недели, теперь вновь вспыхнула чистым и сильным огнем. В эту минуту отец был ей дороже всего, и ради его счастья она готова была на любую жертву. В сознании девушки с какой-то неистовой силой вдруг вспыхнула мучительная мысль, и решимость ее на секунду ослабела. Но, пытаясь найти основание для промелькнувшей было радостной надежды, она не нашла ничего, что могло бы эту надежду подкрепить. Приученная воспитанием подавлять в себе самые заветные чувства, она вновь обратилась мыслью к отцу и к награде, ожидающей дочь, покорную воле родителей.

— Батюшка, — произнесла она неторопливо, почти с полным спокойствием, — господь благословит дочь, послушную своему долгу?

— Разумеется, Мэйбл, — об этом говорится и в Писании.

— В таком случае, я выйду замуж за того, кого вы мне выберете.

— Нет, нет, Мэйбл, ты должна выбрать себе мужа по собственной склонности!

— Мне не из кого выбирать, да, да, никто еще не делал мне предложения, кроме Следопыта и мистера Мюра. Но из них двоих, конечно, мы оба, не колеблясь, остановим свой выбор на Следопыте. Нет, батюшка, я выйду за того, за кого вы пожелаете.

— Ты знаешь, каково мое желание, дорогое дитя мое; никто другой не даст тебе такого полного счастья, как наш благородный проводник.

— Что ж, батюшка, если он не изменил своих намерений, если он опять будет искать моей руки — ведь вы не захотите, чтобы я сама ему навязывалась или кто-нибудь другой за меня, — на побледневшие щеки Мэйбл вернулся румянец — после того как она приняла свое великодушное и благородное решение, она вновь воспрянула духом, — не надо пока говорить ему о нашем решении. Если он вернется к этому разговору и, выслушав все, что порядочная девушка обязана сказать своему жениху перед свадьбой, все-таки захочет, чтобы я стала его женой, то я стану ею.

— Да благословит тебя господь бог и да вознаградит тебя, как того заслуживает примерная дочь!

— Да, батюшка, теперь вы можете быть покойны и с легким сердцем отправиться в путь, уповая на бога. А обо мне вам тревожиться нечего. Весной — ведь вы позволите мне побыть с вами до весны, — да, весной я выйду замуж за Следопыта, если наш благородный

друг не переменит своего решения.

— Что ты, Мэйбл, он любит тебя так же, как я любил твою мать. Бедняга плакал, как ребенок, когда рассказывал мне о своих чувствах к тебе.

— Да, да, я верю... Я не раз убеждалась, что он обо мне лучшего мнения, чем я того заслуживаю. И, конечно, нет на свете человека, которого я уважала бы больше, чем Следопыта, не исключая даже вас, батюшка!

— И вполне заслуженно, дочка! Ваш союз будет счастливым, поверь мне. Могу ли я сообщить Следопыту эту радостную весть?

— Лучше не надо, батюшка. Пусть все идет само собой: мужчина должен добиваться любви женщины, а не наоборот.

Улыбка, осветившая прекрасные черты Мэйбл, была лучезарна; такой она, во всяком случае, показалась сержанту, хотя человек, умеющий лучше отгадывать по лицу молодой девушки мимолетные движения ее души, сразу бы понял, что в этой улыбке было что-то неестественное и напряженное.

— Нет, нет, пусть все идет само собой. Ведь я вам твердо обещала!..

— Будь по-твоему, дочка, будь по-твоему! Теперь поцелуй меня... Благослови тебя бог, ты добрая дочь.

Мэйбл бросилась отцу на шею — первый раз в жизни — и, прижавшись к нему, заплакала, как ребенок. Суровое солдатское сердце не выдержало, и слезы отца смешались со слезами дочери; но сержант Дунхем тотчас же опомнился; устыдившись своей слабости, ласково отстранил от себя дочь и, пожелав ей спокойной ночи, отправился на покой. Мэйбл, все еще рыдая, ушла в свой неприглядный угол. Через несколько минут все стихло, и только громкий храп старого ветерана нарушал тишину.

Глава XX

*Руинами я шел, и меж кустов
Узнал я камень, весь поросший мхом,
Остался он от солнечных часов,
Стоявших некогда в саду густом.*

**Кэмпбелл,
"На посещение Эрджилшира"**

Мэйбл проснулась, когда солнце не только ярко светило, но уже стояло довольно высоко. Сон ее был спокоен и крепок, оттого что уснула она с сознанием выполненного долга и к тому же сильно устала; даже поднявшийся на рассвете шум и движение в лагере ее не потревожили. Вскочив с постели, девушка поспешно оделась и через несколько мгновений уже стояла на поляне, вдыхая благоуханную свежесть утра. Впервые она в полной мере ощутила своеобразную красоту и глухое уединение окружавшей ее местности. Стоял один из тех ослепительных осенних дней, на какие столь щедр климат этого края, хотя его почему-то больше поносят, чем хвалят, и бодрящее, целительное действие погожего утра не замедлило благотворно сказаться на Мэйбл. Лежавший на сердце гнет она приписывала страху за отца, которого теперь, когда между ними исчезла прежняя отчужденность, горячо полюбила.

Остров казался необитаемым. Накануне вечером обычная при всяких сборах и приездах суতোлка еще придавала ему какую-то видимость жизни, но теперь все было пусто и мертво, и наша героиня долго озиралась, прежде чем обнаружила хоть одно живое существо, которое избавило бы ее от чувства одиночества. Она вдруг увидела всех, кто остался на острове, в полном сборе: они расположились у лагерного костра. Присутствие дяди, к которому Мэйбл привыкла, успокоило девушку, и она с вполне понятным в ее положении любопытством продолжала осмотр. Помимо Кэпа и квартирмейстера, тут были капрал, трое солдат и стряпуха, Хижины стояли безмолвные и пустые; невысокая, похожая на крепостную башню вышка блокгауза живописно поднималась из наполовину скрывавших ее кустов. Солнце

падало на лужайку лишь сквозь просветы между деревьями, и лиственный шатер над головой Мэйбл четко вырисовывался на фоне бездонной голубизны неба. Не видно было ни облачка, и она втайне решила принять это за предзнаменование мира и безопасности.

Убедившись, что все заняты таким первостепенным для человека делом, как завтрак, Мэйбл, никем не замеченная, направилась на небольшой мысок, где буйно разросшиеся кусты и деревья совершенно скрыли ее из виду. Раздвинув нависшие над водой ветви, она пробралась к самому краю протоки и долго глядела, как тихо плескались о берег, еле приметно накатывая и отливая, крохотные волны — слабый отголосок волнения, царившего в пятидесяти милях выше на озере. Открывавшиеся отсюда виды были на редкость хороши своей мягкой прелестью, и наша героиня, живо воспринимавшая все прекрасное в природе, не замедлила оценить наиболее примечательные части ландшафта. Остров теснился к острову, и узкие прогалины между ними убегали в бесконечную даль; любуясь этой картиной, она подумала, что никогда не видела ничего красивее.

Но вдруг Мэйбл вздрогнула. Ей почудилось, что в кустах, окаймляющих берег противоположного острова, мелькнула человеческая фигура. Ширина протоки в этом месте не превышала ста ярдов, и, хоть девушка, конечно, могла обмануться, да и внимание ее в ту минуту было поглощено другим, все же ей казалось, она не ошиблась. Зная, что принадлежность к женскому полу не послужит ей защитой от пули, если ее заметит ирокез, Мэйбл невольно отпрянула и укрылась в листве, но стала пристально всматриваться в противоположный берег. Какое-то время прошло в напрасном ожидании. Она собиралась уже было покинуть свой наблюдательный пост и поспешить к дяде, чтобы сообщить ему о своих подозрениях, как вдруг увидела высунувшуюся из бахромы кустов длинную ветку ольхи, которой кто-то несомненно махал ей, по-видимому, в знак дружеских намерений. Для нашей героини, незнакомой с обычаями войны на границе, это была напряженная и трудная минута, но все же она понимала, что нужно во что бы то ни стало сохранить самообладание и действовать спокойно и осмотрительно.

Опасности, которым постоянно подвергались поселенцы западных границ Америки, требовали большой отваги от женщин, отваги, на какую они при других обстоятельствах вряд ли сочли бы себя способными:

Мэйбл знала, как любят колонисты расписывать в своих рассказах присутствие духа, мужество и находчивость, которые их жены и сестры проявляли в самых трудных положениях. Рассказы эти пробудили в ней желание походить на них, и она решила, что именно сейчас настало время показать себя достойной дочерью сержанта Дунхема. Движение ветки, по ее мнению, означало дружелюбные намерения; поэтому после минутного колебания она тоже отломала ветку, привязала ее к длинному пруту и, просунув между кустами, замахала в ответ, по мере возможности подражая движениям человека на другом берегу.

Этот немой разговор длился минуты три, потом кусты по ту сторону протоки осторожно раздвинулись и в рамке показалась голова. Мэйбл с первого взгляда определила, что это индеец, точнее индианка. А приглядевшись, она убедилась, что это не кто иной, как Июньская Роза, жена Разящей Стрелы. Во время их совместного путешествия приветливость, кроткая простота индианки, благоговение и любовь, с какими она относилась к мужу, привлекли к ней симпатии Мэйбл. Раза два в пути девушке почудилось, что тускарора оказывает ей чрезмерное внимание, и тогда Июньская Роза становилась печальной и подавленной. Но, так как Мэйбл своей добротой и заботливостью сглаживала невольно причиненную своей спутнице боль, индианка привязалась к ней, и когда они расстались, у нашей героини сложилось впечатление, что в Июньской Розе она потеряла преданного друга.

Трудно проследить все пути, которыми человеческое сердце проникается к кому-либо доверием, однако молодая индианка пробудила это чувство у нашей героини, и Мэйбл, убежденная в том, что этот странный визит сделан ради ее же блага, решила вступить в переговоры. Не колеблясь более, она показала из-за кустов и очень обрадовалась, когда Июньская Роза ответила ей таким же доверием, бесстрашно выйдя из укрытия. Девушка и

замужняя индианка, которая была даже на год или на два моложе Мэйбл, теперь открыто обменялись дружескими приветствиями, и первая поманила к себе приятельницу, хотя не знала, каким образом та переберется через протоку. Но, как оказалось, для Июньской Росы это не представляло затруднения, исчезнув на какой-то миг, она появилась в пироге, нос которой выдвинулся из-за куста, тогда как корпус все еще оставался скрытым в маленькой бухточке. Мэйбл уже хотела было подать ей знак переправиться, как вдруг услышала зычный голос звавшего ее дяди. Поспешно махнув рукой индианке, чтобы та спряталась, Мэйбл выскочила из чащи и побежала через поляну на зов; скоро она увидела всю компанию за завтраком; проголодавшийся Кэп с трудом оторвался от еды, чтобы позвать племянницу. Мэйбл мгновенно сообразила, что это самая подходящая минута для свидания с Июньской Росой, и под предлогом, что еще не успела умыться и причесаться, бросилась обратно к протоке и подала знак молодой индианке Июньская Роса все поняла; несколько бесшумных взмахов весла перенесли ее через протоку, пирога была укрыта в кустах острова, где помещался пост, и мгновение спустя Мэйбл уже вела подругу за руку через лесок к своей хижине. По счастью, хижина была укрыта от взора тех, кто сидел за завтраком, и девушки юркнули туда, никем не замеченные. Мэйбл как умела торопливо объяснила гостье, что скоро вернется, направилась к костру и, стараясь не выдать волнения, подседа к остальным; она не сомневалась, что спрятанная у нее в комнате Июньская Роса никуда без нее не уйдет.

— Семеро одного не ждут, Мэйбл, — изрек дядюшка, отправляя в рот огромный кусок жареной лосося, ибо если готовка на этой отдаленной границе была весьма примитивной, то сами яства, как правило, отличались изысканностью. — Семеро одного не ждут — это хорошее правило и подгоняет копуш.

— Я вовсе не копуша, дядя я уже час как встала и осмотрела наш остров.

— Тут и смотреть-то нечего, мисс Мэйбл, — сказал Мюр — Лунди... Впрочем, лучше величать его майор Дункан, — поправился он, покосившись на капрала и солдат, хотя те завтракали немного поодаль, — прямо сказать, не присоединил империю к доминионам его величества, когда завладел этим островком; вряд ли в смысле прибылей и доходов от него можно ожидать большего, чем от острова знаменитого Санчо³⁷, того самого Санчо, о котором вы, несомненно, мастер Кэп, читали в часы досуга, особенно в штиль или когда были свободны от вахты.

— Я знаю, что вы имеете в виду, квартирмейстер: остров Санчо — коралловый риф недавнего образования, с таким отвратительным подходом, что в темную ночь и ветер грешнику лучше держаться от него подальше. Этот остров Санчо славится кокосовыми орехами и горькой водой.

— Не очень-то привлекательное меню на обед, — возразил Мюр, из уважения к Мэйбл сдерживая улыбку, показавшуюся было у него на губах, — а что касается доходов — что тот, что этот стоят друг друга. На мой взгляд, мастер Кэп, в стратегическом отношении место выбрано очень неудачно, и я уверен, что рано или поздно здесь что-нибудь да стрясется.

— Будем надеяться, что это случится не при нас, — заметила Мэйбл, — у меня нет ни малейшего желания изучать французский язык.

— Счастье еще, если это не окажется ирокезский, — заметил Мюр. — Я долго доказывал майору Дункану, что место это для поста никуда не годится, но разве такого упряма переубедишь? И если первой причиной, побудившей меня сопровождать наш отряд, было желание по мере возможности оказаться полезным вашей племяннице и заслужить ее расположение, мастер Кэп, то вторая заключалась в том, чтобы проверить запасы нашего интендантства: тогда не возникнет ни малейшего повода для споров, как и что было израсходовано, если они достанутся неприятелю.

— Неужели вы считаете положение настолько серьезным? — спросил Кэп, с таким беспокойством ожидая ответа, что даже перестал жевать кусок дичи, отдавая должное и дичи

³⁷ Речь идет о Санчо Пансе, герое романа Сервантеса "Дон-Кихот".

и рыбе, он, как истый гурман, переходил от одного блюда к другому. — Разве нам угрожает такая опасность?

— Я не стану это утверждать, но не стану утверждать и обратное. Война всегда сопряжена с риском, а на аванпосте опасность, разумеется, больше, чем в лагере. Так что французы могут пожаловать сюда в любую минуту.

— И что тогда, черт побери, делать? Если на нас нападут, шестерым мужчинам и двум женщинам оборонять такой пост — гиблое дело, тем более что это французы и они позаботятся о том, чтобы нагрянуть сюда с превосходящими силами.

— Надо полагать, не только с превосходящими, но по меньшей мере с подавляющими силами. Конечно, можно по всем правилам военного искусства разработать диспозицию для обороны острова, но ведь у нас нет достаточно людей, чтобы выполнить такой план, сколько-нибудь подобающим образом. Во-первых, нужно выслать отряд на берег: он задержит высадку неприятеля; сильная группа должна быть брошена в блокгауз, играющий в данном случае роль опорного пункта, ибо к нему по мере продвижения французов будут стягиваться остальные отряды, и, наконец, вокруг крепости следует вырыть траншею, так как с точки зрения военной тактики и стратегии недопустимо, чтобы враг имел возможность подобраться к стенам крепости и минировать ее. Рогатки сдержат напор кавалерии; что же касается артиллерийского заслона, то под прикрытием того леска я бы расположил редуты. Летучие отряды оказали бы большую пользу, сдерживая продвижение неприятеля, а эти хижинки, если обнести их частоколом и рвами, представляли бы удобные позиции для этой цели.

— Фью! — даже присвистнул Кэп. — Все это хорошо, квартирмейстер, но кто же, черт побери, даст нам людей для выполнения такого плана?

— Король, несомненно, мастер Кэп. Он заварил эту кашу, так пусть ее и расхлебывает.

— А нас всего шестеро! На словах все куда как хорошо получается. Вас мы пошлем на берег, чтобы помешать высадке; Мэйбл будет разить неприятеля своим острым язычком; стряпуху выставим в роли рогатки, сдерживающей напор кавалерии, капрал будет оборонять траншею, трое солдат займут пять хижин, а я засяду в блокгаузе. Н-да! Хорошо вы умеете расписывать, лейтенант, вам бы живописцем быть, а не солдатом.

— Что ж, я только прямо и откровенно изложил вам положение. А если нет солдат, чтобы привести в исполнение этот план, тут уж не моя вина, а вина министров его величества.

— Но, если неприятель в самом деле явится, — осведомилась Мэйбл; помня о спрятанной в ее хижине гостье, она задала этот вопрос не из праздного любопытства, — что нам тогда делать?

— Мой совет, очаровательная Мэйбл, попытаться осуществить то, что принесло заслуженную славу Ксенофону³⁸.

— Насколько я вас понимаю, вы имеете в виду отступление?

— Врожденный здравый смысл, дорогая барышня, подсказал вам, что я имею в виду. Я знаю, ваш достойный батюшка дал некоторые указания капралу; он полагает, будто этими мерами можно удержать остров, если нас обнаружат французы! Но уважаемый сержант, хоть он ваш отец и превосходный унтер-офицер, все же не граф Стэр и не герцог Мальборо³⁹. Я не собираюсь отрицать заслуг сержанта, но в то же время не вправе преувеличивать его достоинств, сравнивая с теми, кто пусть немногим, но все же его превосходит. Сержант Дунхем руководствовался сердцем, а не рассудком, когда отдавал эти распоряжения;

³⁸ Ксенофонт (ок. 430–355 до н. э.) — древнегреческий историк, принимавший участие в войне претендента на персидский престол Кира Младшего против его старшего брата; оставил знаменитое описание отступления десяти тысяч греческих наемников Кира, прошедших через всю Малую Азию к берегам Геллеспонта.

³⁹ Граф Стэр (1673–1747) — шотландский генерал, отличившийся в военных кампаниях знаменитого английского полководца герцога Мальборо, победителя французов в войне за испанское наследство.

впрочем, если пост падет, виноват будет тот, кто велел его здесь поставить, а не тот, кто обязан был его защищать. Опытный командир, как бы ни был он храбр, всегда обеспечит путь отхода на случай высадки французов и их союзников, и я посоветовал бы мастеру Кэпу, так сказать, адмиралу нашего флота, держать наготове шлюпку, если на худой конец придется очистить остров. На оставленной нам лодке имеется хороший парус, и, если подвести ее поближе и пришвартовать вон в тех кустах, мы сможем быстро погрузиться и, пройдя какие-нибудь пятьдесят ярдов, с чем, очевидно, согласится очаровательная мисс Мэйбл, окажемся в протоке между двумя ближними островами и будем скрыты от глаз тех, кто тут высадится.

— Все это так, мистер Мюр, но, может быть, французы сами явятся оттуда? Если это место так удобно для отступления, то оно не менее удобно для высадки.

— До этого они никогда не додумаются, — ухмыльнувшись, с некоторым беспокойством отвечал Мюр. — Рассудительности не хватит. Французы — народ легкомысленный и нападают на авось, так что, если они вообще сюда пожалуют, их можно ждать с той стороны острова.

Разговор стал бессвязным, но по-прежнему вращался вокруг возможности нападения и того, как лучше это нападение встретить.

Мэйбл почти не прислушивалась, хотя ее несколько удивило, что лейтенант Мюр, считавшийся храбрым офицером, открыто предлагает отступить, тогда как долг и доброе имя ее отца требовали защищать остров. Однако мысли Мэйбл были настолько заняты неожиданной гостьей, что, воспользовавшись первым удобным случаем, она встала из-за трапезы и поспешила к хижине. Предусмотрительно заперев дверь и задернув занавеску у единственного оконца, Мэйбл ласково обняла Июньскую Росу, или просто Росу, как ее обычно называли, и провела индианку в переднюю комнату.

— Я рада видеть тебя, Роса, — с приветливой улыбкой сказала Мэйбл милым своим голосом. — Очень рада тебя видеть! Но что привело тебя сюда и как тебе удалось найти этот остров?

— Говори не быстро, — сказала Роса, отвечая улыбкой на улыбку и пожимая маленькую ручку Мэйбл своей загрубевшей от работы, но тоже небольшой рукой. — Говори не быстро — так быстро очень.

Стараясь умерить нетерпение, Мэйбл повторила свои вопросы и настолько в этом преуспела, что та все поняла.

— Роса — Друг, — отвечала индианка.

— Я верю тебе. Роса, от души верю, но зачем ты сюда пришла?

— Друг пришел видеть друг, — отвечала Роса, прямо глядя в лицо девушке и широко улыбаясь.

— Есть еще какая-то причина, не то ты побоялась бы сюда прийти, да еще одна. Ты ведь одна, Роса?

— Роса и ты, больше никто. Роса одна пришел, гребла пирога...

— Я надеюсь... я думаю... нет, я уверена, что это так. Ты ведь не стала бы со мной лукавить?

— Что такой "лукавить"?

— Ну, не предала бы меня, не выдала бы французам или ирокезам. Разящей Стреле, например? Индианка решительно покачала головой.

— Не продала бы мой скальп?

Вместо ответа Роса обвила рукой тонкий стан Мэйбл и так нежно и любовно притянула ее к себе, что у нашей героини навернулись на глаза слезы. Женственная мягкость и теплота этой ласки отогнали у молодой и прямодушной девушки всякое сомнение в искренности индианки. Мэйбл ответила объятием на объятие, потом отстранила Росу от себя и, испытующе глядя ей в лицо, продолжала расспросы.

— Если Роса кочет что-то сказать своему другу, пусть говорит откровенно, — сказала она. — Мои уши открыты.

— Роса бойся. Разящий Стрела убивай Роса.

— Разящая Стрела ничего не узнает. — Однако, произнося эти слова, Мэйбл покраснела; ей стало совестно, что она уговаривает молодую индианку лукавить перед мужем. — Я хочу сказать, что Мэйбл ему не скажет.

— Он ломай голова томагавк.

— Этого не будет, дорогая Роса. Лучше ничего не говори, я не хочу, чтобы тебе грозила такая опасность.

— Блокгауз хороший место спать, хороший место живи.

— Ты хочешь сказать, что я спасу свою жизнь, если перейду в блокгауз? У ж наверное. Разящая Стрела не причинит тебе вреда, если ты мне это скажешь. Он не может желать мне зла, я никогда ничего плохого ему не сделала.

— Разящий Стрела не хочет зла бледнолицая красавица, — ответила Роса, отворачивая лицо, и хотя голос молодой индианки по-прежнему звучал мягко и ласково, в нем чувствовались грусть и робость, когда она еле слышно добавила:

— Разящий Стрела любви бледнолицый девушка.

Мэйбл, сама не зная почему, покраснела, и на мгновение врожденная деликатность заставила ее прекратить расспросы. Однако ей необходимо было узнать больше: слова индианки пробудили в ней самые живые опасения.

— У Разящей Стрелы нет причин любить меня или ненавидеть. Он с тобой?

— Муж всегда с жена тут, — сказала Роса, прикладывая руку к сердцу.

— Ах ты милая! Но скажи. Роса, мне нужно идти в блокгауз сегодня, сейчас?

— Блокгауз очень хорошо, очень хорошо для скво. Блокгауз скальп не снимай.

— Боюсь, что я даже слишком хорошо тебя поняла, Роса. Ты хочешь говорить с отцом?

— Отец нет здесь: ушла.

— Ты не можешь этого знать. Роса. Видишь, на острове полно солдат.

— Нет полно, ушла. — Тут индианка показала Мэйбл четыре пальца. — Вот сколько солдаты!

— А Следопыт? Хочешь видеть Следопыта? Он может поговорить с тобой на твоём языке.

— Язык с ним ушла, — прыснула со смеху Роса. — Язык в рот.

Ребячески звонкий смех молодой индианки был так весел и заразителен, что Мэйбл, несмотря на всю свою тревогу, сама невольно рассмеялась.

— Ты, как видно, все о нас знаешь или думаешь, что знаешь. Но, если тут нет Следопыта, Пресная Вода говорит по-французски. Ты ведь знаешь Пресную Воду. Хочешь, я за ним сбегаю и приведу сюда, чтобы он с тобой поговорил?

— Пресная Вода тоже ушла, только сердце здесь, тут вот. — Индианка снова рассмеялась и, отведя взгляд, словно не желая смущать девушку, положила руку на грудь Мэйбл.

Наша героиня не раз слышала о редкой проницательности индейцев, об их удивительной способности, казалось, ни на что не обращая внимания, все подмечать, но неожиданный оборот, который вдруг принял разговор, застал ее врасплох. Желая переменить его и в то же время озабоченная тем, чтобы выяснить, велика ли угрожающая им опасность, Мэйбл встала и отошла от индианки — так она надеялась узнать побольше и избежать смущающих намеков.

— Тебе, Роса, видней, что можно и чего нельзя говорить мне, — сказала она. — Но я надеюсь, ты достаточно меня любишь, чтобы сказать мне все, что нужно знать. Мой дядя тоже на острове. И если ты мне друг, то должна быть другом и ему, мы не забудем, что ты сделала для нас, когда вернемся в Осуиго.

— Кто знать, может быть, никогда не вернуться? — Роса произнесла это с сомнением, как бы взвешивая шансы весьма неверного предприятия, а вовсе не с насмешкой или с угрозой.

— На то воля провидения. Но ты можешь помочь нам.

— Блокгауз очень хорошо, — только повторила индианка, напирая на два последних слова.

— Я это хорошо поняла. Роса, и проведу там ночь. Но ведь я могу сказать дяде, что это ты мне велела?

Июньская Роса вздрогнула и стала проявлять явные признаки беспокойства.

— Нет, нет, нет, нет! — зачастила она со стремительностью и пылом, перенятым у канадских французов. — Нельзя говори Солёный Вода. Он много болтай, длинный язык. Думай лес — вода, не понимай ничего. Говори Разящий Стрела, и Роса — умереть.

— Ты несправедлива к дяде, он тебя не предаст.

— Не понимай. Солёный Вода только язык, глаза нет, уши нет, нос нет — только язык, язык, язык!

Мэйбл не совсем разделяла это мнение, но, видя, что Кэп не пользуется доверием молодой индианки, не стала настаивать, чтобы дядя присутствовал при их разговоре.

— Ты, как видно, думаешь, что все о нас знаешь, — продолжала Мэйбл. — Ты что, уже раньше была на этом острове?

— Только пришел.

— Почему же ты так уверенно говоришь? А может быть, батюшка. Следопыт и Пресная Вода тут рядом и я, если захочу, могу позвать их.

— Все ушла, — убежденно произнесла индианка с благодушной улыбкой.

— Ну, ты этого никак не можешь знать, если не осмотрела весь остров.

— Хороший глаза видел, ушла лодка с солдаты, видел, ушла корабль с Пресной Вода.

— Значит, ты давно следишь за нами. Но ведь тех, кто остался, ты все равно не могла сосчитать.

Роса рассмеялась, опять показала четыре пальца, а потом только два больших; указывая на четыре пальца, она сказала: "красный кафтан", а на большие: "Солёный Вода", "офицер". Сведения были настолько точны, что Мэйбл стала сомневаться, вправе ли она отпустить свою гостью, если та не захочет объясниться подробнее. Но ей настолько претила мысль злоупотребить доверием, которое явно питало к ней это кроткое и любящее существо, что едва она надумала позвать дядюшку, как тотчас отвергла этот план, считая его недостойным и несправедливым по отношению к индианке. К тому же она была уверена, что Роса, если ее станут принуждать, будет упорно отмалчиваться и ничего не откроет.

— Так ты думаешь. Роса, — продолжала Мэйбл, отказавшись от своего намерения, — что мне лучше жить в блокгаузе?

— Блокгауз хороший место, скво. Блокгауз скальп не снимай. Толстый дерево.

— Ты говоришь с такой уверенностью, будто сама побывала в блокгаузе и осматривала стены.

Роса засмеялась, и, хотя ничего не ответила, вид у нее был лукавый.

— Знает ли еще кто-нибудь, кроме тебя, об этом острове? Ирокезы бывали на нем?

Роса помрачнела и осторожно огляделась, словно боясь, как бы ее не подслушали.

— Тускарора везде — Осуиго, здесь, Фронтенак, Мохок, — везде. Если видит Роса — убей.

— А мы думали, что никто не знает об этом острове и что здесь нам нечего бояться врагов!

— Ирокез глаза много.

— Одних глаз мало. Роса. Остров скрыт со всех сторон, так просто его не увидишь, из наших-то людей почти никто не знает к нему дорогу.

— Человек мог говори: есть ингизы — знать французски.

Мэйбл похолодела. Все подозрения, падавшие на Джаспера, которые она до сих пор с презрением отвергала, пришли ей теперь на ум, и это было так страшно, что на мгновение ей чуть не стало дурно. Однако, пересилив себя и вспомнив данное отцу обещание, Мэйбл с минуту ходила взад и вперед по комнате, думая, что ее несколько не трогает предательство Джаспера, хотя в глубине души страстно желала верить в его невиновность.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Роса, — сказала наконец Мэйбл. — Ты хочешь дать мне понять, что изменник сообщил твоим, где и как найти этот остров?

Индианка только усмехнулась — военная хитрость в ее глазах была скорее доблестью, чем позором; однако, верная своему племени, сама Роса открыла только то, что казалось ей необходимым.

Ее целью было спасти Мэйбл, одну лишь Мэйбл, и она почитала излишним "приводить не относящиеся к делу аргументы", как принято говорить у адвокатов.

— Бледнолицая, теперь знай, — добавила она. — Блокгауз хорошо девушка; мужчина, воин — Роса все равно.

— Но мне-то не все равно: один из них мой дядя, которого я люблю, а другие — мои соотечественники и друзья. Я должна им сказать.

— Тогда Роса умирай, — спокойно возразила молодая индианка, однако в голосе ее послышалась печаль.

— Да нет же, они не узнают, что ты тут была! Но пусть будут настороже, тогда мы все сможем укрыться в блокгаузе.

— Разящий Стрела знать — видеть все, и Роса умирай. Роса пришла сказать друг, бледнолицая скво, не воин. Воин сам береги свой скальп. Роса скво и говори скво, не говори мужчин.

Мэйбл очень огорчилась таким заявлением своей приятельницы-дикарки. Роса — теперь в этом не могло быть сомнения — считала, что все сказанное ею должно остаться между ними. И Мэйбл не знала, в какой мере у индейцев соблюдение тайны считается вопросом чести, а главное, боялась, как бы самой не навлечь подозрений на Росу и не подвергнуть ее опасности. Все эти соображения промелькнули у нее в голове, и, чем больше она думала, тем больше терзалась. Роса тоже, должно быть, смотрела на дело серьезно: она подобрала повязку, которую уронила, когда взяла Мэйбл за руку, и, очевидно, собиралась уходить. О том, чтобы задержать ее, нечего было и думать, а оттолкнуть ее после того, как индианка стольким ради нее рискнула, казалось недостойным правдивой и честной Мэйбл.

— Роса, мы с тобой друзья! — с горячностью воскликнула она, обнимая благородную дикарку. — Тебе нечего меня бояться, никто не узнает, что ты здесь была. Но если бы ты могла подать мне какой-нибудь знак, предупредить, когда настанет опасность, чтобы успеть вовремя укрыться в блокгаузе и постараться спастись...

После недолгих колебаний — индианка в самом деле собиралась уйти — она тихо сказала:

— Принеси Роса голубь.

— Голубь? Но где же я возьму голубя?

— Хижина рядом принеси старый. Роса иди пирога.

— Кажется, я поняла тебя. Роса, но не лучше ли мне довести тебя до кустов, не то еще наткнешься на солдат.

— Выйди хижина — считай солдаты: раз, два, три, четыре, пять, шесть. — Тут Роса подняла шесть пальцев и засмеялась, — Все уходи с дорога — хорошо; все кроме один, — зови его в сторона. Потом петь и неси голубь.

Мэйбл подивилась уму и находчивости девушки и приготовилась выполнить ее просьбу. В дверях, однако, она задержалась и умоляюще взглянула на индианку.

— Может быть, ты мне все-таки еще что-нибудь скажешь, Роса?

— Теперь все знать: блокгауз — хорошо; голубь сказать; Разящий Стрела — убивай.

Последних слов было достаточно: могла ли Мэйбл дальше настаивать, когда гостья сама сказала, что расплатой за разоблачение тайны будет для нее смерть от руки собственного мужа? Мэйбл распахнула дверь и, махнув на прощанье рукой, вышла из хижины. Чтобы узнать, где находятся обитатели острова и не грозит ли Росе встреча с кем-нибудь из них, она прибегла к нехитрому способу, предложенному молодой индианкой. Не пытаясь узнать кого-либо в лицо или по одежде, она просто всех пересчитала: трое все еще сидели у костра, двое ушли в лодке, один из этих двух был Мюр. Шестой, ее дядя,

неподалеку от костра преспокойно разбирал свои рыболовные снасти. Стряпуха, жена солдата, направлялась к себе в хижину, восьмая была она сама. Тогда Мэйбл, притворившись, будто обронила какую-то вещь, напевая песенку, повернула назад к хижине, нагнулась, делая вид, что поднимает что-то с земли, и затем уже поспешила к указанной Росой лачуге. Хижина полу развалилась, и солдаты поста обратили ее в птичник для своей живности. Там помещалось и; несколько дюжин голубей. Когда Мэйбл вошла, они пировали на куче пшеницы, привезенной с одной из разграбленных на канадском берегу ферм. Ее появление вызвало переполох, птицы захлопали крыльями и заметались по всей хижине, подняв такой шум и треск, будто забили в десяток барабанов, однако Мэйбл без особого труда поймала старого сизяка и, сунув его за пазуху, прошмыгнула с добычей к своей хижине. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что хижина пуста, и Мэйбл, не заходя в нее, побежала на мыс. Прячась за кусты и деревья, ей нетрудно было пробраться туда незамеченной. Роса уже сидела в пироге. Она взяла у Мэйбл голубя, запихнула его в корзину собственного плетения и, повторив "блокгауз — хорошо", так же бесшумно, как причалила, вывела пирогу из кустов и пересекла узкую протоку. Мэйбл немного постояла, тщетно дожидаясь какого-нибудь прощального знака или дружескою приветствия индианки. На всех ближних островах царила такая мертвая тишина, словно никто и не нарушал никогда величественного покоя и безмолвия природы. Мэйбл не уловила ни шороха, ни звука, предвещавших близость опасности, о которой говорила Роса.

Однако, когда Мэйбл возвращалась с мыса, ее поразило одно незначительное обстоятельство. В другое время она не обратила бы внимания на такой пустяк, но теперь, когда у нее возникли подозрения, это привлекло к себе ее настороженный взгляд. С нижней ветки низко-, рослого дубка свешивался лоскуток красной шерстяной серпянки, обычно идущей на корабельные флаги; тряпица была привязана с таким расчетом, чтобы при малейшем ветерке она развевалась наподобие вымпела.

Даже Роса не могла бы быстрее сопоставить факты и оценить все значение этой находки для безопасности отряда, чем это сделала встревоженная Мэйбл. Она сразу сообразила, что лоскут виден с соседнего острова, что дубок находится по пути от ее хижины к пироге, и что Роса, конечно, должна была пройти мимо него, или даже под ним, и что это, по всей вероятности, сигнал, сообщающий какие-нибудь важные сведения о лучшем способе нападения тем, кто притаился в засаде где-то неподалеку. Сорвав тряпицу с дерева, Мэйбл поспешила к лагерю, сама еще не зная, как велит поступить ей долг. Неужели Роса хитрила? Но все поведение, облик, нежное внимание индианки, да и самый нрав ее, который полюбился Мэйбл еще в пути, противоречили такому предположению. Затем ей вспомнились намеки о бледнолицых красавицах, которыми восхищается Разящая Стрела, смутно представился его тяжелый взгляд, и явилось неприятное сознание того, что мало найдется супруг, питающих особую приязнь к своим соперницам. Эти не отличавшиеся ни стройностью, ни четкостью образы и обрывки мыслей беспорядочно пронеслись в уме нашей героини, учащая биение ее сердца и ускоряя шаг, но не принесли за собой быстрого и ясного решения, которыми обычно завершались размышления Мэйбл. Она торопливо направлялась к хижине стряпухи с намерением немедленно забрать ее с собой в блокгауз, раз уж ей нельзя предупредить остальных, как вдруг голос Мюра заставил ее замедлить шаг.

— Куда вы спешите, очаровательная Мэйбл? — окликнул он ее. — И почему чураетесь общества? Уважаемый сержант сочтет меня попросту невежей, если узнает, что дочка его гуляет по утрам одна, без провожатого, тем более что ему хорошо известно мое страстное желание с утра до вечера сопровождать вас и быть вашим рабом.

— Мистер Мюр, вы ведь имеете здесь какую-то власть? — сказала, останавливаясь, Мэйбл. — Скажите, должен капрал подчиняться вам, раз вы старше его чином?..

— Не знаю, право, не знаю... — прервал ее Мюр с нетерпением и явным беспокойством, которые Мэйбл в другую пору не преминула бы отметить. — Приказ есть приказ, дисциплина есть дисциплина, а власть — власть. Ваш почтенный батюшка обидится и будет на меня в претензии, если я вмешаюсь и посягну, так сказать, на лавры, которые он

надеется стяжать; а я не могу приказывать капралу, не приказывая одновременно сержанту. Посему самое разумное для меня в этой экспедиции — держаться в тени, как частное лицо. Так оно, собственно, и было предусмотрено всеми, начиная с самого Лунди.

— Я это знаю. Может быть, это и правильно. Да я и не хотела бы чем-либо огорчать батюшку, но вы могли бы повлиять на капрала для его же блага.

— Это как сказать, — ответил Мюр с чисто шотландской уклончивостью. — Я куда с большей уверенностью пообещал бы повлиять на капрала, если бы уговаривал его действовать себе во вред. Человек — странное существо, обворожительная Мэйбл, и влиять на своего ближнего для его же блага — самая трудная из задач, тогда как обратное — необыкновенно легко. Не забывайте этого, дорогая, и пусть это послужит вам в назидание. Но что это вы вертите в своих пальчиках, как вертите, да будет дозволено заметить, всеми мужчинами?

— Всего-навсего шерстяную тряпочку, что-то вроде флажка, — пустяк, о котором и говорить бы не стоило в такую важную минуту... если б...

— Пустяк! Не такой уж это пустяк, как вам, может быть, кажется, мисс Мэйбл. — И, взяв у нее лоскут, Мюр расправил его в руках, причем лицо его сделалось серьезным, а взгляд озабоченным. — Ведь не в овсяной же каше вы его нашли, Мэйбл Дунхем?

Мэйбл коротко рассказала, как и где нашла лоскут. Слушая девушку, квартирмейстер беспрестанно переводил взгляд с лоскута налицо нашей героини и снова на лоскут. Было совершенно очевидно, что у него возникли какие-то подозрения, а на кого эти подозрения направлены, он и сам не замедлил сказать.

— В этом отдаленном краю, Мэйбл Дунхем, навряд ли разумно выставлять напоказ наши знамена и флаги, — сказал он, со зловещим видом покачивая головой.

— Я и сама так думаю, мистер Мюр, и унесла этот флажок, чтобы он невзначай не открыл наше присутствие неприятелю, пусть даже тряпицу повесили без всякого злого умысла. Вы не считаете, что нужно уведомить об этом обстоятельстве дядю?

— Не вижу необходимости, прелестная Мэйбл, ибо, как вы справедливо заметили, это "обстоятельство", а обстоятельства и без того не дают покоя почтенному моряку. Но этот флаг, если его можно назвать флагом, взят с судна. Такая вот реденькая шерстяная ткань, так называемый флагодук, идет на корабельные флаги, а наши знамена, знамена пехоты, шьются из шелка или крашеного полотна. Между прочим, он удивительно походит на вымпел "Резвого". И теперь я припоминаю, что одна из косиц вымпела была отрезана.

У Мэйбл упало сердце, однако у нее хватило самообладания промолчать.

— Это надо будет расследовать, — продолжал Мюр. — Может быть, все же стоит обсудить это дело с мастером Кэпом — ведь более верного подданного его величества трудно сыскать во всей Британской империи.

— Я сочла это столь серьезным предупреждением, что хочу перебраться в блокгауз вместе с нашей стряпухой.

— Не считаю это разумным, Мэйбл. При нападении враг прежде всего атакует блокгауз, а здание, надо сознаться, плохо приспособлено, чтобы выдержать осаду. Если вы разрешите мне высказать свое мнение в столь щекотливом вопросе, то я посоветовал бы вам бежать к лодке — она, как вы могли заметить, стоит как нельзя более удобно, чтобы уйти через противоположную протоку, где через две-три минуты ее скроют из виду острова. На воде следов не остается, как сказал бы Следопыт, а здесь, по-видимому, такая уйма проток, что скорее можно надеяться на спасение. Я всегда считал, что Лунди идет на слишком большой риск, занимая такой далеко выдвинутый и незащищенный пост.

— Сейчас поздно об этом сожалеть, мистер Мюр, нам надо подумать о собственной безопасности.

— И о чести короля, прелестная Мэйбл. Да, славой оружия его величества и его славным именем ни в коем случае нельзя пренебрегать.

— Тогда, мне кажется, всем нам следует обратить наши взоры на то укрепление,

которое было выстроено для поддержания этой славы, а не на лодку, — произнесла с улыбкой Мэйбл. — А потому, мистер Мюр, я за блокгауз и намерена ждать там возвращения отца с его отрядом. Он очень огорчится, когда, вернувшись после удачной вылазки в полной уверенности, что и мы так же честно выполнили свой долг, обнаружит наше бегство...

— Нет, нет, бога ради, не поймите меня превратно. Мэйбл! — всполошившись, перебил ее Мюр. — Я вовсе не хочу сказать, что кто-либо, кроме вас, женщин, должен бежать в лодке. Долг мужчин достаточно ясен, и я с самого начала решил отстаивать блокгауз или же пасть в бою.

— И вы полагали, мистер Мюр, что мы, две женщины, сможем уйти от преследования индейской пироги на этой тяжелой шлюпке, когда нам и весел даже не поднять...

— Ах, прелестная Мэйбл, любовь редко уживается с логикой, страх и беспокойство за дорогое существо хоть кого лишат рассудка. Глядя на вас, я помышлял только о средствах вашего спасения и не подумал, в силах ли вы управиться с ними. Но не будьте жестоки, дивное создание, и не вменяйте мне в вину мучительную тревогу за вас!

Мэйбл надоели его излияния. Мысли ее были слишком поглощены утренним происшествием и грозящей опасностью, чтобы выслушивать объяснения в любви, которые даже в веселые минуты показались бы ей докучными. Она поспешно протиснулась со своим вздыхателем и двинулась было к хижине стряпухи, но тут Мюр, положив ей на плечо руку, остановил ее.

— Еще одно слово, прежде чем вы меня покинете, Мэйбл, — сказал он. — Этот флажок может иметь, а может и не иметь никакого скрытого значения. Если это сигнал, то не лучше ли, поскольку теперь мы о нем знаем, повесить его на старое место и понаблюдать, не случится ли чего, что помогло бы нам раскрыть заговор? Ну, а если он ничего не обозначает, то ничего и не случится.

— Все это так, мистер Мюр, но, даже если лоскут попал туда случайно, он может указать неприятелю, где расположен пост.

Не тратя больше времени на разговоры. Мэйбл бегом устремилась к хижине стряпухи и вскоре скрылась из виду. Квартирмейстер с минуту стоял на том же месте и в той же позе, в какой Мэйбл его оставила, глядя вслед поспешно удалявшейся девушке, потом перевел взгляд на лоскут флажка, который он все еще держал в руках, всем своим видом являя нерешительность. Однако на этом его колебания кончились. Вскоре он уже стоял под дубом и привязывал миниатюрный флажок к ветке. Однако, не зная, откуда Мэйбл его сняла, он приладил тряпицу так, что она была еще виднее с воды и почти совсем незаметна с острова.

Глава XXI

*Но вот окончился обед,
Сыр снова лег в стенной буфет,
А кружки и кастрюли в ряд
На кухонной стене висят.*

Коттон

Направляясь к хижине за женой солдата. Мэйбл Дунхем размышляла о том, как странно, что все в лагере так спокойны, а на ее плечах лежит ответственность за жизнь и смерть этих людей. Правда, уверения Росы, что она может поплатиться головой за малейшую нескромность подруги, перемежались и некоторыми сомнениями в подлинных мотивах ее поступков, но, когда Мэйбл вспоминала, как дружелюбно и просто держала себя с ней молодая индианка, вспоминала прямодушие и искренность, которые та не раз проявляла в пути, она с присущим благородной натуре нежеланием думать дурно о других отгоняла от себя эту мысль. Вместе с тем Мэйбл понимала, что никак не может предостеречь своих спутников, не посвятив их в тайну своего свидания с Росой, так что ей не оставалось ничего другого, как действовать очень осторожно и обдуманно, что было ей непривычно, тем более в таком важном деле.

Жене солдата она велела перенести необходимые вещи в блокгауз и не уходить далеко. Мэйбл не стала ничего объяснять ей. Она сказала только, будто, гуляя по острову, по некоторым признакам убедилась, что враг более осведомлен о расположении поста, чем предполагали раньше, и что по крайней мере им, двум женщинам, лучше быть наготове, чтобы в любую минуту укрыться в надежном месте. Стряпуху не пришлось долго уговаривать: шотландка хоть и была не трусливого десятка, но охотно прислушивалась ко всему, что подтверждало ее страхи перед зверствами индейцев. Когда Мэйбл сочла, что женщина достаточно напугана и будет настороже, она вскользь заметила, что ни к чему напрасно тревожить солдат своими опасениями. Таким образом наша героиня надеялась избежать всяких разговоров и расспросов, которые могли бы поставить ее в затруднительное положение, а чтобы заставить дядю, капрала и солдат принять необходимые меры предосторожности, она решила избрать другой путь. К несчастью, во всей британской армии не было лица менее пригодного для возложенных на него теперь обязанностей, чем капрал Мак-Нэб, которому сержант Дунхем передал командование на время своего отсутствия. Провоевав немало лет, Мак-Нэб хорошо знал солдатскую службу, был храбр и решителен, но презирал колонистов, отличался нестерпимым упрямством во всем, что хоть сколько-нибудь затрагивало узкий круг его деятельности, и был весьма склонен приписывать Британской империи безусловное превосходство над всем миром, а Шотландии — безусловное превосходство в империи, по крайней мере в нравственном отношении. Короче говоря, он был живым воплощением, конечно, в малых масштабах, соответствующих его малому чину, тех качеств, которые были столь свойственны посылаемым в колонии должностным лицам с их высокомерным отношением к местным уроженцам. Иными словами, он считал всякого американца существом низшего порядка по сравнению с жителями метрополии, а представления американцев о военной службе, в частности, скороспелыми и нелепыми. Сам генерал Бреддок, пожалуй, скорее прислушался бы к мнению колониста, чем его скромный последователь. Мак-Нэб не раз даже уклонялся от выполнения приказов двух-трех офицеров единственно потому, что они были уроженцами Америки, но при этом с чисто шотландской хитростью всегда так умел повернуть дело, чтобы его не обвинили в прямом непослушании. Так что более неподходящего субъекта для достижения той цели, которую ставила себе Мэйбл, трудно было сыскать; все же, не видя другого выхода, она решила, не откладывая, привести свой план в исполнение.

— Отец возложил на вас большую ответственность, капрал, — сказала она, улучив минуту, когда Мак-Нэб отошел от своих солдат. — Если остров попадет в руки неприятеля, захватят не только всех нас, но и участники вылазки, весьма вероятно, попадут в плен.

— Чтобы до этого додуматься, незачем было ехать сюда из Шотландии и знать здешние условия, — сухо отвечал Мак-Нэб.

— Я не сомневаюсь в том, что вам это так же ясно, как и мне, мистер Мак-Нэб, но я боюсь, как бы вы, привычные к опасностям и сражениям ветераны, не склонны были пренебречь некоторыми необходимыми в таком особом положении, как наше, мерами предосторожности.

— Шотландия до сих пор как будто считается непокоренной страной, дорогая барышня, но я начинаю думать, тут какая-то ошибка, раз мы, ее сыны, настолько тупы и бестолковы, что даем захватить себя врасплох.

— Да нет же, дорогой друг, вы меня не так поняли. Во-первых, речь идет вовсе не о Шотландии, а об этом острове, и, во-вторых, я нисколько не сомневаюсь, что вы достаточно осмотрительны, когда считаете это нужным. Я опасаясь другого: как бы вы при вашей храбрости не преуменьшили опасность.

— Моя храбрость, мисс Дунхем, конечно, не больно высокой марки, какая уж там храбрость у шотландцев! Ваш отец — янки, и, будь он сейчас тут, мы бы насмотрелись на всякие приготовления. Ну и времена пошли! В шотландских полках всякие иностранцы понахватили чинов, носят алебарды, и мудрено ли: что ни сражение — то проигрыш, что ни кампания — то полная неразбериха.

Мэйбл была близка к отчаянию, но спокойные предостережения Росы живо звучали в ее ушах, не позволяя ей отказаться от своего намерения. Все еще надеясь залучить всю группу в блокгауз и не выдать притом источника полученных сведений, она решила изменить тактику.

— Вероятно, вы правы, капрал Мак-Нэб, — заметила она. — Я много слышала о героях вашей страны, которых нужно причислить к самым выдающимся людям просвещенного мира, если то, что мне говорили о них, правда.

— Вы читали историю Шотландии, мисс Дунхем? — спросил капрал, впервые взглянув на свою хорошенькую собеседницу, и подобие улыбки появилось на его грубом и неприятном лице.

— Немного читала, но больше слышала. Дама, воспитавшая меня, была родом из Шотландии и мне много о ней рассказывала.

— А вот сержант, небось, и словом не обмолвился о славе страны, в которой набирался его полк?

— У отца другие заботы, и то немногое, что мне известно о Шотландии, я слышала от этой дамы.

— А она говорила вам об Уоллесе?⁴⁰ — О нем я и сама читала порядочно.

— А о Брюсе и о битве при Баннокберне?⁴¹ — И об этом и о Каллоден-Мюре⁴².

Последняя битва была событием сравнительно недавним и произошла уже на памяти нашей героини; однако ее представления об этой битве были настолько смутными, что она вряд ли сообразила, какой эффект произведет подобное упоминание на собеседника. Она знала, что сражение закончилось победой, часто слышала, как гости ее покровительницы говорили о Каллоден-Мюре с торжеством, и ей представлялось, что их чувства разделяет каждый британский солдат. На беду, Мак-Нэб сражался в тот злополучный день на стороне претендента⁴³, и уродовавший его лицо глубокий шрам был нанесен саблей германского солдата, состоявшего на службе у дома Ганноверов. При упоминании о Каллоден-Мюре капралу показалось, что рана вновь кровоточит, и в самом деле кровь бросилась ему в лицо, словно готовясь брызнуть из шрама.

— Ну вас. — чуть ли не заорал он. — с вашим Каллоден и Шериф-Мюрами⁴⁴, ничего вы в этом не смыслите, и было бы куда разумнее да и скромнее вспомнить о собственной стране и ее постоянных неудачах. Может быть, у короля Георга и есть верные подданные в колониях, но толку он от них долго не дождется.

Не понимая, с чего это капрал вдруг так разошелся, Мэйбл все же решила не отступать.

— Я всегда слышала, что шотландцы обладают двумя превосходными воинскими качествами — храбростью и осмотрительностью, и я убеждена, что капрал Мак-Нэб не посрамит чести своей нации.

— Спросите об этом родного отца, мисс Дунхем: с капралом Мак-Нэбом он давно

⁴⁰ Уоллес (ок. 1270–1305) — шотландский борец за свободу родины.

⁴¹ Брюс (Брус) Роберт (1274–1323) — шотландский национальный герой, возглавивший восстание против Англии. В 1306 году был провозглашен шотландским королем под именем Роберта I. После битвы при Баннокберне (1314), когда войска Брюса разгромили английскую армию, английский парламент признал за ним право на корону.

⁴² В битве при Каллоден-Мюре (1746) шотландские якобиты (сторонники династии Стюартов), стремившиеся возвести на английский престол Карла Эдуарда (внука сверженного в 1688 году английского короля Якова), были разбиты правительственными английскими войсками.

⁴³ Претендент — то есть Карл Эдуард, упоминавшийся в предыдущем примечании.

⁴⁴ В 1715 году при Шериф-Мюре шотландцы потерпели поражение от англичан.

знаком и охотно укажет вам на все его недостатки. Он мой начальник, мы вместе сражались, ему вроде как по чину положено давать отзывы о своих подчиненных.

— Батюшка о вас хорошего мнения, Мак-Нэб, иначе он не вверил бы вам остров и всех, кто на нем находится, в том числе и родную дочь. Я знаю, что он вполне полагается на вашу осторожность. Особенно важным он считает охрану блокгауза.

— Если он желает защищать честь Пятьдесят пятого полка, отсиживаясь за бревнами, сам бы оставался командовать. Откровенно говоря, не в крови и не в привычках шотландцев бежать с поля боя, не дождавшись атаки. Наше исконное оружие — палаши, и мы любим схватиться с врагом врукопашную. А эта американская манера сражаться, которая теперь в такой чести, поколеблет славу оружия его величества, если не поколеблет воинский дух.

— Настоящий солдат не станет пренебрегать никакими мерами предосторожности. Сам майор Дункан, храбрый из храбрых, бережет своих людей.

— У Лунди есть свои слабости: в здешних лесных стычках он стал отвыкать от палаша и от голой вересковой степи. Но, мисс Мэйбл, помяните мое слово, слово старого солдата, которому давно перевалило за пятый десяток: нет вернее способа ободрить врага, как показать, что ты его боишься. Не так уж страшна здешняя война с индейцами, как ее размалевывают в своем воображении ваши земляки, вот им и мерещатся индейцы чуть ли не за каждым кустом. Мы, шотландцы, родились в степном краю и не нуждаемся, да и не ищем прикрытия, так что вы увидите, мисс Дунхем...

Капрал подпрыгнул, упал ничком и перевернулся на спину. Все это произошло так молниеносно, что Мэйбл вряд ли даже слышала резкий хлопок выстрела. Героиня наша не вскрикнула, не задрожала, все было слишком внезапно, слишком страшно, слишком неожиданно для подобного проявления слабости. Напротив, повинуясь естественному побуждению помочь человеку, она бросилась к капралу. Мак-Нэб был еще жив и, очевидно, понял, что произошло. На лице его застыли ужас и смятение, которые появляются у людей, застигнутых смертью врасплох, и — как впоследствии представлялось Мэйбл — запоздалое раскаяние своевольного и упрямого грешника.

— Скорей в блокгауз! — прохрипел Мак-Нэб, когда Мэйбл над ним наклонилась, сиюсья расслышать его последние слова.

Тут только наша героиня в полной мере осознала опасность своего положения и необходимость действовать. Она бросила взгляд на распростертое у ее ног тело, убедилась, что Мак-Нэб уже не дышит, и стремглав пустилась бежать. До блокгауза было недалеко, но, когда Мэйбл до него добралась, Дженни, жена солдата, в паническом страхе помышлявшая лишь о собственном спасении, захлопнула перед самым ее носом дверь. Пока Мэйбл умоляла впустить ее, грянуло еще пять или шесть выстрелов, нагнавших на стряпуху такой страх, что она никак не могла отодвинуть засовы, которые перед тем без труда задвинула. Однако минутой спустя Мэйбл почувствовала, как дверь под ее нажимом поддается, и, лишь только образовалась небольшая щель, протиснулась в нее. Сердце девушки уже не колотилось так бешено, и она достаточно овладела собой, чтобы действовать разумно. Отстранив Дженни, которая судорожно вцепилась в засовы и опять пыталась запереться, Мэйбл распахнула дверь и не закрывала ее, пока не удостоверилась, что никого из других участников экспедиции поблизости нет и никто не пытается укрыться в блокгаузе. Теперь распоряжения и действия ее стали более спокойными и обдуманно. Дверь заперли только на один засов. Дженни было ведено стоять наготове у входа, чтобы по первому требованию своих мгновенно его отодвинуть, а Мэйбл по приставной лестнице поднялась в верхнее помещение, откуда через бойницы, насколько это позволяли кусты и деревья, можно было оглядеть остров. Ободря оставшуюся внизу товарку, она внимательно осмотрелась.

К великому своему изумлению, Мэйбл поначалу не заметила на острове ни единой живой души: ни друзей, ни врагов. Не видать было ни французов, ни индейцев — лишь плывущее по ветру легкое облачко указывало, в каком направлении следует их искать. Стреляли со стороны острова, откуда явилась Роса, но находился ли враг еще там или он успел перебраться на этот берег, Мэйбл не знала. Выглянув в бойницу, из которой

открывался вид на поляну, где упал Мак-Нэб, Мэйбл оцепенела от ужаса: все три солдата лежали мертвые возле своего капрала. Они сбежались сюда на выстрел и почти в одно время были убиты наповал тем невидимым врагом, о котором столь пренебрежительно отзывался Мак-Нэб.

Ни Кэпа, ни лейтенанта Мюра нигде не было видно. Со стесненным сердцем Мэйбл всматривалась в каждую прогалину, она даже поднялась наверх, в чердачное помещение блокауза, откуда виден был весь остров в той мере, в какой позволяла его разглядеть густая растительность, но все напрасно. Она уже представляла себе труп дяди, распростертый на траве подобно телам тех солдат, но ничего не обнаружила. Повернувшись к кустам, где была привязана шляпка, Мэйбл увидела, что она все еще там, — вероятно, какая-то случайность помешала Мюру бежать в ней. На острове царила могильная тишина, и недвижимые тела солдат придавали этому зловещему покою что-то донельзя жуткое.

— Ради бога, мисс Мэйбл, — закричала снизу стряпуха: не в силах совладать со страхом, она не могла молчать, однако все же не позабыла прибавить "мисс", скорее из уважения к образованной барышне, чем к чину ее отца. — Ради бога, скажите, живы ли кто-нибудь из наших? Я слышу, кто-то стонет. Ой, он уже затихает! Батюшки, индейцы ведь их всех прикончат томагавками!

Тут Мэйбл вспомнила, что один из убитых солдат муж Дженни, и содрогнулась при мысли о том, чего только та не сможет наделать с отчаяния, узнав о его смерти. Некоторую надежду все же вселяли стоны, хотя Мэйбл и опасалась, что стонет дядя, которого нигде не было видно.

— Будем уповать на милость всевышнего, не пренебрегая ниспосланными нам средствами спасения. Дженни, — ответила она. — Стереги дверь и ни в коем случае не открывай ее без спросу.

— Мисс Мэйбл, умоляю, скажите, моего Сэнди не видать там? Ах, если б как-нибудь дать ему знать, что я в безопасности! В плену ли или на свободе мой добряк, все бы ему легче было на душе!

Сэнди, муж Дженни, лежал мертвый, и его хорошо было видно из бойницы, через которую глядела наша героиня, — Ну, что же вы не отвечаете? — нетерпеливо повторила стряпуха, встревоженная молчанием Мэйбл.

— Наши собрались у тела Мак-Нэба, — последовал ответ. В ужасном положении, в каком очутилась Мэйбл, ей казалось кощунством прямо солгать.

— А Сэнди там? — спросила женщина таким хриплым и сдавленным голосом, что мороз по коже подирал.

— Очень может быть; сколько их тут: один, два, три, четыре человека — и все в красных мундирах нашего полка.

— Сэнди! Да побереги ты себя! — запричитала стряпуха. — Беги скорее сюда, что бы там ни случилось — будем вместе делить и горе и радость. Да плюнь ты на свою дурацкую дисциплину и на воинскую честь, время ли сейчас об этом думать? Сэнди!.. Сэнди!

Мэйбл услышала грохот отодвигаемого засова, и дверь заскрипела в петлях. Ожидание неотвратимого, чтобы не сказать — ужасного, приковало Мэйбл к бойнице, и вскоре она увидела Дженни, бежавшую между кустами туда, где лежала груда мертвецов. Стряпухе потребовалось всего несколько секунд, чтобы достичь роковой поляны. Удар обрушился на нее так неожиданно и внезапно, что в панике она не осознала всей сокрушительной его силы. Ей пришла в голову дикая, полубезумная мысль о какой-то мистификации, она вообразила, что солдаты решили подшутить над ее страхами. Дженни схватила мужа за руку, рука была еще теплой, и ей показалось, что он вот-вот засмеется. ди?

— Чего это ты вздумал играть со смертью, Сэнди? — кричала она, дергая его за руку. — Спрячьтесь в блокауз, как порядочные солдаты, не то проклятые индейцы всех вас перебьют! Пошли! Пошли! Каждая минута дорога!

Отчаянным усилием Дженни сдвинула тело мужа, голова солдата откинулась, и крохотная ранка от пули в виске и сбегаящая по щеке струйка крови открыли ей, что

означало молчание Сэнди. Лишь только страшная правда в полной мере дошла до ее сознания, она заломила руки, вскрикнула так, что эхо прокатилось по всем окрестным островам, и упала без чувств на труп. Но, как ни пронзителен и страшен был ее душераздирающий крик, он мог показаться мелодичной музыкой по сравнению с раздавшимся вслед за тем воплем: это боевой клич ирокезов прогремел над островом, и человек двадцать дикарей, наводящих ужас своей раскраской и причудливыми индейскими уборами, выскочили из засады, спеша овладеть вождельными скальпами. Разящая Стрела бежал впереди, и именно его томагавк разможил голову бесчувственной Дженни; и двух минут не прошло, как несчастная выскочила из блокауза, а ее окровавленные волосы уже висели за поясом у индейца в качестве трофея. Его соплеменники от него не отставали, и Мак-Нэб и солдаты не походили более на мирно спящих людей. Это были плавающие в крови, зверски обезображенные трупы.

Трагическое происшествие заняло несравненно меньше времени, чем потребовалось для нашего рассказа, и всему этому Мэйбл была свидетельницей. Девушка застыла, словно пригвожденная к месту злыми чарами, не в силах оторваться от ужасной картины, забыв о себе и о грозящей ей опасности. Но лишь только поляна, где лежали убитые, огласилась ликующими криками празднующих свою победу дикарей, она вспомнила, что Дженни оставила дверь незапертой. Сердце Мэйбл сильно забилося, дверь была единственной ее защитой от неминуемой гибели, и она бросилась к лестнице, думая спуститься вниз и надежно ее запереть. Но не успела она ступить на второй этаж, как дверь закрипела в петлях, и Мэйбл решила, что все кончено. Опустившись на колени, перепуганная, но мужественная девушка, готовясь к смерти, пыталась обратиться мыслью ко всевышнему. Но воля к жизни была сильнее молитвы, и, хотя губы ее шевелились, она напряженно прислушивалась к каждому шороху внизу. Когда до нее донесся лязг задвигаемого засова, не одного, как она раньше требовала от Дженни, чтобы впустить дядю, если он появится, а всех трех, она вскочила на ноги, духовные помыслы отступили перед вновь пробудившейся надеждой, и девушка вся обратилась в слух.

В минуту опасности мозг лихорадочно работает. Сперва Мэйбл подумала, что это дядя; она уже "хотела спуститься вниз и броситься ему в объятия, но ее остановила мысль: а вдруг это заперся от своих собратьев какой-нибудь индеец, с тем чтобы ему одному было выгоднее грабить. Глубокая тишина внизу совсем не соответствовала неугомонному характеру шумливого, порывистого Кэпа, это скорее походило на хитрость врага. Если вошел кто-нибудь из своих, то не иначе, как дядя или квартирмейстер, ибо, как теперь с ужасом поняла наша героиня, из всей группы на острове остались в живых лишь они двое да еще она, если только Кэп и Мюр не погибли. Эти соображения удержали Мэйбл, и минуты две в блокаузе царила настороженная тишина. Девушка стояла у подножия лестницы, ведущей наверх, а люк в нижнее помещение находился у противоположной стены; глаза Мэйбл были устремлены туда, каждый миг она ждала, что из отверстия покажется свирепое лицо индейца. Опасения скоро обратились в твердую уверенность, и она стала озираться, ища места, где бы спрятаться. Отдалить катастрофу хотя бы на несколько мгновений уже представлялось ей великим благом. В комнате было несколько бочек. Мэйбл забилась за ними и в просвете между двумя бочками продолжала наблюдать за люком. Она снова попыталась молиться, но для подобного утешения минута была слишком грозной. К тому же ей послышался легкий шорох, будто кто-то, крадучись, взбирался по лестнице и от излишнего старания не шуметь сам себя выдавал; затем совершенно явственно раздался скрип — это могла быть только лестница. Мэйбл помнила, что одна перекладка точно так же закрипела у нее под ногой, когда она поднималась наверх. Бывают минуты, в которые перечувствуешь больше, чем за многие годы. Бытие, смерть, вечность, нестерпимые физические страдания — все это во весь рост встает над однообразием повседневности. Мэйбл в это мгновение можно было принять за прекрасное мраморное изваяние, безмолвное и недвижимое. Но она только казалась такой, никогда за всю ее недолгую жизнь слух Мэйбл

не был таким чутким, зрение — зорким, а чувства — обостренными. Ничего еще не было видно, но глаза девушки, которым владевший ею страх придал невероятную остроту, уже различали кого-то, кто находился в нескольких дюймах от люка. Затем показались черные волосы индейца, который так медленно поднимался из люка, что движение его головы можно было сравнить с ходом минутной стрелки, потом темный лоб и широкие скулы, и наконец на уровне пола появилось смуглое лицо. Когда человеческая физиономия наполовину скрыта, она редко кажется привлекательной, и, по мере того, как голова индейца дюйм за дюймом высывалась из люка, Мэйбл, замороженной черными блуждающими глазами и их свирепым взглядом, мерещились невесте какие ужасы. Но лишь только над полом показалась вся голова, Мэйбл, всмотревшись получше, поняла, что перед ней нежное, взволнованное и даже по-своему красивое личико Июньской Росы.

Глава XXII

*Хоть я и дух,
Но послан я не обмануть тебя,
А наградить честнейшего из слуг.*

Вордсворт

Когда Мэйбл выскочила из-за бочек на середину комнаты, трудно даже было сказать, кто больше обрадовался — наша ли героиня, обнаружившая вместо Разящей Стрелы его жену, или Июньская Роса, убедившаяся, что та, которую она с такой тревогой, почти утратив надежду, повсюду искала, послушалась ее совета и укрылась в блокгаузе. Они бросились друг другу в объятия, и простодушная индианка, заливаясь тихим и счастливым смехом, то целовала подругу, то, отстраняя, заглядывала ей в лицо, как бы желая удостовериться, что это в самом деле она.

— Блокгауз хорошо, — сказала молодая индианка, — скальп не снимай.

— Правда хорошо, — с содроганием отвечала Мэйбл, зажмуриваясь, словно для того, чтобы отогнать ужасное зрелище, свидетельницей которого она только что была. — Скажи, ради бога, что с дядей? Я смотрела повсюду, его нигде не видно.

— Нет здесь блокгауз? — спросила Роса с некоторым любопытством.

— Вот именно, что нет. Я тут одна. Дженни, которая была со мной, выбежала к мужу и погибла из-за своей неосторожности.

— Роса знай. Роса видел, очень худо. Разящий Стрела не жалеет ничей жена — не жалеет свой жена.

— Ах, Роса, твоя-то жизнь, по крайней мере, в безопасности?

— Не знай. "Разящий Стрела убивай меня, если все знал.

— Да благословит и защитит тебя бог, Роса! Он благословит и защитит тебя за то, что у тебя доброе сердце. Скажи, что мне делать, скажи, жив ли хоть дядя?

— Не знай. Соленый Вода есть лодка, может, ушел река.

— Лодка как была, так и осталась у берега, а дяди и квартирмейстера нигде не видно.

— Роса не видел убивай. Прятайся. Красный человек прятайся, зачем стыдно бледнолицый?

— Дело не в стыде, я просто боюсь, что они не успели спрятаться. Ваше нападение было таким неожиданным.

— Тускарора! — явно восхищаясь сметкой мужа, с улыбкой произнесла Роса. — Разящий Стрела великий воин!

— Но ты сама слишком добра и мягкосердечна для подобной жизни. Роса; ты не можешь быть счастлива, когда такое творится.

Роса помрачнела, и Мэйбл показалось, что глаза индианки засверкали гордым и свирепым пламенем, когда она ей ответила:

— Ингизы очень жадный — отнимай лес, охота; гони шесть племя туда, где солнце сядет; злой король, злой люди. Бледнолицый — ух как плохо!

Даже в те отдаленные времена Мэйбл знала, что в словах индианки много горькой правды, но она была достаточно осведомлена, чтобы понимать, что в этом, как и в сотне других случаев, монарха обвиняли в поступках, о которых он, скорее всего, даже не подозревал. Слишком живо ощущая справедливость упрека, чтобы пытаться возразить, Мэйбл обратилась мыслями к собственной участи.

— Но что ж мне делать. Роса? — спросила она индианку. — С минуты на минуту ваши могут напасть на блокгауз.

— Блокгауз хорошо, скальп не снимай.

— Но ирокезы скоро убедятся, что в нем нет никакого гарнизона, если только они этого сейчас не знают. Ты же мне сама объявила, сколько человек осталось на острове. Ведь это Разящая Стрела сказал тебе.

— Разящий Стрела знай, — отвечала Роса, подняв шесть пальцев, чтобы указать число мужчин. — Все красный человек знай. Четыре скальп нет, два имей!

— Молчи, Роса! От одной этой мысли у меня леденеет кровь. Ваши могут не знать, что я здесь одна, они подумают, что со мной дядя и квартирмейстер, и подожгут блокгауз, чтобы выкурить их отсюда. Я слышала, что в деревянных укреплениях больше всего надо опасаться огня.

— Блокгауз не гори, — спокойно отвечала Роса.

— Как знать, добрая моя Роса, и я ничем не могу им помешать.

— Блокгауз не гори. Блокгауз хорошо, скальп не снимай.

— Но объясни, почему, Роса! Я боюсь, они его, сожгут.

— Блокгауз мокро, много дождь, дерево сырой — плохо гори. Красный человек знай очень хорошо потом не гори, чтобы ингиз не знай — ирокез был здесь. Отец вернуться, ищи, нет, блокгауз. Нет, нет, индей очень хитрый, ничего не трогай.

— Понимаю, Роса, и очень бы хотела, чтобы ты оказалась права, потому что отец, если он останется жив... но, может быть, он уже убит или захвачен в плен?

— Отца не трогай — не знай, где ушел; вода следа нет, красный человек не находить. Блокгауз не гори. Блокгауз хорошо, скальп не снимай.

— Ты думаешь, я буду здесь в безопасности до прихода отца?

— Не знай. Дочь лучше сказать, когда отец иди назад.

Мэйбл смешалась под пристальным взглядом черных глаз индианки; у нее возникло неприятное подозрение, что Роса пытается выведать полезные для ее соплеменников сведения, которые приведут и сержанта и его отряд к гибели. Но не успела Мэйбл придумать, что ей ответить, как тяжелый удар в дверь напомнил о близкой опасности.

— Это они! — воскликнула девушка. — А может быть, Роса, это дядя или квартирмейстер. Сейчас я даже мистера Мюра обязана впустить.

— Почему не посмотри? Много дырка — нарочно сделан, Мэйбл поняла ее с полуслова и, подойдя к одной из нижних бойниц, прорезанных в той части пола, что выступала над первым этажом, осторожно приподняла брусочек, обычно закрывавший отверстие, и посмотрела, что происходит внизу у двери. По тому, как Мэйбл вздрогнула и изменилась в лице, индианка догадалась, что там ее соплеменники.

— Красный человек, — сказала Роса и предостерегающе подняла палец.

— Четверо. Все страшно раскрашенные и с кровавой добычей. Разящая Стрела с ними.

Роса, ринувшись в угол, где лежали запасные ружья, схватила карабин, но, услышав имя мужа, замерла на месте. Впрочем, она колебалась недолго, шагнула к бойнице и хотела было уже просунуть в нее ствол, но возмущенная Мэйбл схватила ее за руку.

— Что ты делаешь, Роса! — воскликнула девушка. — Не поднимай руки на мужа. Пусть уж лучше погибну я.

— Не трогай муж, — отвечала Роса с легкой внутренней дрожью. — Не трогай красный человек. Их не стреляй — пугай только.

Поняв намерение Росы, Мэйбл не стала более противиться. Просовывая ружье в прорезь, индианка старалась наделать побольше шуму, чтобы привлечь внимание индейцев,

и только затем спустила курок. Но, едва прогремел выстрел, Мэйбл стала укорять подругу, хотя та сделала это только ради нее.

— Ты же сказала, что не будешь стрелять, — сказала она. — А если б ты попала в мужа?

— Роса еще не стреляй, а они все беги, — с улыбкой отвечала индианка и, подойдя к другой бойнице, чтобы взглянуть, что делают ее соплеменники, от души расхохоталась. — Гляди, гляди, все спрягайся кусты, все воин. Думай, Соленый Вода и офицер тут. Теперь осторожна будет.

— Слава богу! У меня есть хоть несколько минут, чтобы помолиться и не умереть, как Дженни, помышляя лишь о жизни и земном благополучии.

Роса отложила ружье и уселась возле ящика, на который опустилась обессиленная Мэйбл; радость, как известно, вызывает не менее сильную реакцию, чем горе. Индианка устремила испытующий взгляд на нашу героиню, и Мэйбл показалось, что лицо Росы стало суровым и вместе с тем озабоченным.

— Разящий Стрела великий воин, — важно произнесла жена тускароры. — Все девушки племени на него гляди. Бледнолицый красавица тоже имей глаз?

— Что ты хочешь сказать, Роса? Почему ты так на меня смотришь?

— Зачем бойся Роса стреляй Разящая Стрела?

— Да ведь это страшно, когда жена убивает собственного мужа! Нет, Роса, пусть уж лучше меня убили бы.

— А бледнолицый скво ничего больше не думал?

— Видит бог, ничего! Да разве этого мало? Нет, нет, и без того хватит ужасов на сегодня. А что же ты еще подозреваешь?

— Не знай. Бедный девушка тускарора очень глупый. Разящий Стрела — великий вождь и смотри все кругом. Когда спи, звать бледнолицый красавица. Великий вождь любви много жена.

— А разве. Роса, у вашего народа вождь может иметь несколько жен?

— Сколько корми — большой охотник часто жениться. Разящий Стрела имей сейчас только Роса, но он много смотри, много думай, много говори бледнолицый девушка!

Мэйбл это сама заметила во время путешествия и немало огорчалась, но теперь ей было вдвойне неприятно услышать подобный намек из уст жены индейца. Девушка понимала, как много значат обычаи и взгляды в подобного рода делах, но, помимо тягостного и унижительного чувства сознавать себя невольной соперницей Росы, она опасалась, что ревность в теперешнем ее положении — сомнительная гарантия безопасности. Однако, внимательно посмотрев на Росу, Мэйбл успокоилась: на лице не привыкшей таить свои чувства бесхитростной индианки легко было прочесть горечь отринутой любви, но даже тяжелые подозрения не могли исказить ее простодушные черты выражением коварства или ненависти.

— Ты ведь не предашь меня, Роса? — с присущей благородной натуре прямоотой спросила Мэйбл, сжимая руку индианки. — Не захочешь подвести другую женщину под томагавк?

— Томагавк тебя не трогай. Разящий Стрела не давай. Если Роса надо иметь сестра-жена, Роса желай тебя.

— Нет, Роса, моя вера, мои чувства этого не позволяют, а если б я вообще могла стать женой индейца, то ни за что не заняла бы твоего места в вигваме.

Роса ничего не ответила, но, казалось, была довольна, даже благодарна. Она знала, что мало кто, а может быть, и ни одна из известных Разящей Стреле индейских девушек не может сравниться с ней красотой, и вздумай ее муж обзавестись даже дюжиной жен, никто ей не страшен, кроме Мэйбл. Однако Росу настолько покорили красота, обаяние, доброта, женственная прелесть нашей героини, что вспыхнувшая ревность не только не охладила ее чувств к ней, но даже их усилила, побудив индианку пойти на огромный риск, чтобы спасти свою воображаемую соперницу от нападения ирокезов. Словом, Роса со свойственной

любящей жене интуицией догадалась, что Разящая Стрела восхищается Мэйбл, но, вместо того чтобы терзаться ревностью и возненавидеть соперницу, как сделала бы всякая женщина, не привыкшая безропотно покоряться воле своего господина и повелителя, она стала присматриваться к наружности и характеру бледнолицей красавицы и, не найдя в ней ничего отталкивающего, а, напротив, очень много привлекательного, сама прониклась к ней восхищением и любовью, которые отличались, естественно, от чувств ее мужа, но были, пожалуй, не менее пылкими. Разящая Стрела сам послал Росу предупредить Мэйбл об опасности, но он не знал, что жена прокралась на остров вслед за нападающими и укрылась в цитадели вместе с предметом их общих забот. Напротив, он, как и говорила индианка, решил, что с Мэйбл в блокгаузе Кэп и Мюр и что это они отогнали его воинов выстрелом.

— Роса жалеет, что Лилия, — так индианка называла на своем поэтическом языке нашу героиню, — не бери муж Разящий Стрела. Великий вождь имей большой вигвам, много места, надо много жена.

— Спасибо, Роса, на добром слове, но мы, белые женщины, на это смотрим по-другому, — отвечала Мэйбл, невольно улыбаясь, несмотря на ужас своего положения. — К тому же я, возможно, даже скорее всего, никогда не выйду замуж.

— Надо хороший муж, — сказала Роса. — Разящий Стрела нет на сердце, бери Пресный Вода.

— О чем ты говоришь. Роса? Разве я могу думать о таких вещах, когда даже не уверена, буду ли еще жива через час! Ах, если бы как-нибудь узнать, жив ли и невредим мой дорогой дядюшка!

— Роса ходи смотри.

— Ты можешь? Ты согласна? А что, если тебя увидят? Разве воины знают, что ты здесь? И будут ли они довольны, что женщина вышла с ними на военную тропу?

Все это Мэйбл выпалила одним духом, словно страхась услышать нежелательный ответ. Она никак не могла поверить, что Роса заодно с ирокезами, и, хотя это было совершенно невероятно, вообразила, будто индианка тайком последовала за индейцами в своей пироге и опередила их единственно затем, чтобы ее предостеречь и спасти ей жизнь. Но Мэйбл заблуждалась, что и выяснилось со слов Росы, которая с грехом пополам ей все объяснила.

Разящая Стрела, хоть и вождь, был в немилости у собственного племени и заключил временный союз с ирокезами. Правда, у него был свой вигвам, но он редко жил в нем; притворяясь другом англичан, он все лето делал вид, что служит им, тогда как в действительности шпионил в пользу французов, и жена сопровождала его во всех переходах, которые они большей частью совершали в пироге. Короче говоря, ее присутствие не составляло тайны, поскольку Разящая Стрела редко отправлялся в путь без нее. Все это Роса как умела разъяснила подруге, чтобы Мэйбл без опасения отпустила ее разузнать о судьбе Кэпа. Решено было, что индианка выйдет из блокгауза, лишь только для этого представится малейшая возможность.

Сперва они через бойницы тщательно осмотрели весь остров и обнаружили, что победители, захватив припасы англичан и разграбив хижины, готовятся к пиршеству. Большая часть запасов хранилась в блокгаузе, но и без того их оказалось достаточно, чтобы вознаградить индейцев за легкую победу. Трупы уже убрали, и Мэйбл заметила, что оружие побежденных сложено в кучу возле места, где собирались устроить пир. Роса высказала предположение, что убитых отнесли в кусты и там либо зарыли, либо спрятали. Ни одно из заметных с воды строений не было разрушено, поскольку победители хотели заманить отряд сержанта в засаду, когда он вернется. Роса указала Мэйбл на индейца, по ее словам — дозорного; он взобрался на самую макушку высокой сосны, чтобы загодя предупредить своих соплеменников о приближении шлюпок, хотя отряд выступил совсем недавно и только какое-нибудь непредвиденное обстоятельство могло заставить его так быстро возвратиться. Атаковать блокгауз пока никто не собирался. Напротив, по мнению Росы, все говорило за то, что индейцы будут держать его в осаде до прихода отряда, чтобы следы штурма не открыли

истины наметанному глазу Следопыта. Шлюпку, однако, индейцы захватили и переправили к кустам, где были спрятаны их пироги.

Роса объявила, что сейчас самое для нее время выйти из блокгауза и присоединиться к своим. Мэйбл с некоторым недоверием спускалась за индианкой по лестнице, но ей тут же стало стыдно своих подозрений, недостойных ее самой и несправедливых по отношению к своей спасительнице, и, когда они сошли вниз, все ее сомнения рассеялись. Дверь они отпирали с величайшей осторожностью, и, когда оставалось открыть последний запор. Роса стала наготове у косяка. Чуть приподняв щеколду, дверь приоткрыли ровно настолько, чтобы можно было протиснуться бочком, и Роса не замедлила выскользнуть наружу. Тотчас же Мэйбл судорожным движением захлопнула дверь и, когда щеколда стала на место, явственно услышала громкое биение собственного сердца. Теперь она могла считать себя в сравнительной безопасности и остальные два засова задвинула уже спокойнее. Когда дверь была крепко-накрепко заперта, она поднялась наверх взглянуть, что творится снаружи.

Потянулись томительно долгие, мучительные часы ожидания. Индианка как в воду канула. Мэйбл слышала вопли перепившихся дикарей — ром заставил их забыть об осторожности, — порой видела через бойницы их буйную оргию, и эти крики и разнуданные телодвижения, от которых кровь застыла бы у нее в жилах, не явись она перед тем свидетельницей неизмеримо более чудовищного зрелища, все время напоминали девушке о страшном соседстве. Около полудня на острове появился какой-то новый человек, которого Мэйбл по одежде и не совсем обычной внешности сперва было приняла за дикаря. Но, разглядев его смуглое от природы и к тому же сильно обветренное лицо, она убедилась, что его белый, и даже несколько воспрянула духом: ей казалось, что в крайности она сможет рассчитывать на помощь человека, близкого ей по цвету кожи и цивилизации. Но, увы, наша героиня не ведала, что не так-то легко белым остановить своих свирепых союзников, коль скоро они почуют запах крови, да, собственно, в расчеты белых и не входило удерживать их от зверств.

День показался Мэйбл месяцем, и только минуты, проведенные в молитве, пролетали незаметно. Доводы Росы казались Мэйбл убедительными, она тоже думала, что блокгауз, видимо, не тронут до возвращения отца, которого ирокезы хотели заманить в засаду, так что на какое-то время она могла считать себя в сравнительной безопасности. Зато будущее Представало в самом мрачном свете, и Мэйбл мысленно уже рисовала себе ужасы, которые ее ожидают, если она попадет в плен. В такие минуты Мэйбл мерещился Разящая Стрела и его оскорбительное внимание: наша героиня знала, что индейцы, если не приканчивают пленных на месте, уводят их в свои селения, чтобы передать племени, и случалось, что белые женщины проводили остаток своих дней в вигвамах победителей. Чтобы отогнать подобные мысли, Мэйбл опускалась на колени и принималась молиться.

Пока было светло, положение нашей героини внушало тревогу, когда же над островом начали сгущаться сумерки, оно стало действительно опасным. К этому времени дикари дошли до полного иступления, чему немало способствовали захваченные у англичан запасы рома, и выкриками своими и жестами они напоминали настоящих бесноватых. Все попытки французского начальника их унять оказались тщетными, и он благоразумно удалился на ближайший остров, где устроил себе нечто вроде бивака, предпочитая держаться на почтительном расстоянии от своих союзников, от которых можно было всего ожидать. Однако, перед тем как уйти, французский офицер с опасностью для жизни погасил костер и унес все, чем можно было разжечь огонь. Он боялся, как бы индейцы не спалили блокгауз, который для выполнения его плана следовало сохранить. Француз охотно отобрал бы у них и оружие, но от этого ему пришлось отказаться пока у воинов оставалась хоть искра сознания, они цеплялись за свои ножи и томагавки с упорством людей, считающих это делом чести, а унести карабины, оставив им оружие, которым они обычно пользовались в подобных случаях, было бессмысленно. Оказалось, что офицер не зря погасил костер: едва он скрылся из виду, как один из воинов предложил поджечь блокгауз. Разящая Стрела тоже покинул

пьяное сборище, лишь только увидел, что ирокезы совсем обезумели. Смертельно усталый после двух бессонных ночей и слезки, он зашел в одну из хижин, повалился на солому и тотчас уснул. Итак, среди индейцев не осталось никого, кто бы мог защитить Мэйбл, о существовании которой ирокезы, вероятно, даже не подозревали, и человек десять таких же охмелевших и воинственно настроенных дикарей восторженными кликами приветствовали предложение своего пьяного соплеменника.

Для Мэйбл это была страшная минута. В том состоянии, в каком находились индейцы, они не испугались бы и дюжины наставленных на них ружей, а смутное сознание, что в блокаuze люди, еще больше их разжигало, и они приближались к нему, вопя и прыгая как одержимые. Алкоголь еще не успел свалить их с ног и лишь привел в крайнее возбуждение. Сперва они пытались выломить дверь, напирая на нее всем скопом, но сколоченное из бревен массивное сооружение выдержало их натиск. Даже объединенные усилия сотни человек оказались бы столь же безуспешными. Но Мэйбл этого не знала и холодела от страха, когда при каждой новой попытке дикарей слышался глухой удар. Наконец, убедившись, что дверь, словно каменная, не только не поддается, но даже не сотрясается, и только легкое погромыхивание петель указывает на то, что это дверь, а не стена, Мэйбл приободрилась и, желая узнать, велика ли опасность, воспользовалась первой же передышкой и выглянула из бойницы. К этому ее побудила и внезапно наступившая непонятная тишина, ибо для человека, если ему что-либо угрожает, самое страшное — неизвестность.

Мэйбл увидела, как три ирокеза разгребают золу и, вытаскивая оттуда угольки, старательно их раздувают. Азарт, с каким они трудились, жажда разрушения и природная сноровка позволяли им удивительно ловко и согласованно действовать в упорном преследовании своей жестокой цели. Белый давно бы в отчаянии отказался от мысли разжечь огонь с помощью извлеченных из золы еле тлевших угольков, но у детей леса было много своих, неведомых цивилизованному миру приемов. Пригоршня высушенных листьев, которые только одни индейцы знают, где раздобыть, несколько умело подложенных сухих прутиков — и костер запыхал.

Когда девушка, склонившись над бойницей, заглянула вниз, она обнаружила, что индейцы уже успели сложить у двери груды валежника и поджечь ее; огонь перебрасывался с ветки на ветку, и вся груды, потрескивая и сыпля искрами, запылала ярким пламенем. Индейцы испустили торжествующий вопль и, уверенные, что выполнили свое дело на славу, вернулись к товарищам. Не в силах сдвинуться с места, Мэйбл, как замороженная, с тревогой глядела, как распространяется огонь. По мере того как костер разгорался, пламя поднималось все выше и выше и наконец обдало ее таким жаром, что она вынуждена была отступить. Но едва Мэйбл в испуге попятилась к противоположной стене, как в бойницу, которую она второпях оставила открытой, ворвался длинный раздвоенный язык пламени, озарив грубо отесанные бревна и прижавшуюся к ним беспомощную девушку. Наша героиня решила, что настал ее последний час, ей отсюда не выбраться: единственный выход индейцы с дьявольской предусмотрительностью завалили пылающим валежником. Еще раз, как ей казалось тогда — уже в последний, Мэйбл обратилась к творцу с молитвой. Она закрыла глаза и сосредоточилась, но это длилось всего лишь какую-то минуту, желание жить вернуло ее к действительности. Невольно открыв глаза, она с изумлением увидела, что огненный сноп исчез и только от сквозняка по обуглившимся краям бойницы продолжают бегать язычки пламени. В углу стояла бочка с водой. Скорее инстинктивно, чем сознавая, что делает, Мэйбл дрожащими руками схватила ведро, зачерпнула воды и плеснула ее на загоревшееся дерево. Огонь тут же погас, однако дым какое-то время не давал ей подойти к бойнице, но, когда она смогла заглянуть вниз, сердце ее затрепетало от радостной надежды: костер кто-то разбросал и залитая водой дверь только дымилась.

— Кто здесь? — спросила Мэйбл, приблизившись вплотную к бойнице. — Боже, неужели ты послал мне помощь?

Внизу послышались легкие шаги, и кто-то тихонько толкнул дверь.

— Кто хочет войти? Это вы, мой дорогой, дорогой дядюшка?

— Солёный Вода нет тут. Река Святой Лаврентий вся пресная вода, — последовал ответ. — Открой быстро. Надо входить.

Трудно было с большим проворством спуститься по лестнице и отодвинуть засовы, чем это сделала Мэйбл, так точны и рассчитаны были все ее движения. Помышляя только о своем спасении, Мэйбл, пренебрегая всякой осторожностью, на этот раз стремительно распахнула дверь. Первым ее побуждением было бежать, бежать на волю из проклятого блокауза, но Роса преградила ей путь и, не обращая внимания на порывавшуюся ее обнять девушку, хладнокровно задвинула засов.

— Да благословит тебя бог. Роса! — с жаром воскликнула наша героиня. — Это он послал мне тебя, ты мой ангел-хранитель!

— Не жать так сильно, — ответила молодая индианка. — Бледнолицый женщина все плакай или все смейся. Дай Роса запираться дверь.

Наша героиня немного успокоилась, и вскоре обе уже сидели наверху, держась за руки. Недоверия и ревности как не бывало: Мэйбл переполняла благодарностью к индианке, а индианку — радостное сознание сделанного доброго дела.

— А теперь скажи мне, Роса, — начала Мэйбл, после того как они обменялись горячими объятиями, — ты что-нибудь разузнала о моем бедном дядюшке?

— Не знай. Никто его не видеть, никто его не слышать, никто ничего не знай. Роса думай. Солёный Вода — бежи река, нигде его не нашел. Офицер тоже нет. Я смотри, смотри, не видай нигде.

— Слава богу! Значит, они бежали, хотя непонятно, каким образом. Знаешь, мне кажется, я видела француза на острове.

— Да, капитан. Но он тоже уходит. Много индей на остров.

— Ах, Роса, если бы как-нибудь предупредить отца, чтобы он не попал в руки врагов!

— Не знай. Думай, войны сидеть засада, ингизы терять скальп. — Ты так много для меня сделала, Роса, неужели ты не поможешь отцу?

— Роса не знай отец, не люби отец. Роса помогай свой народ, помогай Разящей Стрелой; муж люби скальп.

— И это говоришь ты. Роса! Никогда не поверю, что тебе будет приятно, если всех наших людей перебьют!

Роса спокойно обратила свои темные глаза на Мэйбл, и на мгновение взгляд ее стал суровым, однако скоро суровость уступила место жалости.

— Лилия — ингизская девушка? — сказала она как бы спрашивая.

— Да, и, как ингизская девушка, я хотела бы спасти своих соотечественников от смерти.

— Очень хорошо, если можно. Роса не ингиз: Роса — тускарора, муж тускарора, сердце тускарора, чувства тускарора — все тускарора. Лилия не беги сказать французы: отец приходи побеждай их?

— Может быть, и нет, — ответила Мэйбл, в смятении проводя рукой по лбу. — Может быть, и нет. Но ведь ты же помогаешь мне, ты ведь спасла меня. Роса! Зачем же ты это делала, если ты чувствуешь только как тускарора?

— Не чувствуй только как тускарора — чувствуй как девушка, чувствуй как скво. Люби красивый Лилия, клади свой сердце!

Мэйбл прослезилась и крепко прижала к груди милую индианку. С минуту она не могла вымолвить ни слова, но потом заговорила уже более спокойно и связно:

— Не скрывай от меня ничего, Роса. Я готова к самому худшему. Сегодня твои соплеменники пируют, а что же они намерены предпринять завтра?

— Не знай. Роса бойся встречай Разящий Стрелой, Роса бойся спрашивай. Роса думай, прячься, пока ингизы приди назад.

— А они не попытаются захватить блокауз? Ты ведь видела, какой ужас они задумали?

— Очень много ром. Разящий Стрела спи или не смей; капитан уходи или не смей. Все спи сейчас.

— Так ты думаешь, я в безопасности, по крайней мере на эту ночь?

— Очень много ром. Если Лилия, как Роса, может много сделай для свой народ.

— Да, я такая же, если желание помочь моим соотечественникам может придать мне сходство с отважной Росой.

— Нет, нет, — пробормотала Роса, — дух не имей, а если имей. Роса не давай. Мать Роса был плен, и воин много пей; мать бери томагавк, всех убивай. Вот какой краснокожий скво, когда племя беда и желай скальп!

— Да, ты права, — вздрогнув, ответила Мэйбл и невольно выпустила руку Росы. — Я не могу этого сделать, у меня не хватит ни сил, ни духу обагрить свои руки кровью.

— Роса тоже так думай. Тогда сидеть тут блокгауз хорошо, скальп не снимай.

— Значит, ты думаешь, что я здесь в безопасности, по крайней мере до прихода отца с отрядом?

— Знай так. Не смей трогай блокгауз, когда свет. А теперь слушай, все тихо — пить ром, пока голова падай, и спи как бревно.

— А если мне бежать? На острове как будто много пирог. Может быть, утащить пирогу, уйти с острова и предупредить отца о том, что случилось?

— Умей гребти? — спросила Роса, украдкой кинув взгляд на подругу.

— Конечно, не так хорошо, как ты, но до рассвета я все же могла бы скрыться из виду.

— А потом что делай? Сила есть гребти шесть, десять, восемь миль?

— Не знаю, но я готова сделать невозможное, лишь бы предупредить отца, славного Следопыта и остальных об опасности — Люби Следопыт?

— Все, кто знают Следопыта, любят его, да и тебе бы он понравился, нет, ты полюбила бы его, если бы знала, какое у него золотое сердце!

— Совсем не люби. Очень хороший ружье, очень хороший глаза, очень много стреляй ирокез и братья Роса. Сама снимай скальп, когда могу.

— А я спасу его, если смогу. В этом мы с тобой расходимся. Роса. Как только все крепко уснут, я раздобуду пирогу и уйду с острова.

— Нет, не уходи — Роса не пускай. Зови Разящий Стрела.

— Роса! Неужели ты предашь, неужели бросишь меня после всего, что для меня сделала?

— Роса так сделай! — решительно взмахнув кулачком, воскликнула индианка с пылом и непреклонностью, которых Мэйбл в ней раньше не замечала. — Зови Разящий Стрела громко-громко. Воин сразу вставай, когда жена кричи. Роса не давай Лилии помогай враг, не давай индей делать плохо Лилия.

— Я понимаю тебя. Роса. Твои чувства естественны и справедливы. В самом деле, мне лучше остаться здесь, я слишком переоценила свои силы. Скажи только, если ночью вдруг придет дядя и будет сюда проситься, могу я его впустить?

— Впускай можно. Соленый Вода тут плен. Роса люби пленный лучше скальп; скальп хорошо слава, пленный хорошо чувства. Но соленый Вода прятаться так хорошо, что сам не знай где.

Роса так и залилась своим ребячески-звонким смехом; картины насилия и жестокости были слишком привычны ей, чтобы надолго омрачить душу этой веселой и смешливой девушки. В дальнейшем довольно-таки бессвязном разговоре Мэйбл пыталась лучше выяснить обстановку в надежде узнать что-нибудь такое, что пошло бы ей на пользу. Роса отвечала на все ее вопросы прямо, но сдержанно; она прекрасно разбиралась в том, что не имеет значения, а что может угрожать безопасности ее друзей или помешать их планам. Наша героиня была не способна пуститься на хитрость, чтобы выведать тайну у подруги, к тому же она понимала, что, если б она и решилась на подобную низость, провести Росу буде! не так-то легко. А Росе, со своей стороны, достаточно было просто не говорить о том, о чем не следовало. В общем, она сообщила примерно следующее.

Разящая Стрела уже давно поддерживает тайные сношения с французами, но сейчас он совершенно сбросил с себя маску, Возвращаться к англичанам он больше не намерен, потому что они ему не доверяют, особенно Следопыт, и, как водится у индейцев, он теперь уже не только не скрывает своей измены, а напротив, кичится ею. При нападении на остров Разящая Стрела предводительствовал индейцами, подчиняясь, однако, приказам французского капитана, но Роса не захотела сказать, он ли открыл местоположение поста, который до сих пор считался хорошо укрытым от врагов. На этот вопрос она наотрез отказалась ответить, однако призналась, что вместе с мужем следила за отплытием "Резвого" в то время, когда их обнаружили с куттера и взяли на борт. О точном расположении поста французы получили сведения лишь совсем недавно. И Мэйбл словно кто нож вонзил в сердце, когда из намеков индианки она поняла, что эти сведения дал бледнолицый, состоящий на службе у Дункана Лунди. Правда, это были всего лишь намеки, и когда Мэйбл потом обдумала слова своей подруги, пытаясь припомнить брошенные ею туманные и краткие фразы, она стала надеяться, что неправильно ту поняла и что Джаспер Уэстерн еще докажет свою непричастность к этой истории.

Роса не колеблясь рассказала, что ее послали на остров выведать, сколько там осталось солдат, и подсмотреть, чем они занимаются, но вместе с тем простодушно призналась, что согласилась выполнить поручение главным образом из желания спасти Мэйбл. Благодаря ее донесениям и полученным иным путем сведениям неприятель в точности знал, какими силами располагает пост, известны были и численность отряда сержанта Дунхема и то, с какой целью предпринята вылазка. Однако место, где предполагалось перехватить французский Транспорт, оставалось тайной. Приятно было видеть, как две прямодушные девушки пытаются разузнать все, что могло бы оказаться полезным их друзьям, и в то же время наблюдать, с какой врожденной деликатностью каждая подавляла в себе желание вызвать другую на недозволенную откровенность, а равно и с каким почти неуловимым тонким чутьем они избегали касаться всего, что могло нанести ущерб их народам. Обе всецело доверяли друг другу, и каждая оставалась безраздельно верна своим. Если Мэйбл хотела узнать о планах индейцев, то и Роса горела желанием выяснить, куда отправился, сержант и когда он вернется, но с тактичностью, сделавшей бы честь человеку высокой культуры, не задавала этого вопроса и даже не пыталась окольными путями навести Мэйбл на разговор, который мог бы заставить ее проболтаться. Но если Мэйбл сама касалась чего-либо способного пролить на это свет, индианка напряженно, затаив дыхание, слушала.

Время летело незаметно, девушки настолько увлеклись беседой, что забыли о сне. Однако под утро усталость взяла свое. Мэйбл, вняв уговорам индианки, легла на один из соломенных тюфяков, служивших солдатам подстилкой, и сразу же крепко уснула. Роса устроилась рядом с ней, и скоро на всем острове воцарилась такая глубокая тишина, будто нога человека никогда не ступала в эти лесные дебри.

Мэйбл проснулась, когда яркие лучи солнца ворвались в бойницы, и поняла, что уже довольно поздно. Роса все еще спала рядом с ней, да так сладко, будто нежилась на французском пуховике, и так безмятежно, словно никогда не знала ни забот, ни тревог. Но, едва только Мэйбл пошевелинулась, индианка, привыкшая всегда быть начеку, открыла глаза. Поднявшись, они прежде всего решили осмотреть через бойницу остров.

Глава XXIII

*Зачем ты, смерть, всевышнему нужна
В огромном этом мире? Все вокруг
Ты губишь, л тобой осквернена
Вселенная — творенье мудрых рук.
Но нет! В безволии погрязший дух
К тебе взывает из стигийских вод.
Тебя своей богиней он зовет,
И в заблуждении слепом народы*

Чтят смерть, служанку матери-природы.
Спенсер, "Королева фей"

День давно уже наступил, однако вокруг стояла такая же тишина, как и минувшей Ночью. Обойдя все бойницы, Мэйбл и Роса сперва никого не обнаружили, можно было подумать, что, кроме них, на острове нет ни живой души. На том месте, где Мак-Нэб и его товарищи стряпали, горел костер; как видно, курившийся струйкой дымок должен был служить приманкой для, отсутствующих. Вокруг хижин все было прибрано и приведено в прежний вид. Но вот Мэйбл вздрогнула, взгляд ее вдруг упал на трех солдат в красных мундирах Пятьдесят пятого полка; они небрежно развалились на лужайке и как будто о чем-то мирно болтали, но, взглядевшись получше, она различила их обескровленные лица и остекленевшие глаза, и у нее подкосились ноги. Трупы усадили у блокгауза, настолько близко от него, что девушки в первую минуту их не заметили, и кощунственная вольность поз и жестов — тела заостенели в таком положении, какое им придали, чтобы они походили на живых, — вызывала содрогание. Но, хотя эта группа внушала ужас тому, кто видел вблизи чудовищное несоответствие изображаемого и действительности, трупы солдат были расположены достаточно искусно, чтобы в какой-нибудь сотне ярдов обмануть не слишком внимательного наблюдателя. Тем временем, тщательно осмотрев берега острова. Роса отыскала четвертого солдата и указала на него своей товарке: прислонившись к молодому деревцу, он сидел, свесив ноги над водой, и держал в руках удочку. Головы солдат, с которых были сняты скальпы, индейцы прикрыли шапками, а с лиц смыли все следы крови.

От этого зрелища Мэйбл чуть не стало дурно: оно не только оскорбляло привитые ей с детства понятия, но самая противоестественность его приводила ее в негодование и возмущала. Девушка поспешно отошла от бойницы и, присев на ящик, закрыла лицо передником; но вскоре тихий оклик Росы заставил ее снова прильнуть к бойнице. Индианка молча указала ей на труп Дженни, стоявшей в дверях хижины со слегка наклоненным вперед корпусом, словно стряпуха глядела на группу мужчин; в руках она держала метлу, и ветер развевал ленты ее чепца. Расстояние было слишком велико, чтобы ясно различить черты женщины, но Мэйбл показалось, что ей оттянули книзу челюсть, придав рту подобие жуткой улыбки.

— Нет, Роса! — воскликнула девушка. — Я много слышала о коварстве и уловках твоего племени, но такого не могла себе представить.

— Тускарора очень хитрый, — сказала Роса, и по тону ее было ясно, что она скорее одобряет, чем порицает найденное мертвецам применение. — Теперь солдат нет вред, а ирокез — польза, прежде снимай скальп, теперь заставляй служи тело. Потом жги их.

Эти слова открыли Мэйбл, какая пропасть отделяет ее от подруги; несколько минут она даже не могла себя принудить заговорить с ней. Но проснувшаяся в ней на мгновение неприязнь к индианке так и осталась незамеченной. Роса преспокойно занялась приготовлением несложного завтрака, и весь вид ее говорил, что ей совершенно чужды переживания, несвойственные обычаям и нравам ее соплеменников. Мэйбл кусок в горло не шел, а товарка ее с завидным аппетитом поглощала завтрак, будто ничего не произошло. Покончив с трапезой, обе опять могли на досуге осматривать остров и предаваться своим мыслям. Нашу героиню непреодолимо влекло к бойницам, но стоило ей подойти к ним и выглянуть, как она тут же с омерзением отворачивалась; и все же то шелест листьев, то похожее на стон завывание ветра снова и снова гнали туда обмиравшую от страха девушку. И в самом деле, мрачное зрелище представляла собой эта уединенная поляна, населенная обряженными в живых мертвецами, которые застыли в захватских позах, будто веселились напропалую. Мэйбл казалось, что она попала на шабаш ведьм и чертей.

Весь день на острове не появлялись ни индейцы, ни французы, и ночь надвинулась на жуткий и немой маскарад с непреклонностью и неизменностью, с какой земля следует своим законам, равнодушная к актерам-пигмеям и маленьким драмам, что разыгрываются среди

сутолоки дня у нее на груди. Эта ночь прошла куда спокойнее предыдущей, и Мэйбл, уверенная, что участь ее решится не раньше, чем вернется отец, крепко уснула. Сержанта ждали, однако, на следующий день, и девушка, проснувшись, сразу же побежала к бойницам взглянуть, какая погода, какое небо и что творится на острове. Компания мертвецов по-прежнему балагурила, развалившись на траве, рыболов все еще склонялся над водой, казалось, поглощенный своим делом, а искаженное судорожной гримасой лицо Дженни, как и вчера, выглядывало из двери хижины. Погода, однако, переменилась. С юга дул свежий ветер, и, хотя было тепло, все предвещало бурю.

— Я больше этого не вынесу! — сказала Мэйбл, отходя от бойницы!. — Лучше видеть перед собой врага, чем это страшное сборище мертвецов.

— Тсс! Они идут. Роса слышан крик. Так кричи воин, когда снимай скальп.

— Нет, этого не будет! Этого не должно быть!

— Соленый Вода! — весело воскликнула Роса, заглянув в бойницу.

— Дядюшка, дорогой! Значит, он жив! Ты ведь не допустишь, чтобы они его убили!

— Роса — бедный скво. Воин не слушай, что Роса говори. Разящий Стрела веди его сюда, смотри!

Но Мэйбл уже стояла у бойницы и смотрела, как человек десять индейцев вели Кэпа и квартирмейстера прямо к блокгаузу, который, как они звали, некому было защищать, потому что двое оставшихся в живых мужчин попали к ним в руки, У Мэйбл от страха перехватило дыхание, когда целая ватага индейцев выстроилась перед дверью блокгауза, но тут она заметила французского капитана, и у нее немного отлегло от сердца. Разящая Стрела и француз тихо, но с жаром что-то доказывали пленным, после чего квартирмейстер громко окликнул Мэйбл.

— Прелестная Мэйбл, молю вас, сжальтесь над нами, выгляните в бойницу, — сказал он. — Если вы не отопрете дверь победителям, нас ждет неминуемая смерть. Умилостивьте их, или не пройдет и получаса, как нам придется расстаться с нашими скальпами.

В этой мольбе Мэйбл уловила какую-то насмешку, да и весь игривый тон квартирмейстера лишь укрепил ее в намерении не сдавать блокгауз как можно дольше.

— А вы, дядюшка, — сказала она, приблизив лицо к бойнице, — как вы советуете поступить?

— Слава богу, слава богу! — воскликнул Кэп. — Какая тяжесть свалилась у меня с души, когда я услышал твой милый голосок, Магни! Ведь я боялся, что с тобой случилось то же, что с несчастной Дженни. Последние сутки мне так было тяжело, будто мне на грудь навалили целую тонну балластин. Ты спрашиваешь, как тебе поступить, дитя мое, а я и не знаю, что тебе посоветовать, хоть ты и дочь моей родной сестры! Одно могу сказать, бедная моя девочка: да будет проклят день и час, когда нас с тобой занесло в эту пресноводную лужу!

— Но это правда, что ваша жизнь в опасности? Должна я, по-вашему, отпереть дверь?

Крепкий канат, да пара узлов удавкой надежно крепят снасть, так что я не советовал бы тому, кто, пока цел и не хочет попасть к этим дьяволам в лапы, что-нибудь отпирать и развязывать. Что до меня и квартирмейстера, то оба мы люди на возрасте, и, как сказал бы честный Следопыт, на худой конец человечество без нас обойдется. Квартирмейстеру не так уж важно, сведет он баланс в этом году или годом позже, а я, что ж, если бы я был в море, то знал бы, что делать, но здесь, в этой пресноводной дыре, скажу прямо, находишься я на борту этой крепости, никакие уговоры индейцев не выманили бы меня оттуда.

— Не обращайтесь внимания на бредни вашего дядюшки, прелестная Мэйбл, — вмешался Мюр, — он явно рехнулся с горя и совсем не сообразуется с обстоятельствами. Мы, да будет вам известно, в руках гуманных и порядочных людей, и у нас нет оснований опасаться оскорблений или насилия. Инциденты, которые имели место, неизбежны в военное время и не могут изменить нашего отношения к неприятелю — ведь из этого вовсе не следует, что с пленными поступят несправедливо., После того как мы сдались мастеру Разящей Стреле, который своей доблестью и выдержкой поистине напоминает мне

римлянина или спартанца, ни мне, ни мастеру Кэпу, клянусь честью, не на что пожаловаться. Но, как вы знаете, у всякого народа свои обычаи, и наши скальпы, если вы не спасете их капитуляцией, могут стать законной жертвой, призванной умиротворить души павших индейцев.

— Нет, будет разумнее, если я останусь в блокаузе, пока не решится судьба острова, — возразила Мэйбл. — Неприятелю нечего меня опасаться, он знает, что я не могу причинить никакого вреда, а я предпочитаю быть здесь, как это и пристало молодой, неопытной девушке.

— Если бы дело шло только о том, что удобно вам, Мэйбл, мы все бы охотно склонились перед вашим желанием, но эти господа полагают, что укрепление облегчит им военные действия, и очень хотят им овладеть. Откровенно признаюсь вам, когда мы с вашим дядюшкой оказались в критическом положении, я, опасаясь последствий, воспользовался властью, присвоенной офицеру его величества, и договорился с противником о капитуляции, обязавшись сдать ему и блокауз и весь остров. Фортуна в войне изменчива, приходится покоряться. Итак, немедля отойдите дверь, прелестная Мэйбл, и вверьтесь попечению тех, кто умеет отдавать дань красоте и добродетели в несчастье. Во всей Шотландии не найти кавалера более учтивого и более знакомого с правилами этикета, чем наш вождь.

— Не выходи блокауз, — шепнула стоявшая рядом и внимательно следившая за всем происходящим Роса. — Блокауз хорошо, скальп не снимай.

Если б не этот призыв, наша героиня, возможно, и уступила бы. Ей стало казаться, что, пожалуй, будет лучше умиротворить противника уступкой, чем озлобить его упорством. Мюр и дядя в руках ирокезов, те знают, что в блокаузе мужчин нет, и, если она станет дальше противиться и не согласится впустить их добровольно, индейцы, раз им нечего опасаться ружей, чего доброго, вышибут дверь или прорубят лаз в бревнах. Но слова Росы остановили ее, а настойчивое пожатие руки и умоляющий взгляд индианки укрепили в ней поколебленную было решимость.

— Пока не пленник, — шепнула Роса. — Пусть попробуй бери плен. Пока не взял плен, всегда много обещаешь;

Роса с ними справься.

Поскольку дядюшка, по-видимому, был склонен для очистки совести держать язык за зубами, Мэйбл повела переговоры с Мюром, держась теперь куда смелее и решительнее, и прямо заявила, что сдавать блокауз не намерена.

— Но вы забываете о капитуляции, мисс Мэйбл, — сказал Мюр. — Дело идет о чести офицера его величества и, значит, о чести самого монарха. Вы же знаете, что для офицера честь превыше всего.

— Я знаю достаточно, мистер Мюр, чтобы понимать, что в этой экспедиции вы не облечены властью, а потому не имеете никакого права сдавать врагу блокауз; а кроме того, я, помнится, слышала от отца, что пленный лишается всяких воинских полномочий.

— Чистая софистика, прелестная Мэйбл, и измена королю. Ваш отказ бесчестит его офицера и вселяет недоверие к августейшему имени. Вы, сами откажетесь от своего намерения, когда на досуге здраво все рассудите и взвесите обстоятельства и факты.

, — Н-да, — вставил Кэп, — это действительно обстоятельство, черт бы его побрал! — Не слушай дядя! — воскликнула Роса, занятая чем-то в углу комнаты. — Блокауз хорошо, скальп не снимай.

— Я останусь здесь, мистер Мюр, пока не получу вестей от отца. Дней через десять он вернется.

— Ах, Мэйбл, эта хитрость не обманет врагов. Какими-то путями, которые остались бы нам непонятны, не имей мы слишком много оснований подозревать одного несчастного молодого человека, они очень хорошо осведомлены обо всех наших действиях и планах и прекрасно знают, что еще до захода солнца достойный сержант и его спутники будут у них в руках. Так что проявите истинно христианскую добродетель — покоритесь воле провидения.

— Вы сильно заблуждаетесь, мистер Мюр, полагая, что стены этого укрепления

недостаточно прочны. Не угодно ли вам посмотреть, как я могу обороняться, если захочу?

— Попробуйте, посмотрим, — пробурчал квартирмейстер.

— Что вы на это скажете? Взгляните на верхнюю бойницу!

Все стали смотреть наверх и увидели, как из бойницы медленно высовывается ствол ружья. Роса опять прибегла к уловке, уже однажды оказавшейся столь удачной. Она не обманулась в своих расчетах. Едва индейцы увидели смертоносное оружие, как отскочили в сторону, и минуту спустя все попрятались кто куда. Французский капитан, не спуская глаз с дула — он следил, не направлено ли оно на него, — хладнокровно открыл табакерку и взял понюшку табаку. Мюр и Кэп, которым нечего было опасаться, тоже не сдвинулись с места.

— Будьте же разумны, прелестная Мэйбл, — увещевал девушку квартирмейстер. — К чему затевать ненужное кровопролитие? Во имя всех королей Альбиона, поведайте, кто заперся с вами в этой деревянной башне и питает столь кровожадные намерения? Тут какая-то чертовщина, и наше доброе имя во многом зависит от вашего объяснения.

— А что бы вы сказали, мистер Мюр, если б гарнизон такого неприступного поста представлял Следопыт? — воскликнула Мэйбл, уклоняясь от прямого ответа. — И какого мнения ваши друзья французы и индейцы о меткости его ружья?

— Проявите великодушие к несчастным, очаровательная Мэйбл, и не смешивайте слуг короля — да благословит бог его самого и весь его августейший род! — с врагами короля. Если Следопыт в самом деле в блокаде, пусть отзовется, и мы будем вести переговоры непосредственно с ним. Он знает, чью сторону мы держим, и нам нечего его бояться, тем более мне; для людей благородной души соперничество — лишний повод для уважения и дружбы; если двое мужчин восхищаются одной женщиной, значит, у них имеется общность взглядов и вкусов.

Впрочем, — лишь квартирмейстер и Кэп рассчитывали на дружелюбие Следопыта; даже французский офицер, который до сих пор выказывал поразительную твердость и хладнокровие, отпрянул При Одном упоминании грозного имени. Человек с железными нервами, давно привыкший к опасностям здешней войны, он, очевидно, не испытывал ни малейшего желания оставаться под прицелом "оленебоя", пользовавшегося на этой отдаленной границе, пожалуй, не меньшей славой, чем Мальборо в Европе, и не считал постыдным укрыться, настояв, чтобы пленные последовали за ним. Мэйбл была слишком рада избавиться от врагов, чтобы сожалеть об уходе друзей, но все же, выглянув в бойницу, послала вдогонку медленно и нехотя удалявшемуся Кэпу несколько ласковых слов и воздушный поцелуй.

Противник, по-видимому, на время отложил свое намерение овладеть блокадом; во всяком случае. Роса, взобравшаяся через люк на крышу, откуда было видней всего, сообщила, что все уселись обедать в отдаленном и хорошо укрытом уголке острова, и Мюр и Кэп преспокойно участвуют в общей трапезе, словно им нечего бояться. Это известие было большим облегчением для Мэйбл, и она опять стала строить планы, как бежать самой или хотя бы предупредить отца о грозящей ему опасности. Сержант должен был вернуться к вечеру, и Мэйбл знала, что от каждой выигранной или упущенной минуты зависит его участь.

Так пролетело три или четыре часа. Остров снова погрузился в безмолвие, день уже был на исходе, а Мэйбл все еще ничего не придумала. Роса внизу готовила скромный ужин, — а наша героиня поднялась на чердак, где был люк на крышу, откуда открывался самый широкий вид на остров и на подступы к нему. Впрочем, и здесь кругозор был ограничен, к тому же мешали кроны деревьев. Вылезть на крышу девушка, однако, не отважилась, зная, что индейцы могут увидеть ее и подстрелить. Она только высунула голову из люка и вплоть до самого ужина оглядывала все окружавшие остров протоки не менее пристально, чем "Анна"⁴⁵, сестрица Анна", всматривалась в дорогу, ведущую к замку Синей

⁴⁵ Анна — персонаж из сказки Перро "Синяя борода". Анна, сестра жены Синей бороды, которую муж собирался убить, стояла на башне и смотрела, не приближаются ли на помощь ее братья.

бороды.

Солнце уже село, шлюпки так и не появились, и Мэйбл, поужинав, снова отправилась на чердак взглянуть в последний раз: она надеялась, что отряд вернется лишь с наступлением темноты и индейцы не сумеют в полной мере воспользоваться своей уловкой, да и ей будет легче, чем днем, подать сигнал факелом — огонь ночью ведь виден издалека.

Внимательно обведя взглядом горизонт, она хотела было уже спуститься вниз, как вдруг что-то привлекло ее внимание. Острова лежали так скученно, что между ними открывалось по меньшей мере пять-шесть протоков, и в одной из самых, узких, в тени прибрежных кустов, как она убедилась, взглянув еще раз, была укрыта пирога. Без сомнения, в ней скрывался человек. Если это враг, решила девушка, то сигнал не принесет вреда, если же друг, то принесет пользу, и она помахала неизвестному флажком, заготовленным на случай появления отца, стараясь при этом, чтобы ее знак не увидели с острова.

Мэйбл повторила сигнал раз десять, но безуспешно, и уже стала отчаиваться, как вдруг увидела, что в ответ ей машут веслом. Человек, лежавший в пироге, приподнялся, и Мэйбл узнала Чингачгука. Наконец-то поблизости друг, который может и, конечно, захочет прийти ей на помощь! С этой минуты Мэйбл воспрянула духом. Могиканин заметил и, разумеется, узнал, ее — ему ведь известно, что она вместе с отцом поехала на остров. Вероятно, как только стемнеет, он примет меры, чтобы освободить ее. Он знает, что враг на острове, иначе он не стал бы прятаться, а на его осторожность и ловкость Мэйбл полагалась вполне. Камнем преткновения теперь была Роса. Наша героиня понимала, что, как ни привязана к ней индианка, она слишком верна своим, чтобы допустить индейца-врага в блокауз или же выпустить Мэйбл, которая может разрушить все планы Разящей Стрелы. Полчаса, что Мэйбл провела после того, как она заметила Великого Змея, были самыми мучительными в ее жизни. Возможность спастись самой, спасти отца и веек была так близка и в то же время недостижима! Мэйбл знала, как решительна и хладнокровна Роса при всей ее доброте и женственной мягкости, и наконец пришла к выводу, что для достижения цели у нее нет иного выхода, как обмануть свою верную подругу. Искренней и прямодушной девушке казалось отвратительным обманывать такого друга, как Роса, но на карту была поставлена жизнь ее отца; индианка не пострадает, а кроме того, боязнь стать наложницей Разящей Стрелы была достаточным основанием, чтобы побороть излишнюю щепетильность.

С наступлением темноты сердце Мэйбл стало бурно биться; она по крайней мере раз десять меняла план своих действий. Главной помехой по-прежнему оставалась Роса. Мэйбл ума не могла приложить, как узнать, подкрался ли к двери Чингачгук, и как его впустить, не всполошив всегда настороженную Росу; в том же, что он вот-вот явится, она не сомневалась. Время не терпит, а если она не будет поджидать могиканина у двери, он, чего доброго, уйдет: долго оставаться на острове делавару опасно. Надо было на что-то решиться, пусть даже решение окажется не слишком удачным. Перебрав самые различные способы удалить Росу, Мэйбл наконец подошла к индианке и, стараясь не выдать своего волнения, сказала:

— Ты не боишься. Роса, что ирокезы все-таки подожгут блокауз? Ведь они поверили, что здесь Следопыт.

— Не думай так. Не жги блокауз. Блокауз хорошо, скальп не снимай.

— Как знать? Ведь они попрятались, потому что поверили, что Следопыт с нами.

— Думай бойся. Страх быстро приходи, быстро уходи. Страх заставь бегай; голова заставь приходи назад. Страх делай воин глупый, как молодой скво.

И Роса звонко рассмеялась, как смеются девушки, когда им на ум приходит что-нибудь особенно веселое и забавное — И все-таки я беспокоюсь, Роса. Не лучше ли тебе самой подняться на крышу и посмотреть, не готовятся ли ваши напасть, ты скорее это заметишь, чем я.

— Лилия хочет. Роса иди; но знай, индей спи; жди отец. Воин всегда ешь, пей, спи, когда не дерись или ходи военный тропа. Тогда никогда не спи, не ешь, не пей — все

забывай. Сейчас воин спи.

— Дай бог, чтобы это было так. Но поднимаясь наверх, Роса, и погляди получше. Не то беда может нагрнуть, когда мы всего меньше ее ждем.

Роса уже хотела было подняться на крышу, но, ступив на первую перекладину лестницы, вдруг заколебалась. Сердце Мэйбл стучало так сильно, что она боялась, не слышны ли его удары; а вдруг подруга начинает догадываться о ее истинных намерениях. Она была отчасти права: индианка в самом деле остановилась, прикидывая, нет ли тут какого-нибудь подвоха. Сперва у нее мелькнула мысль, что Мэйбл задумала бежать, но она тут же посчитала эту мысль вздорной — ведь бледнолицей не на чем уйти с острова, к тому же блокгауз самое безопасное и надежное для нее убежище. Потом ей пришло в голову, что Мэйбл по всплеску весел или по другим приметам узнала о приближении отца. Но и это предположение было тут же отвергнуто, ибо если она сама ничего не заметила, то где уж заметить Мэйбл, умение которой разгадывать такого рода приметы Роса расценивала не выше, чем светская женщина — манеры своей горничной. И, поскольку ничего другого не пришло ей на ум, она стала не спеша подниматься наверх.

Роса уже добралась до чердака, как вдруг нашу героиню осенила счастливая мысль.

Она поспешила ее высказать, и это у нее получилось так естественно, что ей было нетрудно выполнить свой план.

— Пока ты стоишь на крыше, я спущусь вниз и послушаю у двери, — предложила она. — Так мы обе будем сторожить; ты наверху, а я внизу...

Роса знала, что в блокгауз без их помощи никто не войдет и что сейчас нечего ждать внезапного нападения; она считала такую предосторожность излишней и объясняла эту затею лишь неопытностью и страхом бледнолицей скво; но, очевидно, та говорила искренне, и почему бы ей не поверить? Итак, наша героиня могла теперь спокойно подойти к двери, а Роса, не видя особой необходимости наблюдать за ней, поднялась на крышу. Разговаривать на таком расстоянии они не могли, и минуты две-три одна старалась осмотреться, насколько позволяла темнота, а другая, прикинув к двери, казалось, вся обратилась в слух.

Роса со своего наблюдательного поста ничего не обнаружила, да и вряд ли можно было на это рассчитывать в таком непроглядном мраке, зато трудно даже описать волнение Мэйбл, когда ей вдруг почудилось, будто кто-то осторожно толкнул дверь. Боясь, как бы это не оказался кто-нибудь другой, и в то же время желая дать знать Чингачгуку, что она рядом, Мэйбл дрожащим голосом тихонько запела. Но в глубокой тишине эти робкие звуки достигли крыши, и Роса немедля начала спускаться вниз. Сразу же за тем раздался легкий стук. Мэйбл не знала, что делать, а надо было спешить. Однако надежда пересилила страх, и трясущимися руками она стала отпирать дверь. Наверху уже слышались шаги Росы, а отодвинут был только один засов. Со вторым засовом Мэйбл справилась, когда Роса уже почти спустилась с лестницы.

— Что делай! — сердито закричала Роса. — Беги, выходи блокгауз, с ума сошел? Блокгауз хорошо.

Обе вместе ухватились за последний засов, и он бы легко отодвинулся, если б сильный толчок снаружи не Прижал его к скобам. Завязалась короткая борьба, хотя ни той, ни другой не хотелось прибегать к физической силе. Роса, вероятно, одержала бы верх, если б второй, еще более сильный удар снаружи не помог высвободить засов. Дверь распахнулась, и в проеме обрисовался черный силуэт мужчины. Мэйбл и Роса в испуге бросились наверх. Незвестный запер дверь и, внимательно оглядев помещение, стал осторожно взбираться по лестнице.

Роса с наступлением темноты закрыла бойницы в главном помещении и зажгла свечу. При ее мерцающем свете Мэйбл и индианка стояли, выжидая появления неизвестного, чьи тихие, но твердые шаги, несмотря на всю его осторожность, были явственно слышны. Трудно даже сказать, кто больше удивился, когда в представшем перед ними человеке девушки узнали Следопыта.

— Слава богу! — вырвалось у Мэйбл, у которой сразу мелькнула мысль, что с таким

гарнизонам блокгауз будет неприступен. — Но что, скажите, что с моим отцом. Следопыт?

— Сержант покамест цел и невредим, да к тому же одержал победу, а чем это все кончится, человеку знать не дано. Это не жена Разящей Стрелы спряталась там в углу?

— Не говорите о ней с такой укоризной. Следопыт я обязана ей жизнью и тем, что я сейчас в безопасности. Но скажите, что случилось с отрядом отца и почему вы очутились здесь, а я вам расскажу об ужасах, которые произошли на острове.

— Это можно сделать в двух словах, Мэйбл; человеку, привыкшему к чертову коварству индейцев, долгих объяснений не требуется. Что касается нас, то вылазка удалась как нельзя лучше. Великий Змей доставил нам все сведения, какие только можно пожелать. Мы устроили французам засаду, напали на их боты, выбили их оттуда, а посудины, как и было приказано, вывели на самое глубокое место пролива и потопили. Дикарям Верхней Канады этой зимой туговато придется без припасов. Да и пороху с пулями вряд ли хватит таким рьяным охотникам и воинам. Мы не потеряли ни одного человека, не получили даже ни одной царапины, да и неприятель, видно, не очень-то пострадал. Короче говоря, Мэйбл, вылазка была именно такой, какие любит Лунди с большим ущербом для врага и без ущерба для нас.

— Ах, Следопыт, боюсь, что, когда майор Дункан узнает, чем все кончилось, он очень и очень пожалеет, что затеял все это!

— Я понимаю, что вы хотите сказать, очень даже хорошо понимаю. Но дайте мне договорить, тогда вам все будет понятнее. Как только сержант успешно завершил свое дело, он послал меня со Змеем вперед в пирогах сообщить вам, как все обошлось; сам он идет следом на двух шлюпках, но они намного тяжелее наших пирог, так что он прибудет сюда не раньше завтрашнего утра. С Чингачгуком я расстался утром, мы уговорились, что он пойдет по одним протокам, а я — по другим, чтобы проверить, свободен ли путь. С тех пор я его не видел.

Мэйбл, в свою очередь, рассказала, как она обнаружила могиканина, и выразила надежду, что он еще появится.

— Ну нет! Настоящий разведчик никогда не укроется за стенами, если может остаться на воле и кое-что разнюхать. Да я бы и сам не пришел, Мэйбл, если бы не обещал сержанту успокоить вас и присмотреть за вами. Боже ты мой, с каким тяжелым сердцем я осматривал остров сегодня утром и чего только не пережил, когда думал, что, может быть, и вы среди убитых.

— Но какая же счастливая случайность помешала вам прямо подойти к острову и попасть в руки врага!

— А та случайность, Мэйбл, которой пользуется провидение, чтобы внушить собаке, где искать оленя, а оленю — как уйти от собаки. Нет, нет, все эти хитрости и штуки с трупами могут обмануть солдат Пятьдесят пятого полка и офицеров его величества, но на них не подловишь человека, который всю жизнь провел в лесах. Я плыл по протоке мимо этого мнимого рыболова, и, хотя гады усадили несчастного довольно ловко, для привычного глаза это было сделано не больно-то искусно. Он слишком высоко держал удилище; даже если солдаты Пятьдесят пятого никогда раньше не рыбачили, то в Осуиго они все-таки кое-чему научились; и потом, уж очень он был спокоен для рыбака, у которого рыба не клюет. Мы ведь никогда не подходим к посту вслепую. Бывало, всю ночь пролежишь около гарнизона из-за того только, что там сменили часовых или расставили по-иному секреты. Ни Змея, ни меня не поймаетшь на такие жалкие выдумки, да они, вероятно, предназначались для шотландцев, которые в чем другом сами не промах, но отнюдь не мастера разгадывать индейские фокусы.

— А вы не думаете, что отец с его отрядом могут попасться на обман? — с тревогой осведомилась Мэйбл.

— Я сделаю все, чтобы этого не случилось. Мэйбл. Ведь вы говорите, что Змей поблизости, значит, у нас есть двойная возможность предупредить сержанта об опасности! Беда в том, что неизвестно, каким путем отряд вернется сюда.

— Следопыт, — торжественно произнесла наша героиня, ибо страшные сцены, свидетельницей которых она была, придали смерти еще более жуткое обличье, — вы уверяли, что любите меня и хотели бы на мне жениться!

— Я, правда, осмеливался говорить с вами об этом, Мэйбл, и сержант даже недавно сказал мне, будто вы склонны меня осчастливить, но не такой я человек, чтобы докучать той, кого люблю.

— Знайте же. Следопыт! Я уважаю и чту вас; спасите отца от ужасной смерти, и я стану вас боготворить. Вот вам моя рука в залог того, что я буду верна своему слову.

— Да благословит вас бог, Мэйбл, боюсь, что я этого не заслуживаю, боюсь, что никогда не смогу оценить вас по достоинству. Но я и без того сделал бы для сержанта все, что могу. Мы с ним старые товарищи и обязаны друг другу жизнью. Но боюсь, Мэйбл, что в глазах юной девушки дружба с ее отцом не лучшая рекомендация!

— Ваши дела, ваше мужество, ваша верность — вот лучшая рекомендация, другой вам и не требуется. Все, что вы говорите, все, что вы делаете, Следопыт, разум мой одобряет, и сердце должно, нет, оно не может не послушаться разума.

— Вот уж не думал не гадал, что меня нынче ждет такое счастье! Но богу видно, что нам на благо, и он защитит нас. Это радостные слова для меня, Мэйбл, однако я и так сделал бы все, что можно сделать при таких обстоятельствах, но, конечно, это и не уменьшит моих стараний.

— Теперь, когда все сказано. Следопыт, — сдавленным голосом проговорила Мэйбл, — не будем терять ни минуты драгоценного времени. Может быть, нам сесть в вашу пирогу и сейчас же отправиться навстречу батюшке?

— Я бы этого не посоветовал. Неизвестно, какую протоку изберет сержант, а их тут по крайней мере двадцать. Можете не сомневаться. Змей уже сейчас по всем шныряет. Нет, нет, мой совет — остаться здесь. Бревна блокауза еще сырые, их не так-то легко поджечь, а если блокауз не спалит, я продержусь здесь хоть против целого племени индейцев. До тех пор пока нам удастся уберечь стены от огня, ирокезам меня отсюда не выбить. Сержант, вероятно, остановился на каком-нибудь острове и до утра его нечего ждать. Удержавшись в блокаузе, мы всегда сможем предупредить его выстрелами, а если он решит напасть на дикарей, что при его характере весьма возможно, исход боя во многом будет зависеть от того, в чьих руках укрепление. Нет, нет, если цель наша — помочь сержанту, здравый смысл подсказывает мне остаться, хотя бежать нам вдвоем не представляло бы большого труда.

— Тогда останьтесь, ради бога, останьтесь. Следопыт! — прошептала Мэйбл. — Все, все, что угодно, лишь бы спасти отца!

— Так оно и должно быть по естеству. И я рад, что вы так рассудили, потому, признаться, хочу, чтобы у сержанта была надежная опора. Пока что он отличился, и, если бы ему удалось отогнать негодяев и, спалив дотла хижины и блокауз, отступить с честью, ему бы это зачлось. Лунди бы это, без сомнения, не забыл. Да, да, Мэйбл, мы обязаны спасти не только жизнь сержанту, но и честь.

— Отец не может быть в ответе за то, что индейцы внезапно напали на остров!

— Как знать, как знать! Военная слава изменчива. Случалось, что делаваров разбивали наголову, когда они вели себя более доблестно, чем в дни своих побед. Делать ставку на успех, и особенно на успех в войне, неразумно. Я не городской житель и не знаю, как смотрят горожане, но в наших краях даже индейцы судят о качествах воина по его военным удачам. Главное для солдата — никогда не терпеть поражения, и мне кажется, люди не очень-то задумываются над тем, каким образом сражение было выиграно или проиграно. Что касается меня, Мэйбл, то я взял себе за правило, стоя лицом к лицу с врагом, не давать ему спуска и, по возможности, не зазнаваться, одержав над ним верх; после поражения об этом говорить не приходится, ведь ничто так не смиряет, как хорошая взбучка. Гарнизонные священники проповедуют солдатам смирение, но если бы одно смирение превращало людей в добрых христиан, то королевские войска давно были бы причислены к лику святых, потому что в этой войне они покамест только получали зуботычины от французов, начиная с форта

Кэп и кончая Тайем.

— Батюшка ведь не мог предполагать, что расположение поста известно неприятелю, — сказала Мэйбл, все еще думая о том, как отзовутся последние события на добром имени сержанта.

— Конечно, нет, и не понимаю, как об этом узнали французы. Место выбрано удачно. Даже для тех, кто проделал весь путь сюда и обратно, не так-то легко снова отыскать остров. Боюсь, что кто-то нас предал. Да, да, кто-то несомненно нас предал!

— Неужели это возможно. Следопыт?

— И очень даже просто, Мэйбл; некоторым людям изменить — все равно что закусить. И, когда, я встречаю болтуна, я не слушаю его красивые слова, а приглядываюсь к его делам; ведь, если у человека правдивая душа и добро на уме, он считает, что поступки лучше за него скажут, чем язык.

— Джаспер Уэстерн не такой! — с горячностью ответила Мэйбл. — Он искренний и прямодушный.

— Джаспер Уэстерн! Можете быть уверены, Мэйбл, что у парня и на языке и на душе нет кривды. Предположения Лунди, квартирмейстера, сержанта, да и вашего дяди на его счет совершенно нелепы. Это все равно что утверждать, будто солнце светит ночью, а звезды — днем. Нет, нет, я готов прозаложить свой скальп, а если понадобится, и ружье за честность Пресной Воды — Да благословит вас бог. Следопыт! — воскликнула Мэйбл, протягивая руку и сжимая железные пальцы охотника с чувством, в силе которого она сама навряд ли отдавала себе отчет. — Вы само великодушие, само благородство! Бог вознаградит вас за это!

— Ах, Мэйбл, боюсь, что если б я действительно был таков, то и мечтать бы не смел о такой девушке, как вы, а предоставил бы какому-нибудь достойному вас дворянину из гарнизона просить вашей руки.

— Не будем об этом говорить, — слабым, почти сдавленным голосом ответила Мэйбл. — Сейчас мы должны больше думать о наших друзьях, Следопыт, чем о себе. Но я от всей души рада, что вы считаете Джаспера невиновным. А теперь давайте подумаем, как поступить с Росой. Может быть, ее выпустить?

— Я уже думал о ней: пока она по эту сторону двери наблюдает за нами, надо нам глядеть в оба. Если посадить ее на чердак и убрать лестницу, она хоть будет нашей пленницей.

— Я не могу так обойтись с человеком, который спас мне жизнь. Лучше отпустим ее. Я уверена, что она слишком предана мне, чтобы причинить мне зло.

— Вы не знаете это отродье, Мэйбл. Вы не знаете это отродье. Правда, Роса не чистокровная минг, но ведь она якшается с этими негодьями и переняла все их повадки... Но что это?

— Шум весел — какая-то лодка идет по протоке! Следопыт захлопнул люк в нижнее помещение, чтобы индианка не сбежала, погасил свечу и поспешил к бойнице. Мэйбл в тревожном ожидании глядела через его плечо. Все это заняло какое-то время, и, когда глаза Следопыта несколько освоились с темнотой и он смог что-то различить, две шлюпки уже пронеслись мимо и пристали к берегу ярдах в пятидесяти от блокгауза, где рыл устроен причал. Больше в окружающем мраке разглядеть ничего не удалось, и Следопыт шепнул Мэйбл, что это могут быть и Праги, потому что едва ли сержант прибудет так рано. Видно было, как из лодок выгрузились люди, затем трижды раздалось громогласное "ура", не оставившее никакого сомнения в том, кто были прибывшие. Следопыт ринулся к люку, поднял крышку, соскользнул вниз и с лихорадочной поспешностью, по которой можно было судить, насколько серьезно положение, стал отпирать дверь. Мэйбл последовала за ним, но скорее мешала, чем помогала его усилиям, и они успели отодвинуть лишь один засов, когда грянули выстрелы. Оба замерли в напряженном ожидании, как вдруг окружающие кусты огласились боевым кличем индейцев. Дверь наконец распахнулась, и Следопыт с Мэйбл выскочили наружу. Но все уже смолкло. Несколько секунд они прислушивались, и

Следопыту почудилось, будто со стороны причала слышатся слабые стоны; но дул свежий ост, и шелест листвы, мешаясь с дыханием ветра, мог ввести его в заблуждение. Зато Мэйбл, забыв обо всем, рванулась от него к лодкам.

— Стойте, Мэйбл! — тихо, но твердо произнес Следопыт, схватив ее за руку. — Стойте! Вы идете на верную смерть, и к тому же это бесполезно. Надо вернуться в блокгауз.

— Отец! Мой бедный, дорогой отец! Они его убили! — не помня себя, воскликнула девушка: но привычная осторожность заставила ее даже в эту ужасную минуту понизить голос. — Если вы любите меня. Следопыт, пустите меня к отцу!

— Стойте, Мэйбл, стойте! Странно, что не слышно голосов; никто из наших не отвечает на залп, а я, как назло, оставил ружье в блокгаузе! Хотя на что мне ружье, если никого не видать?

В этот миг острый глаз Следопыта — крепко держа Мэйбл, он все время вглядывался в темноту — смутно различил черные силуэты пяти или шести индейцев, которые, пригнувшись, пытались проскользнуть мимо него с явным намерением отрезать им путь к блокгаузу. Подхватив Мэйбл под мышку, как малое дитя, и напрягши свое мускулистое тело, охотник все же успел вбежать в блокгауз раньше гнавшихся за ним по пятам преследователей. Опустив свою ношу, он кинулся запирать дверь и едва задвинул один засов, как сильный толчок в массивные бревна чуть не вышиб ее из петель. Задвинуть второй засов было делом одной секунды.

Мэйбл поднялась на второй этаж, а Следопыт остался на страже внизу. Наша героиня находилась в том состоянии, когда двигаешься как бы бессознательно. Следопыт попросил принести огня: машинально засветив свечу, она спустилась с ней вниз к ожидавшему ее разведчику. Взяв у нее огарок. Следопыт тщательно осмотрел блокгауз, чтобы проверить, не спрятались ли там кто-нибудь; он переходил с одного этажа на другой, лишь убедившись, что позади нет врага. Итогом осмотра была твердая уверенность в том, что в блокгаузе, кроме него и Мэйбл, нет никого, — Роса сбежала. Следопыт вернулся к нашей героине, поставил свечу на ящик, проверил затравку "оленебой" и только тогда сел.

— Оправдались худшие наши опасения, — сказала Мэйбл, для которой волнений и спешки последних пяти минут, казалось, хватило бы на всю ее жизнь. — Мой дорогой батюшка со всем отрядом убит или взят в плен!

— Пока ничего не известно. Дождемся утра. Я не думаю, что дело решено, иначе мы бы услышали торжествующие вопли негодяев мингов у стен блокгауза. Одно только можно сказать наверное: если враг действительно одержал верх, он сейчас же потребует, чтобы мы сдались. Но скво расскажет им о нашем положении, и, так как они хорошо знают, что пока "оленебой" не посрамил своего имени, днем поджечь блокгауз им не удастся, они постараются подкрасться ночью, можете в этом не сомневаться.

— Кто-то стонет!

— Это вам показалось, Мэйбл. Когда человек напуган, особенно женщина, ей может невесть что померещиться. Я знавал женщин, которые верили снам.

— Нет, мне не показалось внизу кто-то стонет! Следопыту пришлось признать, что чуткий слух Мэйбл не обманул ее. Но он попросил ее сдерживать свои чувства, напомнив, что дикари часто прибегают к любой хитрости, лишь бы достичь своей цели, и что стоны, возможно, притворные их хотят выманить из блокгауза или заставить хотя бы отворить дверь — Нет, нет — торопливо возразила Мэйбл, — какое же тут притворство! Это стонет человек от физической или душевной боли. Стоны до ужаса естественны.

— Ну что ж, мы скоро узнаем, друг там или недруг. Уберите свечу, а я спрошу через бойницу. Даже такое, казалось бы, простое дело требовало, на взгляд опытного Следопыта, сугубой осмотрительности; сколько раз у него на глазах гибли люди только по своему легкомыслию и пренебрежению к излишним, по их мнению, мерам предосторожности. Поэтому он приблизился к бойнице лишь настолько, чтобы его могли слышать внизу, даже если он будет говорить негромко — Кто там? — осведомился Следопыт, когда счел, что выбрал наиболее безопасную позицию — Кто тут стонет? Если друг, говорите смело и

рассчитывайте на нашу помощь.

— Следопыт! — ответил хорошо знакомый Мэйбл и проводнику голос сержанта — Следопыт, ради бога, скажите, жива ли моя дочь?

— Батюшка, я здесь! Цела и невредима. Ах, если б была хоть капля надежды, что и с вами все благополучно! — Оба они ясно услышали радостное восклицание, но вслед за ним снова раздался мучительный стон.

— Сбылись мои худшие предчувствия, — с каким-то мрачным спокойствием проговорила Мэйбл. — Чем бы это нам ни грозило, батюшку надо внести в блокгауз.

— Так оно и должно быть по естеству, да и богом нам заповедано. Но успокойтесь, Мэйбл, и постарайтесь взять себя в руки. Все, что можно сделать для сержанта, будет сделано. Только прошу вас, возьмите себя в руки.

— Я спокойна. Следопыт. Никогда в жизни я не была более спокойна и уверена в себе, чем сейчас. Но, ради бога, давайте действовать без промедления!

Твердый тон девушки поразил Следопыта, а старание Мэйбл держаться спокойно и стойко в какой-то мере, быть может обмануло его. Во всяком случае; он почел дальнейшие объяснения излишними, спустился вниз и стал отпирать засовы. Эту сложную процедуру он проделал со всегдашней своей осторожностью, но едва только высвободил массивную дверь, как почувствовал, что кто-то с силой на нее напирает, и чуть было вновь ее не захлопнул. Однако, заглянув в щель и поняв причину, рванул дверь к себе, и прислоненное к ней бесчувственное тело сержанта Дунхема рухнуло на порог блок-пауза. Следопыт в один миг втащил его в помещение и задвинул засовы. После чего они с Мэйбл могли беспрепятственно подать помощь раненому.

На протяжении всей этой тяжелой сцены Мэйбл проявляла ту силу духа и неистощимую энергию, на какую способны женщины в минуты сильных потрясений. Она принесла свечу, смочила водой запекшиеся губы отца, помогла Следопыту приготовить ему ложе из соломы и смастерила из тряпья подушку. И все это деловито, без лишних слов, не пролив ни единой слезы, пока отец, придя в себя, еле слышным голосом не стал благословлять ее за нежность и заботу. Однако Мэйбл не представляла себе, насколько серьезно положение отца. Следопыт тем временем обследовал раненого и обнаружил, что пуля прошла навывлет; хорошо знакомый с такими ранениями, он понял, что сержант едва ли выживет.

Глава XXIV

Тебе — вся нежность слез моих.

Кровь пролил бы до капли я,

Когда бы стала хоть на миг

Спокойной ты, любовь моя.

Мур. "Лалла Рук"

С той минуты, как внесли свечу, сержант Дунхем не спускал глаз со своей красавицы дочери, следя за каждым ее движением. Потом он поглядев на дверь, проверяя, достаточно ли она прочна (без носилок нельзя было перенести раненого наверх, и его оставили в нижнем помещении), и снова устремил взгляд на личико Мэйбл. Когда жизнь быстро угасает, с новой силой вспыхивают земные привязанности, и те, кого мы должны потерять навеки, становятся нам особенно дороги.

— Слава богу, дитя мое, хоть ты избежала их смертоносных пуль! — воскликнул сержант; он говорил без труда и, как видно, не испытывал при этом боли. — Расскажи, Следопыт, как приключилась эта беда.

— Эх, сержант! Это ты правильно сказал, что беда. Что нас предали и донесли неприятелю, где находится пост, так же верно, мне думается, как то, что блокгауз пока наш. Но...

— Майор Дункан был прав, — прервал его Дунхем, положив руку на плечо Следопыту.

— Только не в том смысле, в каком ты думаешь, сержант, только не в том смысле. Нет, нет. По крайней мере я так считаю. Я знаю, природа слаба — человеческая природа, я имею в виду, — и что какой бы у нас ни был цвет кожи, красный ли, белый, негоже хвалиться своими достоинствами, но готов руку дать на отсечение, что на всей границе нет и не было парня честнее и благороднее Джаспера Уэстерна, — Да благословит вас за это бог. Следопыт! — вырвалось у Мэйбл, и от полноты чувств слезы хлынули у нее из глаз. — Да благословит вас бог! Честный обязан заступаться за честного, храбрый — никогда не покидать храброго.

Сержант с тревогой смотрел на дочь, пока та не закрыла лицо передником, чтобы скрыть свои слезы, потом вопросительно взглянул на проводника. Но мужественные черты Следопыта выражали лишь обычную искренность, прямоту и честность, и сержант знаком велел ему продолжать.

— Ты помнишь место, где я и Змей расстались с тобой, сержант, — продолжал Следопыт, — о том, что было раньше, нечего говорить. Поздно теперь раскаиваться, что сделано, то сделано; но, думаю, останься я с лодками, всего этого не произошло бы! Хороших проводников много, почему им не быть, но ведь природа одаривает не каждого, как что среди хороших должны быть и лучшие. Бедный Джильберт, который меня заменил, надо думать, дорого поплатился за свою ошибку.

— Он был убит наповал, — упавшим голосом ответил сержант. — Все мы поплатились за свои ошибки!

— Нет, нет, сержант, это тебе не в укор сказано, никто лучше тебя не смог бы командовать вылазкой. Лихо вы их окружили! А как ты повел свою шлюпку прямо на их гаубицу, — самому Лунди не грех бы у тебя поучиться.

Глаза сержанта засияли, и на лице его даже появилось выражение победного торжества. Правда, торжество это было в меру одержанной им скромной победы.

— Да, это было неплохо сделано, друг мой, — согласился он, — мы штурмом взяли их носовой бруствер.

— Это было замечательно сделано, сержант, хотя боюсь, что, когда все станет известно, окажется, что негодяи вернули свою гаубицу. Но ничего, ничего, крепись, сержант, старайся выбросить из головы все плохое и думай только о хорошем. И жизнь нас этому учит и вера. Если враг овладел гаубицей, он вернул лишь то, что принадлежало ему раньше, и помешать ему мы были не в силах. Но блокгауз они еще не захватили и вряд ли его возьмут, разве только подпалят его ночью. Так вот, сержант, с Великим Змеем мы расстались на реке, милях в десяти отсюда; даже когда подходишь к своему лагерю, и то надо принимать меры предосторожности. Что случилось с Чингачуком, я не знаю; Мэйбл вот говорит, он здесь поблизости, и я не сомневаюсь, что благородный делавар выполняет свой долг, хоть мы сейчас не знаем, где он. Помяни мое слово, сержант, он еще докажет свою ловкость и мужество и придет нам на помощь в самую трудную для нас минуту. О, Змей — мудрый и доблестный вождь, любой белый может позавидовать его достоинствам, хотя, по правде сказать, ружье его бьет не так метко, как "оленебой". Так вот, подходя к острову, я не увидел дыма и сразу насторожился, потому уж кто-кто, а я-то знаю, что солдатам Пятьдесят пятого ввек не разложить бездымного костра, сколько им ни тверди об опасности. Так что я был начеку, а тут еще наткнулся на этого странного рыболова, как только что рассказывал Мэйбл, и все их адские козни увидел как на ладони. Нечего говорить, сержант, прежде всего я подумал о Мэйбл и, когда узнал, что она в блокгаузе, пробрался сюда, чтобы спастись или умереть вместе с ней.

Сержант перевел благодарный взгляд со Следопыта на дочь, а Мэйбл, к своему изумлению, почувствовала, что у нее упало сердце, хотя, казалось бы, в этот миг ее должна была тревожить лишь судьба тяжелораненого отца. Сержант протянул ей руку, она сжала ее в своих и поцеловала. Но, не в силах совладать с собой, опустилась на колени у его ложа и громко разрыдалась.

— Мэйбл, — твердо произнес сержант, — на все воля божья. Нечего обманывать тебя и

себя: мое время пришло, и для меня большое утешение умереть, как подобает солдату. Лунди не осудит меня, наш добрый Следопыт расскажет ему, как все произошло. Ты помнишь наш последний разговор?

— Нет, отец, наверное, и мое время настало! — воскликнула Мэйбл, которой в ту минуту казалось легче умереть. — Я не надеюсь на спасение, и самое лучшее для Следопыта, пока не поздно, оставить нас и вернуться в форт с печальным известием.

— Мэйбл Дунхем! — укоризненно произнес Следопыт, с нежностью взяв девушку за руку. — Я этого не заслужил. Я знаю, что необразован, неотесан, неловок...

— Следопыт!..

— Ну-ну, забудем об этом, вы не хотели меня обидеть, не могли такое подумать. Какой смысл говорить о бегстве, когда сержанта нельзя трогать с места, а блокауз надо защищать любой ценой. Может быть. Лунди сообщат о нашем бедственном положении, и он вышлет отряд нам на выручку.

— Следопыт... Мэйбл. — с трудом проговорил сержант; от боли, которую он тщетно старался превозмочь, у него выступил на лбу холодный пот, — подойдите оба ко мне. Между вами все сказано, надеюсь?

— Не говорите ничего, батюшка. Все будет так, как вы желаете.

— Слава богу! Дай мне твою руку, Мэйбл, — вот, возьми ее. Следопыт. Я не могу иначе обручить вас. Я знаю, что ты будешь ей хорошим мужем. Не откладывайте свадьбы из-за моей смерти; к осени в форт приедет священник, пусть он вас сразу обвенчает. Шурин, если только он жив, пожелает вернуться на свой корабль, и тогда Мэйбл останется без защитника. Мэйбл, твой муж был лучшим моим другом, это послужит тебе хоть каким-то утешением.

— Положись на меня, сержант, — сказал Следопыт. — Предоставь это мне, я свято выполню твою последнюю волю. Поверь, все будет сделано, как должно.

— Я всецело... всецело полагаюсь на тебя, мой верный друг, и даю тебе право действовать, как действовал бы сам. Мэйбл, дитя мое, дай мне напиться... Ты никогда не пожалеешь об этой ночи. Да благословит тебя бог, доченька, да благословит и защитит тебя бог!

Нежность отца до глубины души тронула чувствительную девушку, в этот миг ей казалось, что даже церковный обряд не скрепит ее будущий союз с проводником более священными узами. И все же невыносимая тяжесть давила ей сердце, и она сочла бы великим благом умереть. Затем сержант прерывающимся голосом коротко рассказал, что произошло после того, как они расстались со Следопытом и делаваром. Подул попутный ветер, и вместо того, чтобы заночевать на острове, как предполагалось раньше, он решил продолжать путь и добраться до поста в тот же вечер. Не наскочи шлюпка у оконечности одного из ближних островов на мель, отряд подошел бы незаметно и беды в какой-то мере удалось бы избежать, но, как видно, шум, поднятый солдатами при высадке выдал их приближение неприятелю, и что успел подготовиться к встрече. Хотя солдат и удивило отсутствие часового, они, нисколько не подозревая об опасности, причалили и даже оставили оружие в шлюпках чтобы выгрузить свои ранцы и провиант. Индейцы открыли огонь с такого (низкого расстояния, что, несмотря на темень, он оказался губительным. Солдат скосило всех до единого; правда, двое или трое потом все же поднялись и скрылись куда-то. Четверо или пятеро были убиты наповал или, во всяком случае, умерли от ран спустя несколько минут; однако индейцы, против своего обыкновения, почему-то не кинулись снимать скальпы. Сержант Дунхем упал, как и все, но он услышал голос Мэйбл, когда она выскочила из блокауза. Этот отчаянный возглас пробудил в нем отцовские чувства и придал ему силы доползти до двери блокауза и, опираясь на нее, приподняться.

Окончив свой несложный рассказ, сержант совершенно обессилел; он нуждался в покое. Мэйбл со Следопытом ухаживали за ним, не смея больше тревожить его расспросами. Следопыт воспользовался передышкой, чтобы взглянуть из бойниц и с крыши, что делается на острове, и осмотреть с дюжину хранившихся в блокаузе ружей; отправляясь на вылазку,

солдаты взяли с собой полковые мушкетеры. Но Мэйбл ни на мгновение не отходила от отца и, когда по его дыханию ей показалось, что он уснул, опустилась на колени и стала молиться.

В блокаuze воцарилось гнетущее безмолвие. Лишь наверху под мокасинами Следопыта слегка поскрипывали половицы да время от времени раздавался стук приклада об пол, это разведчик осматривал ружье, проверяя заряды и затравку, и только хриплое дыхание раненого нарушало тишину. Мэйбл жаждала заговорить с отцом, которого скоро потеряет навеки, но не решалась потревожить его сон. Однако сержант Дунхем не спал, он пребывал в том состоянии, когда мир внезапно теряет свою привлекательность, свои соблазны, свое могущество, и неведомое будущее заполняет ум человека своими загадками, откровениями и необъятностью. Для простого солдата сержант Дунхем был человеком высоконравственным, но он никогда особенно не задумывался о смертном часе. Если бы вокруг него кипел бой, возможно, он так бы и умер в воинственном угаре; но здесь, в тиши почти безлюдного здания, без возбуждающего грохота битвы, без ратного клича, которые поддержали бы в нем искусственный подъем, без пьянящей надежды на победу, все явления представляли в их истинном свете и земная юдоль обретала свою подлинную цену. Сержант все бы отдал за слово духовного напутствия, но не знал, кто бы мог это сделать. Он подумал о Следопыте, но не полагался на его осведомленность. Подумал о Мэйбл, но искать духовной поддержки у собственного ребенка казалось ему противным природе. Тогда-то он и почувствовал великую ответственность родителей перед детьми и ясно осознал, сколь мало выполнил свой долг, передав чужим людям попечение о сиротке. В то время как все эти мысли пронеслись в уме умирающего, Мэйбл, ловившая каждый его вздох, услышала вдруг легкий стук в дверь. Думая, что это Чингачгук, она кинулась отпирать, отодвинула два засова и, держа руку на третьем, спросила, кто там. В ответ послышался голос дяди, умолявшего впустить его. Не колеблясь ни мгновения, она отворила Кэпу дверь. Едва он переступил через порог блокауза, как Мэйбл быстро ее захлопнула и заперла: она уже успела наловчиться и теперь легко справлялась с этой обязанностью. Увидев безнадежное состояние зятя и поняв, что Мэйбл и сам он в безопасности, грубый моряк расчувствовался до слез. Своё появление он объяснил тем, что индейцы не очень-то его стерегли; они считали своих пленных мертвецки пьяными, потому что усердно накачивали его и квартирмейстера ромом, чтобы они не могли ввязаться в бой, когда прибудет отряд. Мюр спал или притворялся спящим, а Кэп, лишь только раздались выстрелы, спрятались в кустах. Найдя пирогу Следопыта, он добрался в ней до блокауза с благим намерением забрать племянницу и с ней бежать. Незачем говорить, что, увидев, в каком состоянии сержант, и убедившись, сколь надежен блокауз, он отказался от своего первоначального плана.

— На самый худой конец, мастер Следопыт, — сказал он, — сдадимся — это даст нам право на пощаду. Мужское наше достоинство обязывает нас продержаться какой-то срок, а долг по отношению к самим себе требует спустить флаг, когда представится возможность выторговать наилучшие условия. Я это и предлагал мистеру Мюру, когда нас захватили минги, которых вы совершенно справедливо честите бродягами, — более подлых бродяг я не видывал на свете...

— Так вы их раскусили! — перебил Следопыт, который с такой же готовностью ругал мингов, с какой расхваливал своих друзей. — Вот если б вы попали в плен к делаварам, вы бы узнали разницу.

— Ах, по мне, все они на один покрой, мерзавцы что с кормы, что с носу, за исключением, разумеется, нашего друга Змея — тот просто джентльмен для индейца. Когда дикари напали на остров, подстрелив капрала Мак-Нэба и солдат, словно зайцев, лейтенант Мюр и я спрятались в пещере — их тут в скалах полным-полно, настоящие кротовые норы, только геологические, прорытые водой, как объяснил мне лейтенант. — и засели там, как два заговорщика в трюме, пока голод не вынудил нас сдаться. Что ни говори, а брюхо — основа основ человеческой природы. Я предлагал квартирмейстеру поставить свои условия, потому, как ни плохо было в пещере, мы могли бы все же продержаться там час-другой, но он отказался, говоря, что мошенники не сдержат слова, если кого-нибудь из них рванят, поэтому

не нужно никаких условий. А сдать я согласился по двум причинам: во-первых, потому, что все равно можно было сказать, что мы уже сдались: как говорится, раз спустился в трюм — значит, сдал корабль; а во-вторых, потому, что у нас в желудке сидел куда более свирепый враг, чем на палубе, — таких схваток я никогда еще не испытывал. Голод — чертовское обстоятельство, как подтвердит всякий человек, у которого двое суток маковой росинки во рту не было.

— Дядюшка, бедный отец ведь серьезно, очень серьезно ранен, — печально и укоризненно произнесла Мэйбл.

— Правда, Магни, правда! Я посижу с ним и постараюсь как могу его утешить. Дверь хорошо заперта, девочка? Для такого разговора душа должна быть спокойна.

— Не враги нам сейчас страшны, судьба уготовила нам более тяжкий удар.

— Тогда, Магни, ступай на верхнюю палубу и постарайся взять себя в руки. А Следопыт пусть поднимется наверх и оглядится с салинга. Твой отец, может быть, желает сказать мне что-нибудь с глазу на глаз, так что лучше оставить нас вдвоем. Это нелегкая обязанность, и мне, несведущему в таких делах, при других будет неловко.

Хотя Мэйбл и не могла себе представить, что дядюшка способен исповедовать умирающего, но, раз он сказал, значит, просьба его, по-видимому, обоснованна, и она согласилась. Следопыт уже поднялся на крышу, чтобы оглядеться, и Кэп со своим зятем остались наедине. Старый моряк уселся подле сержанта и со всей серьезностью предложил ему покаяться в грехах. Воспользовавшись наступившим молчанием, Кэп обдумывал содержание своей речи.

— Должен заявить, сержант Дунхем, — изрек наконец Кэп со свойственной ему чудаковатой манерой выразиться, — что в этой злосчастной высадке допущены были серьезные промахи, и так как в такую минуту надлежит говорить правду и одну только, правду, я считаю своим долгом напрямик это сказать. Короче говоря, сержант, тут не может существовать двух мнений, я, хоть и не пехотинец, а моряк, и то заметил эти просчеты; чтобы их увидеть, никаких особых знаний не требуется.

— Что поделаешь, брат Кэп! — слабым голосом ответил сержант. — Что было, то было. Делу теперь не поможешь, слишком поздно.

— Верно, брат Дунхем, но покаяться не поздно. Святое Писание нас учит, что каяться никогда не поздно, и я всегда слышал, что делается это на смертном одре. Если у тебя что на совести, сержант, не бойся, выкладывай, ведь ты открываешься другу. Ты был мужем моей родной сестры, а бедная маленькая Магни дочь ей. Живой или мертвый — ты всегда останешься для меня братом. Чертовски досадно, что ты не бросил якорь где-нибудь поодаль и не выслал вперед пирогу на разведку, тогда и отряд твой остался бы цел, и мы бы, может, спаслись. Что ж, сержант, все мы рано или поздно помрем, так что не отчаивайся; и если ты нас маленько опередишь, все равно все мы там будем. Да, да, пусть это тебя немного утешит, — Все это я знаю, брат Кэп, и надеюсь встретить смерть, как подобает солдату, но вот бедная Мэйбл...

— Н-да, эта баржа тяжеловата, понимаю, но ведь ты не захочешь взять ее на буксир, даже если б и мог, сержант, так, что постарайся отдать концы поспокойней — это облегчит расставание. Мэйбл девушка хорошая, вся в покойницу мать, то бишь, в мою сестру, и я позабочусь подыскать ее дочери хорошего мужа, конечно, если только мы сохраним наши жизни и скальпы, потому что вряд ли найдется охотник вступить в скальпированную семью.

— Девочка уже помолвлена, брат, она выйдет замуж за Следопыта.

— Что ж, брат Дунхем, у всякого свои понятия и свой взгляд на вещи, но мне думается, что этот брак Мэйбл вовсе не по душе. Я ничего не имею против возраста Следопыта, я не из тех, кто считает, будто только желторотые юнцы могут составить счастье девушки; если на то пошло, я предпочел бы ей в мужья человека этак лет пятидесяти; однако между мужем и женой не должно быть обстоятельств, делающих их несчастными. Обстоятельства разрушают брак, и одно такое обстоятельство заключается в том, что Следопыт круглый невежда по сравнению с племянницей. Ты ее мало видел, сержант, и не представляешь себе,

какая она ученая, но, если б она перед тобой не робела и выкладывала свою образованность, как перед прочими, ты бы увидел, что мало найдется школьных учителей, которые могли бы за ней угнаться.

— Она хорошая девочка, добрая и хорошая девочка, — прослезившись, прошептал сержант, — несчастье мое, что мне мало пришлось побыть с ней.

— Очень даже хорошая девочка и слишком много знает для бедного Следопыта. Он человек неглупый и по-своему опытный, но столько же смыслит в житейских делах, сколько ты в сферической тригонометрии.

— Ах, брат Кэп, если бы Следопыт был с нами, этого несчастья не случилось бы!

— Весьма возможно. Даже его злейший враг не станет отрицать, что он превосходный проводник. Но, если говорить начистоту, ты сам спустя рукава командовал высадкой: тебе бы надо лечь в дрейф, не доходя до гавани, и послать на разведку пироги, как я тебе уже говорил. Вот и кайся теперь, а говорю я об этом потому, что в таких случаях следует говорить правду.

— Я дорого поплатился за свои ошибки, брат, и очень боюсь, что от этого пострадает бедная Мэйбл. Но все же, думается мне, нас не постигла бы такая беда, если бы нас не предали. Боюсь, брат, что Джаспер — Пресная Вода вел двойную игру!

— И я так думаю. Рано или поздно пресноводная жизнь непременно подмоет нравственные устои человека. Мы с лейтенантом Мюром толковали об этом, когда лежали в пещере здесь на острове, и оба пришли к убеждению, что только из-за измены Джаспера попали в такой дурацкий переплет. Но теперь тебе лучше собраться с мыслями, сержант, и подумать о другом. Когда корабль входит в незнакомую гавань, благоразумнее подумать, как стать на якорь, чем перебирать все события, приключившиеся в пути; на то имеется вахтенный журнал, куда все заносится, и что там вписано, будет говорить "за" или "против" нас... А вот и Следопыт! Что-нибудь на горизонте, вы мчитесь по лестнице, как индеец за скальпом?

Проводник приложил палец к губам и поманил к себе Кэпа.

— Нужно действовать осторожно и смело, — сказал он, понизив голос. — Эти гады всерьез решили поджечь блокгауз, теперь он им уже ни к чему. Я слышал, как бродяга Разящая Стрела подстрекал их сделать свое черное дело нынче ночью. Приготовимся, Соленая Вода, и всыплем им как следует. На наше счастье, в блокгаузе припасено бочек пять воды, а это при осаде много значит. К тому же наш верный друг Змей на свободе; не может быть, чтобы он нам не помог.

Кэп, не дожидаясь второго приглашения, на цыпочках последовал за Следопытом в верхнюю комнату, а Мэйбл заняла его место у изголовья отца. Убрав свечу, чтобы не подставить себя под предательский выстрел индейцев. Следопыт открыл одну из бойниц и, приблизившись к прорези, ждал оклика. Наконец голос Мюра прервал наступившую тишину.

— Мастер Следопыт, — крикнул шотландец. — С вами желает вступить в переговоры друг. Можете смело подойти к бойнице — пока вы беседуете с офицером Пятьдесят пятого полка, вам нечего опасаться.

— Что вам угодно, квартирмейстер, что вам угодно Я знаю Пятьдесят пятый полк и считаю его храбрым полком, хотя вообще-то питаю склонность к Шестидесятому, а делаваров предпочитаю тому и другому. Так чего же вы хотите, квартирмейстер? Должно быть, уж очень срочное поручение привело вас сюда, под блокгауз, в такую позднюю пору, хоть вы и знаете, что тут "оленебой" — Но вы же не причините вреда другу, Следопыт, и потому я уверен в своей безопасности. Вы человек рассудительный и своей храбростью стяжали себе такую славу на границе, что вам незачем идти на безрассудный риск. Сами понимаете, любезный, что в безвыходном положении более похвально сдаться добровольно, нежели упорствовать наперекор законам войны. Неприятель слишком силен, мой храбрый друг, и я пришел посоветовать вам сдать блокгауз при условии, что с вами обойдутся, как с военнопленными.

— Благодарю вас за ваш бесценный совет, квартирмейстер, тем более что он ничего не стоит. Но не в моей натуре сдавать укрепление, пока там имеются в достатке и пища и вода.

— О, я никогда не стал бы отговаривать вас от столь мужественного решения если б видел малейшую возможность его выполнить. Но ведь вы знаете, что мастер Кэп пал!..

— Ничего подобного! — гаркнул тот, о ком шла речь, из другой бойницы — Не только не пал, но, как видите, поднялся на это вот укрепление и отнюдь, пока это от меня зависит, не расположен опять доверить свои кудри таким цирюльникам Я считаю блокауз весьма добротным обстоятельством и намерен им воспользоваться.

— Если это не голос выходца с того света, — ответил Мюр, — я очень рад его слышать, потому что все мы считав, что достойный моряк погиб в последней перепалке. Но, мастер Следопыт, хотя вы и наслаждаетесь обществом вашего друга Кэпа, а это действительно великое удовольствие, судя по тем двум дням и ночи, что я провел с ним в пещере, мы потеряли сержанта Дунхема — его убили вместе со всеми храбрецами, участниками вылазки. Лунди настоял на том, чтобы он командовал, хотя было бы разумнее и приличнее послать офицера, а не рядового. Тем не менее Дунхем был храбрым солдатом, и его памяти отдадут должное. Словом, все мы не щадили себя, а большего не скажешь даже о принце Евгении, герцоге Мальборо или о самом великом графе Стэре.

— Ошибаетесь, квартирмейстер, опять-таки ошибаетесь. — ответил Следопыт, прибегая к хитрости, чтобы приумножить силы гарнизона. — Сержант в блокаузе, где, можно сказать, теперь в сборе вся семья.

— Что ж, рад это слышать, потому что мы считали сержанта погибшим Но, если очаровательная Мэйбл все еще в блокаузе, пусть, ради всего святого, уходит оттуда, и как можно скорее потому что враг намерен поджечь здание. Вы ведь знаете силу этой грозной стихии и, сдав укрепление, которое немислимо защитить, скорее оправдаете свою славу чем если обречете себя и своих товарищей на бессмысленную гибель.

— Мне знакома сила этой грозной стихии, как вы выражаетесь, квартирмейстер, и мне незачем в этот поздний час объяснять, что огонь можно использовать не только на еду похлебки. Но я не сомневаюсь в том что и вы слышали о грозной силе "оленебоя", и всякий, кто попытается подвалить кучу хвороста к этим стенам, отведаст его свинца. А что касается стрел, то ими здание не зажжешь, кровля блокауза крыта не дранкой, а толстыми сырыми бревнами, и воды у нас вдоволь. К тому же как вы знаете крыша плоская, как что по ней можно ходите, и, пока есть вода нам нечего бояться квартирмейстер Я человек смирный, когда меня не трогают, но того, кто попытается поджечь над моей головой крышу, я заставлю погасить огонь его же кровью.

— Это все романтическая болтовня, Следопыт, как вы сами, признаете если трезво оценить обстановку. Я надеюсь вы не станете отрицать преданность и отвагу Пятьдесят пятого пока, так вот, я совершенно убежден, что военный совет в данных условиях вынес бы решение о немедленной капитуляции. Нет, нет. Следопыт, никому не нужное молодечество столь же мало походит на храбрость Уоллеса или Брюса как Олбани на Гудзоне на город Эдинбург.

— Поскольку мы оба очевидно, остаемся при своем мнении, квартирмейстер разговаривать нам дальше бесполезно Если притаившиеся позади вас гады хотят приступить к выполнению своею дьявольского замысла, незачем откладывать. Пусть себе жгут дерево, а я буду жечь порох. Будь я индейцем, я бы, вероятно не хуже их бахвалился на костре, но так как я и от природы и по складу характера белый, то более склонен действовать, чем болтать. А вы, как офицер его величества, наговорили достаточно, и, если всех нас сожгут, никто не будет на вас в претензии.

— И вы, Следопыт, решитесь подвергнуть Мэйбл, прелестную Мэйбл, такой опасности!

— Мэйбл Дунхем ухаживает за раненым отцом, и господь бог защитит набожную девушку. Ни один волос не упадет с ее головы, пока рука моя тверда и глаз верен; и, хотя вы, как видно, доверяете мингам, мистер Мюр, я им ни нисколечко не верю. Вы связались с

отъявленным мошенником, тускаророй, у которого хитрости и злобы хватит на то, чтобы совратить целое племя, хотя боюсь, что минги и до того, как с ним спутались, были испорчены до мозга костей. Но довольно. Пусть каждый действует по своему разумению и способностям.

Во время этого разговора Следопыт, остерегаясь предательской пули, держался подальше от амбразуры и теперь предложил Кэпу подняться на крышу, чтобы подготовиться к первому натиску противника. Хотя моряк взобрался туда достаточно быстро, он обнаружил по меньшей мере с десятков торчащих в бревнах зажженных стрел. Поляна вокруг блокауза огласилась криками и воем неприятеля. Сразу затем последовал ружейный залп, и пули защелкали о бревна, свидетельствуя, что сражение началось не на шутку.

Но эти звуки не устрашили ни Следопыта, ни Кэпа, а Мэйбл была настолько поглощена своим горем, что ей было не до страха. К тому же она обладала достаточным здравым смыслом, чтобы понимать значение укреплений и оценивать их по достоинству.

Что касается сержанта, то знакомые звуки пробудили его к жизни, и Мэйбл больно было видеть, как у отца, прислушивающегося к шуму боя, загораются остекленевшие глаза и кровь приливает к бледным щекам. Тут только Мэйбл поняла, что он бредит.

— Пехота, вперед! — бормотал он. — Гренадеры, готовься! Как они посмели напасть на форт! Почему молчит артиллерия?

В это мгновение в тишине ночи прогрехотал пушечный выстрел. В верхнем помещении, куда угодил снаряд, послышался треск рушащихся балок, и весь блокауз сотрясся до основания. Бомба едва не задела Следопыта, и, когда она взорвалась, Мэйбл закричала; она решила, что снесло весь верх и дядя со Следопытом погибли. К довершению ее ужаса, сержант завопил:

— Огонь!..

— Мэйбл! — закричал Следопыт, просунув голову в люк. — Сразу видать работу мингов: много шума, мало толку. Бродяги захватили гаубицу, которую мы отняли у французов, и выстрелили в блокауз: на наше счастье, они извели единственный снаряд, так что теперь им пушка бесполезна. Бомба только разбросала запасы на чердаке, но никого не поранила. Ваш дядюшка все еще на крыше, а я так часто бывал под обстрелом, что меня никакой гаубицей не запугаешь, да еще если она в руках индейцев.

Мэйбл пролепетала слова благодарности и снова сосредоточила свое внимание на отце, отчаянным усилием которого подняться препятствовала лишь крайняя слабость. В последовавшие затем минуты она настолько была поглощена заботами о раненом, что едва ли даже слышала поднявшийся вдруг гвалт. А вокруг стоял такой шум и гам, что, не будь мысли девушки заняты другим, они скорее оглушили бы ее, чем встревожили.

Кэп сохранял поразительное хладнокровие. Правда, теперь он проникся глубоким и всевозрастающим почтением к способностям дикарей и даже готов был признать могущество Пресной Воды, но ужас его перед индейцами больше проистекал от мысли, что с него сдерут скальп и начнут мучить, чем от малодушного страха смерти. Кроме того, он находился если не на борту корабля, то на палубе дома и, понимая, что опасность быть взятым на абордаж вряд ли ему угрожает, носился по крыше, нимало не думая о себе, с легкомысленным бесстрашием, которое Следопыт, знай он о его безрассудстве, первый бы осудил. Вместо того чтобы искать укрытия, как это принято в боях с индейцами, Кэп появлялся то на одном, то на другом конце крыши, окатывая ее водой с деловитой невозмутимостью матроса, убирающего паруса в морском бою. Именно его поведение и вызвало такой шум среди осаждающих: не привыкшие к тому, чтобы враг столь явно пренебрегал опасностью, индейцы, приметив Кэпа, голосили, как свора гончих, завидевших лису. Он был словно заколдован от пуль, они так и свистели вокруг него и даже в нескольких местах опалили одежду, но ни одна его даже не задела. Когда бомба угодила в чердачную балку, старый моряк, отбросив ведро, трехкратно прокричал "ура" и стал крутить над головой своей треуголкой. За этим-то героическим деянием и застиг его взрыв. Сей своеобразный подвиг, вероятно, и спас ему жизнь, потому что с этой минуты индейцы,

единодушно решив, что "Соленая Вода спятил", перестали в него стрелять и даже пускать зажженные стрелы: по непонятному великодушию дикари никогда не поднимают руку на безумных.

Следопыт вел себя совсем иначе. Все его действия в силу приобретенного опыта и привычной осторожности были точно рассчитаны. Он держался вдали от бойниц, и место, избранное им для наблюдения, было вне досягаемости пуль. Знаменитому проводнику не раз случалось участвовать в смелых операциях. Рассказывали, что однажды индейцы привязали его к столбу, чтобы сжечь, и он, не дрогнув, снес жестокие пытки и надругательства свирепых и изобретательных дикарей. По всей границе, всюду, где только ни обитали и ни сражались люди, ходили легенды о подвигах, хладнокровии и отваге Следопыта. Но на этот раз сторонний наблюдатель, незнакомый с его прошлым и репутацией, мог бы принять такую чрезмерную осторожность и заботу о самосохранении за обыкновенную трусость. Однако подобная оценка была бы неверна. Следопыт думал о Мэйбл, о том, что ждет несчастную девушку, если его убьют. Но эта мысль лишь заставляла его быстрее соображать, не изменяя своей обычной осторожности. Как всякий истинно храбрый человек, он не задавался вопросом, как истолкуют его поступки окружающие. Действуя в трудную минуту с мудростью змеи, он вместе с тем был простодушен, как дитя.

Первые десять минут осады Следопыт ни разу даже не оторвал ружейного приклада от пола, разве только когда менял положение, а так как он сам участвовал в захвате гаубицы, то ему было известно, что у дикарей нет другой бомбы, помимо обнаруженной отрядом в стволе пушки. Поэтому у него не было никаких причин опасаться огня нападающих, разве что в бойницу залетит какая-нибудь шальная пуля. Раза два это случалось, но пули попадали под таким углом, что, пока индейцы держались вблизи здания, они не могли причинить никакого вреда, а с большого расстояния Шанс попадания был не более одного на сто. Но, когда Следопыт услышал топот обутых в мокасины ног и треск сучьев, которые индейцы стаскивали к стенам блокгауза, он понял, что они опять собираются подпалить вышку. Он вызвал Кэпа с крыши, где всякая опасность миновала, и указал ему на бойницу, возле которой старый моряк должен был стоять наготове с водой.

Человек менее опытный, чем наш герой, конечно, поспешил бы пресечь опасную затею индейцев и преждевременно прибег бы к оружию. Следопыт же поступил не так. Цель его заключалась не только в том, чтобы погасить огонь, которого он не очень-то страшился, но и проучить врага: заставить индейцев весь остаток ночи держаться на почтительном расстоянии от блокгауза. Но для этого надо было подождать, пока свет костра даст ему возможность как следует прицелиться и бить без промаха. Поэтому он позволил ирокезам беспрепятственно набрать валежник, сложить его в кучу у блокгауза, поджечь и: вернуться в кусты. Единственное, что было разрешено Кэпу, — это подкатить бочку с водой к бойнице над самым костром с тем, чтобы в нужную минуту вода была под рукой. Однако пора эта настала, по мнению Следопыта, только когда вспыхнувшее пламя озарило окружающие кусты и острый, наметанный глаз проводника ясно различил силуэты трех-четырёх дикарей, следивших за тем, как занимается огонь, с холодным бесстрашием людей, привыкших равнодушно наблюдать человеческие страдания. Лишь тогда Следопыт заговорил.

— Вы готовы, дружище Кэп? — спросил он. — Огонь уже выбивается из щели, и хотя сырые бревна не вспыхивают, как некоторые раздражительные люди, но кто поручится, что они не загорятся, если их хорошенько подогреть. Бочонок у вас наготове? Проверьте, над той ли он бойницей, чтобы ни одной капли зря не пролить.

— Есть! — отвечал Кэп, как обычно говорят флотские.

— Тогда ждите сигнала. Никогда не следует горячиться в критическую минуту и безрассудно лезть в бой. Ждите сигнала.

Отдавая эти распоряжения. Следопыт, видя, что наступает время действовать, готовился и сам. Он приложил к плечу "оленебой", прицелился и выстрелил. Все это заняло не более нескольких секунд, и, только убрав из амбразуры ружье, он выглянул.

— Одной гадиной меньше, — пробормотал про себя Следопыт. — Ты, безжалостная

скотина, уже как-то мне попался! Ну что ж, поступил по своим способностям, по способностям и получил! Уложу-ка я еще одного подлеца, и хватит с меня на сегодня. На рассвете, может быть, работенка будет пожарче.

Разговаривая сам с собой, Следопыт заряжал ружье, а когда замолк, на земле корчился еще один индеец. Этого и в самом деле оказалось достаточно притаившаяся в кустах ватага, в ожидании третьего удара карающей десницы, не зная, кто на виду, а кто нет, разбежалась в поисках более надежного укрытия.

— Ну, а теперь заливай, мастер Кэп, — бросил Следопыт. — Я поставил свое тавро на этих подлецах, и нынешнюю ночь нам нечего опасаться огня — Берегись, ошпарю! — закричал Кэп, опрокидывая бочку так ловко, что сразу залил огонь.

На том и закончился этот необыкновенный бой, и остаток ночи прошел спокойно. Следопыт и Кэп дежурили по очереди, но ни один из них по-настоящему не спал. Да они особенно и не нуждались в сне, так как оба привыкли к длительному бодрствованию. Следопыт, тот в иную пору, казалось, был просто нечувствителен к голоду и жажде, и никакая усталость его не брала.

Дежуря у ложа отца, Мэйбл постепенно начинала понимать, насколько счастье в этом мире иллюзорно. Собственно, она и прежде жила без отца и связь ее с единственным родным человеком была скорее воображаемой, чем реальной, а теперь, когда ей предстояло потерять его, ей казалось, что со смертью родителя мир совсем опустеет и она никогда уже не будет счастлива.

Глава XXV

*Был ночью ветер, грозен и могуч,
И падал дождь потоками с небес,
Но вот сверкает солнца первый луч,
И птичий щебет оглашает лес.*

Вордсворт

На рассвете Следопыт и Кэп опять поднялись на крышу, чтобы еще раз осмотреть остров. Вокруг плоской кровли блокгауза шел низкий парапет, служивший надежной защитой для стоявших на ней людей и устроенный для того, чтобы можно было стрелять поверх него из укрытия. Из-за этой невысокой, но весьма прочной ограды обоим наблюдателям был хорошо виден остров и почти все ведущие к нему протоки; они не могли разглядеть только то, что было скрыто кустарником. С юга все еще дул, сильный ветер, и река, кое-где зеленая и сердитая, бурлила, хотя шквал ослабел и вода больше не пенилась. Островок имел форму почти правильного овала, вытянутого с востока на запад. Поэтому, двигаясь по омывающим его протокам, любое судне благодаря различным течениям и направлениям ветра могло идти с надутыми парусами. Кэп это сразу понял и объяснил Следопыту, они оба надеялись теперь только на помощь из Осуиго. И вот они стояли, тревожно озираясь по сторонам, как вдруг Кэп громко и радостно воскликнул:

— Парус!

Следопыт быстро обернулся в ту сторону, куда смотрел старый моряк, и заметил предмет, вызвавший его восторг. С возвышения, где они стояли, ближайшие низкие острова были видны как на ладони, и сквозь кусты, окаймлявшие берег острова, расположенного к юго-западу от них, мелькал парус. Судно шло, как говорят моряки, с малой парусностью, но ветер гнал его с быстротой скачущей во весь опор лошади, и белый парус пробегал в просветах зелени, словно летящее по небу облако.

— Нет, это не может быть Джаспер, — разочарованно проговорил Следопыт, не узнав куттера своего друга в этом несущемся корабле. — Нет, нет, парень опаздывает, Это судно французы посылают на помощь своим друзьям, распроклятым мингам.

— Ну, уж на сей раз, дружище Следопыт, вы промахнулись как никогда, — возразил Кэп, несколько не утративший в этом критическом положении обычной самоуверенности. —

Пресная вода или соленая, но это верхний угол грота "Резвого", он скроен более узким клином, чем полагается, да и гафель у него вздернут. Хотя и надо признать, что стоит он совсем недурно, но гафель все-таки вздернут.

— Правду сказать, ничего я тут не разберу, — ответил Следопыт, для которого даже одни эти названия были китайской грамотой.

— Как же так! Удивительно, а я-то думал, что от ваших глаз ничто не укроется. Но мне этот грот и этот гафель хорошо знакомы. Должен признаться, мой друг, что на вашем месте я бы опасался, не слабеют ли у меня глаза.

— Раз Джаспер и вправду здесь, опасаться вообще нечего. Еще восемь или десять часов мм вполне продержимся в блокгаузе даже против всего отродья мингов, а если наш отход будет еще прикрывать Пресная Вода, то я не вижу причины отчаиваться. Только бы парень не попал на берегу в засаду, как сержант!

— В этом-то и вся загвоздка. Надо было условиться о сигналах, показать буями якорную стоянку. Не мешало бы даже устроить карантинный пост или лазарет, когда бы только мы могли заставить этих мингов уважать законы. Если, как вы говорите, этот молодец подойдет близко к острову, мы можем считать куттер погибшим. И вдобавок, мастер Следопыт, вело этот самый Джаспер, может быть, скорее тайный союзник французов, нежели наш друг. Мне известно, что сержант именно так на него и смотрит, и, признаться, все это дело смахивает на предательство.

— Вскоре мы все узнаем, вскоре мы все узнаем, мастер Кэп. Вот куттер уже показался из-за соседнего островка, и через пять минут все станет ясно. Но было бы неплохо предостеречь мальчика каким-нибудь знаком. Не годится, чтобы он попал в западню, а мы его никак не предупредили.

Однако ни Следопыт, ни Кэп, встревоженные и растерявшиеся, так и не попытались подать Джасперу какой-нибудь сигнал. Да и как могли бы они это сделать? "Резвый" так быстро летел по протоке с наветренной стороны острова, оставляя пенный след, что для этого не оставалось времени; да и на борту куттера не было никого, кто мог бы увидеть сигнал; никто не стоял даже у руля, хотя "Резвый", несмотря на быстрый ход, двигался точным курсом.

Кэп застыл в безмолвном восхищении перед этим необыкновенным зрелищем. Но, когда "Резвый" подошел ближе, опытный глаз моряка обнаружил, что штурвал приводится в движение невидимым рулевым при помощи штуртросов. Вскоре тайна объяснилась командой куттера залегла за его довольно высокими бортами, Следопыт выслушал объяснение своего товарища и огорченно покачал головой, — значит, на куттере находился только его маленький экипаж.

— Это доказывает, что Змей не добрался до Осуиго, — сказал он, — и нам нечего ждать подмоги из крепости. Надеюсь. Лунди не взбрело в голову заменить Джаспера кем-нибудь другим — ведь в таком трудном деле Джаспер Уэстерн один стоит целою отрядом. Мы втроем, мастер Кэп, должны будем храбро обороняться; вы, как моряк, наладите связь с куттером; Джаспер, для которого озеро что дом родной, будет действовать на воде, а мне с моими способностями, такими же, как у любого минга, мне уж вы поручите все остальное. Я говорю, мы будем мужественно сражаться за Мэйбл.

— Это наш долг, и мы его выполним! — горячо отвечал Кэп, с восходом солнца несколько успокоившийся за целостность своего скальпа — Одним обстоятельством я считаю появление "Резвого", а вторым — предположение, что Пресная Вода все-таки окажется честным. Джаспер, видно, парень осторожный, он держится на почтительном расстоянии от острова и, кажется, решил разведать, что здесь делается, прежде чем причалить.

— Смотрите, смотрите! — взволнованно закричал Следопыт. — Вот пирога Змея на палубе "Резвого". Вождь попал на борт куттера и, без сомнения, точно сообщил им о нашем положении. Делавар — это не то что минг, он либо расскажет все как оно есть, либо вообще промолчит.

Следопыт был склонен считать всех делаваров добродетельными, а всех мингов —

негодьями. Это уже должно быть известно читателю. Проводник высоко ставил правдивость первых, а о последних думал так же, как наиболее наблюдательные и разумные люди в нашей стране склонны думать о некоторых наших писателях, изолгавшихся до такой степени, что им уже никто не верит, даже когда они из кожи вон лезут, стараясь говорить правду.

— Но эта пирога, может быть, принадлежит куттеру, — заметил придиричивый моряк. — На борту: у этого чертова малого была пирога, когда он отплыл, — Верно, друг Кэп, но если вы узнаете свои паруса и мачты по гротам и гафелям, то я, прожив столько времени на границе, узнаю пироги и тропы. Вы замечаете новый парус, а я — свежую кору, из которой сделана пирога. Это пирога Великого Змея. Благородный человек! Едва увидев, что блокгауз осажден, он поспешил в гарнизон, по пути встретился с "Резвым" и, рассказав там обо всем, привел куттер сюда, нам на выручку. Дал бы бог, чтобы вел его Джаспер Уэстерн!

— Да, да, это было бы кстати. Изменник или честный человек, парень ловко справился с ураганом, это надо признать.

— И при переправе через водопад! — сказал Следопыт, слегка поддав своему собеседнику локтем в бок и заливаясь своим беззвучным, добродушным смехом. — Надо отдать мальчику справедливость, даже если он собственными руками снимет скальпы со всех нас.

"Резвый" подошел уже так близко, что Кэпу было не до споров. Пейзаж был в ту минуту настолько своеобразным, что его стоит описать подробнее: тогда читатель составит себе более точное представление о картине, которую мы хотим нарисовать. Буря все еще не утихла. Деревья потоньшегнулись, как бы стремясь коснуться вершинами земли, а вой ветра среди ветвей напоминал отдаленный грохот катящихся колесниц.

Листья, которые в это время года легко опадают, тучами носились в воздухе и, подобно стаям птиц, перелетали с острова на остров. Если бы не их шелест, вокруг стояла бы могильная тишина. Однако дикари еще не покинули острова: их пироги вместе со шлюпками Пятьдесят пятого полка стояли в маленькой бухточке, служившей гаванью. Никаких других признаков присутствия индейцев нельзя было обнаружить. Внезапное возвращение куттера, никак ими не предвиденное, застигло их врасплох, но привычка к осторожности на военной тропе, вошедшая в плоть и кровь, заставила каждого притаиться, как только был подан сигнал тревоги, с хитростью лисицы, убегающей в свою нору. Так же тихо было и в блокгаузе. Следопыт и Кэп, держа под наблюдением протоку, приняли все меры предосторожности, сами оставаясь в укрытии. Странное отсутствие всякой жизни на борту "Резвого" казалось чем-то сверхъестественным. Индейцев, следивших за его — по-видимому, никем не управляемым движением, охватывал благоговейный ужас, и даже наиболее храбрые из них начинали сомневаться в исходе своего набега, вначале столь успешного. Даже Разящей Стреле, привычному к общению с белыми, живущими по обе стороны озера, появление этого корабля без людей казалось зловещим, и он был бы рад опять очутиться в эту минуту в лесной чаще.

Куттер тем временем неуклонно и быстро двигался вперед. Он держался середины протоки, то кренясь под порывами ветра, то вновь выпрямляясь и вспенивая форштевнем воду. Так мудрец, который сгибается под бременем житейских невзгод, вновь высоко поднимает голову, едва они минуют. Паруса на куттере были зарифлены, но, несмотря на это, он бежал очень быстро — с тех пор, как он промелькнул вдали белым облаком среди деревьев и кустов, не прошло и десяти минут, а он уже поравнялся с блокгаузом. Когда куттер подошел к этому орлиному гнезду, Кэп и Следопыт высунулись из своего укрытия, чтобы получше разглядеть палубу. Вдруг, к их восхищению, Джаспер — Пресная Вода вскочил на ноги, приветствуя друзей троекратным радостным кличем. Позабыв об опасности, Кэп прыгнул на бревенчатый парапет с громким ответным восклицанием. К счастью, его спасла тактика врагов, которые все еще лежали в кустах и не сделали ни одного выстрела. Однако Следопыт думал только о деле, не обращая никакого внимания на драматическую сторону войны. Увидев своего друга, он тотчас же крикнул ему зычным

голосом:

— Поддержи нас, Джаспер, и победа будет за нами! Возьми на мушку вон те кусты, и ты вспугнешь дикарей, как куропаток, Но Джаспер почти ничего не расслышал, потому что слова Следопыта относил ветром.

Тем временем "Резвый" уже прошел мимо и через минуту скрылся из виду, миновав лесок, где прятался блокгауз.

Минуты две прошли в тревоге, но вскоре паруса вновь забелели между деревьями. Джаспер повернул фордевинд и другим галсом пошел под ветром у острова. Как мы уже пояснили, ветер был достаточно сильным для такого маневра, и куттер, дрейфуя по течению с ветром, мог без труда попасть на наветренную сторону острова. Все это было сделано с удивительной легкостью, никто не прикоснулся ни к одной снасти, паруса поворачивались сами, послушное судно управлялось только рулем. Задачей "Резвого", по-видимому, была разведка. Но, когда он обогнул весь остров и опять появился с наветренной стороны, в той самой протоке, по которой подошел в первый раз, руль его был положен налево, и он повернул на другой галс. Грот с отданными рифами, наполняясь, захлопал так сильно, словно стреляли из пушки, и Кэп испугался, как бы не лопнули парусные швы.

— Его величество отпускает превосходную парусину, это надо признать, — пробормотал старый моряк. — Надо еще признать, что мальчишка так ловко управляет своим судном, будто он прошел хорошую школу! Разрази меня гром, мастер Следопыт, если после всех рассказов я поверю, что этот чертов мастер Пресная Вода научился своему ремеслу на здешней пресноводной луже.

— А все же он научился здесь, да, именно здесь. Он никогда не видел океана и стал таким искусным капитаном у нас на Онтарио. Мне частенько приходило в голову, что у него природный талант ко всем этим шхунам и шлюпам, и я всегда уважал его за это. Что же до предательства, лжи и прочих гнусностей, дружище Кэп, то Джаспер Уэстерн так же чист, как самый доблестный воин-делававар, а если вы хотите увидеть поистине честного человека, ступайте к делававарам, и там вы его найдете.

— Вот он поворачивает! — воскликнул восхищенный Кэп, когда "Резвый" лег на прежний курс. — Теперь уж мы увидим, что задумал этот мальчишка. Не будет же он кружить по протокам, как деревенская девчонка в контрдансе!

"Резвый" держался теперь так далеко от них, что Следопыт и Кэп, наблюдавшие за ним с кровли блокгауза, испугались было, не собирается ли Джаспер идти напрямик к берегу; дикари следили за куттером из своих тайников с радостным вожделением, какое испытывает припавший к земле тигр при виде жертвы, беспечно приближающейся к его логову. Но у Джаспера были совсем иные намерения. Хорошо зная побережье и глубину вод, омывающих остров, он не сомневался, что без всякого риска сможет подвести куттер к самому берегу; он смело вошел в маленькую бухту, зацепил и взял на буксир две ошвартованные шлюпки, принадлежавшие солдатам, и вывел их на протоку. Поскольку все пироги были привязаны к двум шлюпкам Дунхема, молодой капитан благодаря своему смелому и успешному маневру лишил индейцев всякой возможности уйти с острова иначе как вплавь. Те сразу поняли, в какое трудное положение они попали, мгновенно вскочили на ноги, и воздух огласился воплями и беспорядочными выстрелами, не причинившими, впрочем, никакого вреда. Неосторожность ирокезов была тут же наказана. Раздался два выстрела: первый, сделанный Следопытом, убил одного из индейцев наповал, разможжив ему голову. Вторую пулю послал с борта "Резвого" делававар, но, не будучи столь метким стрелком, как его друг, он лишь искалечил на всю жизнь еще одного индейца. Команда "Резвого" ликовала, а дикари все, как один, мигом скрылись, будто провалились сквозь землю.

— Это Змей подал голос, — заметил Следопыт, услышав второй выстрел. — Я знаю звук его ружья не хуже, чем звук своего "оленебоя". Знатный ствол, хоть и не всегда бьет насмерть. Что ж, прекрасно! Чингачгук и Джаспер — на воде, вы и я, дружище Кэп, — в блокгаузе, — стыдно будет нам, если мы не покажем этим головорезам мингам, как мы умеем бить врага!

Тем временем "Резвый" все шел и шел вперед. Достигнув оконечности острова, Джаспер пустил захваченные пироги по течению, и они поплыли, гонимые ветром, пока их не прибило к берегу на расстоянии более мили от поста. Затем куттер повернул фордевинд и, идя против течения, вернулся к острову по другой протоке. Следопыт и Кэп заметили на палубе "Резвого" необычное движение. Какова же была их радость, когда они увидели, что на борту куттера, поравнявшегося теперь с бухтой, где залегло больше всего индейцев, выдвинули вперед единственную на борту судна гаубицу, и тотчас же в кусты со свистом посыпался град картечи! Ирокезы вскочили под этим неожиданным свинцовым ливнем быстрее, чем взлетает стая перепелок, и опять один краснокожий упал, сраженный пулей "оленебая", а второй заковылял прочь, подбитый Чингачгуком.

Индейцы вмиг попрятались. Обе стороны уже готовились к новой схватке, но неожиданное появление Июньской Росы с белым флагом в руке, сопровождаемой французским офицером и Мюром, остановило всех, явно предвещая мир.

Последовавшие затем переговоры происходили у самых стен блокауза, и все, кто не успел скрыться, так и стояли под прицелом меткого "оленебая". Джаспер бросил якорь против самого блокауза, нацелив гаубицу на ведущих переговоры таким образом, что осажденные и их друзья на куттере, за исключением матроса, державшего запальный фитиль, могли без опаски выйти из укрытия. Один лишь Чингачгук лежал спрятавшись, но не столько по необходимости, сколько по привычке.

— Вы победили. Следопыт, — закричал квартирмейстер, — и капитан Санглие самолично явился сюда, чтобы предложить вам мир. Вы не можете отказать храброму офицеру в праве на почетное отступление после того, как он честно сражался с вами за своего короля и свое отечество. Вы сами слишком верный подданный, чтобы сводить с капитаном счеты из-за того, что и он честен и верен. Я уполномочен предложить вам следующие условия: неприятель очистит остров, обменяет пленных и возвратит скальпы. За неимением обоза и артиллерии ничего с них больше не возьмешь!

Квартирмейстер произнес эту речь очень громким голосом, отчасти из-за ветра, отчасти из-за дальности расстояния, и каждое его слово было одинаково хорошо слышно и на крыше блокауза и на "Резвом".

— Что ты на это скажешь, Джаспер? — воскликнул Следопыт. — Ты слышал, каковы условия? Как, по-твоему, отпустить этих головорезов на все четыре стороны или же заклеить их, как они клеймят баранов в своих селениях, чтобы в другой раз мы могли узнать их?

— А что с Мэйбл Дунхем? — спросил молодой человек, и красивое лицо его помрачнело так, что это заметили даже стоявшие на кровле блокауза. — Если они тронули хоть один волосок на ее голове, пусть все ирокезское племя пеняет на себя!

— Нет, нет, она цела и невредима и ухаживает в блокаузе за своим умирающим отцом, как и подобает женщине. За рану сержанта мы не имеем права мстить, она получена им в открытом, честном бою. Что касается Мэйбл, то...

— Я здесь! — воскликнула девушка, которая поднялась на крышу, услышав о последних событиях. — И во имя святой веры, которую мы все исповедуем, умоляю: не проливайте больше крови! Довольно ее уже пролито. И, если эти люди хотят уйти отсюда. Следопыт, если они мирно покинут остров, Джаспер, не задерживайте их. Мой бедный отец доживает последние часы, и я хочу, чтобы он испустил последний вздох в мире со всем миром. Ступайте, ступайте, индейцы и французы! Мы вам больше не враги и никому из вас не желаем зла!..

— Ну, ну, потише, Магни! — перебил ее Кэп. — Твои слова очень благочестивы и звучат вроде как стихи, но в них мало здравого смысла. Ты только подумай: неприятель разбит, Джаспер рядом, на якоре, и пушка его полна пороху, рука Следопыта тверда и глаз его верен как никогда, — самое время нам потребовать выкуп с головы и завладеть изрядной добычей, не говоря уже о славе. Но для этого ты должна помолчать еще хоть полчаса!

— Нет, — возразил Следопыт, — я склоняюсь на сторону Мэйбл. Хватит

кровапролития! Мы добились своего и доблестно послужили королю. Что же до той славы, которую вы имеете в виду, мастер Кэп, то она к лицу молоденьким офицерам и новобранцам, но никак не хладнокровным, рассудительным воинам-христианам. И я считаю грехом бесцельно лишать жизни человека, будь он трижды минг, и добродетелью — всегда и во всем слушаться голоса разума. Итак, лейтенант Мюр, мы хотим услышать, что ваши друзья французы и индейцы нам скажут!

— Мои друзья! — так и вскинулся Мюр. — Неужели вы назовете моими друзьями врагов короля. Следопыт, только потому, что по случайности войны я попал к ним в руки? Многим величайшим воинам, от древнейших времен до наших дней, случалось попадать в плен. Вот мастер Кэп свидетель, что мы сделали все возможное, чтобы бежать от такого позора!

— Да, да, именно бежать, — сухо отозвался Кэп — Потому что мы бежали со всех ног и так здорово спрятались, что могли бы торчать в своей норе до сего часа, кабы у нас не заурчало в животе от голода. А по правде говоря, квартирмейстер, вы оказались проворней лисицы. И как вы быстро, черт возьми, нашли это местечко, я просто диву даюсь! Самый заядлый бездельник на судне, который отлынивает от работы, не смог бы с такой ловкостью притаиться в укромном уголке на баке, как вы забились в эту нору!

— Да, но ведь и вы последовали за мной! Бывают минуты, когда инстинкт одерживает верх над рассудком.

— А человек бежит вниз, в нору? — ответил Кэп, оглушительно расхохотавшись, и Следопыт вторил ему своим особенным беззвучным смехом. Даже Джаспер невольно улыбнулся, хотя все еще был полон тревоги за Мэйбл. — Недаром говорится, что сам черт не сделает человека моряком, если тот не может смотреть на небо; а теперь мне сдается, что нет того солдата, который постоянно не поглядывал бы на землю.

Этот неожиданный взрыв веселья, хоть и обидный для Мюра, значительно способствовал установлению мира. Кэп счел, что шутка его необычно остроумна, и, довольный тем, что присутствующие оценили ее, согласился уступить в главном. После недолгих споров всех индейцев на острове обезоружили и согнали в кучу на расстоянии сотни ярдов от блокгауза и под прицелом гаубицы с "Резвого". Следопыт спустился вниз и изложил условия, на которых неприятель должен окончательно очистить остров. При сложившемся положении условия эти были приемлемы для обеих сторон. Индейцы должны были выдать все свое оружие, даже томагавки и ножи, — необходимая мера предосторожности, ибо их силы все еще вчетверо превосходили силы противника. Французский офицер мосье Санглие, как его обычно величали и как он сам себя назвал, особенно возражал против последнего пункта, считая, что это наносит удар его достоинству командира, более чувствительный, нежели все прочее, но Следопыт, бывший не раз свидетелем резни, устроенной индейцами, и знавший, как мало стоят их обещания, данные в безвыходном положении, остался непреклонным. Следующий пункт соглашения был не менее важен. Капитан Санглие обязывался выдать всех пленников, которых крепко сторожили в той самой норе или пещере, где Кэп, и Мюр нашли убежище. Когда привели людей, оказалось, что четверо из них даже не ранены; они сами бросились на землю, желая спасти свою жизнь, — обычная уловка в сражениях с индейцами. Двое получили незначительные царапины и вполне могли вернуться в строй. Все солдаты пришли со своими мушкетами, и, увидев такое значительное подкрепление, Следопыт заметно повеселел. Снеся оружие неприятеля в блокгауз, он направил туда же освобожденных пленников и поставил у двери часового. Остальные солдаты погибли, потому что тяжелораненых индейцы немедленно прикончили, чтобы завладеть скальпами, которых они более всего добивались.

Как только Джасперу сообщили, что предварительные условия перемирия выполнены и он может спокойно отлучиться, он повел куттер к тому месту, где пристали лодки, опять взял их на буксир и привел в проток с наветренной стороны. Здесь всех индейцев без проволочек усадили в пироги, Джаспер в третий раз взял их на буксир и, отведя примерно на милю от острова, пустил по течению. Индейцам дали только по одном веслу на пирогу; молодой

капитан не сомневался, что, держась по ветру, они к утру доберутся до канадского берега.

Из всего неприятельского отряда на острове остались только капитан Санглие, Разящая Стрела и Июньская Роса. Французский офицер должен был составить некоторые бумаги и подписать их вместе с лейтенантом Мюром, единственным, кого он благодаря его офицерскому званию считал здесь правомочным. У тускароры были, по-видимому, причины не присоединяться к своим недавним друзьям — ирокезам. На острове были оставлены пироги, на которых, покончив со всеми делами, все трое должны были отплыть.

Тем временем, пока "Резвый" уводил на буксире пироги с краснокожими, Следопыт и Кэп, взяв несколько человек на подмогу, занялись приготовлением завтрака, так как большая часть отряда за последние сутки ничего не ела.

Пока "Резвый" отсутствовал, молчание у костра почти не нарушалось. Следопыт нашел время навестить сержанта, сказать несколько слов утешения Мэйбл и сделать кое-какие распоряжения, которые, по его мнению, могли облегчить последние минуты умирающего. Он настоял, чтобы Мэйбл слегка подкрепилась, и, поскольку миновала необходимость охранять блокауз, убрал часового, чтобы девушка могла побыть наедине с отцом. Отдав все эти распоряжения, наш герой вернулся к костру, где собрались все уцелевшие участники похода, к которым уже присоединился Джаспер.

Глава XXVI

*А горя ты уже и не застал,
Прошел великих бед девятый вал,
И лишь волна усталая волне
Нашептывает что-то в тишине.*
Драйден

Люди, закаленные в подобных сражениях, не склонны к чувствительности, пока они находятся на поле брани. Но на этот раз, против своего обыкновения, многие воины всем сердцем сочувствовали Мэйбл, находившейся в блокаузе, пока происходили только что описанные события: и даже самые огрубелые из солдат вкушали бы свой завтрак с большим аппетитом, не будь сержант столь близок к смерти.

Выйдя из блокауза, Следопыт встретился с Мюром, который отвел его в сторону для доверительной беседы. Квартирмейстер был приторно любезен, что почти безошибочно указывает на скрытое лукавство. Ибо, хотя физиогномика и френология науки весьма несовершенные и, возможно, в одинаковой мере приводят и к верным и к ложным выводам, мы убеждены, что улыбка, появляющаяся на лице без всякого повода, или не в меру медоточивые речи — вернейшее доказательство лицемерия. Мюру была свойственна такая приторная любезность, а шотландский говорок, шотландские словечки и акцент создавали впечатление искренности. Своим чином квартирмейстер был обязан Лунди и его семейству, перед которым он в течение многих лет постоянно заискивал, хотя майор был слишком проницателен, чтобы обманываться относительно человека, намного уступавшего ему по образованию и способностям, но так уж водится, что люди снисходительно принимают лесть, даже если они ясно видят ее подоплеку и прекрасно разбираются в ее истинных мотивах. На сей раз столкнулись два человека, до того несходные по характеру, что являли полную противоположность друг другу. Следопыт был настолько же простодушен, насколько квартирмейстер хитер, настолько же искренен, насколько второй лицемерен, и настолько же прям, насколько тот изворотлив. Оба они отличались хладнокровием и трезвым рассудком, и оба были храбры, но каждый на свой лад. Мюр пошел бы навстречу опасности только из расчета, тогда как проводник признавал страх естественным чувством, которое надо уметь подавлять, когда этого требует благая цель.

— Мой дражайший друг, — начал Мюр, — ибо после ваших последних подвигов вы стали нам вдвойне дороги и еще более упрочили свою славу! Правда, вас не произведут в офицеры, потому что такого рода отличие не отвечает, как мне кажется, ни вашему

характеру, ни вашим вкусам, но зато вы всем известны как проводник, как надежный советчик, верный подданный короля и непревзойденный стрелок. Сомневаюсь, чтобы сам главнокомандующий стяжал себе в Америке такую славу, какая выпала вам на долю. Теперь самое время вам осесть где-нибудь и остаток дней своих доживать спокойно. Женитесь, дружище, не откладывая в долгий ящик, пора вам позаботиться и о себе, ибо о славе вам уже заботиться нечего. Прижмите к груди Мэйбл Дунхем, бога ради, и у вас будет прекрасная невеста и не менее прекрасная репутация.

— Что я слышу, квартирмейстер! Такой совет из ваших уст! А мне-то говорили, что вы мой соперник?

— Что ж, я и был им, дружище, и поверьте, достаточно грозным! Ни разу я еще не оказывался в дураках, а ведь сватался к пяти! Лунди, правда, насчитывает четырех, а я это отрицаю. Он не подозревает, что истина превосходит даже его подсчеты. Да, да, Следопыт, у вас имелся соперник, но теперь с этим покончено. От всей души желаю вам успеха у Мэйбл, и, если сержант, паче чаяния, останется жив, я, разумеется, замолвлю ему за вас словечко для верности.

— Премного благодарен за дружбу, квартирмейстер, но, по совести говоря, я не нуждаюсь в вашем заступничестве, ведь сержант Дунхем мой давний друг. Я считаю это дело решенным, насколько можно загадывать вперед во время, войны. Мэйбл и ее отец согласны, а раз так, то даже весь Пятьдесят пятый полк не помешает мне соединиться с ней. Только вот горе — бедный отец вряд ли доживет до события, которого так жаждало его сердце.

— Зато, умирая, он будет утешен тем, что его заветное желание непременно сбудется. Ах, Следопыт, для уходящих в мир иной большая отрада — знать, что любимое, близкое существо не останется без опоры. Все миссис Мюр говорили об этом перед своей кончиной.

— И, конечно, все ваши жены находили в этом большое утешение?

— Как вам не стыдно, дружище! Вот уж никогда бы не поверил, что вы такой шутник! Ну-ну, острое словцо не должно портить отношения между старыми друзьями. Я не могу жениться на Мэйбл, но это не помешает мне уважать ее и при всяком удобном случае, в любом обществе расхваливать ее, да и вас тоже. Но вы должны понять. Следопыт, что несчастливец, потерявший такую невесту, нуждается в некотором возмещении — Вполне допускаю, вполне допускаю, квартирмейстер, — отвечал простодушный проводник — Я представляю себе, как мне было бы тяжело лишиться Мэйбл, и понимаю, что вам нелегко будет видеть нас женатыми. Но, если сержант умрет, нам, скорее всего, придется повременить со свадьбой, так что вы еще успеете привыкнуть к этой мысли.

— Я справлюсь с собой, непременно справлюсь, хотя сердце мое будет разбито. Но вы можете помочь мне рассеяться, друг, дав мне подходящее занятие. Вы, конечно, понимаете, что с этой нашей экспедицией не все ладно я, офицер, нахожусь здесь только в качестве волонтера, а нижний чин командует отрядом. По разным причинам мне пришлось подчиниться, хотя вся кровь во мне кипела, так я рвался командовать вами, когда вы бились за честь отчизны и права его величества — Квартирмейстер, — перебил его проводник, — вы так скоро угодили в руки врагов, что совесть не должна вас мучить. Послушайтесь моего совета: поменьше вспоминайте об этом — И я того мнения. Следопыт, что этот эпизод следует предать забвению, а сержант Дунхем уже *hors du combat*...⁴⁶ — Что, что? — не понял проводник.

— Да ведь сержанту не придется больше командовать, а оставлять какого-то капрала во главе победоносного отряда просто неудобно. Цветы распускаются в саду, но чахнут в пустыне. Я и подумал, что пора мне, как офицеру, имеющему чин лейтенанта, предъявить свои права. Что до солдат, то они не посмеют перечить, ну, а вы, дорогой друг, теперь, когда у вас есть и слава, и Мэйбл, и сознание выполненного долга, что всего дороже, — вы, я

⁴⁶ Вышел из игры (франц.)

уверен, будете сторонником, а не противником моего плана.

— Я полагаю, лейтенант, что командовать солдатами Пятьдесят пятого полка — ваше право, и никто, пожалуй, не будет против этого спорить, хотя и то сказать, вы были военнопленным, и найдутся ребята, которые не захотят подчиняться человеку, обязанному им своим освобождением. Но здесь, по-моему, никто не станет открыто возражать против вашего желания.

— Вот и прекрасно, Следопыт! И знайте: когда я буду составлять рапорт о нашей успешной вылазке и захвате французских лодок, о защите блокгауза и о прочих военных действиях, включая капитуляцию француза, я высоко оценю ваши заслуги и права.

— Да бросьте говорить о моих заслугах и правах! Лунди знает, каков я, что в лесу, что в крепости; а еще лучше знает об этом генерал. Не хлопчите обо мне; лучше расскажите о себе, да не забудьте воздать должное отцу Мэйбл, он как-никак все еще наш командир.

Мюр был очень доволен, что все уладилось по его желанию, и пообещал воздать каждому по заслугам, после чего они направились к группе, собравшейся у костра. И тут квартирмейстер, впервые с тех пор, как они уехали из Осуиго, воспользовался властью, принадлежащей ему как старшему по чину: отведя в сторону капрала, он пояснил этому служаке, что отныне командование переходит к нему, Мюру, как имеющему патент на офицерский чин, и приказал немедленно сообщить эту новость солдатам. Смена династии на сей раз произошла без обычного в таких случаях брожения умов: все признавали, что требования лейтенанта вполне законны, и никто не собирался оспаривать его приказания. По причинам, известным лишь квартирмейстеру и Лунди, вначале вышло другое распоряжение, но теперь обстоятельства изменились и лейтенант почел нужным занять принадлежащее ему по праву место. Солдаты вполне удовлетворились таким рассуждением, тем более что несчастье, случившееся с сержантом Дунхемом, уже само по себе послужило бы достаточным объяснением, если бы таковое понадобилось.

Тем временем капитан Санглие продолжал готовить себе завтрак, проявляя при этом философскую покорность судьбе, хладнокровие бывалого вояки, искусство и ловкость француза и прозорливость страуса. Этот субъект уже тридцать лет околачивался в колониях, покинув родину примерно в такой же должности, какую занимал Мюр в Пятьдесят пятом полку. Обладая могучим телосложением, жестоким и очерствелым сердцем, известной ловкостью в обхождении с индейцами и отчаянной храбростью, он скоро обратил на себя внимание главнокомандующего как незаменимый агент по руководству военными действиями дружественных иудейских племен. Так он дослужился до капитанского чина; но вместе с тем он постепенно усваивал обычаи и нравы своих союзников — индейцев, принаравливаясь к ним с легкостью, особенно характерной для его соотечественников, находящихся в этой части света. Он нередко возглавлял отряды ирокезов в их грабительских набегах, и действия его в таких случаях были весьма непоследовательны: с одной стороны, он как бы старался облегчить ужасные бедствия, причиняемые населению подобными войнами, с другой — сам же их усугублял благодаря своему более широкому кругозору и средствам цивилизации, коими он располагал. Другими словами, он составлял военные планы, которые по своему размаху и последствиям далеко превосходили все, что могли бы придумать индейцы, но одновременно пытался в какой-то мере исправить зло, причиненное им же самим. Короче говоря, это был искатель приключений, силой обстоятельств поставленный в положение, при котором грубость и беспринципность людей подобного сорта могут одинаково ярко проявляться и в добре и в зле. И, уж во всяком случае, он был не из тех, кто упустит счастливый случай из-за неуместной щепетильности или бросит вызов фортуне, заставляя ее без нужды хмуриться из-за его бессмысленной жестокости. Поскольку имя его неизменно связывалось со многими зверствами, которые учиняли его отряды, он прослыл в американских колониях Англии последним негодяем, чьи руки обагрены кровью и на чьей совести лежат бесчеловечные истязания беззащитных и невинных жертв; его кличка

"Санглие"⁴⁷, выбранная им самим, или Каменное Сердце, как именовала его вся граница, наводила не меньший ужас на женщин и детей тех мест, чем впоследствии имена Батлера и Брандта⁴⁸.

Встреча Следопыта и Санглие несколько напоминала пресловутое свидание Веллингтона и Блюхера⁴⁹, столь часто и столь красочно описанное в наших анналах. Встреча эта произошла у костра, и обе стороны, прежде чем заговорить, с живейшим интересом разглядывали друг друга. Каждый из них знал, что перед ним — непримиримый враг; и каждому было ясно, хотя он и считал себя обязанным относиться к другому с уважением, какого заслуживает испытанный воин, что как в их характере, так и в склонностях очень мало схожего. Один служил ради денег и чинов, другой, связавший свою жизнь с этим диким лесным краем, знал, что родная страна нуждается в его верной руке и опытности. Стремление подняться на более высокую ступень общественной лестницы никогда не смущало покой Следопыта; он не ведал честолюбивых замыслов, пока не встретился с Мэйбл. С этой минуты его неуверенность в себе, благоговейная любовь к девушке, желание доставить ей положение лучшее, чем он занимал до сих пор, причиняли ему немалые огорчения; однако искренность и прямота натуры помогли ему преодолеть сомнения и обрести желанный покой. Следопыт рассудил, что если девушка захочет отдать ему свою руку, то она не побояется разделить с ним его участь, сколь она ни скромна. Он уважал в Санглие храброго солдата и благодаря своему житейскому опыту был достаточно терпим, чтобы лишь наполовину верить дурным слухам, распространяемым о французе, ибо в любой области самыми нетерпимыми ханжами являются наиболее невежественные люди; но, конечно, Следопыт не мог не осуждать его себялюбие и холодную расчетливость, а самое главное — то, что он совершенно отступился от "призвания белого человека" и воспринял качества, свойственные только краснокожим. Со своей стороны, и Следопыт был для Санглие загадкой. Для капитана были непостижимы побуждения, руководившие проводником. Он много слышал о бескорыстии, справедливости и честности Следопыта, и эти его качества порой заставляли Санглие совершать важные промахи; недаром говорят, что откровенный и болтливый дипломат иногда более умело хранит свои тайны, чем немногословный и лукавый. После того как оба героя внимательно осмотрели друг друга, мосье Санглие дотронулся рукой до своей шляпы; грубые пограничные нравы еще не совсем вытравили из его памяти правила вежливости, усвоенные в молодости, не стерли с лица выражения любезности, врожденной черты всех французов — Мосье Следопыт, — начал он весьма решительным тоном, хотя и с дружеской улыбкой, — *un militaire*⁵⁰ чтит *le courage et la loyauté*⁵¹. Вы говорите по-ирокезски?

— Да, я понимаю язык этих гадов и в случае нужды могу объясниться на нем, — правдиво отвечал Следопыт, — но я не выношу ни этого племени, ни его языка. Что ни минг, то плут, вот каково мое мнение, мастер Каменное Сердце. Мне уже приходилось встречать вас, правда, только в сражениях, и надо сказать — вы всегда были там, где всего жарче. Да и

⁴⁷ Кабан (франц.)

⁴⁸ Батлер и Брандт — главари разбойничьих банд, наводивших ужас на поселения Северной Америки во время войны за независимость (1775 — (1783).

⁴⁹ Веллингтон и Блюхер. — Английский полководец Веллингтон (1769 — 1851), командовавший английскими войсками в битве с Наполеоном при Ватерлоо (1815), одержал победу благодаря поддержке прусского генерала Блюхера (1742–1819)

⁵⁰ Военный (франц.)

⁵¹ Мужество и верность (франц.)

наши пули вам, конечно, знакомы?

— Только не ваши, сэр. Une balle⁵², посланная вашей славной рукой, — это верная смерть. Вы убили на островах одного из лучших моих воинов — Все может быть, все может быть, хотя, осмелюсь сказать, все они отчаянные каналы. Не в обиду вам будет сказано, мастер Каменное Сердце, вы попали в прескверную компанию!

— Да, сэр, — ответил ему француз, стараясь быть вежливым; с грехом пополам понимая по-английски, он решил, что ему говорят любезности. — Вы очень хороший. Впрочем, un brave⁵³ всегда comme sa⁵⁴. Но позвольте! Что это значит? Чем провинился этот jeune homme?⁵⁵ Следопыт посмотрел в ту сторону, куда указывал рукой капитан Санглие, и увидел, что два солдата грубо схватили Джаспера и по приказанию Мюра скручивают ему руки — Это еще что такое? — воскликнул проводник, бросившись к ним и с силой оттолкнув обоих стражей. — У кого хватает духу так бессовестно обращаться с Пресной Водой, да еще у меня на глазах?

— Это мой приказ, Следопыт, — заметил квартирмейстер, — и я за него отвечаю. Неужели вы возьмете на себя смелость оспаривать законность приказа, отданного офицером его величества?

— Я стал бы оспаривать даже собственные слова короля, если бы он утверждал, что Джаспер заслуживает такого обхождения. Кто, если не он, спас наши скальпы? Кто избавил нас от поражения и принес нам победу? Нет, нет, лейтенант, если вы собираетесь с самого начала показывать свою власть таким образом, то я первый не буду ей подчиняться.

— Это уже пахнет неповиновением! — сказал Мюр. — Впрочем, от Следопыта можно многое стерпеть. Действительно, Джаспер делал вид, будто помогает нам, но нельзя из-за этого забывать его прошлые прегрешения. Разве сам майор Дункан не предостерегал против него сержанта Дунхема перед нашим отправлением из крепости? Разве то, что мы видели собственными глазами, недостаточно указывает на измену в наших рядах! И разве не естественно заподозрить в предательстве только Джаспера Уэстерна и никого другого? Эх, Следопыт, никогда из вас не выйдет ни великий государственный деятель, ни великий полководец, — вы слишком доверяетесь внешности людей! Накажи меня господь, если я не уверен, да и вы сами частенько твердили это, что лицемерие еще более распространенный порок, нежели даже зависть, — это бич человеческой природы!

Капитан Санглие передернул плечами. Он внимательно посматривал то на Джаспера, то на квартирмейстера.

— Я и слышать не хочу вашей болтовни о зависти и о лицемерии и вообще о человеческой природе! — рассердился Следопыт. — Джаспер — Пресная Вода мой друг; Джаспер — Пресная Вода храбрый парень, честнейший и преданнейший человек, и ни один солдат Пятьдесят пятого полка не посмеет коснуться его пальцем без личного приказа майора Лунди, пока я в силах помешать этому! Распоряжайтесь своими людьми, но не Джаспером и не мной, мистер Мюр!

— Вон!⁵⁶ — во всю глотку закричал Санглие.

— Итак, вы не намерены слушаться голоса рассудка, Следопыт! Неужели вы забыли наши подозрения и раздумья? Тогда вот вам еще одна убедительная и отягчающая вину

52 Пуля (франц.).

53 Храбрец (франц.).

54 Таков (франц.).

55 Мордой человек (франц.).

56 Хорошо! (франц.).

улика. Посмотрите на этот лоскуток флага — Мэйбл Дунхем обнаружила его здесь поблизости, на ветке дерева, примерно за час до нападения индейцев. Потрудитесь бросить взгляд на флаг, развевающийся на "Резвом", и вы легко убедитесь, что этот лоскуток отрезан именно оттуда. Нужны ли более убедительные доказательства?

— *Ma foi, c'est un peu fort, ceci!*⁵⁷ — пробормотал француз сквозь зубы.

— Что мне до ваших флагов и сигналов, мне они ни к чему! Я знаю сердце этого юноши, — продолжал Следопыт. — Джаспер сама честность, а это слишком редкий дар, чтобы не беречь его, это не совесть какого-нибудь минга. Нет, нет, руки прочь! Или мы посмотрим, кто окажется сильнее: вы с вашими солдатами Пятьдесят пятого полка или Великий Змей, "оленебой" и Джаспер с его командой. Вы переоцениваете свои силы, так же как недооцениваете честность Пресной Воды.

— *Tres bien!*⁵⁸ — Раз так. Следопыт, мне не остается ничего иного, как открыть вам всю правду. Капитан Санглие и Разящая Стрела, отважный тускарора, только что объявили мне, что этот несчастный юноша — предатель. После такого свидетельства вы не станете, надеюсь, отрицать мое право покарать изменника по заслугам.

— *Scelerat!*⁵⁹ — буркнул француз.

— Капитан Санглие храбрый солдат, он не станет клеветать на честного матроса, — вмешался Джаспер — Скажите, капитан Каменное Сердце, есть ли среди нас предатель?

— Да, да, — согласился Мюр, — пусть скажет, если вы так настаиваете, несчастный юноша, и тогда вся правда выйдет наружу. Уверен, что вам не избежать кары, когда суд займется вашими злодеяниями! Так как же, капитан Санглие, видите вы среди нас предателя или нет?

— О да, сэр, конечно, вижу!

— Слишком много лгать! — вскричал Разящая Стрела и бросился к Мюру, толкнув его при этом случайно в грудь. — Где моя воины? Где инглизи скальпы? Слишком много лгать!

Мюр был не лишен мужества и до известной степени чувства чести. Грубый жест индейца он воспринял как оскорбление; к тому же в нем вдруг заговорила совесть. Быстро отступив назад, он хотел схватить ружье. Лицо его смертельно побледнело от гнева и выражало жестокую решимость. Но тускарора оказался ловчей его. Дико сверкнув глазами, он быстро огляделся, выхватил из-за пояса спрятанный там кинжал и в мгновение ока всадил его в грудь лейтенанта по самую рукоятку. Когда тот стал валиться, Санглие взглянул на его лицо, на котором застыла удивленная улыбка, какая бывает у человека, внезапно настигнутого смертью, потом взял понюшку табаку и проговорил спокойным голосом:

— *Voila l'affaire finie, mais...* — Тут он пожал плечами. — *Ce n'est gu'un scelerat de moins!*⁶⁰ Расправа была слишком скорой, чтобы можно было ей помешать. Белые так опешили, что, когда тускарора, испустив дикий вопль, кинулся в кусты, никто не побежал за ним. Один лишь Чингачгук сохранил присутствие духа. Едва кусты сомкнулись за беглецом, как делавар нырнул в чащу и пустился в погоню за беглецом.

Джаспер Уэстерн свободно говорил по-французски, и его поразили слова и жесты Санглие.

— Скажите, мосье, — обратился он к французскому по-английски, — по-вашему, я изменник?

⁵⁷ Честное слово, это уж слишком! (франц.)

⁵⁸ Очень хорошо! (франц.)

⁵⁹ Подлец!

⁶⁰ Кончено дело... Что ж, одним подлецом на свете меньше!

— Не вы, а он, — холодно указал тот на Мюра. — Он наш шпион, наш агент, наш друг. *Ma foi, c'était un grand scelerat. Voici!*⁶¹ С этими словами Санглие склонился над мертвым телом и, засунув руку в один из его карманов, вытащил оттуда кошелек. Он вытряхнул содержимое его на землю, и несколько дублонов покатились к ногам солдат, которые кинулись их подбирать. Отбросив с презрением кошелек, искатель приключений вернулся к своему супу, приготовленному с большой заботой, и, поскольку он пришелся ему по вкусу, стал завтракать с таким невозмутимым видом, что самый стоический индейский воин мог бы ему позавидовать.

Глава XXVII

*Лишь добродетель будет вечно жить,
Одна лишь правда в мире не умрет.*
Каупер. "Третья загадка"

Внезапная смерть Мюра послужила сигналом для других не менее ошеломительных событий. Не успели солдаты подобрать труп квартирмейстера, отнести в сторонку и пристойно накрыть шинелью, как Чингачгук молча воротился на свое место у костра, и обоим — Следопыту и Санглие — бросился в глаза свежий окровавленный скальп у него за поясом. Никто не задал ему ни одного вопроса. И даже Санглие, хоть он и понимал, что Разящая Стрела убит, не проявил ни малейшего сожаления или интереса к участи своего клеветника и продолжал невозмутимо хлебать свой суп, словно ничего не произошло. В этом высокомерном равнодушии, в этом презрении к предначертаниям судеб чувствовалась поза, — быть может, подражание индейцам, — хотя в немалой степени сказывалась здесь и душевная зачерствелость выдавшего вида бреттера и матерого вояки. Следопыт внешне тоже оставался спокоен, но то была лишь видимость. Он не любил Мюра — лебезящая угодливость лейтенанта претила его открытой, честной натуре. Как ни привык он к превратностям жизни на границе, его потрясла эта скоропостижная, насильственная смерть, привел в ужас самый факт измены. Желая как следует во всем разобраться, он, едва лишь унесли тело лейтенанта, стал допытываться у французского капитана, что ему известно по этому делу. И Санглие, не видя больше необходимости выгораживать своего агента, поскольку тот умер и больше ему не понадобится, тут же, за завтраком, открыл Следопыту ряд неизвестных тому обстоятельств, небезынтересных для читателя, так как они проливают свет на некоторые второстепенные эпизоды нашего повествования.

Вскоре после того, как Пятьдесят пятый полк был переброшен на границу, Мюр предложил свои услуги неприятелю — он якобы располагает особо важными и достоверными сведениями благодаря приятельским отношениям с майором Лунди. Французы охотно откликнулись на это предложение, и мосье Санглие несколько раз встретился с Мюром в окрестностях Осуиго и даже как-то провел тайно ночь в самой крепости; обычно же связь между ними поддерживалась через Разящую Стрелу. Подметное письмо, полученное майором Лунди, было состряпано Мюром и отослано в Фронтенак, где его переписали и вернули в Осуиго с тем же тускаророй. Гонец как раз и возвращался с этого задания, когда его перехватил "Резвый". Вряд ли надобно пояснять, что Джаспера решено было сделать козлом отпущения, обвинив его в предательстве, чтобы тем самым отвести подозрение от Мюра, и что тот же Мюр выдал неприятелю расположение острова. За особую плату — те деньги, что были найдены у него в кармане, — он вызвался подать французам сигнал к нападению и для этого и пристроился к экспедиции под началом сержанта Дунхема. Будучи весьма падок до женского пола, Мюр не прочь был жениться на Мэйбл, как, впрочем, и на любой другой хорошенькой девушке, которая бы за него пошла, но его увлечение ею

⁶¹ Говоря по совести, он был большой подлец. Вот! (франц.)

было, в сущности, притворным. Это был удобный предлог присоединиться к отряду Дунхема, не разделяя ответственности за предстоящее поражение. Капитану Санглие тайные побуждения Мюра были хорошо известны, в том числе и его виды на Мэйбл, и он, саркастически посмеиваясь, изложил все это своим слушателям, разоблачая пункт за пунктом интриги злосчастного квартирмейстера.

— Touchez la!⁶² — сказал в заключение капитан, протягивая Следопыту жилистую руку. — Вы honnete⁶³, а это beaucoup⁶⁴. Ми прибежал к шпионы, как к горька medicine⁶⁵, для пользы дела! Mais je les deteste. Touchez la!⁶⁶ — Я пожму вашу руку, капитан, — ответил Следопыт, — вы законный и естественный враг, и к тому же враг не трусливый. Но труп квартирмейстера не будет поганить английскую землю. Я собирался было отвезти его Лунди, чтобы майор похоронил его под дуденье своих любимых волюнок. Но нет — он останется здесь, в местах, видевших его злодейства, и пусть надгробным камнем служит ему измена. Ну что ж, капитан Каменное Сердце, якшанье с предателем, очевидно, входит в обязанности солдата регулярных войск. Говоря по чести, мне была бы не по душе такая служба, и я рад, что все это происшествие на совести у вас, а не у меня. Но какой же это окаянный грешник! Злоумышлять против родины, друзей, да и против самого господя! Джаспер, мой мальчик, поди-ка сюда на минуту, мне надо сказать тебе несколько слов.

Отведя молодого матроса в сторону. Следопыт стиснул ему руку и со слезами на глазах обратился к нему со следующей речью:

— Ты знаешь меня, Пресная Вода, и я знаю тебя, а потому все эти новости ни в чем не изменили моего к тебе отношения. Я ни на секунду не поверил той клевете, хотя было время, когда все казалось подозрительным, да, не стану отрицать — крайне подозрительным, я просто был сам не свой. Но я ни минуты в тебе не сомневался, я слишком хорошо тебя знаю. Сказать по правде, я и квартирмейстера не считал способным на такую подлость.

— А ведь у него был офицерский патент — указ от самого короля!

— Неважно, Джаспер Уэстерн, от короля или не от короля. У него был указ от самого господя бога — нести службу честно и выполнять свой долг перед богом и людьми, а он поступил как последний подлец!

— Подумать только, что его ухаживание за Мэйбл было чистейшим притворством!

— Да, это был отъявленный негодяй. Не иначе, как его мать согрешила с мингом. Только ублюдок может нечестно поступить с женщиной. Господь затем и сотворил их слабыми и беспомощными, чтобы мы добротой и преданностью добивались их любви. Сержант на смертном одре завещал мне Мэйбл, и милая девочка сказала, что согласна стать моей. Теперь я знаю, что должен печалиться о двух существах, угождать двум натурам, утешать два сердца; но порой, Джаспер, мне кажется, что я недостоин этой славной девушки.

Джаспер впервые услышал эту новость, и она ошеломила его. Хоть бедный малый старался ничем себя не выдать, лицо его покрылось мертвенной бледностью. И все же он нашел в себе силы убежденно сказать:

— Королева и та не погнушалась бы тобой. Следопыт.

— Это ты так судишь, мой мальчик! Ну конечно, я без промаха попаду в оленя или минга, если придется; я наравне с кем угодно разыщу след в лесу и прочитаю, что говорят

⁶² Пожмите ее! (франц.)

⁶³ Честный (франц.).

⁶⁴ Много (франц.).

⁶⁵ Лекарство (франц.).

⁶⁶ Но я их ненавижу... Пожмите eel (франц.)

звезды, а в этом не всякий разберется. И, уж конечно, у Мэйбл будет в досталь дичи, и рыбы, и голубей. Но каков-то я ей покажусь, как дело у нас дойдет до знаний, и взглядов, и мнений, и приятных разговоров, — ведь будет время, когда жизнь для нас замедлит свой ход и каждый предстанет перед другим в своем настоящем виде!

— Если ты. Следопыт, предстанешь в своем настоящем виде, нет женщины, которая не будет счастлива с тобой.

— Знаю, знаю, таково мнение друга: когда человека любишь, в нем видишь одно хорошее. Другое дело молодая девушка. Она, конечно, мечтает о суженом своих лет и чтобы и всем прочим он был ей под стать. Никак не возьму в толк, Джаспер, почему Мэйбл не тебя выбрала — ты бы куда больше ей подошел.

— Почему не меня выбрала? — повторил за ним Джаспер, стараясь подавить дрожь в голосе. — А чем бы я мог заслужить ее расположение? У меня те же недостатки, что у тебя, а главное, нет твоих достоинств, за которые тебя уважают даже генералы.

— Что ни говори, а это чистейшая случайность. Мало ли я провожал по лесу женщин, видел их в гарнизонах, а ведь ни к одной не чувствовал того, что к Мэйбл Дунхем. Правда, бедняга сержант меня к ней заранее расположил, а когда мы немножко познакомились, мне уже и уговоров не нужно было, чтобы думать о ней и днем и ночью. У меня железная натура, Джаспер, прямо сказать, железная, и все вы меня знаете как человека крепкого, а все же, кажется, потеряй я Мэйбл Дунхем, мне бы этого не перенести.

— Давай кончим этот разговор, Следопыт, — сказал юноша, решительно поворачивая обратно к костру, но с видом человека, которому безразлично, куда идти. — Все эти разговоры ни к чему. Ты и Мэйбл достойны друг друга. Отец ее отдал тебе предпочтение, и никого это не касается. А вот квартирмейстер с его притворной любовью возмущает меня до глубины души. По-моему, это даже хуже, чем измена королю.

Друзья уже подошли к костру, и разговор их, естественно, оборвался. А тут, кстати, в отдалении показался Кэп и с потерянным и грустным видом зашагал к ним навстречу. Все это время он провел в блокгаузе у ложа умирающего и ничего не знал о событиях, происшедших после капитуляции французов. Значительная доля самоуверенной развязности, которая обычно придавала его обращению оттенок презрительной снисходительности ко всему окружающему, покинула его, он как-то сник и присмирел.

— Смерть — грустное зрелище, джентльмены, что там ни говори, — начал он, подойдя поближе. — К примеру сказать, сержант Дунхем уж на что образцовый солдат, а пришла ему пора отдать якорную цепь, он и цепляется за нее, будто и не собирается пропускать через клюз. Слишком он привязан к дочери, это она его держит. А я как вижу, что другу моему пришла пора отправляться в дальнее плавание, всегда желаю ему скорого и благополучного отплытия.

— Уж не хотите ли вы уморить сержанта раньше времени? — с упреком возразил ему Следопыт. — Жизнь дорога и людям преклонных лет. Чем меньше она иной раз стоит, тем больше ее ценят.

У Кэпа и в помине не было таких жестоких намерений насчет своего шурина, хоть он и чувствовал себя не на месте в роли сиделки, оправляющей больному постель, и от души желал старому другу скорейшего избавления от душевных и телесных мук. Обиженный столь превратным истолкованием своих слов и желая оправдаться, он заявил с раздражением:

— В вашем возрасте. Следопыт, и при вашем благоразумии негоже нападать на человека за то, что он в тяжелую минуту не сумел как следует выразить свои мысли. Сержант Дунхем — мой шурин и близкий друг, насколько солдат может быть близок моряку, и я почитаю его и ценю. Я не сомневаюсь, что он прожил достойную жизнь, и не вижу большого греха в том, чтобы пожелать хорошему человеку благополучно ошвартоваться у небесного причала. Все мы смертны, в том числе и лучшие из нас, и это нам урок, чтобы мы не возгордились нашей силой и красотой... Но где же квартирмейстер, Следопыт? Надо бы ему проститься с сержантом, пусть и ненадолго, — ведь всем нам

предстоит этот путь.

— На сей раз, мастер Кэп, вы дело говорите, вы ненароком попали в самую точку. Правильные мысли, как известно, часто приходят в голову людям, которые сами того не подозревают. Вам надо бы, однако, развить свою мысль, сказав, что не только лучшие, но и худшие из нас смертны. Квартирмейстеру не придется прощаться с сержантом, он его опередил на тропе смерти неожиданно-негаданно для себя и для других.

— Что-то вы сегодня неясно выражаетесь. Следопыт. Всем нам в такую минуту подобают серьезные мысли, но зачем говорить притчами?

— Может, слова мои и темны, зато мысль ясна. Короче говоря, мастер Кэп, если сержант Дунхем с оглядкой и не спеша готовится в свой долгий путь, как человек степенный и серьезный, то квартирмейстер опередил его головоломным прыжком. И, хотя это вопрос, в котором я не смею иметь свое суждение, однако позволительно думать, что пути у них разные и никогда больше они не пересекутся.

— Объяснитесь, дружище, — сказал моряк, оторопело озираясь в поисках Мюра, чье долгое отсутствие начало его удивлять. — Я нигде не вижу квартирмейстера но полагаю, что он в достаточной мере мужчина, чтобы не убежать теперь, когда одержана победа. Другое дело, кабы предстояла драка.

— Все, что от него осталось, — здесь, перед вами, под этой шинелью, — ответил проводник и вкратце поведал Кэпу, какая смерть постигла лейтенанта. — Тускарора поразил его с проворством гремучей змеи, но только без предупреждения. Я видел немало дерзких нападений и яростных вспышек у дикарей, но никогда не видел, чтобы душа так неожиданно покинула тело и притом в минуту, столь неблагоприятную для умирающего. Дыхание Мюра пресеклось вместе с ложью, которую произносили его уста, и дух отлетел в то мгновение, когда коварство его достигло предела.

Кэп слушал Следопыта с разинутым ртом и раза два откашлялся, словно проверяя собственное дыхание.

— Не нравится мне ваша беспокойная, неустроенная жизнь рядом с пресной водой и дикарями, — сказал он наконец. — И чем скорее я с ней разделаюсь, тем больше буду себя уважать. Теперь, когда все стало на свое место, я должен отметить, что этот ваш Мюр так проворно бросился в свое убежище в скалах, чуть в воздухе запахло порохом, что я просто диву дался, откуда у офицера такая прыть. Но я слишком торопился поспеть за ним и забыл это занести в судовой журнал. Ах, грех какой! Так вы говорите, он изменник и готов был продать свое отечество треклятым французам?

— Он мог что угодно продать: отчизну, душу, тело, Мэйбл и все наши скальпы тому, кто больше предложит. На сей раз услуги его оплачивали соотечественники капитана Каменное Сердце.

— Что ж, на них похоже. Они всегда покупают то, чего не могут взять силой, а в крайнем случае удирают во все лопатки.

Мосье Санглие с иронической галантностью приподнял шляпу, благодаря за комплимент с учтивым презрением, которое, однако, не произвело ни малейшего впечатления на тугодума-моряка. Но Следопыт с его врожденным тактом и чувством справедливости не мог оставить выпад Кэпа без ответа — На мой взгляд, — заметил он, — не так уж велика разница между англичанином и французом. Они, правда, говорят на разных языках и служат разным королям, но и те и другие — люди и думают и чувствуют как люди, конечно, когда для этого имеются основания. Если француз подчас празднует труса, то это бывает и с англичанином, а уж бежать без оглядки случается даже лошади, а тем более человеку, и от национальности это меньше всего зависит.

Капитан Каменное Сердце, как назвал его Следопыт, снова поклонился, на этот раз дружелюбно, без саркастической усмешки, словно понял, что намерения у Следопыта самые добрые, если он и выражается несколько грубовато, после чего отвернулся, всем своим видом показывая, что все, что теперь заблагорассудится сказать и сделать такому ничтожеству, как Кэп, его нимало не интересует и он не намерен для этого манкировать

своим завтраком.

Полюбовавшись на эту выразительную пантомиму, Кэп продолжал:

— Я, собственно, пришел за квартирмейстером. Сержанту недолго осталось жить, я и подумал, что он захочет сказать своему заместителю несколько слов. Но, выходит, я опоздал: как вы правильно заметили. Следопыт, лейтенант его опередив.

— Командовать отрядом, вернее, тем, что от него осталось, с успехом может и капрал, не стоит ради этого беспокоить сержанта. А все, что требуется сделать, сержант наверняка поручил бы мне. Нам остается похоронить наших мертвецов и сжечь все строения, они находятся на территории неприятеля — по диспозиции, если не по праву, — и, значит, нечего их ему дарить. Возвращаться сюда нам уже не придется, раз французишки нас выследили, — это значило бы с открытыми глазами лезть в волчий капкан. Все эти дела мы со Змеем возьмем на себя, нам так же привычно налаживать отступления, как и наступления.

— Отлично, дружище! — сказал Кэп. — Но как быть с моим шурином? Нельзя же отпустить человека без нескольких слов напутствия и утешения. Надо помочь его душе отдать швартовы и сняться с якоря. Смерть в конце концов дело, всех нас касающееся, раз никому ее не обойти рано или поздно.

— То, что вы говорите, совершенно верно, мой друг, я и сама стараюсь всегда быть наготове. Я часто думаю г, Соленая Вода, счастлив тот, кто ничего не оставляет после себя, когда ему выходит срок. Взять хоть меня. Я охотник, разведчик и проводник, у меня ни клочка земли за душой, и все же я владею такими богатствами, что со мной не сравнится и обладатель богатейшего поместья в Олбани. Под небесным шатром, ступая по ковру сухих листьев, мне так привольно бродить по земле, как будто я ее господин и владыка. А что еще человеку нужно? И не сказать, чтобы не было у меня земных привязанностей, — правда, не бог весть они какие, если не считать Мэйбл Дунхем, да ведь ее-то с собой не унесешь. В соседней крепости есть у меня щенки — милые зверюшки, — но для охоты они шумливы, и приходится нам временно жить поврозь. Признаюсь, трудно было бы мне расстаться с "оленебоем"; но я не вижу оснований, почему бы нам вместе не лечь в могилу, ведь мы, можно сказать, одного с ним роста — точка в точку шесть футов. А не считая собак и ружья, единственное мое достояние — трубка, подаренная Змеем, да кое-какие памятки от путешественников, все это можно уместить в подсумке и положить под голову, — а потому приказ о выступлении не застанет меня врасплох, смею вас уверить!

— Вот-вот, то же самое говорю и я, — сказал моряк; оба они шли к блокгаузу, но так увлеклись каждый своей проповедью, что забыли, куда и зачем идут. — Точно так же обстоит дело у меня. Сколько раз я думал с легким сердцем, когда нам грозило кораблекрушение, что владелец посуды не я, а кто-то другой! "Если старая калоша и пойдет ко дну, — говорил я себе, — это будет стоить мне жизни, но не состоянья, а это как-никак утешение". Я заметил, шатаюсь по свету от Горна до Нордкапа, не говоря уж об этой короткой, прогулке по пресным водам, что если у человека есть несколько талеров в ларце под замком, то под тем же замком он держит свое сердце. А потому все свои капиталы я ношу на себе зашитыми в пояс. Человек без сердца выеденного яйца не стоит, это все равно что рыба с продырявленным пузырем.

— А человек без совести, по-моему, и не человек вовсе, так, жалкий ублюдок, и это знает всякий, кто имел дело с мингами. Меня мало интересуют талеры и португальские золотые — это более ходкая монета в наших местах, — и я с вами согласен, что, если у кого ларец набит червонцами, значит, он там же схоронил свое сердце. Последний раз, как в стране у нас был мир, я столько за два лета наготовил пушнины, что и сам было возмечтал о собственности. Единственное, что меня тревожит, когда я думаю о женитьбе на Мэйбл, — это как бы мне не слишком привязаться к вещам из желания устроить ее получше.

— Вы рассуждаете как философ, мастер Следопыт, и, насколько я понимаю, как истинный христианин.

— Я бы руки не подал человеку, который стал бы в этом сомневаться. Для меня белый человек не может не быть христианином, как и краснокожий не может не верить в

блаженные поселения. И, в сущности, допуская известную разницу в верованиях и в учении о том, чем дух займется после смерти, я считаю, что каждый добрый делавар — добрый христианин, хотя бы его и не крестили, а каждый добрый христианин — добрый делавар, в рассуждении человеческой природы. Мы со Змеем частенько об этом толкуем, у него большой интерес к этим вещам.

— Черта с два у него интерес! — возмутился Кэп. — Кто это пустит его в церковь со всеми его скальпами за поясом?

— Не судите поспешно, друг Кэп, а глядите в корень! Все это лишь пустая оболочка, дань среде и воспитанию, а также естественным склонностям человека. Оглянитесь на род людской и постарайтесь понять, почему вы видите здесь красного, а там черного воина, а в других местах — белые армии? Все это, да и многое Другое, что я мог бы вам указать, создано для особой, неизвестной нам цели. Нам не пристало отрицать факты и закрывать глаза на истину. Нет, нет, у каждого цвета кожи свои склонности, свои законы и верования, но нельзя осуждать того, кто этого еще как следует не разумеет.

— Вы, верно, много читали, друг Следопыт, у вас на все такие твердые взгляды, — ответил Кэп, немало удивленный столь простым символом веры своего спутника. — Теперь и мне все ясно как на ладони, хоть сам бы я до этого вовек не додумался. К какому же исповеданию вы принадлежите, мой друг?

— Что вы сказали?

— Ну, какой держитесь секты? Или какой установленной церкви?

— А вот взгляните вокруг и сами посудите. Я и сейчас в церкви: ем в церкви, пью в церкви, сплю в церкви. Земля и есть церковь божия, и я, смею надеяться, повседневно и повсечасно служу моему творцу не переставая. Нет, нет, я не отрекаюсь от своей крови и цвета кожи, я как родился христианином, так христианином и умру. Моравские братья⁶⁷ немало меня искушали; побывал я в руках и у королевского пастора, хотя эта публика себя утруждать не любит; говорил со мной и католический миссионер из самого Рима, когда я провожал его по лесу, но у меня про всех был один ответ: я уже христианин и не хочу быть ни моравским братом, ни членом англиканской церкви, ни папистом. Нет, нет, я не отрекаюсь ни от крови своей, ни от происхождения.

— По-моему, ваше слово, мастер Следопыт, могло бы облегчить сержанту его путь через рифы и мели смерти. С ним никого сейчас нет, кроме бедняжки Мэйбл, а ведь она, не говоря уж, что дочь ему, всего-навсего девушка, да и по годам дитя.

— Мэйбл слаба телом, друг Кэп, однако в этих вопросах, пожалуй, сильнее нас, мужчин. Но сержант Дунхем — мой друг, к тому же он ваш шурин, и теперь, когда мы выиграли битву и отстаивали наши права, нам следует обоим быть при его кончине. Я проводил на своем веку не одного умирающего, — продолжал Следопыт; по своему обыкновению, он то и дело останавливался и, ухватив собеседника за пуговицу, пускался в пространные воспоминания из своего прошлого, — я проводил на своем веку не одного умирающего, видел его последнее содрогание, слышал его последний вздох; после горячки и сутолоки битвы полезно задуматься о судьбе тех, кому не повезло в сражении, понаблюдать, как по-разному ведет себя человеческая природа в столь важную минуту. Иные уходят из жизни в слепоте косного невежества, словно господь не дал им разума и сознания, тогда как другие, покидая нас, радуются, словно сбросили с плеч тяжелое бремя. Мне кажется, мой друг, что в эти минуты наш ум работает с особенной ясностью и что все наши прошлые дела теснятся перед нашим внутренним взором.

— Ручаюсь, что это так. Мне и самому приходилось бывать в подобных переделках, и, по-моему, человек от этого только лучше становится. Как-то я уже думал, что дни мои сочтены, и заново просмотрел судовой журнал моей жизни с таким старанием, какого от себя

⁶⁷ Моравские братья — христианская секта, основанная в Чехии в XV веке. В XVIII веке члены этой секты вели миссионерскую работу среди индейцев Северной Америки.

и не ожидал. И не то чтобы я считал себя великим грешником: если я и грешил, то осторожно, по малости. Хотя, конечно, покопайся, найдется и у меня на совести куча всякого мусора, как, впрочем, у любого из нас. Не был я ни пиратом, ни изменником, ни поджигателем, ничего такого за мной не водится. А что до контрабанды и прочих подобных несерьезных проступков, тут уж ничего не попишешь — я моряк, а всякое ремесло, как известно, имеет свои темные стороны, в том числе, должно быть, и ваше, Следопыт, как оно ни полезно и почетно.

— Что ж, среди проводников и разведчиков на границе сколько хочешь отпетых негодяев, а есть и такие, что, вроде нашего квартирмейстера, служат за деньги двум господам. Я себя к ним не причисляю, хотя соблазны у всякого бывают, чем бы он ни занимался. Трижды искушал меня враг человеческий, и как-то я даже чуть не поддался ему, хоть и не в такой мере, чтобы это могло меня тревожить на смертном одре. Первый раз напал я в лесу на связку шкурок, принадлежавших, как я знал, одному французику; он охотился по нашу сторону границы, где ему, разумеется, делать было нечего. Двадцать шесть бобровых шкурок — одна под стать другой, одна другой краше! Это был большой соблазн, я даже убеждал себя, что закон почти что на моей стороне, хотя время было мирное. Благо я вспомнил, что на охотников этот закон не распространяется и что бедняга, может, уже строит какие-то планы на зиму, рассчитывая продать эти шкурки. Так я их и не тронул. Многие меня за это, конечно, ругали, но в ту ночь я уснул сном праведника, а это первое доказательство, что поступил правильно. Другой раз я нашел ружье — единственное в этой части света, какое может идти в сравнении с моим "оленебоем". Я знал, что стоит мне им завладеть или даже просто припрятать, и я стану заведомо первым стрелком в наших краях. Я был тогда молод и неопытен по части стрельбы, а молодость честолюбива и предприимчива. Однако, благодарение богу, я победил в себе это чувство, а главное, дружище Кэп, в первом же стрелковом состязании победил честь честью хозяина того ружья — он стрелял из него, а я из "оленебоя", — и это в присутствии самого генерала!

Тут Следопыт остановился, чтобы всласть посмеяться; его глаза и загорелое, обветренное лицо так и сияли гордостью.

— Но особенно искушал меня нечистый в третий раз. Я случайно набрел на шестерку отдыхавших мингов. Сами эти аспиды спали, а их оружие и порох лежали сваленные в кучу немного в стороне, — я мог бы их прихватить, никого не беспокоя. Какая бы это была удача для Великого Змея: ему понадобилось бы меньше времени, чтобы снять с них скальпы, чем мне рассказать вам этот случай. О, Чингачгук храбрый воин, и он не менее честен, чем храбр, а уж такого добряка поискать надо!

— И как же поступили вы в этом случае, мастер Следопыт? — спросил Кэп с величайшим интересом. — Сколько я понимаю, вас ожидала либо очень удачная, либо очень неудачная высадка на берег.

— И удачная и неудачная, если хотите знать. Неудачная потому, что соблазн был уж слишком велик; но все кончилось к общему удовольствию. Я не тронул и волоса у них на голове — белому человеку душа не позволяет снимать скальпы, — и даже не взял у них ни одного ружья. Я просто не доверял себе, зная, до чего ненавистны мне эти минги.

— В рассуждении скальпов вы совершенно правы, мой достойный друг, но что до оружия и пороха, любой призовой суд⁶⁸ в христианском мире вынес бы решение не в их пользу.

— Что верно, то верно, но надо же было показать мингам, что белый человек не станет нападать ни на спящего, ни на безоружного врага. Мне слишком дорого мое достоинство, мой цвет кожи и моя религия, чтобы всем этим жертвовать. Я просто дал мингам выпасться и подождать, пока они снова не будут на военной тропе. А потом, действуя где из засады, а где

⁶⁸ Призовой суд — специальный суд, проверявший законность захвата каперами неприятельских торговых судов.

с флангов, угостил негодяев в должной плепорции. — Следопыт любил щегольнуть ученым словом, подхваченным где-нибудь в дороге, но порой перевирал его и употреблял не в точном значении. — Только один минг и вернулся потом к себе в свой вигвам, да и то сильно припадая на одну ногу. По счастью, великий делавар лишь немного задержался в пути, гонясь за дичью, и поспел как раз вовремя. А когда он поднялся с земли, пять скальпов висели у него там, где им висеть положено. Так что, как видите, поступая правильно, я ничего не потерял ни в рассуждении чести, ни трофеев.

Кэп одобрительно хмыкнул, хотя кое-какие положения в нравственном кодексе Следопыта были недоступны его пониманию. Так, перекидываясь с одного на другое и то и дело останавливаясь в увлечении беседой, приятели шествовали к блокаду. Но теперь они подошли так близко, что у обоих пропало настроение продолжать разговор, и каждый стал мысленно готовиться к предстоящему прощанию с сержантом.

Глава XXVIII

*Земля, ты вновь бесплодна и бела!
Твою беду оплакивает стих.
Еще недавно здесь весна цвела,
Росли нарциссы на полях твоих.
Теперь бураны над тобой шумят,
Зима пришла. Испорчен твой наряд.
Спенсер. "Пастушеский календарь"*

Солдат в горячке битвы бестрепетно встречает опасность и смерть, но, когда переход в мир иной совершается в минуты спокойных раздумий, он пробуждает в нас мысли о нетленном и непреходящем, сожаления о прошлом вместе с сомнениями и гаданиями о том, что нас ждет впереди. Сержант Дунхем был человек храбрый, но ему предстояло отправиться в страну, где мужество и решительность уже не могли пригодиться, и его чувства и мысли, постепенно освобождаясь от земного плена, принимали обычное в этих случаях направление: ибо, говоря, что смерть — великий уравниватель, мы прежде всего имеем в виду, что каждого она приводит к убеждению в суетности жизни.

Человек своеобразных взглядов и навыков. Следопыт был всегда склонен к размышлению и привык на все смотреть с вдумчивостью и даже некоторой отрешенностью философа. То, что он увидел в блокаду, не заключало в себе ничего для него нового. Другое Дело Кэп: грубоватый, упрямый, самонадеянный и вздорный старик даже к смерти не умел отнестись с подобающей серьезностью; невзирая на все происшедшее и на несомненную преданность шурина, он вошел в комнату умирающего, в значительной степени сохраняя обычное свое черствое равнодушие — плод долгой учебы в той школе, которая, преподавая нам немало возвышенных истин, бросает свои наставления на ветер, когда имеет дело с учениками, неспособными извлечь из ее уроков необходимую пользу.

Едва войдя в комнату, где лежал умирающий, Кэп со свойственной ему бестактностью принялся рассказывать о событиях, послуживших причиной гибели Мюра и Разящей Стрелы.

— Вот так-то они и снялись с якоря самым что ни на есть скоропалительным манером, — закончил он свой рассказ, — и для тебя, братец, должно быть немалым утешением, что они опередили тебя в этом долгом плаваньи — ведь ни у кого из нас не было оснований их любить. Я на твоём месте был бы радехонек. Матушка всегда говаривала, мастер Следопыт, что умирающим не след причинять лишние огорчения, напротив, их нужно подбадривать и утешать разумными и назидательными речами. Эти новости придадут бедняге куражу, если он так же относится к дикарям-краснокожим, как я.

Услышав это известие. Июньская, Роса встала и бесшумно выскользнула из блокаду. Дунхем внимал Кэпу, уставясь перед собой невидящими очами. Во многом уже освободившись от уз, привязывавших его к жизни, он начисто забыл Разящую Стрелу и

нисколько не интересовался Мюром, зато слабым голосом спросил, где Пресная Вода. За юношей тотчас же послали, и он предстал перед умирающим. Сержант ласково посмотрел на него, и этот взгляд ясно говорил, как он, Дунхем, жалеет, что неумышленно нанес ему обиду. Теперь у постели умирающего собрались Следопыт, Кэп, Мэйбл и Джаспер. Все они стояли над его соломенным тюфяком, и только дочь опустилась на колени и то и дело прижимала ко лбу холодную руку отца и смачивала водой его запекшиеся губы.

— Тебе недолго придется нас ждать, сержант, — сказал Следопыт; он столько раз глядел в глаза смерти, видел столько одержанных ею побед, что не ощущал благоговейного страха, хоть и понимал, сколь различен ее приход в пылу сражения и на тихом ложе, среди родных и близких. — Я твердо уповаю на нашу будущую встречу. Разящая Стрела ушел в дальний путь, но это не путь честного индейца. Ты больше его не увидишь, его тропа не может быть тропой праведных. Это было бы противно разуму, и точно так же, на мой взгляд, обстоит дело с лейтенантом Мюром. Ты же честно нес свою службу, а раз так, значит, ты можешь отправиться в самое долгое из путешествий с легким сердцем и твердою стопой.

— Надеюсь, дружище; я всегда старался служить с усердием.

— Верно, верно, — вмешался Кэп, — добрые намерения — это половина дела, хоть ты и поступил бы умнее, кабы, чем причаливать к берегу наобум, выслал сначала отряд разведчиков. Все бы, смотришь, и обернулось по-другому. Но никто здесь не сомневается, что намерения у тебя были самые лучшие, да и там, я думаю, это не вызовет сомнений, насколько я знаю наш мир и наслышан о другом.

— Да, так оно и есть: я хотел сделать как лучше!

— Батюшка, о милый батюшка!

— Магни убита горем, мастер Следопыт, ей трудно в таком состоянии провести отца через рифы и мели, и придется нам полностью взять это на себя.

— Ты что-то сказала, Мэйбл? — спросил сержант, переведя глаза на дочь; он был уже слишком слаб, чтобы к ней повернуться, — Да, батюшка! Не полагайтесь на собственные дела в надежде на милость и спасение; уповайте лучше на бога и его милосердного сына.

— Что-то в этом роде, братец, говорил мне как-то священник. Девочка, может, и права.

— Верно, верно, это святая истина. Господь будет нашим судьей, он ведет вахтенный журнал всех наших дел и поступков. В последний день он подберет итог и скажет, кто вел себя хорошо, а кто плохо. Мэйбл, по-моему, права, и, значит, нечего тебе бояться за баланс, ведь там-то уже не будет никакого жульничества.

— Положитесь на бога, отец, и на его милосердного сына. Молитесь, милый, милый отец, только его всемогущество вам поможет.

— Я отвык молиться, Мэйбл. Братец, Следопыт, Джаспер, напомните мне слова молитвы.

Но Кэп едва ли даже представлял себе как следует, что такое молитва, и ничего не мог ответить. Следопыт, тот молился много — ежедневно, если не ежечасно. Но он молился про себя, не прибегая к словам, на собственный бесхитростный лад. В этом затруднительном положении он был так же беспомощен, как и моряк. Что же до Джаспера — Пресной Воды, хоть он был бы рад гору сдвинуть для Мэйбл, этой помощи умирающему он оказать не мог. И юноша понурил голову с тем смущением, какое испытывают молодые и здоровые, когда они вынуждены признать свою слабость и зависимость от высших сил.

— Батюшка, — сказала Мэйбл, — вы знаете "Отче наш"; вы сами учили меня молиться, когда я была ребенком.

На лице сержанта мелькнула улыбка, он вспомнил, что и впрямь когда-то выполнил для дочки по крайней мере эту часть родительских обязанностей. Эта мысль принесла ему огромное облегчение.

Несколько минут он молчал, и окружающим казалось, что душа его обращена к богу.

— Мэйбл, детка моя, — сказал он наконец внезапно окрепшим голосом. — Мэйбл, я покидаю тебя, — так в последние минуты земного бытия дух, уже не замечает тела. — Я покидаю тебя, дитя мое; дай мне руку.

— Вот она, батюшка! Возьмите обе! Вот они обе!

— Следопыт! — сказал сержант, нащупав по другую сторону руку Джаспера, который стоял на коленях у его ложа. — Возьми ее руку, я оставляю ее на тебя — будь ей отцом или мужем, как вы хотите — ты и она. Благословляю вас...

В этот торжественный миг никто не посмел бы указать сержанту на его ошибку. Спустя две минуты он отошел, накрыв руки Джаспера и Мэйбл своей ладонью. Мэйбл ничего не замечала, пока восклицание Кэпа не возвестило ей о смерти отца. Подняв голову, она встретила устремленный на нее взгляд Джаспера и ощутила горячее пожатие его руки. Однако в ту минуту ею владело одно только чувство, и она отвернулась, чтобы предаться горю, едва ли сознавая, что произошло. Следопыт взял под руку Пресную Воду и вышел с ним из блокгауза.

Оба друга в глубоком молчании прошли мимо костра и дальше по прогалине чуть ли не до противоположного берега. Здесь они остановились, и Следопыт первым нарушил тишину.

— Все кончено, Джаспер, — сказал он, — сержантова песенка спета. Эх, горе, горе! Бедняга Дунхем завершил свой земной поход, погиб от руки подлого минга. Никто не знает своей судьбы! Завтра или послезавтра то же самое может случиться с тобой или со мной.

— А Мэйбл, что будет с Мэйбл, Следопыт?

— Ты слышал последние слова сержанта? Он поручил свое дитя моим заботам. Он возложил на меня серьезную обязанность, очень серьезную, Джаспер!

— Это обязанность, Следопыт, от которой многие бы с радостью тебя освободили, — возразил юноша с горькой усмешкой.

— Я и сам не раз думал, что мне она не по плечу. Ведь я не слишком высокого о себе мнения, Джаспер, право же, нет, но если Мэйбл Дунхем простит мне мое невежество и прочие мои недостатки, я не стану ее отговаривать, хоть кому и знать их, как не мне.

— Никто не осудит тебя, Следопыт, если ты женишься на Мэйбл Дунхем, все равно как если бы ты стал носить на груди драгоценный алмаз, подаренный щедрым другом.

— Ты хочешь сказать, что осудить могут Мэйбл? Были у меня и такие опасения, мой друг. Ведь не все склонны смотреть на меня твоими глазами или глазами сержантовой дочки. (Тут Джаспер — Пресная Вода вздрогнул, словно от внезапной боли, но больше ничем не выдал своих чувств). Люди завистливы и недоброжелательны, особенно в наших гарнизонах. Я часто думаю, Джаспер, как было бы хорошо, если бы ты приглянулся Мэйбл и она бы приглянулась тебе. Я не могу отделаться от мысли, что такой человек, как ты, скорее составил бы ее счастье...

— Не будем говорить об этом. Следопыт, — нетерпеливо прервал его Джаспер; голос его зазвучал глухо. — Мужем Мэйбл будешь ты, и не к чему представлять на твоём месте другого. Что до меня, то я собираюсь последовать совету мастера Кэпа — наймусь вместе с ним на корабль, а там посмотрим, сделает ли меня человеком соленая вода.

— Ты, Джаспер Уэстерн? Ты оставишь озера, леса и нашу армию? И это ради суетной жизни в городах и поселениях и какой-то незаметной разницы во вкусе воды! Разве нет у нас солонцов, если тебя тянет на соленое? И разве человеку не следует мириться с тем, чем довольствуются другие божьи создания? А я-то рассчитывал на тебя, Джаспер, рассчитывал, что теперь, когда мы с Мэйбл заживем своим домком, ты, может, тоже найдешь себе достойную спутницу и поселишься где-нибудь поблизости. Я приглядел чудесное местечко для жилья, милях в пятидесяти от крепости; тут же, лигах в десяти, есть удобная бухта — ты мог бы в любую свободную минуту приезжать к нам на куттере. Каждый из нас охотился бы на своих угодьях. Мне даже представлялось, что ты с женой и мы с Мэйбл со временем приобретем эти усадьбы в полную собственность. Мы сохранили бы нашу дружбу и в разлуке, и, если бы господу было угодно, чтобы его творения узнали счастье на земле, не было бы никого счастливее нашей четверки.

— Ты забываешь, мой Друг, — отвечал Джаспер, взяв Следопыта за руку и улыбаясь ему вымученной улыбкой, — что четвертой участницы нашего содружества, той подруги, которую я должен холить и лелеять, пока что и в помине нет. И а сильно сомневаюсь, что

полюблю кого-нибудь больше, чем тебя и Мэйбл.

— Спасибо тебе, мой мальчик, большое спасибо! Но к Мэйбл у тебя, конечно, просто дружеское чувство, не то, что у меня. Представь себе, ночами, вместо того чтобы крепко спать, как спит все живое, я только и грежу, что о ней. Вижу я, скажем, стайку резвящихся ланей и только навожу на них ружье, чтобы раздобыть себе дичинки на завтрак, как вдруг эти милые зверюшки оглядываются на меня, и у каждой лицо Мэйбл, и все они смеются мне в лицо, словно говорят: "Стреляй в нас, если посмеешь!" Слышу ее звонкий голосок, распеваящий с птицами в лесу. А этой ночью мне приснилось, будто я переправляюсь через Ниагарский водопад и крепко прижимаю ее к себе, так не хочется мне с ней расставаться. Самые ужасные минуты моей жизни были, когда мне приснилось — то ли бес меня попутал, то ли проклятый чародей минг, — будто Мэйбл навсегда для меня потеряна: не то сама меня покинула, не то ее увели силой...

— О, Следопыт, если утрата Мэйбл так печалит тебя во сне, каково же мне переживать это на Деле — знать, что все это правда, ужасная, горькая правда!

Эти слова вырвались у Джаспера неожиданно для него самого — так выливается жидкость из внезапно разбитого сосуда. Он произнес их невзначай, почти бессознательно, но с таким подлинным чувством, что нельзя было сомневаться в их глубокой искренности. Следопыт вздрогнул и с минуту растерянно смотрел на друга. И тут, несмотря на все простодушие нашего героя, его словно озарило. Кто не знает по собственному опыту, что, когда у нас собирается множество подкрепляющих друг друга доказательств, достаточно одного, еще неизвестного нам факта, чтобы мысль лихорадочно заработала и из смутных посылок родился ясный вывод. Следопыт был доверчив и прямодушен, а главное, убежден, что друзья в той же мере желают ему счастья, как он желает им, и до этой злосчастной минуты в душе его ни разу не пробудилось подозрение, что Джаспер любит Мэйбл. Однако теперь он и сам узнал, что такое пылкая страсть, а нечаянное признание друга было слишком непосредственным и бурным, чтобы можно было еще в чем-то сомневаться. Чувство глубокого унижения и невыносимого страдания охватило Следопыта при этом открытии. Ему пришло на ум, как молод, как хорош собой Джаспер, — все говорило за то, что Мэйбл не может не предпочесть такого поклонника. И сразу же в Следопыте, как всегда, заговорило душевное благородство, его врожденная скромность и склонность недооценивать себя — проснулось уважение к правам и чувствам других людей, уважение, которое было как бы неотъемлемой частью его великодушной натуры. Он взял Джаспера за руку, подвел его к лежащему на земле бревну, заставил своей железной рукой на него опуститься и сам сел рядом.

Не успел юный матрос дать волю своему горю, как тут же испугался и устыдился себя самого. Он пожертвовал бы всем на свете, чтобы вычеркнуть из жизни эту минуту слабости, однако природная искренность и дружеская откровенность, всегда связывавшие его со Следопытом, не позволили ему больше таиться, избегая объяснений, которых, он знал, теперь не миновать. Заранее содрогаясь перед тем, что последует, он все же и мысли не допускал о каких-либо увертках и недомолвках.

— Джаспер, — начал Следопыт таким торжественным тоном, что у юноши затрепетал каждый нерв, — ты меня удивил, признаться! Оказывается, ты питаешь к Мэйбл куда более нежные чувства, чем я думал. И, если только тщеславие и самомнение меня не обманывают, я жалею тебя, мой мальчик, жалею от всей души. Кому и знать, как не мне, до чего несчастен тот, кто полюбил такую девушку, как Мэйбл, — разве только он надеется, что она ответит ему взаимностью. Но в этом деле. Пресная Вода, нужна полная ясность, чтобы между нами, как говорят делавары, не оставалось ни малейшего облачка.

— Какой еще ясности тебе нужно. Следопыт? Я люблю Мэйбл Дунхем, а Мэйбл Дунхем меня не любит, вот и вся недолга: она предпочитает выйти за тебя; единственное, что мне остается, — это отправиться в дальнейшее плавание и постараться забыть и тебя и ее.

— Забыть меня, Джаспер? Это было бы наказанием, которого я никак не заслужил. С чего ты взял, что Мэйбл меня предпочитает? Откуда это тебе известно, мой друг? Мне это

кажется маловероятным!

— Но ведь она собирается за тебя замуж, а Мэйбл вряд ли согласилась бы выйти за человека, который ей не мил.

— Да ведь на этом браке настаивал сержант. Мэйбл чересчур послушная дочь, чтобы выйти из воли умирающего отца. Сам Ты когда-нибудь говорил с ней, объяснялся ей в любви?

— Нет, Следопыт, я счел бы это подлостью по отношению к тебе.

— Верю, мой мальчик, верю каждому твоему слову. И у тебя, конечно, хватило бы мужества уехать в дальние края и похоронить в себе это чувство. Но этого не должно быть. Нет, Мэйбл обо всем должна узнать, и она поступит, как подскажет ей сердце, пусть это даже разобьет мое, Джаспер. Так ты ни разу ей об этом не заикнулся, мой друг?

— Ни разу по-настоящему, открыто и прямо. И все же, Следопыт, уж признаюсь тебе в своей ребяческой глупости, мне просто трудно что-нибудь скрыть от такого великодушного друга. Я расскажу тебе все как есть, и давай поставим на этом крест. Ты ведь знаешь, как молодые люди иногда понимают друг друга с полуслова — или думают, что понимают, — хотя между ними ничего не было сказано прямо. Как они угадывают мысли друг друга — или думают, что угадывают, — по сотне ничтожных намеков и признаков.

— Нет, Джаспер, ничего этого я не знаю, — простодушно признался Следопыт; и в самом деле, его невинные авансы никогда не встречали у Мэйбл того драгоценного сладостного поощрения, которое молчаливо отмечает перерастание тайной склонности в разделенную страсть. — Нет, нет, Джаспер, я ничего этого не знаю. Мэйбл всегда обращалась со мной как должно и говорила все, что ей нужно, простым и понятным языком.

— А посчастливилось тебе услышать от нее, Следопыт, что она тебя любит?

— Нет, Джаспер, таких слов я от нее не слышал. Она говорила мне, что нам не следует жениться, что она и мысли такой не допускает. Что она не достойна быть моей женой, хотя уважает меня и ценит. Но сержант уверил меня, что все робкие юные девушки это твердят, то же самое говорила ее мать задолго до рождения Мэйбл; пусть она только при любых условиях согласится на брак, а там все уладится. Я и подумал, что все в порядке.

Хоть Джаспер и питал искреннюю дружбу к своему удачливому сопернику и от всей души желал ему счастья, мы поступили бы недобросовестно, утаив от читателя, что сердце юноши чуть не выскочило из груди от невыразимой радости, когда он услышал признание Следопыта. И не то чтобы его поманила какая-то надежда, — нет, с ревнивым своекорыстием влюбленного он радовался, что никто другой не удостоился того сладостного признания, по которому тосковал он сам.

— Расскажи мне, как разговаривают без слов, — попросил внезапно помрачневший Следопыт, с решимостью человека, который уже не надеется услышать ничего для себя отрадного. — Мне случалось объясняться так с Чингачгуком и его сыном Ункасом до того, как беднягу убили. Но я не представлял себе, что и молодым девицам знакомо это искусство, а особенно такой, как Мэйбл Дунхем.

— Тут и рассказывать нечего. Следопыт! Это взгляд, улыбка или легкий кивок, это незаметная дрожь в руке или в плече, когда девушка случайно к тебе прикоснется. А так как меня била дрожь от чуть слышного дыхания Мэйбл или легчайшего прикосновения ее платья, то я бог весть что себе вообразил, и эти пустые надежды ввели меня в заблуждение. Сам я ничего прямо не говорил Мэйбл, а теперь уже и поздно, раз у меня никаких надежд не осталось.

— Джаспер, — сказал Следопыт просто, но с достоинством, исключавшим всякие попытки возражения, — нам надо условиться насчет похорон сержанта и нашего отъезда отсюда. Как только мы все это уладим, у нас с тобой найдется время потолковать о сержантовой дочке. Тут надо подумать серьезно, ведь сержант доверил ее моим заботам.

Джаспер был только рад переменить разговор, и вскоре оба друга разошлись в разные стороны, чтобы выполнить те обязанности, которые на каждого из них возлагали его положение и призвание.

После полудня все умершие были преданы земле. Сержанта похоронили на самой середине прогалины, под сенью старого вяза. Мэйбл плакала навзрыд, находя в слезах какое-то неизъяснимое облегчение. Ночь прошла спокойно, как и весь следующий день, — Джаспер отложил отплытие корабля из-за сильного ветра, поднявшегося на озере. Такое же соображение задержало отъезд капитана Санглие — он только наутро третьего дня после смерти сержанта покинул остров, когда погода изменилась и снова подул благоприятный ветер. Перед отплытием он пожал Следопыту руку с видом человека, считающего, что ему посчастливилось встретиться с незаурядной личностью. Оба они расстались друзьями, исполненными взаимного уважения, хотя каждый продолжал оставаться для другого загадкой.

Глава XXIX

*Лукав был взор прелестных глаз,
Она потупилась, мила,
Но взоры встретились. Тотчас
Тень на лицо ее легла.*
Мур. "Лалла Рук"

Бурные события последних дней потребовали от нашей героини такого душевного напряжения, что она не могла предаться отчаянию. Мэйбл оплакивала гибель отца, она невольно содрогалась, вспоминая смерть Дженни и все те ужасы, свидетельницей которых ей пришлось стать; и все же ей удалось немного прийти в себя, освободиться от глубокой угнетенности, неизменного спутника тяжелых потрясений. Возможно, скорбь, поразившая Июньскую Росу и ввергшая ее почти на сутки в какое-то оцепенение, помогла Мэйбл справиться со своим горем. На нее легла обязанность утешать молодую индианку, и она по мере своих сил выполняла этот человеческий долг с тем ласковым, бережным, ненавязчивым участием, какое проявляют обычно женщины в подобных случаях.

Отплытие "Резвого" было назначено на утро третьего дня, и Джаспер завершил уже все необходимые приготовления. Вещи были погружены, и Мэйбл простилась с Июньской Росой — грустное, трогательное расставание! Словом, все было готово к отъезду, и на острове не оставалось никого, кроме индианки. Следопыта, Джаспера и нашей героини. Роса забралась в лесную чашу, чтобы выплакаться вволю, а трое наших друзей направились туда, где лежали на песке три пироги; одна из них принадлежала Росе, а две другие должны были доставить на судно наших путешественников. Следопыт шел впереди, но, приблизившись к берегу, он, вместо того чтобы подойти к лодкам, сделал остальным знак следовать за ним и повернул к поваленному дереву, лежавшему на самом краю прогалины, где их не могли видеть с куттера. Сев на ствол, он знаком предложил Мэйбл и Джасперу места справа и слева от себя.

— Садитесь, Мэйбл. Сядь и ты. Пресная Вода, — начал он, усевшись. — У меня на душе лежит одна забота, и сейчас самое время от нее освободиться, пока не поздно. Сядьте же, Мэйбл, и помогите мне снять этот камень с души — если не с совести, — пока еще хватает сил.

Две-три минуты прошли в тягостном молчании. Молодые люди с удивлением ждали — мысль, что у Следопыта что-то на совести, казалась обоим одинаково невероятной.

— Мэйбл, — продолжал Следопыт, — нам надо объясниться начистоту, прежде чем мы присоединимся к вашему дяде на куттере. Кстати, известно ли вам, друзья, что Соленая Вода после того побоища днюет и ночует на "Резвом" — это, говорит, единственное место, где человек может не опасаться за свой скаल्प. Эх, дети, дети, до шуток ли мне сейчас. Я стараюсь быть веселым, выбросить все из головы, но человек не может повелеть реке течь вспять. Вы знаете, Мэйбл, что, умирая, сержант завещал нам стать мужем и женой, жить вместе и любить друг друга, сперва на земле, доколе будет угодно господа богу, а потом и за гробом.

От утренней свежести щеки Мэйбл порозовели, напоминая ее прежний здоровый румянец, но при этом неожиданном обращении кровь отпила от ее лица, и на него снова легла печать восковой бледности, которую придала ему скорбь. И все же она ласково и серьезно взглянула на Следопыта и даже попыталась ему улыбнуться.

— Вы правы, дорогой друг, — ответила она, — таково было желание бедного батюшки, и я уверена, что целая жизнь, посвященная служению вам, вряд ли будет достаточной наградой за все, что вы для нас сделали.

— Боюсь, Мэйбл, что мужа и жену должно связывать более сильное чувство, чем простая благодарность. Вот чего я боюсь. Вы-то ведь ничего для меня не сделали, во всяком случае ничего особенного, а между тем сердце мое тянется к вам, понимаете, тянется; и, значит, похоже, что чувство это не имеет ничего общего со спасением скальпов и службой проводника.

Щеки Мэйбл снова вспыхнули. Она старалась улыбаться, но голос ее чуть дрогнул, когда она произнесла:

— Не лучше ли отложить этот разговор, Следопыт? Мы с вами не одни, а для стороннего слушателя не может быть ничего неприятнее, нежели семейные объяснения, ничем ему не интересные.

— Я потому и затеял этот разговор, Мэйбл, что мы не одни и что здесь с нами Джаспер. Сержант считал меня подходящим для вас спутником жизни, и, хоть у меня и были на этот счет сомнения, — да, серьезные сомнения, — все же он убедил меня, и вы знаете, к чему это привело. Но, когда вы, Мэйбл, обещали вашему батюшке выйти за меня замуж и так скромно, так мило протянули мне руку, вам не было известно одно обстоятельство, как выражается ваш дядюшка, и я считаю правильным рассказать вам о нем, прежде чем у нас с вами что-нибудь решится. Мне часто приходилось утолять голод жесткой олениной за неимением ничего лучшего, но стоит ли мириться с тем, что никуда не годится, когда можешь получить то, что тебе по вкусу?

— Вы говорите загадками. Следопыт, и я вас плохо понимаю. Если это объяснение действительно необходимо, я просила бы вас выразиться яснее.

— Видите ли, Мэйбл, мне пришло в голову, что, согласившись выполнить желание сержанта, вы не подозревали, какие чувства питает к вам Джаспер Уэстерн.

— Следопыт! — воскликнула Мэйбл.

Она все время менялась в лице и дрожала всем телом, словно в лихорадке. Но Следопыт был слишком поглощен своими рассуждениями, чтобы заметить ее волнение, тогда как Пресная Вода закрыл лицо руками, боясь встретиться с ней взглядом.

— Я говорил с Джаспером и, сравнивая его мечты с моими мечтами, его чувства с моими чувствами, его желания с моими желаниями, понял, что оба мы слишком вас любим, чтобы обоим нам суждено было счастье.

— Вы забываете, Следопыт! Вспомните, ведь мы обручены! — пролепетала Мэйбл так тихо, что только при большом напряжении можно было ее расслышать.

Неудивительно, что проводник не разобрал последнего слова и тут же признался в своем невежестве обычным: "Что вы сказали?" — Вы забываете, что мы жених и невеста, и ваши намеки неуместны, не говоря уж о том, что они всем нам крайне неприятны.

— Уместно то, что правильно, Мэйбл, а правильно то, что приводит к справедливым и честным поступкам. Что же до неприятности всего этого, то я чувствую это прежде всего на себе. Так вот, Мэйбл, знали бы вы, что Джаспер — Пресная Вода относится к вам примерно так же, как я, вы, может, и не согласились бы связать свою жизнь с таким некрасивым, старым хрычком, как я?

— К чему эта попытка, Следопыт, чего вы добиваетесь? Джаспер Уэстерн ничего подобного не думает. Он ничего не говорит и ничего не чувствует.

— Мэйбл!

Этот крик души вырвался у молодого человека против воли, выдавая накипевшие чувства. Правда, больше он их ничем не обнаружил.

Мэйбл закрыла лицо руками; оба сидели, словно провинившиеся школьники, смертельно боящиеся огорчить любимого наставника. В этот миг Джаспер, кажется, готов был отречься от своей любви к Мэйбл, лишь бы не причинить страданий другу, тогда как Мэйбл не могла собраться с мыслями, так внезапно услышав о том, на что она, быть может, втайне надеялась, но чему не смела верить. Она не знала — плакать или радоваться. И все же она заговорила первая, так как Джаспер не решался что-либо сказать, что прозвучало бы фальшиво или могло больно задеть его друга.

— Следопыт, — сказала она, — простите, но все это звучит так дико. Для чего вы это говорите?

— Да, Мэйбл, это звучит дико, так ведь на то я и наполовину дикарь, как вам известно: дикарь по натуре и по укоренившейся привычке. — Следопыт хотел рассмеяться, как обычно, но из его горла вырвалось какое-то нелепое клохтание, — казалось, смех его душит. — Да, это рассуждения дикаря, можно и так назвать.

— Милый, хороший Следопыт, мой лучший и, может быть, единственный друг! Неужто вы думаете, что я это хотела сказать? — прервала его Мэйбл, в страстном нетерпении как можно скорее загладить причиненную ею обиду. — Если мужество, правдивость, благородство поступков и чувств, высокие нравственные устои и другие превосходные качества делают человека достойным уважения, дружбы, любви, то ваши права превысят права любого человека на свете.

— Ну, Джаспер, слышал ты, как она поет? Разве у них не сладкие, очаровывающие голоса? — продолжал Следопыт, снова рассмеявшись, но на этот раз, — как всегда, весело и непринужденно. — Похоже, что природа создала их, чтобы они радовали наш слух, когда музыка в лесу умолкает. Но нам нужно до чего-то договориться, понимаете, нужно! Я снова спрашиваю вас, Мэйбл: знали бы вы, что Джаспер вас любит не меньше, чем я люблю, а может быть, и больше, хоть это вряд ли возможно; что в своих снах он видит ваше лицо отраженным в струях этого озера; что всю ночь напролет он говорит с вами или о вас; что все прекрасное для него похоже на Мэйбл Дунхем, как и все доброе и благородное; что он уверен, будто не знал счастья до встречи с вами; что он готов целовать землю, по которой вы ступали, и забывает все радости своего призвания, чтобы думать о вас, любоваться вашей красотой, слышать ваш голос, — согласились бы вы тогда выйти за меня замуж?

Мэйбл не могла ответить на этот вопрос, даже если бы хотела. Хотя ее лицо было закрыто руками, в просветы между пальцами виден был яркий румянец, такой горячий, что жар его, казалось, передавался и пальцам. И все же она не выдержала: на один короткий миг растерявшаяся девушка украдкой подняла глаза на Джаспера, чтобы убедиться, верно ли то, что говорит Следопыт, и тут же снова спрятала лицо, точно желая навсегда скрыть его от мира.

— Хорошенько подумайте, Мэйбл, — продолжал Следопыт, — это не шутка — взять в мужья человека, когда все твои мысли и мечты принадлежат другому. Мы с Джаспером обсудили это дело откровенно, как старые друзья. Хоть я и знал, что мы на многое в жизни смотрим почти одинаково, мне и в голову не приходило, что и тут наши взгляды полностью совпали, как это выяснилось, когда мы открылись друг другу насчет вас. Джаспер сказал мне, что вы очаровали его с первого же взгляда; что лучшей девушки он никогда не встречал; что ваш голос звучит в его ушах, как журчание воды; что, глядя на паруса, он представляет себе ваше платье, развевающееся на ветру; что ваш смех снится ему ночью; что он не раз вскакивал с постели — все ему казалось, что кто-то хочет похитить вас с "Резвого", где вы будто бы поселились. Мало того, парень не утаил от меня, что он часто плачет, думая о том, что вы будете принадлежать другому.

— Джаспер!

— Все это святая правда, Мэйбл, и надо, чтобы вы это знали. А теперь встаньте и выберите между нами. Я и в самом деле верю, что Пресная Вода любит вас не меньше, чем я люблю. Он, правда, уверяет, что любит больше, но я этого не допускаю, так как считаю невозможным. И все же я признаю, что мальчик предан вам всей душой, и, значит, он имеет

право, чтобы его выслушали. Сержант оставил меня вашим защитником, а не тираном. Я обещал ему быть вам отцом, а не только мужем, а ведь, думается, никакой любящий отец не откажет дочери в праве выбора. Встаньте же, Мэйбл, и выскажите вашу волю так же свободно, как если бы я был сам сержант. Ведь главное для меня — ваше счастье.

Отняв руки от лица, Мэйбл встала и повернулась к обоим своим рыцарям. Лихорадочный румянец на ее щеках говорил не столько о девичьей стыдливости, сколько о крайнем напряжении всех ее чувств.

— Чего вы от меня хотите, Следопыт? — спросила она. — Разве не обещала я бедному батюшке повиноваться вам во всем?

— Ну, так слушайте, чего я хочу. Вот я стою перед вами, простой лесовик, как есть неуч, а ведь тоже не без тщеславия и, скажем прямо, не по заслугам, но я постараюсь разобраться в этом деле по всей справедливости. Перво-наперво, в рассуждении того, кто вас больше любит, тут, по-моему, наши шансы равны: хоть Джаспер и уверяет, что его чувство сильнее, с этим я не могу согласиться, потому что считаю невозможным, а иначе я бы честно и откровенно признал его преимущество. Так что в этом смысле оба мы перед вами, Мэйбл, на равных правах. А теперь, если начать с меня, как со старшего, я сначала сошлусь на то, что говорит в мою пользу, а потом скажу и о недостатках. Как охотник, я во всех местах расположения наших войск не имею себе равного. Если бы в доме у нас оказалась вдруг нехватка в оленине или медвежатине, не говоря уж о птице или рыбе, это произошло бы скорее по причинам, зависящим от самой природы, проще сказать — по воле providения, чем по моей вине. Словом, мне кажется, женщина сомной не терпела бы голода. Но я невежда, дикарь. Правда, я объясняюсь на нескольких языках, какие бы они ни были, зато не шибко правильно говорю на родном языке. Кроме того, я много старше вас, Мэйбл, и то, что я долгие годы был товарищем вашего отца, должно быть, не бог весть какая заслуга в ваших глазах. Хотелось бы мне также быть немного покруче; но все мы таковы, какими создала нас природа, и самое последнее дело для человека — горевать о своей наружности, разве только в особых случаях. А ежели взять все вместе, Мэйбл, — возраст, наружность, образование и привычки, — совесть мне подсказывает, что я вам не пара, проще сказать — я вас не стою! И я бы, ни минуты не думая, отказался от всех надежд, кабы что-то не тянуло меня за сердце, с чем я просто не в силах совладать!

— Следопыт! Благородный, великодушный Следопыт! — воскликнула наша героиня и, схватив его руку, поцеловала ее с каким-то благоговейным чувством. — Вы не цените себя по заслугам! И вы забываете моего бедного батюшку и свое обещание. Мало же вы меня знаете!

— А теперь Джаспер, — продолжал Следопыт, не сдаваясь на уверения молодой девушки и не позволяя отвлечь себя от своей мысли. — Он другое дело. Что до того, чтобы кормить жену и любить ее, тут наши шансы равны, я знаю его как степенного, заботливого парня и работягу. К тому же он с образованием, знает по-французски, много читает и даже те самые книги, какие, я догадываюсь, нравятся и вам, — он вас всегда поймет, чего я, к сожалению, не могу сказать про себя.

— Ну и что же? — нетерпеливо воскликнула Мэйбл — Зачем сейчас об этом толковать? Да и вообще, к чему все эти разговоры?

— А кроме того, парень так речисто выражает свои мысли, что я нипочем с ним не сравнюсь. Коли есть кто на свете, о ком я способен говорить убедительно и красноречиво, так это вы, Мэйбл, а ведь стоит вспомнить наш последний с ним разговор, тут Джаспер не только заткнул меня за пояс, а, можно сказать, совсем пристыдил. Он рассказал мне, как вы просты душою, какое у вас доброе, отзывчивое сердце и как вы презираете мелкое тщеславие: вы легко могли бы выйти за офицера — это он так говорил, — но для вас главное — чувство, и вы предпочтете последовать голосу сердца, чем даже стать полковницей. Он говорил много такого, что согрело мне душу, и про то, что вы красивы и меньше всего думаете о своей красоте, и что ваши движения такие естественные и грациозные, что напоминают резвящуюся лань, хоть вы сами того не подозреваете, и какие у вас верные и

разумные взгляды, и какое доброе, великодушное сердце...

— Джаспер! — воскликнула Мэйбл, уступив наконец своему чувству, которое прорвалось с неодолимой силой, точно долго сдерживаемый речной поток, и упала в объятия молодого человека, плача, как ребенок и с беспомощностью ребенка. — Джаспер, Джаспер, почему вы это от меня таили?

Ответ Пресной Воды прозвучал невразумительно, как, впрочем, и весь их последующий бессвязный диалог. Но язык чувства нетруден для понимания. Час пролетел для влюбленных, как минута обычной жизни: и, когда Мэйбл, очнувшись, вспомнила о существовании остального мира, ее дядюшка в величайшем нетерпении мерил шагами палубу "Резвого", удивляясь, почему это Джаспер зевает, когда ветер такой благоприятный. Но первая мысль Мэйбл была о том, кого сделанное ею открытие своих истинных чувств касалось самым непосредственным образом.

— О Джаспер, — воскликнула она голосом приговоренной к смерти, — а как же Следопыт?

Пресная Вода вздрогнул — не от малодушного страха, а от мучительного сознания, что он причинил другу непоправимое горе; в растерянности огляделся он по сторонам, не понимая, куда тот скрылся. Следопыт вовремя исчез, выказав чуткость и деликатность, которые сделали бы честь даже искушенному в учтивости придворному. Несколько минут влюбленные молча ждали его возвращения, не зная, что делать в столь трудных и необычных обстоятельствах. Наконец они увидели своего друга. Он возвращался медленно, с задумчивым и даже удрученным видом.

— Теперь я знаю, Джаспер, что ты разумел, говоря, что можно понимать друг друга без единого слова, — сказал Следопыт, остановившись перед поваленным деревом, на котором сидела юная пара. — Да, теперь я понимаю. И увлекательный же это, должно быть, разговор, когда ведешь его с такой девушкой, как Мэйбл Дунхем. Эх, дети, дети! Говорил я сержанту, что я ей не пара, — такой невежественный старый дикарь, как я, — так нет же, он этого и слышать не хотел.

Джаспер и Мэйбл сидели, как осужденные, словно наши прародители в "Потерянном раю" Мильтона⁶⁹, когда содеянный грех впервые свинцовой тяжестью лег им на душу. Никто из них не решался пошевелиться, а не то что заговорить, оба они в эту минуту готовы были отречься от обретенного счастья, только бы вернуть Другу утраченный душевный покой. Джаспер был бледен как смерть, тогда как на щеках Мэйбл девичья скромность зажгла такой пожар, какого не бывало, даже когда она была жизнерадостна и беспечна. Счастье разделенной любви придало ее лицу какую-то особенную нежность и мягкость, и она была удивительно хороша. Следопыт уставился на нее с нескрываемым восхищением, а потом залился долгим ликующим смехом — так смеется наивный дикарь, выражая свой восторг. Но он сразу же осекся, вспомнив с болью, что эта прелестная юная девушка навсегда для него потеряна. По крайней мере с минуту бедняга не мог прийти в себя. Наконец, овладев собой, он сказал с достоинством и даже с какой-то торжественной важностью:

— Я всегда знал, Мэйбл Дунхем, что каждому дано свое, но я забыл, что мне не дано нравиться молодым, красивым и образованным девушкам. Надеюсь, эта ошибка не такой уж большой грех, а если и да, что ж — я достаточно за него наказан! Нет, Мэйбл, я знаю, что вы хотите сказать, — не говорите, не нужно я чувствую это, как будто слышал своими ушами. Этот час нелегко мне дался, Мэйбл. Да, нелегко, мой мальчик!

— Час! — эхом откликнулась Мэйбл, не веря своим ушам; предательский румянец разлился по ее щекам до самых висков. — Неужто целый час прошел, Следопыт?

— Какой там час! — одновременно с ней запротестовал Джаспер. — Нет, нет,

⁶⁹ Мильтон (1608–1674) — знаменитый английский поэт, автор поэм на библейские темы — "Потерянный рай" и "Возвращенный рай".

дружище, и десяти минут нет, как ты нас оставил.

— Что ж, возможно. Мне они показались вечностью. Теперь я вижу, что счастливые считают время минутами, тогда как для несчастных оно тянется месяцами. Но оставим этот разговор: все это было и прошло, лишние слова ничего не прибавят к вашему счастью, а мне они только расскажут, как много я потерял, хоть, может, и вполне заслуженно. Нет, нет, Мэйбл, не надо меня прерывать, то, что вы мне скажете, хотя бы и с самыми лучшими намерениями, ничего не изменит. Так вот, Джаспер, она теперь твоя, и, как это ни больно, я знаю, с тобой ей будет лучше, чем со мной, у тебя на это больше прав и оснований, хоть и я не пожалел бы сил, чтоб ей угодить, насколько я себя знаю. Эх, зря я тогда поверил сержанту! Мне надо было верить Мэйбл, послушаться того, что она говорила мне тогда у истоков озера. Умом-то я понимал, что она права, но ведь так приятно думать то, что нам нравится думать, и так легко переубедить того, кто сам этого хочет. Ну, да что там толковать! Мэйбл, правда, согласилась, но лишь потому, что не хотела огорчать отца, да и боялась попасть в руки к индейцам...

— Следопыт!

— Я понимаю вас, Мэйбл, инисколько не сержусь, поверьте! Минутами мне кажется, что хорошо бы поселиться где-нибудь с вами по соседству, видеть ваше счастье. Но, пожалуй, лучше мне оставить Пятьдесят пятый полк и вернуться в Шестидесятый — он мне все равно что родной. Зря я тогда с ним расстался, но и здесь во мне нуждались, а кроме того, со многими в Пятьдесят пятом я и раньше был знаком, хотя бы с тем же сержантом Дунхемом, когда он еще служил в другом полку. А все же, Джаспер, дружище, я не жалею, что узнал тебя...

— А меня. Следопыт? — горячо перебила его Мэйбл. — Неужто вы жалеете, что узнали меня? Я этого себе вовек не прощу!

— Вас, Мэйбл? — воскликнул проводник и преданно и любовно, в невинной простоте взяв руку девушки, заглянул ей в глаза. — Как могу я сожалеть, что солнечный луч осветил сумрак безрадостного дня, что свет ворвался во тьму, хотя бы и на короткую минуту? Я не льщу себя надеждой, что буду и впредь шагать по земле с таким же легким сердцем, как раньше, или что сон мой в ближайшее время будет по-прежнему сладок, но я всегда буду помнить, как мне когда-то улыбнулось незаслуженное счастье. А в том, что оно незаслуженно, не ваша вина, Мэйбл, я одного себя виню, что по глупому тщеславию вообразил, будто могу приглянуться такому созданию, тем более что вы все объяснили мне, как оно есть, когда мы говорили с вами на том мысу, и я должен был вам поверить. Это только естественно, чтобы молодые девушки лучше понимали, что им нужно, чем их родители. Эх, дети, дети! Вопрос решен, единственное, что мне остается, — это проститься с вами, чтобы вы могли скорее уехать; представляю, как сердится мастер Кэп, он еще, чего доброго, сойдет на берег посмотреть, что мы тут делаем.

— Проститься? — вскричала Мэйбл.

— Проститься? — эхом отозвался Джаспер. — Уж не думаешь ли ты с нами расстаться, дружище?

— Так будет лучше, Мэйбл, гораздо лучше, Джаспер, это самое разумное. Я мог бы жить и умереть с вами, когда бы послушался своего чувства. Но, если слушаться разума, нам нужно сейчас же расстаться. Вы отправитесь в Осуиго и постараетесь там обвенчаться; мастер Кэп уже подготовлен к этому и будет рад-радехонек вернуться в море, а я возвращусь в лесную глушь и к своему творцу. Что ж, Мэйбл, — продолжал Следопыт, вставая и с истовой церемонностью подходя к нашей героине, — поцелуйте меня! Джаспер не будет на меня в обиде за этот единственный поцелуй. А потом мы расстанемся.

— О Следопыт! — воскликнула Мэйбл, бросаясь в объятия проводника и покрывая его лицо тысячей поцелуев со свободой и жаром, каких она не проявила в объятиях Джаспера. — Да благословит вас бог, милый, милый Следопыт! Вы к нам еще приедете! Мы снова увидимся! А когда вы состаритесь, наш дом будет для вас родным домом — ведь вы переберетесь к нам и позволите мне быть вам дочерью?

— Вот-вот, — с трудом выговорил проводник, чувствуя в горле какой-то комок. — Вот так мне и следует на вас смотреть. Вы больше годитесь мне в дочери, чем в жены. Прощай, Джаспер! А теперь идемте к лодкам. Вам давно пора быть на борту.

И Следопыт с каким-то торжественным спокойствием повел их к берегу. Подойдя к лодке, он снова взял пальцы Мэйбл в свои и, отстранив ее на расстояние вытянутой руки, долго, с тоской смотрел ей в лицо, пока на глаза его не набежали непрошенные слезы и не потекли ручейками по загорелому лицу.

— Благословите меня, Следопыт, — сказала Мэйбл, смиренно склоняясь к его ногам. — Хотя бы благословите меня, прежде чем мы расстанемся.

И неискушенный сын природы, с душою простой, но благородной, исполнил ее просьбу; когда он помогал ей сесть в лодку, у него был вид человека, который решительным усилием рвет тугую, крепкую нить. Прежде чем удалиться, он взял Джаспера за руку, отвел его в сторону и обратился к нему со следующими словами:

— У тебя доброе сердце и благородная натура, Джаспер, но оба мы грубые дикари по сравнению с этой нежной тростинкой. Щади же ее и никогда не выказывай суровости мужчины к этому хрупкому созданию. Со временем ты научишься ее понимать, и господь, который равно правит лесом и озером и который с улыбкой смотрит на добродетель и отражает лицо свое от порока, подарит вам заслуженное счастье.

Следопыт подал знак другу отчалить от берега, а сам стоял, опершись на свой карабин, пока лодка не подошла борт о борт к "Резвому". Мэйбл рыдала, словно сердце у нее разрывалось на части, и глаза ее неотрывно смотрели на прогалину, где одиноко высилась фигура Следопыта, и так до тех пор, пока "Резвый", зайдя за мыс, не потерял его из виду. И до самой последней минуты не спускала она глаз с неподвижной мускулистой фигуры этого необыкновенного человека, которая возвышалась, как статуя, поставленная на этом уединенном месте в память разыгравшихся здесь бурных событий.

Глава XXX

*А было б ветерком одним
С тобою мне дышать дано,
То что б ни прилетело с ним –
Жизнь или смерть, — мне все равно.*
Мур. "Лалла Рук"

Уж на что Следопыт был привычен к одиночеству, но, когда "Резвый" окончательно исчез из виду, им овладело вдруг чувство полной заброшенности. Никогда еще не ощущал он так свою оторванность от мира: за последнее время его потянуло к радостям и заботам обычного человеческого существования, ему уже виделась семья, тихий домашний уют. И вот все исчезло, рухнуло, как бы в одно мгновение, и он остался один на свете, без милой спутницы и без надежд. Даже Чингачгук покинул его, пусть и на время; отсутствие преданного друга было особенно тяжело нашему герою в эту минуту, быть может, самую критическую в его жизни.

Следопыт стоял, опершись на свой карабин, в позе, описанной нами в предыдущей главе, еще долго после того, как "Резвый" скрылся за горизонтом. Казалось, он оцепенел; только человек, привыкший требовать от своих мускулов непомерной работы, мог выдержать эту трудную позу в ее мраморной неподвижности, да еще в течение такого долгого времени. Наконец он стряхнул с себя оцепенение вздохом, казалось, исходившим из глубины его существа.

По особому свойству этого самобытного человека, он вполне владел собой во всем, что касалось практической жизни, чем бы не были поглощены его мысли. Так и сейчас: хотя в душе его жила только мысль о Мэйбл, ее красоте, предпочтении, отданном ею Джасперу, ее слезах, ее отъезде, ноги послушно и неуклонно несли его к тому месту, где Июньская Роза

все еще скорбела над могилою мужа. Их беседа велась на языке тускароров, которым Следопыт владел свободно; но, поскольку наречие это известно лишь людям многоученым, мы переведем их слова на простой английский язык, сохранив, по возможности, слог каждого собеседника и его интонацию.

Волосы Июньской Росы свесились ей на лицо. Сидя на камне, вынута из могильной земли, она склонилась над свежей насыпью, скрывавшей тело Разящей Стрелы, глухая ко всему, что происходило вокруг. Ей казалось, что все, кроме нее, покинули остров, а шаги Следопыта, обутого в мокасины, были так бесшумны, что она не заметила его приближения.

Несколько минут стоял Следопыт перед скорбящей женщиной, не произнося ни слова. Горе безутешной вдовы, воспоминание о ее невозвратной потере, это зрелище полного одиночества заставили его взять себя в руки: рассудок говорил ему, что страдания молодой индианки, насильственно разлученной с мужем, неизмеримо горше, чем его собственная скорбь.

— Июньская Роса, — сказал он торжественно, с глубокой серьезностью, говорившей о силе его сочувствия, — ты не одинока в своем горе. Обернись же и взгляни на друга.

— У Росы больше нет друзей! — отвечала индианка. — Разящая Стрела ушел в блаженные селения, и некому заботиться о Росе. Тускароры прогонят ее от своих вигвамов, а ирокезы презренны в ее глазах, она глядеть на них не может. Нет! Пусть Роса лучше умрет с голоду на могиле мужа!

— Это не годится, никуда не годится! Это противно человеческому закону и разуму. Ты веришь в Маниту, Роса?

— Он отвернул лицо свое от Росы, он на нее сердится. Оставил ее умирать одну!

— Послушай того, кто хорошо знает природу краснокожих, хоть сам родился бледнолицым, с наклонностями бледнолицего. Когда Маниту бледнолицых хочет пробудить добро в сердце бледнолицего, он посылает ему горе, ибо только в скорбях наших видим мы себя зрячими глазами и только тогда прозреваем правду. Великий дух, желая тебе добра, отнял у тебя мужа, чтобы он не сбивал Росу с толку своим коварным языком и не сделал ее мингом по нраву, заставив водить с ними дружбу.

— Разящая Стрела был великий вождь! — ответила женщина с гордостью.

— У него были свои достоинства, это верно, но были и недостатки. Ты не одинока, Роса, и скоро ты это узнаешь. Дай волю своему горю, дай ему полную волю, как требует твоя натура, а когда придет время, у меня найдется что тебе сказать.

Произнеся это, Следопыт направился к своей пироге и отчалил от острова. В течение дня Роса слышала раза два выстрелы его карабина, а на заходе солнца он вновь появился и принес ей жареных птиц, от которых шел такой заманчивый, щекочущий небо запах, что он раздражил бы даже аппетит пресыщенного гурмана. Так продолжалось с месяц. Роса упорно отказывалась покинуть могилу мужа, но не отвергала даров своего покровителя. Временами они встречались и беседовали, и Следопыт слушал ее с участием, но эти свидания были короткими и довольно редкими. Роса спала в одной из хижин, и она без боязни склоняла голову на ложе, зная, что есть у нее друг и защитник, хотя Следопыт неизменно отправлялся ночевать на ближайший остров, где он построил себе хижину.

Осень, однако, уже давала себя знать, и к концу месяца положение Росы стало трудным. Листья облетели, ночи становились неуютными, холодными. Пришла пора уезжать.

Вернулся Чингачгук. Они долго беседовали со Следопытом Роса наблюдала за ними со стороны и видела, что ее добрый друг чем-то удручен. Подкравшись к нему, она старалась его утешить с нежностью и чуткостью женщины.

— Спасибо, Роса, — сказал он ей, — спасибо. Ты очень добра, но это ни к чему. Время уезжать. Завтра мы покидаем эти места. Ты отправишься вместе с нами, ведь ты уже способна внять голосу рассудка.

Роса покорила со свойственным индейской женщине смирением и вернулась на могилу Разящей Стрелы, чтобы провести последние часы с усопшим мужем.

Всю эту осеннюю ночь молодая вдова не прилегла ни на минуту. Она сидела над холмиком, скрывавшим останки ее мужа, и, по обычаю своего народа, молилась о его благополучии на нескончаемой тропе, куда он ступил так недавно, и об их воссоединении в стране праведных. В душе этой женщины, такой жалкой и униженной на взгляд того, кто много мнит о себе, но мало что смыслит, жил образ бога, и ее переполняли чувства и стремления, которые удивили бы всякого, кто не столько чувствует, сколько притворяется.

Утром все трое покинули остров: Следопыт, как всегда, истовый и серьезный, молчаливый и преданный Великий Змей и смиренная, кроткая Роса, погруженная в неизбывную печаль. Отправились на двух пирогах — та, что принадлежала Росе, осталась на острове. Чингачгук плыл впереди, а за ним следовал его друг в своей пироге. Два дня гребли они, держа направление на запад, ночуя на островах. По счастью, погода стояла теплая, и когда они вышли на широкое раздолье озера, то нашли его зеркально-гладким, точно тихий пруд. Стояло бабье лето, но в мгlistом воздухе, казалось, дремало благостное спокойствие июня.

Наутро третьего дня они вошли в устье Осуиго, где крепость и дремлющий флаг напрасно звали их остановиться. Не глядя ни вправо, ни влево, Чингачгук рассекал веслом сумрачные воды реки, и Следопыт с молчаливым усердием попевал за ним. На валу толпились люди, но Лунди, узнав старых друзей, не позволил страже их окликнуть.

Был уже полдень, когда Чингачгук вошел в небольшую бухту, где стоял на якоре "Резвый". На поляне, расчищенной еще в стародавние времена, был поставлен рубленый дом из свежих, неотесанных бревен. Пустынное, одинокое место, но во всем здесь проглядывал своеобразный достаток и уют — в той мере, в какой он возможен на границе. Джаспер ждал их на берегу. Он первый протянул Следопыту руку, когда тот ступил на землю. Их встреча была проста и сердечна. Не было задано ни одного вопроса, — по-видимому, Чингачгук все самое необходимое уже рассказал. Следопыт никогда не сжимал руку друга крепче, чем в это свидание. И даже добродушно рассмеялся, когда Джаспер заметил ему, какой у него свежий, здоровый вид.

— Где же она, Джаспер, где она? — спросил наконец Следопыт шепотом; он не сразу отважился задать этот вопрос.

— Она ждет в доме, дорогой друг. Роса, как видишь, нас опередила.

— Роса ступает легче, чем я, но нет у меня на сердце тяжести. Значит, в гарнизоне нашелся священник и все у вас устроилось?

— Мы обвенчались спустя неделю, как расстались с тобой, а на другой день уехал мастер Кэп, — ты забыл спросить про своего друга Соленую Воду?

— Нет, нет, ничего я не забыл. Змей все рассказал мне. И мне так хочется услышать о Мэйбл и ее счастье! Ну, как она, плакала или смеялась после венца?

— И то и другое, мой друг, но...

— Да, таковы они все — и плачут и смеются. У нас, лесовиков, душа радуется, на них глядя. Что бы Мэйбл ни делала, все кажется мне правильным. Как ты думаешь, Джаспер, думала она про меня в эти счастливые минуты?

— Еще как думала. Следопыт! Нет дня, когда бы она не думала и не говорила о тебе. Можно сказать, нет такого часа! Никто так не любит тебя, как мы с Мэйбл!

— Я знаю, что никто так не любит меня, как любишь ты, Джаспер. Чингачгук, пожалуй, единственный, о ком я могу еще это сказать. Что ж, не стоит больше откладывать; это нужно сделать, и чем скорее, тем лучше. Веди меня. Джаспер, я постараюсь еще раз взглянуть в ее милое лицо.

Джаспер повел Следопыта, и вскоре наш герой вновь увидел Мэйбл. Она встретила своего недавнего вздыхателя с горящими от волнения щеками, трепеща, как осиновый лист, с трудом держась на ногах. И все же нашла в себе силы говорить с ним по-дружески просто и искренне. В течение этого часа (Следопыт не задержался у них ни минутой больше, хоть и не отказался откушать в доме своих друзей) внимательный наблюдатель прочел бы на лице у Мэйбл весь правдивый перечень ее чувств как к Следопыту, так и к мужу. В ее отношении к

[Джасперу еще сквозила легкая сдержанность юной новобрачной; но, когда она говорила с ним, в голосе ее звучала затаенная нежность, глаза излучали сияние, яркий румянец, вспыхивавший на щеках, говорил о чувствах, в которые привычка и время еще не внесли гармонического успокоения. Со Следопытом она была серьезна, искренна и как-то внутренне напряжена, но голос ее ни разу не дрогнул, ни разу не опустился взгляд, и если лицо и оживлялось румянцем, то лишь от глубокого участия.

Но вот пришла пора Следопыту трогаться в путь. Чингачгук отошел от лодок и, стоя в тени деревьев, на тропинке, ведущей в лесную чащу, спокойно дожидался друга. Как только Следопыт его увидел, он торжественно встал и начал прощаться.

— Иной раз мне приходит в голову, что судьба была ко мне неласкова, — сказал он, — но участь этой женщины, Мэйбл, меня устыдила и многое помогла понять...

— Роса останется здесь и будет жить со мной, — порывисто перебила его Мэйбл.

— Так я и понял. Если кто может отвлечь ее от горя и пробудить в ней желание жить, то это, разумеется, вы, Мэйбл, хоть я сомневаюсь, удастся ли это даже вам. Бедняжка лишилась своего племени, а не только мужа — трудно примириться с такими потерями... Чудак я, чудак! Казалось бы, какое мне дело до несчастий одних и до супружеского счастья других, точно мало у меня своих огорчений!.. Нет, не надо лишних слов, Мэйбл, не надо лишних слов, Джаспер, позвольте мне уйти с миром, уйти, как подобает мужчине. Я видел ваше счастье, и это много дало мне, тем легче мне будет сносить мое горе. Нет, никогда я больше не поцелую вас, Мэйбл. Вот моя рука, Джаспер, пожми ее, мой мальчик, пожми хорошенько. Не бойся, она не уступит твоей в силе, это рука мужчины. Д теперь, Мэйбл, пожмите и вы мою руку... нет, нет, не надо (ибо Мэйбл бросилась целовать эту руку и омыла ее слезами), — не надо этого делать!

— Следопыт, — спросила Мэйбл, — мы с вами еще увидимся?

— Я уже думал об этом; да, я уже думал об этом. Если настанет время, Мэйбл, когда я смогу смотреть на вас как на сестру или как на ребенка — да, вернее, как на ребенка, ведь вы годитесь мне в дочери, — поверьте, я вернусь к вам. Увидеть ваше счастье будет для меня радостью. А если не смогу — прощайте, прощайте... Сержант был не прав, да, да, он был глубоко не прав.

То были последние слова, с какими Следопыт обратился к Джасперу Уэстерну и Мэйбл Дунхем. Он отвернулся — что-то, казалось, застряло у него в горле — и через минуту был уже подле своего спутника. Как только Чингачгук его увидел, он сразу же вскинул котомку на плечи и, не обменявшись с ним ни словом, скрылся за деревьями. Мэйбл, ее муж и Роса долго глядели вслед уходящему другу в надежде на прощальный жест или взгляд. Но он так и не оглянулся. Раза два им показалось, что он тряхнул головой, как человек, которого раздрают мучительные мысли, и даже слегка махнул рукой, будто зная, что друзья на него смотрят, но твердые шаги, которые никакое горе не могло расслабить, несли его все дальше, пока он не затерялся в лесной чаще.

Ни Джаспер, ни жена его не видели больше Следопыта. С год еще оставались они на берегах Онтарио, а потом, по настоятельной просьбе Кэпа, переехали к нему в Нью-Йорк, где Джаспер стал со временем преуспевающим и уважаемым коммерсантом. Трижды на протяжении многих лет Мэйбл получала подарки в виде дорогих мехов от неизвестного, не пожелавшего назвать свое имя, и только сердце подсказывало ей, кто их посылал. Прошли годы, и Мэйбл, бывшая уже матерью нескольких отроков, предприняла путешествие в глубь страны вместе с сыновьями, из которых старший мог вполне быть ее защитником. Как-то увидела она в отдалении человека в необычной одежде, смотревшего на нее так пристально, что она стала расспрашивать, кто он такой. Ей сказали, что он самый прославленный охотник этого края — дело происходило уже после Революции, — человек редкой душевной чистоты и большой оригинал: в этой части страны он был известен под именем "Кожаный Чулок". Больше миссис Уэстерн ничего не удалось узнать, но пристальный взгляд незнакомца и его странное поведение так ее растревожили, что она провела бессонную ночь, и на ее лицо, еще хранившее следы былой красоты, легла тень грусти, долго его не

покидавшая.

Что же до Июньской Росы, то, лишившись мужа и родного племени, она, как и предсказывал Следопыт, не снесла двойной утраты. Она умерла в доме у Мэйбл, на берегу Онтарио; Джаспер перевез ее тело на остров, где и предал погребению рядом с могилой Разящей Стрелы.

Лунди в конце концов соединился со своей старой любовью и ушел в отставку истрепанным, разбитым ветераном, утомленным бесчисленными сражениями; однако имя Лунди в наше время прославил младший брат, унаследовавший фамильное поместье и наследственный титул, вскоре померкший в сиянии более высокого титула, коим награждены были его подвиги на океане [Речь идет об английском адмирале Адаме Дункане (1731–1804), прославившемся победой над голландским флотом при Кампердауне (1797) и получившем за это титул графа Кампердауна, который он присоединил к своему родовому титулу барона Лунди.].